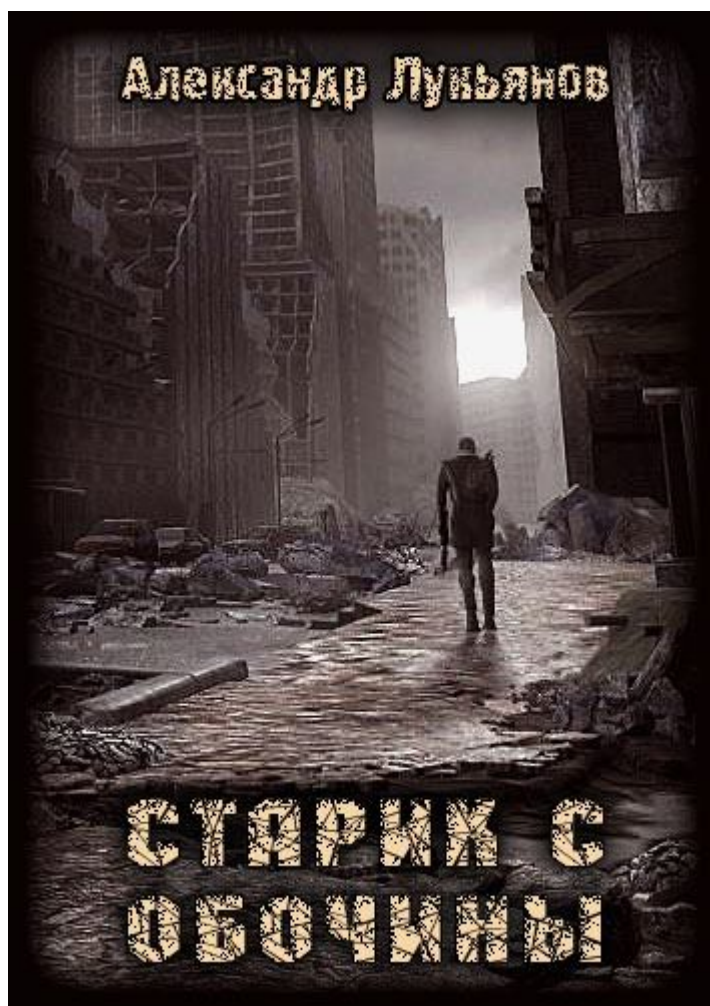

Александр Николаевич Лукьянов
Старик с обочины

Аннотация:

Постапокалипсис. Но не обычный. Это попытка взглянуть на Мир Зоны, Мир Сталкера "с другой стороны". Почему-то Стругацким было интереснее (а может и безопаснее) писать о реакции на инопланетный "пикник" в мире капитализма и чистогана. Если вокруг Зоны присутствовали советские учёные, то, как правило, в виде погибающих жертв. Автор попытался описать НАШУ реакцию на "пикник". Может потому, что пришло время? А может потому, что теперь и нас, окружает тот же мир жажды наживы и чистогана, от которого теперь не сбежать даже "на обочину".

Александр Лукьянов

Старик с обочины

Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть заключается в простом факте: все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля-Денеб. Денеб – это альфа созвездия Лебеда... (Из интервью, которое специальный корреспондент Мармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19... год.)

(Аркадий и Борис Стругацкие. Пикник на обочине)

Пояс пустоты шириной в пятьдесят километров. Ученые и солдаты, больше никого. Страшная язва на теле планеты заблокирована намертво.

(Аркадий и Борис Стругацкие. Пикник на обочине)

В России вот о сталкерах и не слыхивали. Там вокруг Зоны действительно пустота, сто километров, никого лишнего, ни туристов этих вонючих, ни Барбриджей Проще надо поступать господа, проще!

(Аркадий и Борис Стругацкие. Пикник на обочине)

-1-

Весна 2007 года выдалась в Западной Сибири холодной и дождливой. Её резко сменило очень жаркое и еще более дождливое лето. К вечеру начинало погромоухивать и собирались тучи. Ночами утробно урчал гром, в тучах сверкало, с неба лило непрерывно. С утра начинало испаряться. Изматывали нестерпимая банная духота и безветрие.

Выпускники под монотонный шум ливня зубрили то, чему их не учили в "реформированной" школе и готовились к вступительным экзаменам.

Отпускники пересчитывали изъеденные безудержной инфляцией расеянецкие "деморублики", тоскливо предвкушая невыездной "отдых" в грязном сыром и сером Хамске.

Огородники-дачники безнадежно махнули рукой на раскисшие грядки, где не росло ничего кроме могучих и неистребимых сорняков.

Водители даже перестали материться, застревая в непролазной грязи постсоветских проселков.

Дорожники старательно укладывали в кисельную грязь раскаленный асфальт, который тут же пучило и пузырило.

Глава Хамской областной администрации, демонстрируя на толстой физиономии переутомление от ответственности за судьбы народа, вещал с телеэкранов о досрочной постройке на месте снесённого парка ещё одной суперцеркви, что должно было неминуемо привести к полному духовному возрождению хамичей.

Жизнь шла.

Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Контрольно-пропускной пункт "Юг"
12 часов 40 минут 1 июля 2007 г.

Начальник караула старший сержант Бармотуллин сунул бидоны рядовому и отослал того за обедом. Ефрейтор с незаконченным высшим образованием тоже не был забыт и получил украшенный изысканным матом приказ вымыть пол на КПП. Сам же старсер вышел на порог, с которого, зевая и натужно попукивая, обозрел окрестности. Когда же взор сержанта обратился на мокрую бетонку, представитель младшего комсостава обалдел. По пустынному шоссе к контрольно-пропускному пункту размеренным шагом приближался гражданский. Он был в серой куртке с капюшоном, подпоясанной широким ремнём и джинсах, заправленных в кирзовые сапоги. За спиной пришельца имел место умело прилаженный рюкзак, на ремне висел нож в кожаных ножнах.

Бармотуллин машинально нажал кнопку вызова офицера рядом с дверью и изумленно возгласил:

– Стой! Кто идет?

Гражданский немедленно остановился, откинул капюшон и послушно ответил:

– Я иду.

Железная логика ответа вышибла из сержанта все формулировки из устава караульной службы кроме классической:

– Руки вверх!

Пришелец старательно продемонстрировал абсолютную чистоту намерений и относительную чистоту ладоней.

Бармотуллин не нашёл ничего умнее как спросить:

– Ты откуда?

– Оттуда. -незнакомец показал большим пальцем за спину.

Старший сержант, наконец, пришёл в состояние положенной званием начальственной свирепости. Он ткнул локтем в живот ефрейтора, который со шваброй в руках, раскрыв рот, глазел поверх его правого погона.

– Ну ты, -гаркнул Бармотуллин, -не умничай! Отвечай, как положено.

Незнакомец опустил руки, огляделся, нашел взглядом на высоком бордюре сухое местечко, сел и вежливо ответил:

– Я-то могу не умничать. А вот вы, товарищ старший сержант, не можете.

Ефрейтор сзади хихикнул.

– Чего-чего? -Бармотуллин побагровел, эффектно бросил руку на автомат и вздёрнул оружие в направлении пришельца.

– Эй-эй, дед, ты со стволом-то не играйся! -мгновенно меняя тон, предостерег тот, - Командиру сигнал, небось, уже подал? Вот и жди старшего по званию.

– Да я ж сам тебя... -начал было старсер, однако осёкся, -Товарищ майор, разрешите доложить, задержан нарушитель режима.

– Отставить. -произнёс из недр КПП приятный баритон, -Вижу, как задержан... Бдительные стражи, мышь не проскользнёт, Зона на запоре. Посторонись, страж с запором.

Высокий черноволосый офицер в камуфляже с синим просветом на погонах отстранил обиженно засопевшего Бармотуллина и вышел на бетонное крыльцо.

– Майор Махдиев. -представился он, с любопытством рассматривая пришельца. -С кем имею честь и чему обязан вашим визитом в запретный район?

– Глеб Вадимович Ивин. -поднялся с бордюра визитёр, -Вот мой паспорт. Мне нужно в Зону.

– Так-таки "нужно"? -усомнился майор, -А вам известно, что мы должны задерживать каждого появившегося вплоть до полного выяснения обстоятельств?

– За этим и пришел. -вздохнул Ивин. -Задерживайте.

Интерес в глазах майора нарастал. Не оборачиваясь, он поманил пальцем Бармотуллина: - Вызови внутренний караул, сержант, пусть поместят его в четырнадцатый бокс блока А. Вещи изъять и чтобы ни одна не пропала. Понятно? Повторить.

*Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения*

Контрольно-пропускной пункт №1

Блок А, кабинет уполномоченного ФСБ по южному сектору охраны Зоны

11 часов 00 минут 7 июля 2007 г.

– Здравствуйте. – сказал майор, – Проходите, присаживайтесь. Нет, сюда, к столу. Для начала – претензии по содержанию у вас имеются? Никто не обижал? Как с питанием? Сигарету не предлагаю, вы ведь не курите. Итак?

– Здравия желаю, гражданин начальник. – ответил Глеб Ивин, устраиваясь на жестом табурете, – Что вы, какие претензии, какие обиды? Отдельная камера с вентиляцией, ночами не жарко, до скончания века бы сидел, в смысле – лежал. А еда – вообще чудесная. Тем более что я четверо суток, пока лесами крался, обходился без горячего, а тут борщ с говядиной да перловая каша с жареной рыбой. Спасибо!

– Ну вот и замечательно. – заметил майор, – Теперь мы можем поговорить предметно. Сейчас включу магнитофон и представлюсь полностью, как того требует протокол: Ахмет Ильясович Махдиев. Я, как вы, конечно, сообразили, офицер Федеральной Службы Безопасности. Как понимаете, вы не случайно провели у нас шесть дней. За это время была подтверждена ваша личность, собраны кое-какие сведения.

Глеб истово закивал: – А как же! Само собой.

– Прежде всего, хочу выразить искреннее восхищение. – сказал майор Махдиев. – Запретный пояс вокруг Зоны – шириной в шестьдесят километров. Ведется наблюдение с двух спутников, самолётно-вертолётное и автомобильное патрулирование. Полным-полно пеших патрулей с собаками! Замечу, что абсолютно всех шестнадцатилетних сопляков патрули задерживают мгновенно на входе в пояс, почти всех тридцатилетних здоровяков собирают на полпути, и только считанные единицы добираются до бетонной стены, окружающей Зону, чтобы попасться уже здесь. Вы же, сорокавосемилетний человек, незамеченным преодолели санитарный пояс за четыре дня и сознательно сдались на контрольно-пропускном пункте. Зачем?

– А что вы делаете с задержанными? – спросил Глеб.

– Разбираемся.

– Вот я и хотел, чтобы разобрались, поняли, что мне необходимо пройти внутрь и пропустили.

– С чего бы это? Есть веская причина?

– Да. Недавно умерла моя кошка. – ответил Ивин.

– Приятно иметь дело с правдивым человеком. – с уважением сказал майор. – Что ж, позвольте мне самому огласить некоторые обстоятельства. Если ошибусь, прошу поправить.

Он раскрыл казенного вида скоросшиватель, лежавший на столе.

– Ивин Глеб Вадимович... пятьдесят девятого года... м.г.м... место рождения... родители... угу... учился... так... служба в Вооруженных Силах СССР, ракетные войска стратегического назначения, Дальний Восток... О, начнём вот с чего: тема дипломной работы в университете: "Хамская область в 1956-1980 годах. Опыт преодоления последствий чрезвычайной ситуации". Значит, Зоной начали интересоваться уже в юности, да?

– Почему бы нет? – пожал плечами Глеб.

– Действительно. – согласился Махдиев. – После армии работал учителем в школе, затем преподавателем Хамского университета. Кандидат наук. Область научных пристрастий осталась той же – история нашей Зоны. Естественно, что любой человек, проявлявший интерес к Хамской аномалии попадал под наблюдение КГБ. Вы, Глеб Вадимович, – не исключение. За вами наблюдали.

– Да. – кивнул Ивин. – Но должен заметить, что всё было чрезвычайно деликатно.

– А с чего бы нашему ведомству быть неделикатным? Вы вели себя лояльно. Получали допуски в архивы согласно установленному порядку, никогда не предпринимали попыток получить информацию незаконным образом.

Продолжим... В брак вступил в семьдесят шестом... дочь... развёлся... При разводе всё имущество осталось у жены, правильно?

– Это важно?

– Да. -сказал майор. -Поясняет мотивы поведения. Продолжим, однако. Снимал квартиру... В конце 1989 года был избран депутатом Хамского областного Совета. А вот это уже очень интересно: совершил несколько поездок в составе депутатских комиссий сюда, в Усть-Хамский район. Далее... Добивался предоставления дополнительных льгот ветеранам-"ликвидаторам".

– Что ж тут интересного? – удивился Ивин. -Пожилые люди, нуждавшиеся в поддержке... Тогда, в пятьдесят шестом, они практически голыми руками боролись с хаосом и ужасами Зоны. И что же? Стали инвалидами, сидящими на нищенской пенсии в неблагоустроенном жилье.

– Да-да, конечно, помощь страждущему ближнему – святое дело. -согласился майор. -Но я обратил внимание на другое. "Перестройка" подходила к концу, страна разваливалась ("Страну разваливали" – поправил Глеб), госбезопасности было уже не до вас. И никто не обратил внимания на то, что вы встречались лично со всеми одиннадцатью "ликвидаторами". Неоднократно. И подолгу беседовали с каждым.

– Старики были рады поговорить. -заметил Ивин. -Все их забросили, они, никому не нужные, пропадали в одиночестве.

– А тут приходит депутат облсовета с пивком и воблой, обещает похлопотать насчет пенсии, квартиры и просит вспомнить, как оно все там происходило в пятьдесят шестом. Оказывается благодарным слушателем, с неподдельным интересом задающим вопросы. Понятно, что ветераны забывали про подписку о неразглашении, данную ими тридцать пять лет назад... Много информации собрали тогда, а, Глеб Вадимыч?

– Больше, чем полагаете. -довольно ухмыльнулся Ивин, -Во-первых, немного поправлю: встреч было тринадцать. Во-вторых, "ликвидаторы" вспомнили знакомых, живших по соседству. В Новосибирской области, например. В-третьих, дали адреса дюжины бывших военнослужащих, направленных в пятьдесят шестом году на оцепление. А у тех в памяти всплыли такие факты – ого-го!

– Вам бы у нас работать. -пробурчал Махдиев. -Листаем дальше. Когда были рассекречены топографические карты Хамской области, вы скопировали листы с местностью, охваченной Зоной.

– Да толку от них... – пожал плечами Ивин. -В пятьдесят третьем отпечатаны, безнадежно устарели. Но выучил наизусть. Так, на всякий случай.

– А вот от материалов с грифом "секретно", к которым вы, пользуясь правами депутата, получили доступ, толк был. И большой.

– Это верно. -с лёгкостью согласился Ивин. -По ним я просчитал, как можно пересечь запретный пояс и не попасться.

– Надеюсь, соображениями по этому поводу ни с кем не поделились?

– Нет.

– Спасибо и на том. А то протоптали бы по вашим стопам тропу... ходоки... Переходим к 1993 году. Осень. Советы по всей стране распущены. ("Расстреляны и разогнаны" – уточнил Ивин). Вы, Глеб Вадимович, к тому времени заработали устойчивую репутацию «красного депутата», наступившие порядки демонстративно отвергли и с головой ушли в университетскую работу. Верно?

– Дел хватало.

– Да. -подтвердил майор. -И на факультете и, так сказать, для души. Научная и преподавательская деятельность пусть останется на вашей совести, хотя и тут можно кое-что отметить. Например, то, что вы, гуманитарий до мозга костей являлись постоянным подписчиком "Докладов международного Института Внеземных Культур" и "Журнала исследований аномальных явлений инопланетного происхождения". А вот хобби и увлечения, знакомства и связи – их давайте рассмотрим.

– Чем они-то вас не устраивают?

– Кое-кого из вашего окружения, например, поразило, что вы свели дружбу с безвестным бродягой, обитавшим на краю свалки.

– «Дружба» – громко сказано.

– Пожалуй. Я бы тоже назвал это деловым знакомством. Мне стоило очень большого труда выяснить, что данный бомж являлся единственным на тот момент живым человеком из нескольких, эвакуированных из окрестностей Зоны.

– Он был тогда мальчишкой и запомнил почти всё. -задумчиво произнёс Глеб. -Тяжёлые, надо сказать, у него оказались воспоминания. Жуткие. Я вообще удивился, почему ваше ведомство не «пасло» его.

– Недосмотр. -согласился майор. -Но важен вывод – ваш интерес к Зоне чем далее, тем более приобретает прикладной характер. Пожалуйста: за последние три года вы всерьёз озаботились своим здоровьем. Знакомые даже посмеивались, когда вы ежевечерне в любую погоду по два часа бегали в парке. Причём не по асфальтной дорожке, а через заброшенную стройку и сломанные аттракционы! Надо же, адреналинчику старому хрычу не хватает, носится, словно прыщавый подросток по буеракам и ржавым каруселям... Еще бы пошел с юнцами по вагонным крышам сигать!

– В этом не было утилитарной надобности. -серьёзно заметил Ивин.

– Не было. -подтвердил Махдиев. -Для Зоны вагонные упражнения бесполезны. Хотя в скобках замечу, что и беготня по развалинам – тоже. Для вашего возраста, знаете ли...

– Не скажите! -решительно возразил Глеб. -Тренировка есть тренировка. Самочувствие значительно улучшилось. Для нашего возраста, знаете ли... Если не ошибаюсь, мы приблизительно одних лет, товарищ майор?

– Я – на четыре года младше вас. Однако встаёт вопрос: отчего чем далее, тем более ваша страсть к Зоне из теоретической плоскости переходит в практическую?

– Ну? -мрачно спросил Глеб. Майор закрыл папку, встал из-за стола, подошел к окну, закурил, аккуратно выпустил дым в форточку.

– Одиноки вы, Глеб Вадимыч. -объявил он. -Мать, которая души в вас не чаяла, и которую вы любили, умерла рано.

С женой не повезло. Вот если бы ей мужнюю зарплату, да без самого мужа... Вообще удивительно, как вы вытерпели рядом с ней такой срок, уж извините за бестактность. Для дочери тоже, простите, оказались не нужным. Женщины, включая студенток, своим вниманием вас не обижали, на факультете вы слывете человеком симпатичным. Но мимолётные связи не в счет, серьёзных отношений не возникало: как только дамы узнавали, что вы живёте в преподавательском общежитии, сразу же изменяли курс на противоположный.

У студентов вы пользовались уважением и как учёный-специалист, и как преподаватель, и как личность, по каковой причине вызывали естественное сильное раздражение большинства коллег.

Был у вас школьный друг, да постепенно отдалился. Все его интересы обратились внутрь постоянно прирастающей семьи, на общение с вами не осталось ни минуты.

Пятнадцать лет назад вы подобрали на улице котёнка. Не удивлюсь, если у вас бывали зимние вечера, когда очень хотелось с кем-то поговорить, а единственным слушателем оказывалась только Мурка. И вот месяц назад её не стало...

Вы сняли свои сбережения с банковской карточки, распродали скромное имущество, уволились из университета, провели отпуск в санатории "Радужный", установили памятник на могиле матери и исчезли для всех в Хамске, чтобы появиться здесь и сейчас.

Решили завершить свои дни среди аномалий, да?

– Сволочная у вас профессия, товарищ майор. -с жалостью сказал Ивин.

Махдиев медленно размял окурки в пепельнице несколько раз прошелся вдоль стены, щёлкнул выключателем магнитофона.

– Верно. -неожиданно устало согласился он. -Согласен, не архангел в белоснежных подштанниках. Только примите во внимание некоторые обстоятельства, гражданин Ивин. Мой отец, тоже офицер, служил здесь у Зоны. Погиб, когда мне и семи лет не исполнилось. Кроме того, я не меньше вашего знаю, что такое новогодний праздник, когда сам себе даришь подарки. А кошек здесь нет, только служебные овчарки... Впрочем, ещё раз прошу простить, всё это лирика, вернёмся к теме беседы.

Он сел и опять включил магнитофон:

– Между тем мы подошли к самому главному. Широкая общественность убеждена, что армия и госбезопасность находимся для того, чтобы – раз – охранять мир от Зоны и – два – никого не пропускать в Зону. Так сказать изолирующая с обеих сторон прослойка. В общих чертах верно. Но уточню специально для вас. Не с обеих... Наше ведомство действительно прилагает все усилия для

того, чтобы никто не проник из Зоны наружу и – без ложной скромности – должен заметить, добилось этого. А вот внутрь кое-что и кое-кто попадает. Причем исключительно по нашей воле.

Так что ваше основное допущение абсолютно верно. Вы, если захотите и если мы позволим, можете очутиться в Зоне. Но никогда и ни при каких обстоятельствах оттуда не вернётесь. Причём вовсе не потому, что погибнете там, хотя вероятность гибели оцениваю как сто к одному. Даже если уцелеете и попытаетесь возвратиться, то будете без всякой пощады уничтожены при данной попытке.

Вам очень нужен билет в один конец?

Не надо торопиться. Выбор при принятии решения есть и хотелось бы, чтобы, чтобы вы подумали вот над чем.

Майор ловко выхватил из папки верхний листочек.

– В Пирогове открывается первая гимназия-интернат для одарённых ребятишек из сельской местности. Насколько мне известно, Глеб Вадимович Ивин и в бытность свою депутатом, и впоследствии горячо ратовал за создание подобного учреждения. По мнению многих сведущих людей Глеб Вадимович Ивин вполне способен быть не только учителем, но и директором этой гимназии. Глебу Вадимовичу Ивину при этом будет предоставлена однокомнатная квартира в Пирогове. У Глеба Вадимовича Ивина будут полностью развязаны руки в руководстве учебной деятельностью гимназии.

– Вы – Сатана? – с ужасом спросил Ивин. – Отворяете две двери пред отчаявшимися? Соблазните? Выбор предлагаете? Признайтесь, никому не скажу.

– Нет. – с сожалением покачал головой Махдиев. – Какое там! Всего-навсего представитель сволочной профессии. Но кое-что могу. Поэтому по моей просьбе начальство организовало такую... возможность.

Давайте условимся так. Ровно сутки не буду вас тревожить. Хорошенько поразмыслите и сделайте выбор. А завтра в это же время сообщите, что выбрали. Руководство гимназией – облегчённо вздыхая, "газик" отвезёт вас на железнодорожную станцию за пределами санитарного пояса, а к вечеру вы будете уже в Пирогове, где вас встретят. Уход в Зону – вздыхая с сожалением, начинаем подготовительные занятия и через десяток дней переправляем за забор. Договорились?

***Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Контрольно-пропускной пункт №1
Блок А, бокс №29
15 часов 25 минут 8 июля 2007 г.***

– И ответа не измените? – спросил майор Махдиев. – Может быть всё-таки перерешите? Дать ещё день на раздумье?

Ивин молча покачал головой.

– Честно говоря, я очень надеялся видеть вас директором Пироговской гимназии. Жаль... Что ж, воля ваша. Тогда поставьте подписи вот здесь и здесь.

– Что это?

– Первый шаг в Зону. Подписка о неразглашении информации, которую вам предоставят. Донельзя идиотская формальность, согласен. Всякая возможность разглашения просто исключена, из Зоны не возвращаются, но процедура существует. Расписались? Тогда вот вам первая секретная лекция, слушайте.

Постараюсь дать ответ, почему мы согласны осуществить ваше желание и по какой причине возмемся с вами, вместо того, чтобы просто распахнуть ворота и дать ускоряющего пинка: "Катись и дохни в Зоне, самоубийца!" Потому что вы уникальны, Глеб Вадимович. Впрочем...

Майор набрал номер на мобильном телефоне:

– Добрый день, профессор. Не разбудил? Ну, ваша компания вчера заработалась далеко за полночь... Конечно, как всегда в курсе... Мгм... Можете сейчас заглянуть в двадцать девятый? Уже на подходе? Отлично...

Махдиев спрятал телефон, включил компьютер и жестом пригласил Ивина сесть поближе к монитору, придвинул по столу большую чашку с кофе.

– Пейте. Сейчас прибудет атаман банды наших высоколобых, в смысле – учёных, профессор и доктор физических наук Штайерман. – сказал майор. – Все мы, кто так или иначе причастен к Зоне, делимся на три своеобразных клана: армейцы, учёные и госбезопасность. Делаем одно и то же дело, никаких трений между нами, разумеется, нет. И в то же время позволяем себе относиться друг к другу с лёгкой иронией. Учёные сочиняют анекдоты о некоторой... эээ... прямолинейности военных. Армейцы подтрунивают над излишней академичностью исследователей. И те и другие отпускают шуточки по поводу чекистов-перестраховщиков... А вот, кстати и Рувим Соломонович!

Металлическая дверь с шорохом откатилась и в боксе материализовался невысокий лысый толстячок в распахнутом белом халате. Он кивнул майору, швырнул в кресло потёртый портфельчик и устремился с протянутой рукой к Глебу.

– Здравствуйте! – вскричал он. – Так это и есть наша надежда?

– Добрый день. – ответил Ивин. – Пожалуйста, если хотите, называйте меня Надей, но вообще-то я Глеб Вадимович.

– Шутите? Это хорошо, это славно... На чём остановились?

– Да, собственно, еще и не начинали. – ответил майор.

– Замечательно... – протянул профессор. Он уселся на подоконник, некоторое время молча разглядывал Ивина, потом внезапно спросил тоном экзаменатора: – Что можете сказать о возникновении Хамской зоны?

– 16 августа 1956 года Земля в течение десяти часов приняла на себя шесть ударов из космоса. – скучно заговорил Глеб, – Источник воздействия находился где-то в созвездии Лебеда. Первый удар пришелся по Западной Канаде близ городка Мармонт. Еще три – поразили акваторию Тихого океана и Охотского моря. Пятый угодил в юго-восточную Якутию. Последний, седьмой, выпал на долю Хамской области. Перерывы между ударами не были равными, поэтому и расстояние между точками попадания на вращающейся планете оказались различными.

Так возникла Хамская аномальная зона внеземного происхождения. Форма ее напоминает лежащую на боку дыню: сфера вытянутая по направлению к полюсам. Центр этой фигуры находится рядом с озером Длинным, неподалеку от Усть-Хамска. Так что сверху территория Зоны выглядит овалом с малым диаметром двадцать два километра девятьсот три метра и большим диаметром двадцать семь километров сто семь метров.

– Следовательно, купол Зоны поднимается в высоту и уходит вглубь земли на?... – прищурился Штаерман.

– Почти на одиннадцать километров. – машинально ответил Глеб. – Для многих самолётов – недоступный потолок.

– Превосходно. – удовлетворенно крикнул профессор, – Продолжайте.

– Природа ударов до сих пор в полной мере не объяснена. Первоначально западные ученые предположили, что состоялось посещение Земли инопланетянами. Места, куда пришли космические удары, сгорая даже называли Зонами Посещения. Однако, в самом скором времени выяснилось, что никаких пришельцев не было... к счастью для нас... Уже в начале шестидесятых стала подтверждаться гипотеза канадского ученого Валентина Пильмана и японца Нахимото о непреднамеренном влиянии на нашу планету некой сверхцивилизации, которая даже не заметила, что оказала это влияние. Тогда в науке и закрепилась аббревиатура АЗВЗП – "аномальная зона внеземного происхождения".

Американцы под вывеской Организации Объединённых Наций тут же прибрали к рукам Мармонтскую Зону, поскольку англо-канадцы совершенно не были готовы к её исследованию. Американцы же фактически монополизировали три тихоокеанских зоны, окружив их постоянно патрулирующими там подводными лодками. АЗВЗП в Охотском море вначале была в сфере влияния Советского Союза, но потом шайка Борьки Ельцина продала её японцам. Якутской Зоной занимаются, насколько я знаю специалисты из Европейского Сообщества и китайцы. И только Хамскую почему-то еще не сбагрили никому. Даже странно.

– Да ничего странного. – заметил майор, прихлёбывавший кофе на диване в углу. – Позже поймёте причины. Вам известно то, что творилось здесь в пятьдесят шестом?

– В общих чертах – да, в деталях – фрагментарно.

– А надо бы всё в деталях. -менторски сказал Махдиев. – Кое-что вы должны знать от очевидцев, с которыми разговаривали. Здесь начался ад крошечный. Местность под Усть-Хамском озарилась ярчайшим, почти невыносимым светом. Было ясно видно, как на небе начинают исчезать облака. После мига абсолютной тишины раздался грохот, произошло нечто похожее на землетрясение, но без разрушений. Зона охватила территорию на которой оказалось около пятидесяти тысяч человек, живших в западных кварталах Усть-Хамска и окрестных мелких населенных пунктах. Люди валились, крича, зажимая глаза и уши. Началась паника. Кто оказался в состоянии – бежал, спасая жизнь. Приблизительно сорок тысяч погибли мгновенно или в первые часы, пытаясь уйти.

Кто-то чудом добрался до границ Зоны. А там их ждали солдаты.

Надо отдать должное партийно-государственному руководству СССР. Хамские события сгоряча приняли за применение сверхсекретного оружия американских империалистов, но поразительно быстро разобрались в происходящем и объявили широким массам трудящихся, что произошло землетрясение с последующим разрушением предприятий химической промышленности. Газеты сообщали: большое количество погибших и пропавших без вести людей, павший скот, почерневшие постройки, изувеченный лес...

– Ага, меня это поражало еще в студенческие годы, когда читал подшивки старых газет. Идиоты. -хмыкнул Ивин. -Землетрясение в одном из самых сейсмостойких районов планеты и катастрофа на отсутствующих заводах!

– Не скажите. Правительство знало свой народ. -возразил майор, – Обыватели-то проглотили объяснение. И верили почти год, пока эту "липу" осторожно не сменили относительно правдивым истолкованием событий. А так как тогдашнего рядового мещанина куда больше интересовали сплетни на тему разоблачения культа личности и ожидаемая прибавка трех рублей к зарплате, особого ажиотажа постепенное раскрытие происхождения Хамской Зоны, как вы знаете, не вызвало. Зато подробности тех событий и по сей день, полвека спустя, являются тайной за семью печатями.

Организовать спасательные операции не представлялось возможным, поскольку отряды людей и техники, посланные вглубь поражённой территории, почти сразу же погибали. Приведу примеры. К Зоне уже через несколько часов после её появления подошли пятьдесят шестая мотострелковая дивизия и семнадцатый танковый полк, дислоцировавшиеся в ту пору под Хамском. Эти подразделения, возглавляемые отрядами специального назначения, предприняли крупную экспедицию внутрь Зоны с целью уничтожить предполагаемую причину возникновения смертельных аномальных полей или хотя бы добыть достоверную информацию о происходящих там процессах. Перед другими военнослужащими была поставлена задача: оказать помощь населению. Однако усилия проникнуть внутрь закончились большими потерями как техники, так и личного состава.

После этого войска, что называется, «перешли к обороне», оцепили Зону и стали ждать дальнейших распоряжений. К солдатам начали выходить лю... уцелевшие жители Усть-Хамска, Марьино, Лебедевки, Лукьяновки... Слышали об «эпидемии слепоты»?

– Краем уха. -ответил Глеб.

– Со стороны Лескова на солдат, стоявших в оцеплении вышли двое незрячих мужчин и одна женщина. Солдаты бросились помогать им, но всякий, кто подбегал ближе, чем на три метра, также терял зрение. Не сразу разобрались, в чём дело и пострадало более десятка военнослужащих.

– В чём здесь необъяснимость ситуации? -неожиданно спросил Штайерман противным экзаменующим тоном.

– Элементарно, Ватсон. -пожал плечами Лунин. -Слепота – не заболевание, передаваемое контактным путем. Слепота – следствие воздействия какого-либо фактора на организм. В данном случае мы имеем дело с цепной реакцией распространения следствия без причины. Во всяком случае – без выявленной причины. Чего, согласно нашим представлениям, никак не может быть.

– Ай, умница! Безупречная логика... -восхитился Рувим Соломонович.

– Чем закончилось? -поинтересовался Ивин.

– Кошунственно, конечно, так говорить, но к счастью для всех остальных какой-то солдатик с пулемётом обезумел от страха, ну и... Распространение "эпидемии слепоты" было прервано ценой пятнадцати жертв.

Маленькая девочка под Лебедевкой поразила патруль параличом.

С визгом кинувшаяся под гусеницы дворняга привела к детонации снарядов в башне танка.

Следы немощного деда, чудом выбравшегося на трамвайную линию Усть-Хамска, искрились, от них поднимались мелкие шаровые молнии и взрывались на рельсах.

Со стороны Лукьяновки выбежали обезумевшие от страха овцы. Животные, как животные, да вот зеленая трава за ними мгновенно желтела, высыхала и занималась пламенем. Военные расстреляли всю отару.

Отмечено множество случаев, когда при контакте с живыми существами, чудом выбравшимися из Зоны, встречавшие их сходили с ума, мгновенно умирали, покрывались страшными язвами и, в конечном счёте, тоже гибли... Но никогда, подчёркиваю это, ни-ко-гда не обходилось без тяжелейших последствий.

Тут же на месте было принято решение – не выпускать никого и ничего вплоть до изменения обстоятельств. Кого можно – останавливать, по не останавливающимся существам открывать огонь на поражение. Теперь можно сколь угодно долго морализировать по поводу жестокости распоряжения, но в тех условиях иного выбора просто не было. Представьте себе, что произошло бы, попади хотя бы один из разносчиков "эпидемии слепоты" в восьмисоттысячный Хамск?! Да что там, подойди он хотя бы к Транссибирской железнодорожной магистрали, по которой каждые пять минут проносятся поезда?!

– В Мармонте ничего подобного не происходило. -не то спросил, не то заметил Глеб.

– Совершенно точно. -сказал Штаерман. -В Якутии – тоже. Однако, учтите, что Якутская Зона образовалась в почти необитаемом месте, а под Мармонтом внутри Зоны очутилось не более тысячи человек.

– Все годы, пока я изучал историю Зоны, -задумчиво сказал Глеб, -меня мучил вопрос: отчего бравым военным вкупе с не меньшим дураком Хрущевым не пришла мысль просто-напросто ликвидировать Зону...

Штаерман и Махдиев быстро переглянулись.

– Пришла, разумеется. -нехорошо улыбаясь ответил Рувим Соломонович. -Но как? Вы же сказали, что для бомбардировщиков середины пятидесятых пролёт над куполом Зоны был невозможен. Варианты...

– На третий день -перебил профессора Махдиев. -исход из Зоны резко сократился, через неделю выходили лишь немногочисленные мелкие грызуны и сравнительно безвредные насекомые, затем Зона закрылась полностью. Жуткие уроки пошли впрок. Цементные заводы всей Сибири и Урала заработали в три смены. Вокруг геометрически правильного овала Хамской зоны вначале проложили кольцевое бетонное шоссе шириной одиннадцать метров и толщиной в метр. Затем по обе стороны шоссе возвели увенчанные колючей проволокой стены шестиметровой высоты и метровой толщины. По шоссе постоянно двигались бронетранспортёры. Началось строительство по всему периметру тридцатиметровых башен, а затем даже семидесятиметровых. Из шестидесятикилометрового пояса вокруг Зоны стали планомерно выселять жителей, а пояс объявили санитарным, куда доступ разрешается только по особому разрешению.

Казалось бы, положение относительно стабилизировалось, теперь можно вздохнуть с облегчением и приступить к плановому изучению тайн Зоны. Однако, думаю, пора передать слово всемогущей науке.

– Спасибо. -отозвался профессор. Он сорвался с подоконника и зашагал из угла в угол бокса. -Да, смертоносные и опасные живые организмы из Зоны больше не выходили. Ну, с животными было в общих чертах понятно: большая часть вымерла, меньшая – мутировала. Новообразованным мутантам из Зоны выходить либо не хочется, либо не может. А вот, что касается хомо сапиенсов... Приходится признаться: учёные конца пятидесятых сделали крупную ошибку, решив, что все люди там, за стеной, погибли.

На Западе в Мармонтскую и океанские Зоны полезли сразу же. В первую очередь – пираты.

– Сталкеры. -буркнул майор.

Штаерман кивнул, не переставая говорить: -Они потащили наружу различные объекты, к которым проявили пристальное внимание буквально все: дамочки-модницы, промышленники, учёные, военные. Сталкеры объявили вне закона, что, впрочем, тех мало смутило. Как вы знаете,

Глеб Вадимович, сталкерство имеет место в Мармонте по сей день, хотя, разумеется, в иных масштабах и в другой форме.

Морские и Мармонтскую Зоны передали в ведение солидных институтов, находящихся под формальным патронажем Организации Объединённых Наций. Советское правительство отказалось последовать примеру западных стран. В 1958 году Академия Наук СССР специальным постановлением создала отделение по изучению Охотской, Якутской и Хамской зон. Начались работы в море, стали добиваться заметных успехов в Якутии. Всё это общеизвестно. А вот о том, что под Усть-Хамском прогрессивная советская наука, основанная на единственно верном марксистско-ленинском мировоззрении, потерпела полное поражение, пресса особенно не распространялась.

Профессор остановился у кресла, схватил свой портфельчик и извлёк из него компакт-диск в исчерпанном фломастером бумажном конвертике.

– Суньте в компьютер. – сказал он Ивину. – Запустите просмотр.

– Загадкой номер один Хамской Зоны я считаю... – задумчиво сообщил Рувим Соломонович и внезапно с раздражением швырнул карандаш в угол. – Да всё тут загадка номер один, куда ни плюнь! Начнём, хотя бы с того, что за полвека не смогли даже составить её карту. Точнейшие планы Мармонтской и Якутской аномалий давно созданы, на них можно разглядеть всё чуть ли не до последней песчинки, а здесь... Сами смотрите.

Он выхватил из руки Ивина компьютерную мышь и начал свирепо тереть ею о коврик. Курсор заметался по экрану монитора.

– Космонавты с орбиты наблюдают нашу Зону. Разворачивают корабль иллюминатором вниз. Приглядываются. И ничего необычайного не замечают. Во-первых, Зона – слишком мелкий объект для визуального наблюдения, во-вторых, всё в ней – как везде. Что ж, пусть так. Берём в космос фото-кино-теле-видеотехнику с большим увеличением и... И ничего, чтоб её, технику! Сплошная муть на снимках – что с плёночных камер, что с цифровых.

Глеб озадаченно смотрел, как на экране друг друга сменяют кадры с размытыми темно-серыми и черными разводами.

– Так может быть специальное фотографирование что-то даст? Чёрта лысого! Вот что снято в инфракрасной части спектра: та же дрянь, только узоры другие. А вот эта гадость уже в ультрафиолете. Теперь вопрос: отчего Зона относительно неплохо просматривается (насколько позволяют ландшафт и погода, конечно) невооруженным взглядом или через заурадный бинокль с обычной вышки у забора и почему из космоса ничего не видно? Почему бессильна аэрофотосъёмка?

Вообще говоря, все Зоны похожи в целом, но каждая их деталь, взятая в отдельности – неповторима.

Например, с чего бы быть в Хамской Зоне своим собственным временам года? Но они есть! Жаркое дождливое лето, независимо от того, что творится на окружающей её Западно-Сибирской низменности и чуть ли не субтропическая зима с самой низкой температурой в плюс десять градусов. При этом смена сезонов чуть ли не на месяц отстаёт от нашего календаря. Но это так, к слову...

Один из самых больных вопросов: почему в Хамской Зонедохнут все приёмники и передатчики? Это не только делает невозможной связь с внешним миром, но и не позволяет запустить внутрь, скажем, радиоуправляемый автомат, что-то вроде лунохода или вертолёт. Единственным упованием оставался наш доблестный «человеческий фактор», скромные советские герои, которые мужественно преодолеют во имя и храбро достигнут, невзирая на.

– В конце мая 1958 года с нашего КПП в Зону пошла первая научная экспедиция. – продолжил профессора Махдиев. – Семь человек исчезли без следа, хотя при подготовке был тщательно учтен опыт якутских коллег. Да и американцы из провалов тайн не делали: учитесь русские на наших ошибках. Потом сгинули еще две группы, вышедшие с других контрольно-пропускных пунктов. Что стряслось? Где и как погибли люди? И потом: почему поголовно? Можно было бы понять потерю одного человека, двух, даже половины группы, но когда пропадают всегда и все...

Отсутствие связи позволяло предполагать любые причины провала. Сплошные неудачи заставили призадуматься. В четвертую группу включили только одного учёного, пятеро других участников похода были лучшими в стране бойцами отрядов специального назначения. Они взяли

с собой полевые телефоны и попытались протянуть кабель к Лебедевке. Итоги – ошеломляющие! Провод был перебит, едва группа скрылась за песчаным карьером. Некоторые наблюдатели на вышках утверждали, хотя и без особой уверенности, что им слышались звуки стрельбы. Причём, если бы производились выстрелы из автоматов Калашникова, которые имелись у группы, это могло бы дать пищу для предположений. Но прозвучала серия очередей из пистолетов-пулеметов Шпагина.

– Так-так-так... -встренулся Ивин. -Всё-таки не легенды!

– Какие легенды! -раздраженно сказал Махдиев. -На территории Зоны оказалась кадрированная воинская часть. Знаете, что это такое?

– Естественно. -Глеб пожал плечами. -Склады с оружием, охраняемые небольшими караулами служивых. В случае войны на базе кадрированной части разворачивается полк, бригада или дивизия.

– В складах находилось устаревшее вооружение – от автоматов ППШ до танков Т-34. - заметил майор. -Вот те, кто спасся в Зоне, и развернулись в полк, бригаду или дивизию. Во всяком случае – экипировались.

– Так стало понятно, что Зона не безлюдна. -тяжело вздохнул Штаерман. -По очень неточным прикидкам уцелело около одного процента населения. А это около пятисот человек. Со временем они и их потомки получили название эндогенов.

– Потомки?!

– В Зоне рождались и рождаются не только мутировавшие животные. Лю... эндогены – тоже.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Наблюдательная башня А-2

У контрольно-пропускного пункта №1

10 часов 22 минуты 9 июля 2007 г.

– Голова не кружится? - спросил майор.

Они поднялись на наблюдательную башню, точную копию высокой фабричной трубы из огнеупорного кирпича, только накрытую сверху конической бетонной крышей. Внутри шестидесятиметровой постройки находились лифт и винтовая железная лестница. На верхней площадке кроме них у стереотрубы сидел сонный лейтенантик-наблюдатель, а у трёх крупнокалиберных пулемётов, выглядывающих в амбразуры, скучали расчёты.

– Не люблю высоты. -признался Глеб.

– А вот Рувим Соломонович вообще не переносит. На башню затащить его не стоит пытаться, поэтому придётся вам пока воздержаться от вопросов научного характера, на которые я ответить не смогу.

Продолжаем, если позволите. Вот только устроимся там, где нас не будут слышать бойцы. Да, присаживайтесь здесь.

Зима 1959 года ознаменовалась событием, которое посчитали относительным везением. Погибла очередная исследовательская группа, исключая молодого лаборанта. Совершенно невменяемый, покрытый сиреневыми лишаями и ожогами, он дополз до стены, где и был подобран со всеми предосторожностями. Тут же вызвали АН-2 с врачами. Самолёт принял пострадавшего на борт, поднялся, взял курс на Хамск. Внезапно пилот сообщил, что по непонятным причинам отказал двигатель. АН-2 спланировал точно на провода высоковольтной линии электропередач. Экипаж, врачи и лаборант были поражены насмерть. Случайность?

Абсолютные неудачи экспедиций внутри Зоны привели к мысли изучать её силами туземцев... или тузонцев, если угодно. Теперь считалось неоспоримым, что в зоне есть эндогены. Отметили явные признаки их деятельности – огни, движение, стрельбу и взрывы. Начиная с весны 1959 г., с эндогенами пытались установить связь. Никаких результатов. Те не приближались к стене, явно памятуя о том, что происходило с желавшими покинуть Зону. Более того, даже не показывались перед объективами фотоаппаратов и кинокамер.

Впервые контакт с обитателями Зоны произошёл в январе 1961 г. Ночью к контрольно-пропускному пункту №2 подбросили свёрток с несколькими предметами, собранными там, внутри. На нашем жаргоне их именуют «штуками». Свёрток подцепили гарпуном и втащили в КПП. Кроме нескольких «штук» там обнаружили записку, в которой предлагался обмен собранных эндогенами объектов на боеприпасы, одежду, продовольствие и медикаменты.

Учёные и военные с радостью ухватились за предложение, открывавшее если не дверь, то хотя бы форточку в Зону. На радостях решили, что эндогены готовы вкалывать на любимую советскую родину, словно труженики колхозных полей и нив или оленеводы тундры. Даже попытались было установить для них расценки и плановые задания. Хм... Сразу же ничтожный ручеек «штук» иссяк. Пришлось подстраиваться под условия, диктуемые эндогенами. Мешки с товаром гарпунили, тащили наружу, наполняли затребованными вещами и при помощи специальных катапульт возвращали на место.

Из Хамской Зоны получали не только знакомые по другим Зонам «штуки», но и нечто совершенно уникальное. Штаерман расскажет об ассортименте подробнее. Всё бы хорошо, но руководство было очень недовольно малым количеством добываемых в Зоне сокровищ. Эндогенов было слишком мало и число их, по всем вероятностям, стремительно сокращалось. Зоне угрожало обезлюдение. Что делать? Где найти агентов?

Майор замолчал, невидяще глядя в амбразуру и машинально разминая сигарету. Глеб с любопытством слушал.

– В Мармонте, помимо «штук», совершенно законно добываемых научными экспедициями, учёные и правительство наладили через подставных лиц скупку «хабара», нелегально вытаскиваемого из Зоны сталкерами. Но это же Запад, там всё по формуле «товар-деньги». Десятки сталкеров ползли в Мармонтскую Зону, рискуя головой, добывали там «хабар» и твёрдо знали, что кому-нибудь да сбудут добычу за достойную цену. Не учёным – так военно-промышленному капиталу, не богатым бездельникам – так мафии. А в нашем здоровом обществе развитого социализма сталкерства быть не могло уже по определению – кому же продать «хабар»?! Так что, по большому счёту, охранять Зону в ту пору было проще пареной репы: лезть туда было незачем, лезть оттуда – некому.

С 1963 года (внимание, Глеб Вадимович, еще одна государственная тайна!) сюда стали приходить «грузовики смерти». Сидит, скажем, в каком-нибудь исправительном учреждении заключённый без рода и племени. Ни кола у него, ни двора, ни отца, ни матери, на воле никто не ждёт. И вот оформляются по всем правилам документы о скоропостижной кончине заключённого имярек в результате несчастного случая или там инфаркта с последующем захоронением тела согласно установленным правилам. На самом же деле «телу» приходилось после непродолжительной подготовки отправляться в Зону. Причём не только мужчинам. Видите ли, иногда... эээ... нечасто... эндогены предлагают крайне интересные учёным «штуки» в обмен на появление за забором женщин.

– Работоторговля? – саркастически спросил Ивин.

– Звериный оскал тоталитарного коммунистического режима. – с не меньшей язвительностью отвечал майор. – Дамочки легкого поведения попадали под раздачу, получали срок, ну и...

– А теперь это практикуется?

– Время от времени. – безмятежно ответил Махдиев. – Не отвлекайтесь. Но и такие внедрения в Зону оказались мало эффективными. Во-первых, процент смертности среди внедряемых был огромен. В ближайший же месяц гибли девять десятых. Причём, если всё-таки один из десяти эзков уцелевал, то, во-вторых, в силу его умственного убожества он оказывался никуда не годным агентом. Безусловно, «штук» стало поступать больше, однако учёных интересовали не столько материальные объекты, сколько информация. А вот её-то как раз и не поступало. То есть вообще! Никакой! Поначалу всё списывали на только что упомянутое скудоумие эзков. Однако, даже полный дегенерат хоть что-нибудь да выдал бы. Полную бессмыслицу, чушь, белиберду, галиматью и ахиною. Но доложил бы. Здесь же имело место абсолютное молчание. Ни карт, ни фотографий, ни описаний – ничего! За сообщения предлагали самое щедрое вознаграждение, но на эндогенов это никак не действовало.

– Занятно... *Ex Hamsk semper nullum...* – задумчиво сказал Глеб. – В общем, о чём-то подобном я догадывался, но чтоб уж так...

– Вот вы теперь и начинаете понимать причину, по которой западные исследователи не слишком рьяно рвались сюда, предпочитая корпеть в лабораториях над «штуками», вынесенными насильно загнанными в Хамскую Зону эками. И притворялись, что ничего не знают об этом, чистоплюи хреновы!

Прошло хрущевское десятилетие. В начале семидесятых загадками Зоны стали увлекаться многие, кому эпоха брежневской «стабильности» казалась пресной. «Перчику мне в жизнь, перчику!» С каждым годом их число росло. Настали восьмидесятые годы, («Горбачевщина и «катастрожка», – подсказал Глеб), потом всеобщий кавардак после девяносто первого года (Ель – цинизм, – вставил Ивин). Пропустим этот увлекательный период и перейдем к нашим дням.

Сейчас существуют еще два таких же контрольно-пропускных пункта, подобных этому, первому. Согласно статистике ежегодно сквозь запретный пояс к окружающей Зону стене устремляется более четырех тысяч искателей приключений.

– Ого! -поразился Глеб.

– А что, думаете, целая дивизия, охраняющая Зону, даром хлеб ест? Повторю: три с половиной тысячи «ходоков»-дилетантов благополучно отлавливаются сразу на старте, в начале пересечения пояса. Дуракам и малолеткам достаточно накостылять по шее, после чего патрульные вышвыривают их прочь. Около пятисот нарушителей с трудом добирается до стены, где их и задерживают. Сотни три из задержанных раскаиваются в содеянном, угождают под суд и получают года полтора-два условно. А вот двести отягощенных суицидальным стремлением в Зону упорно не хотят назад. Что ж... Они принимают из наших рук возможность пройти внутрь через один из КПП. Двести за год!

– Так я не одинока? -разочарованно протянул Глеб. -Получается, вы, Ахмет Ильясович, работаете еще с несколькими десятками подобных мне?

– Нет, не получается. -сухо ответил Махдиев. -В том-то и дело, что не работаю. Подвинутым на идею попасть в Зону полагается всего лишь краткий инструктаж моего помощника-лейтенанта. Потом они выбирают на базе экипировку по вкусу и – счастливого пути в землю вожаемую. Процедура упрощена как раз потому, что они не подобны вам. Это ладные мускулистоголовые молодцы двадцати пяти-тридцати пяти лет, мечтающие о жизни «с перчиком», полной приключений. Герои комиксов о лихих сталкерах. Поставщики «штук». Расходный материал. Экзогены.

– Ммм... -усомнился Ивин.

– Нет, отчего же, они приносят огромную пользу. Ну чем бы эти типы занимались у себя дома, не открой мы им дверь в Зону? Водку пьянствовали и хулиганства безобразничали? А так, ценой собственных жизней, скажем прямо, мало ценных там, вне Зоны, они помогают науке и обществу в целом. Аргумент, а?

Ивин ухмыльнулся и спросил: – Есть хотя бы приблизительные соображения о продолжительности жизни экзогенов?

– Это бы у Соломоныча справиться... -неуверенно сказал майор. -Какие-то предположения, наверное, имеются. Ну, от нескольких дней до нескольких лет. Играет большую роль фактор случайности, везения. Ну что ж, пора вниз.

Глеб поднялся.

– Осмотрите Зону сверху. -предложил Махдиев. Он сделал знак лейтенанту и тот охотно уступил Ивину алюминиевый табурет у стереотрубы. Глеб некоторое время сосредоточенно водил объективами, потом кивком поблагодарил лейтенанта и направился к двери лифта. Когда кабина, шурша, пошла вниз, Ивин поинтересовался:

– А сколько у вас случаев, когда в Зону просятся... ну, не «мускулистоголовые»?

– Подобные вам? -уточнил майор. -За всю мою службу вы – третий.

Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Контрольно-пропускной пункт №1
База материального обеспечения
15 часов 45 минут 19 июля 2007 г.

– Соприкосновение с теми, кто выходил из зоны сразу после её образования, было гибельным. – говорил Штаерман, – Потом оттуда не выбирался никто, так что мы не можем точно утверждать, насколько опасны были бы для окружающих побывавшие там. Но что сами для себя они становятся опасными – несомненно. По опыту Мармонтской Зоны отлично известно, что все её посетители испытывают на себе мощные мутагенные воздействия непонятной природы. Изменяются как фенотип, так и генотип визитёров. Вы представляете, как выглядят дети сталкеров?

– Видел фотографии в журналах. – ответил Глеб, – Жуткое зрелище.

– Именно! А дети ученых, работавших в Мармонтской Зоне! Но что оказывает такое воздействие на гостя? Радиоактивность? Чушь, Зона в этом смысле чище многих промышленных районов. Химическое заражение? Не выявлено. Электромагнитные воздействия? Не доказано. Так отчего же в таком случае защищаться? М-да...

Перед уходом в Зону каждый... эээ... провожаемый обязательно проходит санитарную обработку. Баня, дезинфекция и прочее. На местном солдатском жаргоне это называется «вошебойкой». Затем им выдают комплект белья, верхнюю камуфлированную форму. Но все это так... ерунда...

Зато, обратите внимание, – здесь перед вами целая галерея предохранительных костюмов, видите, висят в шкафчиках. Прошу ознакомиться. Да-да, слева направо.

Номера один-четыре – легкая защита. Куртки из многослойной армированной ткани. Не стесняющие движений, сравнительно недорогие. Поэтому, большинству наших доморощенных сталкеров, от которых мы... эээ... не ожидаем особенных результатов, достаётся именно такое облачение. Куртки неплохо оберегают от механических повреждений. Военные утверждают, что выдерживают даже удары пуль, снарядных и гранатных осколков, камней, палок и тому подобного. Хотя позволю себе, как учёный, усомниться в эффективности наряда. Даже если создать непробиваемую одежду, то легче от этого не станет. Ведь сила удара пули равна силе удара с полного размаха двухкилограммовым молотом. Дырки, возможно, и не будет, но выдержат ли такое ребра и позвоночник?! От термического влияния куртки также с грехом пополам защищают. Зато совершенно никакого проку от них не будет, если столкнешься с химической или радиационной опасностью. Электрический разряд их также прошивает как бумагу.

Номера пять-одиннадцать – комбинезоны. Наряды с удобствами, так сказать. Закрывают практически всю поверхность тела от «ведьминого студня», «жгучего пуха», большинства слабых аномалий и механических повреждений. Не очень тяжелые, весят до восемнадцати килограммов. Грудная клетка и спина защищены встроенными биометаллическими пластинами. Отличные респираторы, в капюшоны встроены фонарики, имеются приборы ночного видения. Замечательная изоляция от поражения электричеством, и химических воздействий. Однако повредить их можно, даже наткнувшись на острый сук, уж не говорю о противоположной эффективности. Бегать в них также не рекомендовал бы: запечётесь в собственном соку, вентиляции почти никакой. Как понимаете, такое облачение более дорого, потому и предлагаем мы их лишь тем, кто... эээ... с нашей точки зрения будет действовать в Зоне достаточно успешно.

Номера двенадцать-шестнадцать – гибкие скафандры оранжевого цвета с герметичными металлопластиковыми шлемами. Американцы и японцы создали целую серию. Наши умельцы довольно удачно модифицировали их. Но всё равно скафандры остаются дорогими, сложными как в изготовлении, так и в использовании. Вес – одиннадцать килограммов. Довольно капризны, требуют постоянного ухода и деликатного обращения, особенно шлемы. Прочность материалов, из которых они изготовлены, невысока. Защищают тело от огня, кислот, газов, воздействия разнообразных аномалий, «жгучего пуха» но не от механических повреждений. Обеспечивают полную герметичность, поскольку предусмотрено обеспечение их ранцевым регенератором воздуха или двумя кислородными баллонами. Хороши для учёных-исследователей. Снабжены массой измерительной аппаратуры: датчики давления, радиации, термометры, нарукавные калькуляторы и тому подобное. Обладают встроенными контейнерами для переноса «штуки». Применяются по принципу: «Надел, вошёл, поработал, вышел, снял», отчего для постоянного пребывания в них в Зоне вряд ли пригодны. В обмен на «штуки», получаемые из Зоны, мы

отправили туда по одному экземпляру каждой модификации, но больше заказов на них не поступало.

Номер семнадцать – панцирный сыютелун из металлосиликета. Этот монстр пока не использовался ни внутри Зоны, ни вне её. Как видите – что-то вроде надеваемого поверх трусов танка. Прочность его чудовищна и пропорциональна только цене. Конструкторы уверяют, что в нём можно выжить, даже попав в гравитационный «пузырь», или получив в бок заряд гранатомёта, но кто же возьмётся это проверять?! Сверхстойк к химически агрессивным средам и другим вредным для организма воздействиям. А значит, лужи расплавленного свинца, кислотные ливни и лучевые удары его хозяину нипочём – совершенно точно. Весит без малого полцентнера, так что бегать в нём не каждому дано. Падать в такой распашонке также не рекомендуется.

Полюбовались? Что же вам лично кажется наиболее предпочтительным?

– Простите, -осторожно сказал Ивин, -однако из ваших слов следовало, что уходящих в Зону экипируют не по их предпочтениям, а по усмотрению стражей ворот...

– Абсолютно точно. Но, само собой, для вас будет сделано исключение.

– Даже если придется отдать этот сундук? – Ивин звонко похлопал ладонью по холодной серой пластине сыютелуна.

– Даже.

– Не бойтесь. -хмыкнул Глеб. -Мне он не потребуется. Абсолютно непрактичная вещь. А вот комбинезон номер четырнадцать вкупе с бронежилетиком взял бы.

– Отлично. -одобрил Махдиев. -Замечательный выбор. А теперь обратите внимание на дверь, возле которой возится дневальный. По моему распоряжению он отпирает оружейную комнату. Ну что, снял печати, ефрейтор? Долго нам ждать? Слава богу! Входите, Глеб Вадимович.

– Ого! -не удержался Ивин.

– Да, -не без самодовольства подтвердил майор, -арсенал неплохой. Маленький, зато современный. Вы, наверное, служа в ракетных войсках, автомат в руках держали нечасто, да и давно это было. Пояснить, где тут что находится?

– Разберусь. – с некоторой обидой сказал Ивин. Он прошелся мимо казенного вида полок, бормоча под нос: «Отечественное, ясное дело... Скорострельный с глушителем... Так, понятно... А этот с подствольником... Ух, ты красавица какая! И иностранное имеется! Надо же!»

– А как же! -отозвался Махдиев. -В основном лёгкое стрелковое. Слева в углу. Американские, японские, немецкие, израильские пистолеты, автоматы. Прицелы – отдельно.

– Богато живёте. -признал Глеб. -А для мафии не приторговываете? Ну-ну, шучу, понятно, откуда тут мафия. Что же, всем, чего захочу, снабжать будете?

– А вот тут – дело другое. -покачал головой Махдиев. -Оружия на выходе никому не дают. Зато потом из Зоны любой может затребовать стволы и патроны и даже гранаты в обмен на «штуки». Запоминайте хорошенько, что здесь видите. Чтобы не вызвать подозрений у аборигенов, вы также проникнете внутрь безоружным, как прочие. Зато потом, связавшись с нами, получите все, чего ни попросите. А чего бы попросили?

– Вот это. -указал Ивин.

– Не устаю поражаться. -задумчиво сказал майор. -И тут вы на высоте. Это «Абакан-М1» образца 2000 года на базе системы Калашникова. Был разработан в качестве замены устаревшему АК-74. В «Абакане» подвижны не только внутренние механизмы, но и вся ствольная коробка вместе со стволом. Это позволяет снизить отдачу, тем самым значительно повысив точность боя. А тот, в который вы, Глеб Вадимович, ткнули пальцем, снабжен модифицированным оптическим прицелом для ведения снайперского огня. Вмонтированная в корпус оптика обладает большей кратностью, чем стандартные прицелы. Считайте, что этот экземпляр уже ваш. Насмотрелись? Выходим. Дневальный, захлопывайте оружейную.

Они неторопливо шли по длинному, стерильно чистому коридору с одинаково серыми стенами, потолком и полом. В потолке тихо стрекотали лампы дневного света, над металлическими дверями с номерными замками воздух с легким свистом всасывался сквозь вентиляционные решетки.

– Никаких фотоаппаратов и видеокамер также не получите. -пыхтел слева от Ивина Рувим Соломонович. -Всё, что понадобится по ходу дела, перебросим по первому же вашему требованию.

– Кстати, о требованиях. Как их будете передавать? Повторите, каким образом установите контакт. -потребовал майор.

– К столярному цеху у поселка Черново идет заброшенный подземный трубопровод. - заученно ответил Ивин. -Через него пропущены два стальных троса, к ним прикреплен бак. Подхожу к зарослям роза за столяркой, ищу жерло трубы. Вкладываю в бак записку, сигналю, дергая за трос трижды, одни раз и дважды. Бачок втянут за стену, положат в него груз, пропихнут мне.

– Штирлиц. -фыркнул Штаерман. -Макс Отто фон. Знаете, батенька, нам с майором бы сейчас радоваться. В кои то веки в Зону идет не бестолковый дуболом – человек, от которого есть шанс получить грамотную и ценную информацию. А на душе кошки скребут.

– Скребут.-подтвердил Махдиев. -Громко и гадостно. Потому и повторяю сотый раз на дню: не передумали, Глеб Вадимович?

– Нет.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Контрольно-пропускной пункт №1

Шлюз

23 часа 40 минут 29 июля 2007 г.

– Ну вот и всё. -сказал майор Махдиев. -Ворота открылись. Выйдете, и через двадцать шагов возвращение станет невозможным.

Глеб Вадимович, даже сейчас можно изменить своё намерение. Да, теперь вы посвящены в очень многие секреты на уровне государственной тайны. Да, режим неразглашения и всё такое. Однако в рамках того же режима секретности вы вполне могли бы занять одну из вакантных должностей в моём отделе или в ведомстве профессора Штаермана. В специалистах вашего уровня образования и интеллекта у нас всегда большая потребность.

Безвыездно жить и работать на КПП, возможно, сложновато, но, тем не менее условия для жизни и интересной работы здесь очень приличные. Полагаете, я случайно водил вас по лабораторным корпусам и городку ученых? Присмотрелись?

– Конечно. -кивнул Ивин. Он стоял в серо-зеленом комбинезоне с поднятым капюшоном и спущенным на подбородок респиратором и едва заметно улыбался. -Очень неплохо устроены тут армия и наука.

– Так вы согласны?

– Спасибо вам, Ахмет Ильясович. -искренне сказал Глеб. -Всего самого доброго. Прощайте.

Он закинул за плечи рюкзак, с которым двадцать восемь дней назад подошел к контрольно-пропускному пункту, потрогал рукоять ножа у пояса и, не оборачиваясь, осторожно двинулся по еле видной тропинке к влажным кустам. Сразу же послышался шелест задвигающейся бронированной двери шлюза.

-2-

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

7 часов 00 минут 30 июля 2007 г.

Ташкент и Тихоня

Ташкент и Тихоня драили котелки мелким песком, тщательно ополаскивали и опрокидывали сушиться на колышки.

– Слышь, Тихоня, а какого чёрта Хрыч ночью под окнами шарахался и шумел? Спать хотелось, а он выделялся.

Тихоня сморщился, смачно чихнул, вытер рукавом нос и, не торопясь, ответил: -Дык его Боров наладил к ручью посмотреть, что за иллюминация ночью была.

– Иллюминация?

– Ну да, на что Боров в Зоне долго живёт, всем старожилам старожил, и то такого не упомнит. Небо над «Курортом» от самой стены почернело, сполохами занялось сине-зелеными, точно тебе – северное сияние. Здорово было. Я выходил глядеть.

– А меня чего не разбудил? -обиделся Ташкент.

– Тебя, храпуна, добудишься, как же. Сам говорил – дрыхнуть хотелось. Вот и дрых без задних лап. Эй, эй, жир не пропускай, чисть лучше, за тебя перебивать не собираюсь! -возмутился Тихоня.

– Это твой котелок, мои – все чистые! -Ташкент собирался было вступить в препирательства, но Тихоня с досадой махнул на него, вскочил и молча воззрился поверх грубого плетня, из верхнего края которого густо торчали заостренные колья.

– Чего там? -полюбопытствовал Ташкент.

– Хрыч возвращается. Ба! Какого-то козла на горбу волочёт.

Встал и Ташкент. Они молча проводили взглядами Хрыча, вошедшего на «Главный Проспект». Действительно, охранник нёс на плечах не подававшего признаков жизни человека в стандартном комбинезоне. Не обращая ни на кого внимания и не отозвавшись на приветствия Тихони и Ташкента, он тяжелым, размеренным шагом проследовал к дому Борова.

Боров и Хрыч

Хрыч: -Поглядел, как ты распорядился. Ничего особенного не заметил. Мало ли – небо светилось, чего только тут не случается.

Боров: -Такого ещё не бывало.

Хрыч: -Всё по первому разу когда-нибудь приходится. А вот этого хмыря я нашел за вязами на огородах, недалеко от запруды. Ну, знаешь, сразу у плетня.

Боров: -На ручье? Ведь там же безопасно! Чем шарахнуло?

Хрыч: -Откуда мне знать? Сам разбирайся. Долго еще мне его на шкварнике держать-то?! Куда девать?

Боров: -Укладывай на стол. Сдвинь респиратор с рожи. Ага, новичок... Оттуда... Всё, Хрыч, свободен, иди завтракать, там уже вчерашнее мясо дожаривают. Погоди!

Хрыч: -Чего ещё?

Боров: -Да он живой!

Хрыч: -Ну, ясный хрен! Обижаешь, что я – первый день в Зоне, что ли? Трупы на мне не ездят. Стал бы тебе жмуриков забрасывать! Обшарил бы труп прямо на месте, да и отволоч в ближайшую крематорку.

Боров: -Что ж это они там, снаружи, совсем рехнулись – такую рухлядь сюда вышвыривают. На пенсиях экономят, что ли, выплачивать не хотят?

Хрыч: -Да-а, староват. Хотя, с другой стороны... С виду – твоих лет...

Боров: -Ты, Хрыч, грязные намёки-то брось. Я, конечно, на «Курорте» самый старый, только пришел-то тринадцать лет назад тридцатилетним. И выжил, чего каждому желаю. А этот, похоже, сразу помирать к нам припёрся. Поджал хвост прохвост – да на погост.

Хрыч: -Чего-чего?

Боров: -Поговорка, Хрыч, такая древняя, ты не знаешь. Ну-ка, спрысни его водичкой. Полегче, дубина, «спрысни» было сказано, а не «облей».

Хрыч: -Ладно, чего там... О, очухался, моргалками захолопал.

Боров: -Всё, Хрыч, теперь точно можешь идти, пока свинина не остыла. Гонорар возьми на подоконнике.

Хрыч: -Обойма «макаровская»? У-у-у! Маловато будет.

Боров: -А ты что, пуп надорвал, его от самого Ленинграда волоча? Отсюда до ручья – всего два шага.

Хрыч: -Да, Боров, щедростью ты никогда не болел. Что с ним делать будешь?

Боров: -Что в таких случаях делают? Окрестим. Объясним, что к чему. Дальше – как бог даст.

Хрыч: -Да таких случаев я как-то и не упомяну. А как крестить будешь? Хлюпик? Дохлик?

Удачливый? Псих?

Боров: -Был уже у нас Псих. На карьере гробанулся. Нельзя повторяться, нехорошая примета.

Хрыч: -И что придумал?

Боров: -Нечего думать: Стариком будет.

Хрыч: -Пусть так... Только, чуя, недолго ему в Стариках ходить.

Боров: -А это уж как сложится. Зона, она, брат... Да бери ты, наконец, патроны и топай! И кликни сюда Баклажана, он, вроде как, на вышке торчит.

Боров, Старик, Баклажан

Боров: -Оклемаля. Ну, поздравляю с прибытием, в смысле – добро пожаловать. Зона тебя фейерверком поприветствовала. Честно говоря, удивлён, как такого сюда пустили. Ветеранских медалей не имеешь?

Старик: -Здесь заработаю. Орден «Мать-героиня» дадите?

Боров: -Шутка юмора? Ценю. Значит, оклемаля. Слезай со стола, плюхайся на табурет. Э, да тебя ещё покачивает. Ну, так откинься к стенке. Во, другое дело. Держи кружку – сладкий кипяток с местной мятой. С кофеями в Зоне, сам понимаешь...

Старик: -Спасибо.

Боров: -Паспортов мы тут не держим, имён в них не вписываем. Так что можешь меня называть Боровом. А ты теперь – Старик, усёк? Как отключился-то?

Старик: -Шёл тропкой через кусты по левому берегу ручья. Там, где он расширяется, вдруг началось головокружение, в глазах всё покраснело. Странное дело – вроде бы было тихо, а внутри головы появился какой-то воющий шум. Поскользнулся, упал, больше ничего не помню.

Боров: -Э, браток, да ты, гляжу, везунчик! Скажи спасибо, что пластом шмякнулся, из его поля зрения пропал.

Старик: -Из чьего?

Баклажан: -Привет, Боров! Звал?

Боров: -Ага. Вот что, Баклажан, отправь-ка пару ребят с «калашами» и гранатами к запруде. Там нашего новичка какой-то мозгоед с того бережка пощупать пытался. Похоже, нелюдь не хваткий, слабый, но пусть парни не расслабляются и на рожон особо не лезут.

Баклажан: -Ну?! Мозгоед? Как его к нам занесло? Бегу.

Боров: -Не забудь потом вернуться, с... хе-хе... юношеством беседовать будем.

Мысленное досье на Борова

Судя по всему, тут гибрид демократии и олигархии, в «авторитетах» ходят несколько типов. Не последний из них Боров: властный толстяк с выпученными глазами. Ходят легенды о его долгожительстве и анекдоты о его прошлом. Рассказывают, что он промышлял торговлишкой с малолетства: в детском садике продавал цветные карандаши, в школе торговал жевательной резинкой. Всё бы ладно, да вот в годы перестройки и борьбы за трезвость наладился толкать в институте тяжёлую наркоту. Вовремя ушёл из-под суда в Зону, но разумно не стал соваться дальше «курорта». Боров смекнул, что и в Зоне можно недурно прожить, используя потусторонние торгашеские навыки. Он славится тем, что способен наладить хорошие коммерческие отношения с самыми разношерстными клиентами как внутри Зоны, так и за стеной. Боров известен своей жадностью и неуступчивостью, но говорят у него можно достать все что угодно. Живет он в маленькой двухкомнатной избе на краю единственной улицы Черново. Едва передвигается из-за перебитых ног. На всякий случай под рукой держит дробовик. Одет в армированную камуфлированную безрукавку поверх розовой девичьей футболки с надписью «Pussy-Cat» и в широкие синие штаны, кисть левой руки в повязке из черной кожи. Хитёр, сварлив. Ни в грош не ставит тех, чей статус ниже, откровенно и грубо эксплуатирует их. Но в то же время гарантирует выживание и определенное покровительство зависимым от него. Кроме того, похоже, он тут основной торговец и главный информатор, так что даже вполне независимым обитателям «курорта» приходится обращаться к нему по всякому поводу. Боров мне не

нравится. Он от меня также не в восторге, чувствую, придётся думать над тем, как заставить его со мной считаться.

Из записной книжки Старика

Бывшая деревня Черново у самой ограды, напротив контрольно-пропускного пункта. Двенадцать изб, столярный цех. Это место не случайно называют «курортом новосёлов». Своего рода предбанник Зоны, первое место, куда попадают новички, обжигаясь понемногу. По словам «курортников» безопасней, чем здесь, нигде в Зоне не бывает.

Каждому новичку дают в подарок один день на то, чтобы расспросить и осмотреться. Выдерживают любые, самые глупые вопросы, отвечают на них терпеливо и обстоятельно. Задаром кормят, сколько в новенького влезет, и дают оружие.

Боров вручил мне почти новый пистолет с аккуратно затертым номером, две обоймы к нему и напутствовал: «Без оружия в Зоне тут же пропадёшь! Кстати, когда тебя Хрыч приволок, при тебе нож был. Я прибрал, а то мало ли – вдруг у тебя с башкой нехорошо? Теперь вижу, что всё вроде в норме, так что получай свою собственность обратно. А нож хорош – словно бритва! Сам точил? Молодец! Рюкзак свой тоже бери, никто в него не лазил. И, пока ты жив, никто не полезет. Почему так – расспроси Кастета.

Сейчас «курорт» безопасен, Старик, и мы стараемся поддерживать его в этом состоянии. Здесь народа всегда много: кто совсем поселился и дальше никуда не ходит, а кто в гостинице отдыхает, к очередному рейду готовится. Вот жаль, Ирокез не вернулся – любил он свеженьких вроде тебя на путь истинный наставлять».

Я рассмотрел пистолет. Ну, конечно! Fort полицейского назначения, украинское производство, пришёл на смену «макарову». Обладает лучшими по сравнению с ПМ точностью боя, эргономикой и более вместительным магазином, однако менее надёжен. «Кто по Зоне ходит с «Фортом», тот застрелится с комфортом!» Да, пустить пулю в лоб можно, а вот для чего-нибудь посерьёзнее пугач почти не пригоден. Так, разве что милиционерам таскать для произведения впечатления на законопослушных старушек.

Еще раз пересмотрел содержимое рюкзака. Всё, чем снабдили на КПП люди майора и профессора, действительно, оказалось на месте, даже завязки не тронуты:

1. Армейский бинокль.

2. Фонарик с довольно мощной лампой. Весьма полезная вещь в условиях недостаточной освещённости. Батареек не требует. В зоне полным-полно «штук», под названием этаки. Вставил этак в гнездо – хватит на год непрерывного свечения. Главное, чтобы лампа не сгорела. Но немцы на них дают четыре года гарантии, так что, пожалуй, фонарь в Зоне переживает своего хозяина. Аминь.

3. «Ищейка». Устройство американского производства, определяющее наличие аномальных полей и возмущений и сообщаемое о них звуковым сигналом. Под крышечкой – гнезда для этаков. Для работы необходимо активировать, поместив прибор в нагрудном кармане комбинезона. Что-то мало мне верится в его эффективность.

4. Карманный персональный компьютер. Тайваньский. Хороший. КПК – незаменимое устройство в Зоне. Во всяком случае местные обитатели постоянно заказывают их в обмен на «штуки», требуя новые модификации. Также переделан под питание от этаков.

5. Жестянка напиток «Стимул» – кофеин, таурин и мощный витаминный комплекс, снимают усталость и прибавляющие сил.

6. Универсальный медицинский набор или «оранжевая аптечка», позволяющий справляться с ушибами, ранениями, ожогами различного вида и степени сложности.

7. Специализированный медицинский набор для борьбы с отравлениями, бактериальными и химическими заражениями и тому подобным. В «синюю аптечку» входят средства для ускорения свертывания крови, обезбаливающие, антибиотики и иммунные стимуляторы.

8. «Жёлтая аптечка», разработанная специально для работы в условиях Зоны. Состав универсального набора подобран как для борьбы с ранениями, так и для вывода опасных соединений из организма.

9. «Джентльменский набор»: Кружка, ложка, котелок, бритва с помазком, мыло, зубная щетка с пастой.

10. Ручная дымовая граната. Предназначена для установки дымового прикрытия. Время действия – 10 секунд.

В числе честно возвращённых мне «личных вещей», кроме ножа лежит толстенная трёхсотлистковая общая тетрадь, карандаши и две ручки с запасом шариковых стержней, закрытая коричневая пластиковая коробочка с нитками-иголками. Вроде бы, действительно всё на месте.

Мысленное досье на Кастета

Кастет – 27 лет. Кличка не имеет ничего общего с известным бандитским оружием, а произведена по созвучию со словом «Костлявый». Кастет худ и бледен. Промышляет всем: в удачную полосу жизни он – добытчик, когда везенье временно исчезает – рабочий. Пришел в Зону исключительно в поисках приключений. В первой своей вылазке в сторону Лукьяновки умудрился беспечно пройти по полю, сплошь усыпанному аномалиями, не зная о них. Когда к обалдевшим добытчикам вернулся дар речи, и они сообщили об этом Кастету, тот долго не мог прийти в себя. С тех пор отмечает ту дату (9 октября), как свой второй день рождения. Косит под героев комиксов 60-х. Его ещё насмешливо кличут: Бэтмэном, Мачо, Черным плащом, Бандеросом, однако эти прозвища не прижились. Хотя тот факт, что в Зоне он уже два года и до сих пор жив, говорит о многом, серьёзные добытчики и охотники Кастета как своего до сих пор не воспринимают, что его сильно задевает. В целом, оставляет о себе двойственное впечатление. По-бытовому хитёр, дальновиден, но иногда «срывается с катушек». Например, способен накопить приличные средства и тут же спустить их в «раю».

Кастет сидел на бревне, заботливо чистил, смазывал, протирал разобранный «калашников» и пояснял: -Советы, Старик, слушай внимательно, всеми ушами, сколько их у тебя есть. Правильно поймешь и хорошо запомнишь – выживешь. Хлебалом будешь щёлкать – недолго процёлкаешь. Тут не Советская Армия, курс молодого бойца другой: не нарядов навешают, а с потрохами сожрут, пукнуть не успеешь! Себя каждую секунду береги – только так тут и уцелеть можно.

Тут у нас, считай, детский сад, ясельки. Подготовительная группа. Ежели тут не поболтаешься, за пять минут в глубине Зоны гробанёшься, так-то вот. Умный всегда пообтешется, а потом уже к чёрту в задницу лезет. Тем более, жратвой, пилюлями или оружием здесь разжиться можно, не вопрос. Все разживаются. Ну что, всосал? Эх, пожилой...

Всё живое в зоне на три части делится. Первая – растения и звери. Одни растения можно есть, другие – нет, но хорошо хоть сами они тебя не съедят. А вот зверей долго перечислять, сам с ними познакомишься... Совет: знакомься издали, прежде чем приближаться, спроси людей опытных, надо ли. Был случай, прибыл снаружи лопух один... Потопали мы к Блохино песками между дачами и Лебедевкой. Шли, стало быть, скидывались, как полагается каждые двадцать минут отдыхать. Всё строго по правилам, спиной к спине, автоматами наружу. А он – сразу на пятую точку – и расслаблялся. А как идти – последним задницу от земли отрывал. Ну и дорасслаблялся... отстал, а там его суперкот за холку цап! – и готово, котяткам своим схарчил. Ты, новичок, запоминай. Шорох там или ветерок какой подозрительный... Пусть хоть мышка пробежит... хотя мышки тут – не дай боже... Одним словом, готовым каждую секунду надо быть. Чтoб магазины и гранаты под рукой и автомат на непрерывном. Если уж увидел что, высаживай сразу полпрожка; если за кустами что-то – тоже лупи, а уж потом интересуйся.

Второе дело – нелюди, мутанты. Их тут, прости господи, до хрена. Описывать бесполезно, потому как всё время новые изобретаются. Тоже постепенно сообразишь, что к чему. Совет: смотреть на них, ну же всего на амазонок, не к ночи будь помянуты, нужно всегда только через прицел, да и то не больше секунды, пока курок не спустил. Но у нас на «курорте» тихо – ни опасных зверей, ни нелюдей пока – тьфу-тьфу! – не наблюдалось. То, что тебя мозгоед пытался пощупать – исключение. Да, к слову, по поводу мозгоедов (их ещё гипнотизёрами называют) – отдельная история. Допустим, отстрелялся ты по шороху – падай сразу же, в ту же секунду! Хоть на спину, хоть на бок. Мозгоед цепляет, только если видит тебя – сосредоточиться ему нужно, что ли, сволочу. Пока загораешь в тенёчке, слушай в оба уха – шуришит ли, идёт ли какая дрянь к тебе. Можно тихонько магазин перещёлкнуть, да и гранаты тоже нелюди

приготовить... В общем, если тихо всё, считаешь до трёх и... И чешешь со всех ног куда подалеже!

Третья статья – мы, то есть человеки. Запоминай, Старичок-новичок, здешние законы. Их немного. За нарушение штрафы и условные сроки не предусмотрены. Пуля в затылок – самое лёгкое наказание. Закон номер раз: никакого вреда никогда другим людям не причиняй. Не убий, не украдь. Вот, к примеру, завернул ты ласты, царствие небесное. Я мимо прохожу. Труп твой, уж извиняй, того... оттащу в ближайшую крематорку... чтоб воскресать не думал. А вещички имею право по наследству прибрать, вреда от этого нет, они тебе на том свете не занадобятся. Дальше, допустим, ты раненый валяешься, кровью истекаешь, а рядом мешок, доверху наполненный невиданными и дорогими «штуками». Опять же я рядом оказался. Ни-ни! Думать не моги, пальцем ни тебя, ни ценностей не коснусь. Пока живой – живи, Старик. Выпутывайся. Другое дело – прийти на выручку? Ну, ежели помощи попросишь, да о цене столкуемся, отчего нет? Захочу – помогу. А не захочу – моё право, не будет в том преступления. Закон второй: с теми, кто за стеной не снюхиваться ни под каким видом. Добытые «штуки» можешь им сбывать, у нас этим не один добытчик промышляет. Но не дай тебе божье попробовать хотя бы словечко о Зоне попытаться переправить на ту сторону, хотя бы закорючку на бумажке! Даже думать не хочу о том, что тогда тебя ждёт!

И ещё. Можешь считать это здешним суеверием, посмеиваться над ним, дело твоё, но нарушать не надо. В Зоне не выражаются. Многие считают, что Зона вообще живая и не любит грязных слов. Вот, под Красным, к примеру, вообще фанатики живут, те даже Матушке-Зоне молятся... Так что ты, Старик, язык прикусывай. За матерщину, правда, не убивают, нет такого закона, но и на уважение не надейся».

Что ещё я узнал? А, вот... В Зоне есть свои, не подверженные инфляции деньги – патроны. На стене избы, где живёт Боров приколочено выполненное не без своеобразного юмора объявление. Крупными кривыми буквами на фанерке выведено: «Exchange. Обмен валюты. Курс на сегодня». И ниже – таблица обмена. Как я понял, пистолетные патроны тут самые дешёвые. Оно и понятно... Пять пистолетных патронов по курсу идут за один стандартный патрон с оболочечной пулей для автоматов. Патрон с бронебойной пулей для штурмовых винтовок стоит дороже. Ценится также унитарный натовский патрон, широко известный под бельгийским индексом SS109. Ну, и так далее. В общем, целая система. Не совсем ясно, правда, неужели в обмен на «штуки» из-за стены им выдают так много боеприпасов? Что там говорил Мохнатый? «Штуки» – вот основа всего. За всякие непонятные игрушки из Зоны многие снаружи готовы отвалить целое состояние. А мы за них получаем еду, снаряжение, лекарства, боеприпасы. «Штуки» ценнее золота, бриллиантов и всяких там кобальтов с радиями. Почему? Да потому, что ни одна драгоценность в мире не обладает такими сверхъестественными возможностями и не делится ими со своим хозяином. Только прикинь, Старик: вешаешь ты, скажем, себе на пояс непонятную фигню – и пули начинают обходить тебя стороной! Что ещё? Ну, всякую мелочь можно часто встретить даже здесь, под боком. А вот за ценными экземплярами ходят аж до Марьино». По-видимому, Мохнатый – не без образования, изъясняется довольно складно, надо бы потом с ним подробнее побеседовать.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

22 часа 30 минут 30 июля 2007 г.

Если рассматривать Зону снаружи в бинокль, небо кажется совершенно ничем не примечательным. Ну, разве что сильная дымка, переходящая в туманную пелену, мешает рассмотреть далеко расположенные объекты. Изнутри же небо смотрится совершенно иначе: стойкий золотисто-оранжевый оттенок, легкие светящиеся облачка. Красиво, ничего не скажешь, только цвета какие-то... тревожные, что ли...

Темнеет здесь тоже не так, как за стеной. Небо побурело, исчез рассеянный свет, потом как-то разом навалилась темнота, но тут же отступила под натиском полной луны.

Жители «курорта новосёлов» привычно устраивались на ночлег на чердаках изб, втаскивая наверх лестницы. Это были самые надёжные спальные помещения, комнаты внизу служили рабочими помещениями и кладовыми. Конечно, идеальным вариантом было бы поселиться в стальных резервуарах из-под горючего. За ручьем, не доходя до железнодорожной насыпи как раз находится пара. «Эх, перетащить бы их в Черново к столярке, - вздыхал Солома, - да как с такой тяжестью справиться? А было бы здорово! Запаха давным-давно в них нет, толстые стенки защитили бы от любого монстра. Говорят, что в баках приспособились ночевать добытчики, устроив там перевалочный пункт. Что ж, пусть хоть им послужат».

Старику отвели место в четвертом доме. Он получил полосатый матрац, один из восьми, застеленных серым брезентом и поверх него заправленных старыми одеялами с линялой чернильной надписью по краю «войск. часть. 20222». На соседних матрацах устраивались при свете фонариков охранник Мохнатый, фермер Редька, рабочий Глюк и Хоботяра – захожий добытчик с солидным по здешним меркам трёхлетним стажем.

– Комбинеzon всегда клади рядом. - сонно учил Старика Хоботяра. - Оружие ставь на предохранитель от греха подальше, но тоже пусть лежит так, чтобы схватить можно было. У Вас тут на «курорте» спокойно, но всё, знаешь, до поры до времени... А вот подштанники с рубашой скидывать не надо. Матерь божья коровка, как там тебя... а, ну да, Старик... причем тут блохи?! Нету их тут, они в Зоне не выживают! Не в этом дело. Здесь, знаешь, не армия, тут при случае не за сорок пять, а за пять секунд на ногах надо быть. Поэтому своё клади с собой... Всё, гасите люстры, мужики, вырубаться пора. Я хоть отдохну у вас по-человечески. Знаете, чего скажу? В этой части Зоны хоть спать можно... А то вот ходил я раз со Стрелком к Околице и дальше к Красново так – уууу! Там у народа такие кошмары случаются, что, бывает, и не просыпаются с утра... от разрыва сердца, например... Кто тихо в уме двигается, а у кого буйно крышу рвёт. Конкретно! Недавно, правда, слух пошёл, что есть средство. Если сильно приспичит поспать под Красным, желательно найти ведро старое... ну или кастрюлю хотя бы большую... выварку там... Главное, чтоб целое... Голову туда засовываешь – и спи себе как у бога за пазухой... Ну ржите, лошаки, ржите. Эх, глянул бы я на вас в тех местах через пару дней, когда от усталости с копыт валиться начнёте. Умники... А вот сами скажите, какого, значит, хрена, фанатики из Красного последнее время начали шастать в шапках хитрых? Ну да. Сетка там внутри из тонкой такой электропроводки медной, к подкладке прикреплённая. Вот и думайте – что за сбруя, на кой ляд она такая? А вообще это «ж-ж-ж» неспроста, точно вам говорю. Я так мыслю, чего-то они намечают. Знают они чего-то. Вот скоро ка-ак отгудова фиганёт – никому мало не покажется. Помяните моё слово... Хрррр...

Все, исключая Старика, уснули быстро. Он некоторое время лежал на спине, глядя на звёзды в светлом проёме чердачной двери. Раза два неподалёку прошел патруль охранников. Со стороны контрольно-пропускного пункта из громкоговорителей едва слышно доносилась какая-то эстрадная песенка.

Из записной книжки Старика

Всё, ознакомительный день, великодушно подаренный мне, прошёл. Завтра предстоит включаться в жизнь Зоны, чем-то заниматься. Как там в стихике: «Быстро капают года, стукнуло семнадцать – дорогие господа, кому ж мне отдаться?» «Все работы хороши»... мда-а... «выбери на вкус»...

Так какие же здесь работы?

Фермеры. Очень уважаемые в Зоне люди, не покидающие «курорта». Занимаются тем, что условно можно назвать земледелием. Условно, потому что выращивают с точки зрения человека, живущего вне Зоны, черт знает что. Например, картофель. Парню по прозвищу Тихоня поручили почистить картошки. Он скрылся в погребе, потом показались его руки, поднимающие к окошечку и выкатывающие через него что-то похожее на помятые пушечные ядра или плохо надутые черные футбольные мячи. Это и есть знаменитый картофель Зоны, рассыпчатый и вкусный. Здесь ходит поговорка: «Хороша наша картошка: одна-две – и ведёрко. Три-четыре съел – и сыт». Корнеплод, к слову пытались выращивать там, снаружи. Тщетно, гигантские картофелины решительно отказываются размножаться вне Зоны и, будучи посаженными, просто гнивают. А здесь растут вовсю и являются главной пищей. Помидоры считаются нерентабельным деликатесом, поскольку ботва – выше роста человека, а ягоды – не крупнее

наперстка. Бобовые, особенно фасоль, за полвека умудрились внешне не измениться, зато мутировали в сторону ускорения роста и дают на здешних грядках по четыре отличных урожая в год. А вот зерновые совершенно одичали и превратились в совершенно несъедобную траву. Так что с хлебом в Зоне совсем никак. На грядках мне удалось также рассмотреть другую зелень, когда вполне узнаваемую, когда – с большим трудом. Пятнадцать черновских фермеров не знают выходных и отпусков, обливаясь потом, днюют и ночуют на огородах, но считаются наиболее устойчивым населением «курорта». Две трети урожая они сдают в виде своеобразного продналога в общественные закрома – надо же питать охранников, задаром кормить новичков весь первый день их пребывания на «курорте». Оставшуюся треть фермеры вправе потребить сами, или обменять. Как правило, продукты променивают у добытчиков на «штуки», а уже за «штуки» из-за стены получают необходимые им вещи. Понятно, что фермером мне не стать ни при каких обстоятельствах. В уникально спокойном оазисе Черново для этого занятия нет места. Причём не просто нет, а абсолютно, совершенно, полностью отсутствует. Все мало-мальски пригодные клочки земли (бывшие приусадебные участки у изб) заняты грядками. Даже по обе стороны «Большого Проспекта» тянутся зеленые полосы топинамбура.

Охотники. Хотя называются так, однако правильнее было бы именовать их всё же собирателями и охотниками. Люди вольные, бродячие, в Черново долго не задерживаются. Да и вообще... не задерживаются... Срок жизни охотников недолог. В постели никто из них еще не помирал, просто-напросто не возвращаются из захода. Останков их не находят и не кремируют, о «погребении» заботится зверьё. Налогов охотники не платят, но богатыми не слышат. Их положение во многом зависит от случая. Нашел грибной пяточок, не разорённый кабанами, сгребай в полиэтиленовый мешок с трёх квадратных метров три пуда вкуснейшей и сытнейшей еды, тащи шевелящийся тюк на «курорт», сбывай Борову. Завалил дичь – волокн тушу туда же. Но вполне может быть и так, что за два-три дня ничего не подвернётся, вот в ливень, скажем, не разгуляешься. Тогда, если ты нерасчетлив и не припас в тайнике патронов про чёрный день, клади зубы на полку. А может статься и так, что ты охотишься, а на тебя в свою очередь объявил охотничий сезон голодный суперкот. Из охотников некто Дробовик прославился тем, что за два года сумел продать за стену несколько чучел добытых им мутантов. Пожалуй, охотником мне тоже не сделаться. Не по возрасту, не по силам, да и не по желанию. К тому же выходить за пределы «курорта» с пистолетом... Его и за оружие-то здесь не считают.

Охранники. На «курорте» их двадцать два. На первый взгляд кажется, что эти сытые плечистые здоровяки – полные бездельники и хорошо устроились в жизни. Но впечатление обманчиво. Двое с биноклями и снайперскими винтовками торчат на верхушке кирпичной трубы столярного цеха. Еще четыре пары с автоматами наперевес постоянно патрулируют по берегу реки и ручья. Один дежурит в избе на окраине. Вторая половина отдыхает, чтобы потом сменить дежурных. Довольно утомительное занятие. И опасное, к тому же. Свою картошку они едят не за просто так, приходится порой оплачивать её собственной кровью. Если стая из полутора десятков кабанов ринется через ручей на картофельные гряды, мало не покажется. Толстые плетни задержат стокилограммовые живые тараны на считанные секунды, за каковые мгновения охране надо положить всех секачей. В охранники мне попасть по тем же очевидным причинам, что и в охотники. Да и лет пятнадцать назад. В лучшую пору, тоже среди них не очутился бы: до супермена не дотягиваю, самообольщаться не надо.

Добытчики. Те самые одиночки, кого на Западе называют сталкерами. Только те время от времени героически наведываются в Мармонтскую Зону, а наши живут тут постоянно. На них держится вся тутюшняя «экономика», поскольку добытчики промышляют главное сокровище – «штуки». Появляются грязные, измотанные а то и раненые с потрепанными рюкзаками, набитыми удивительными порождениями Зоны. Пожив на «курорте» пару-другую спокойных деньков, сбыв собранное Борову или самостоятельно обменяв у стены, вновь подаются в места, о которых рассказывают легенды. Впрочем, из рассказов добытчиков эти легенды в основном и складываются. Одна былина вот уж лет с двадцать как повествует о Проводнике, первейшем знатоке Зоны. Говорят, что он способен доставить в любую точку. Другое дело, что найти его проблематично – афиш с адресом не расклеивает, да и провести, куда надо, тоже далеко не всякого соглашается. За работу заламывает чудовищные цены, но если уж ты нашёл его и договорился, будь уверен – непременно сопроводит куда надо. Работёнка добытчика ещё та.

Особой силы мускулов вроде бы не требует, но выносливость настоящему добытчику необходима безграничная. Кроме всего прочего, «штуки» не где попало валяются, а, как правило, находятся рядом с опаснейшими аномалиями, каковыми аномалиями и порождаемы. Посему осторожная, расчётливая голова на плечах – совсем не лишний элемент для такого занятия. Весьма хорошо, если эта голова вначале думает, потом даёт волю языку. Ведь память добытчика служит кладёзью бесценной информации, разбрасываться которой задаром – полный идиотизм. У каждого порядочного добытчика есть свои тайники и схроны, где они припрятывают добычу, которую по каким-то причинам сразу не могут или не хотят реализовать. Другое популярное сказание гласит, что в середине семидесятых невероятной удачливостью отличался добытчик Скряга. После того, как он бесследно сгинул, остались, якобы, несметные сокровища, запасенные им в нескольких до сих пор никем на обнаруженных кладах. Вопрос о преобразении в добытчика оставим пока открытым.

Разведчики. Ну, этих единицы, они – самые отчаянные. Их боятся и недолюбливают. Для разведчиков Зона – дом родной. Промышляют и охотой, и поиском наиболее редкостных и оттого дорогих «штук», и уничтожением опасных нелюдей. Их приглашают для поиска появляющихся богатых аномалий, для провешивания относительно безопасных путей, для охраны караванов. Независимы, ни в какие соглашения никогда и ни с кем не входят. Ко всем, включая Борова, как я понял из рассказов Тихони, относятся с холодным превосходством. Главным суперменом на «курорте» считается Стрелок. Поговаривают, что Стрелок даже бывал на окраинах Усть-Хамска, близ Глузинских свиноферм и около депо. Впрочем, Хоботьяра этому категорически отказывается верить, утверждая, что ни один человек через те гиблые места не пройдёт: – «А вообще, конечно, фиг его знает, что там на самом деле... Разве тот, кто в ту сторону ходил, может чего порассказать... То есть, они-то, может, и знают, только сказать не могут – мычат и слюни пускают. Может, потому как раз и пускают... Эх... Вот и лезут мысли всякие... Невесело оно вообще...» В ближайшее время он ожидается на «курорте».

Работяги. Их больше всех остальных. Оседлые жители относительно безопасных оазисов вроде Черново или Лукьяновки. Народ, который оказался не способен ни к чему иному, кроме как вырыть-зарыть, подать-убрать, выстирать-почистить, починить-приготовить и так далее, и в том же духе. А самое главное – принести. В Зоне у каждого человека имеется аж два транспортных средства: левая и правая ноги. Но кроме них нет ничего. Так что доставка чего-либо превращается в настоящую проблему. Как я понял по разговорам, где-то в районе Гремячьего живут некие Кузнецы. К ним постоянно приходится обращаться за многими жизненно необходимыми вещами. Идти около шести километров. Для Зоны – дикая даль, два дня хода, если всё сложится благополучно. Вот и собирает Боров полдюжины работяг с заплечными мешками в караван. Караван сопровождает разведчик. Доходят до места, загружаются, возвращаются, разгружаются, получают вознаграждение. За труд фермеры и такие воротилы как Боров платят рабочим трёхразовой кормежкой, одеждой и местом для ночлега. Они рабочих не третируют, но и мнением таких как Таикент и Тихоня не интересуются. Рабочие живут в среднем подольше, чем охотники, добытчики или охранники, умирают, как правило, своей смертью (если кончину в Зоне вообще можно так назвать) и наследства после себя не оставляют. Кажется, это наиболее вероятная для меня перспектива.

Итог: карьерный рост проблематичен.

Может, стоило согласиться с одним из предложений майора Махдиева, а, Старик? Нет уж, теперь пусть такие мысли тебе даже на ум не лезут, а то так недалеко и ствол «Форты» сунуть в рот. Лучше подоткни одеяло и спи.

На контрольно-пропускном пункте перестал надрываться в громкоговорителе внучек известной советской певицы, «звезда» нынешней расеянецкой эстрады. Пропикало. «В Москве – двадцать один час», – с трудом разобрал Старик, – «А у нас, стало быть полночь». Он повернулся на правый бок, неожиданно для себя зевнул и уснул.

**Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения**

Черново, «Курорт новоселов»

11 часов 30 минут 1 августа 2007 г.

Старик заканчивал начатую утром работу. Сегодня ему предстояло до обеда починить плетень у речного изгиба (поручение Хрыча) и заштопать мешки (задание Борова). За это причиталось по уговору три плюс один пистолетных патрона. Три уйдут за обед, один вернется в «кошелек», то есть в обойму «Форта», откуда два были сегодня выщелкнуты в уплату за завтрак. «Если буду так зарабатывать, - подсчитал он в уме, - то в день можно откладывать про запас по одному патрону. Не боюсь и не трагю на лекарства, можно раз в три недели прикупать что-нибудь из одежды или обуви». Вот с оружием, похоже, будут проблемы. Заурядный «калашников» можно приобрести ударным трудом не раньше, чем через год. Правда, все в один голос уверяют: в Зоне чудеса случаются сплошь и рядом. Разбогатеть можно внезапно уже в следующее мгновение, важно лишь не упускать случая... Вообще-то, можно было бы пробраться к условленному месту, черкнуть записку майору Махдиеву или профессору Штаерману и тут же получить всё необходимое, едва ли не вплоть до Царь-пушки или цистерны шампанского. Но у местных сразу же возникнет закономерный вопрос: «А за что ж тебе отвалили такое богатство-то?! Уж не за передачу ли информации козлам заборным?» И тогда недолгие секунды жизни, отпущенные ему, Старик, сладкими не покажутся. Закон номер два тут соблюдают неукоснительно.

Старик уложил последние толстые ивовые ветви, попробовал покачать плетень – не получилось, значит, заказчик будет доволен. Потрогал пальцем острые колья, торчавшие поверху частым гребнем. Потом уложил на откос с наружной стороны старые звенья ограды, присыпал землей.

– А это зачем? - слышалось сверху. Старик поднял голову и увидел Хрыча с двумя патрульными.

– Полезу из речки по скользкому склону, наступят на кусок старого плетня, вместе с ним съедут назад в воду.

– Толково. - одобрил Хрыч. - Надо было тебя Изобретателем назвать.

– Перекрестите.

– Не принято. Прозвище меняют, только если человек с того света возвращается. Бывали такие случаи... Хорошо поработал, Старик, молодец, сразу видно – руки растут, откуда следует, даром что учёный. Держи жалованье. И премия за придумку... Сигарету возьми.

– Не курю.

– Не отказывайся. Угостишь курящего, когда понадобится.

Брякнули патроны. Старик аккуратно уложил их в нагрудный карман и спросил:

– Почему «учёным» дразнишься?

– Или скрыть хотел? - хохотнул Хрыч. - Не получится, родной, из тебя четырьмя углами институтский диплом аж торчит!

– Университетский. - пробурчал Старик.

– Тем более. Какие планы на сегодня?

– Мешки чинить буду

– А, ну да, точно, Боров же на обмен нынче собирается. Славно! Что ж, лады, Старичок, инструмент собери, оттащи в столярку и сдай Баклажану.

Мысленное досье на Баклажана

Возраст неизвестен, за тридцать. Помощник и правая рука Хрыча, второй человек в охране «Курорта». Из честных служаек. Бывший армейский капитан. Толком о его прошлом не известно, поговаривают, что произошло какое-то крупное ЧП на стене, окружающей Зону. Его с отделением отправили устранять. Баклажан вернулся один из всего отряда и при смерти от потери крови. Ни благодарности, ни выговора не последовало. Безразличие начальства покорило его. Выписавшись из госпиталя, Баклажан нашел подтверждения того, что солдат просто подставили, послав на убой. После чего он инсценировал собственную смерть и ушел в Зону. Молчалив, практичен, пунктуален, ненавидит мир по ту сторону стены.

Охранники двинулись вдоль ограды, внимательно всматриваясь в пустырь за речкой. Старик сложил в деревянный ящик топор и ножовку, взял лопату на плечо и с ящиком под мышкой зашагал по «Главному Проспекту», обсаженному с обеих сторон высоченным топинамбуром.

По правую руку показалось серое здание под обомшелой шиферной крышей. Это и был бывший столярный цех, а теперь одновременно мэрия «курорта», его клуб, резиденция охранников, хранилище общественного продовольственного неприкосновенного запаса, арсенал, мастерская и универмаг. Вернув инструменты хмурому Баклажану, копавшемуся в тесной кладовой, Старик пару минут постоял, рассматривая столярку снаружи, после чего направился к дому Борова.

Выйдя на крыльцо, Боров кивнул в сторону груды серо-зеленой грубой ткани.

– Разберёшься. – устало сказал он. – Чтобы к пятнадцати ноль-ноль было готово, потому что в пятнадцать тридцать надо выходить.

– Можно пойти с вами? – спросил Старик.

– Носильщики не нужны. – ответил Боров. – Платы не будет.

– Да я так... посмотреть.

– Любопытствуешь, значит? Ладно, шей, там видно будет.

Собственно, выдавшие виды картонные коробки никакими мешками не были. Их обтянули брезентом, приделали лямки, карманы, всякие пуговицы-застёжки и приспособили для бережной транспортировки на спине и груди всевозможных «штук». Требовалось пришить на место всё, что оторвалось, положить латки на дыры и зашить прорехи. Дело спорилась и, пожалуй, могло быть завершённой за час до срока. Старик поглядывал на окно, в котором мелькала смутная тень Борова. Тот тщательно заворачивал «штуки», выменянные за неделю у добытчиков, готовя сокровища к отправке. Последним, кто внёс свою лепту в бизнес «курортного» торговца, был Хоботяра. Он вчера вечером оптом сбыл Борову свои находки, а с рассветом уже подался на северо-запад в сторону Лукьяновки. Хоботяра считался невероятно везучим добытчиком. Много раз его группа оказывалась на волосок от смерти, а он всегда оказывался в числе тех удавалось спастись. В конце концов, он стал пользоваться дурной славой «несчастливого талисмана» и с тех пор всегда ходит в одиночку.

Вынырнув из-за двухметровой высоты пирамидального куста смородины, к дому метнулся охранник Бульдог. Нетерпеливо забарабанил в мутное стекло.

– Чего там? – недовольно отозвался Боров.

– Слышь, тебя там Хрыч кличет.

– А самому ему зайти слабо? Непременно инвалиду до столярки ковылять? Не пойду.

– Не, такое дело... В общем обязательно там нужен.

– Провалиться вам... Иду.

Кряхтя, Боров выбрался на заросший дворик. Поднял на ходу пару починенных упаковок, посмотрел, кажется, остался доволен работой. Переваливаясь по-утиному, удалился. Старик заметил, что Боров потерял на крыльце исписанный лист бумаги, но окликать не стал. Подобрал бумагу, начал читать, задумался, хмыкнул, крепко потёр подбородок. Ещё раз прочёл, вернулся к работе, но теперь шил рассеянное, несколько раз отвлекался.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

13 часов 00 минут 1 августа 2007 г.

Ровно в час пополудни слышались тягучие удары молотка по подвешенному куску рельса. Старик осмотрел отремонтированную и аккуратно уложенную тару, встал, с хрустом потянулся и пошёл к столярке. Рядом с ней находился предмет гордости «курортников» – дармовой душ. Когда лет тридцать пять назад в Черново только начинали обосновываться первые обитатели, незаслуженно забытый гений додумался вкатить в крематорку за ручьём большой железный бак с подведёнными к нему трубами. Крематорка оказалась уникально устойчивой и действует по сей

день! Как и всё гениальное, горячее водоснабжение элементарно просто. Как в классической школьной задаче – в одну трубу самотеком вливается холодная вода из ручья, превращается в пар струями плазмы, хлещущими бак, а пар вырывается через другую трубу. По пути он охлаждается, конденсируется и до «курорта» доходит горячая вода. Так что при желании любой «курортник» может вволю помыться. Со сравнительными удобствами и совершенно бесплатно.

Старик сорвал по дороге лист подорожника. Его уже научили вчера, как использовать это неприхотливое мутировавшее растение в качестве неплохого заменителя мыла. Кран злобно фыркнул, сплюнул остывшую воду и выдал на ладони толстую тёплую струю. Растёртый подорожник вспенился и отчистил с рук грязь второго трудового дня.

В Черново имелся также собственный «ресторан». В одном из помещений на первом этаже бывшего столярного цеха стояли два длинных стола, сколоченных из струганных некрашенных досок, и такие же грубые лавки. Старик отдал на входе три патрона повару Пельменю и получил от подрабатывавшего сегодня на кухне Ташкента алюминиевую армейскую миску с тушеной картошкой, такую же вторую посудину с чем-то супообразным и кружку с традиционным подслащённым мятным отваром.

Громких разговоров за столом не вели, ели молча, либо переговариваясь вполголоса. Священное право повышать голос в «ресторане» было только у Пельменя и тот им сегодня воспользовался:

– Эй, Бармалей!

– Ну? -поднял голову мрачный, заросший недельной щетиной охотник, сидевший в тёмном углу.

– Свинина заканчивается. Полтуши осталось.

– Все крысоловки твои сломались, что ли?

– Хохмить в «раю» будешь. -невозмутимо парировал Пельмень. -На Райке. Когда промышлять пойдешь?

– Завтра с солнышком. -проворчал Бармалей.

– Подсуетишь, родимый. Не то мужики опять на вегетарианскую диету сядут. Взвоют, когда наварю им морковки...

– А что я – один тут с автоматом?

– Батон и Дырявый, похоже, сгинули. Колотун с двумя новичками... Памперсом и... ну, как его... тоже, как видно не вернутся. Про Носка уж не говорю, царство небесное. Вы, охотники, хоть бы молодняк себе в ученики брали.

– Ага, -оскалился Пельмень, -вот, к примеру, сосунка этого. Хы!

Он указал кружкой на Старика.

– Я бы не пошёл к тебе в ученики. -добродушно ответил Старик. -Не люблю тех, кто зверушек изничтожает. По-моему это следствие искалеченной психики. Наследие тяжелого детства: родители в угол ставили, одноклассники булочки отбирали.

Бармалей полиловел и сжал кулаки.

– Э, э! -предостерегающе помахал мятым половником Пельмень. -Поспокойнее за столом, Бармалей. А ты, Старик, не зарывайся, знай место. Завтра четверг, новосёлов опять к нам через ворота выведут, так что вполне можно из них кого-то присмотреть, не все же – мусор. Давай, Бармалей, воспитывай смену, а то, не ровен час, сожрут тебя зайцы, мы без твоих поставок исхудаем...

Обедавшие заржали.

– Типун вам всем на языки, трепачи. -от души пожелал Бармалей, допил отвар и вышел.

– Что точно – то точно, на рожон лезть не надо. -прошептал Старiku сидевший рядом Тихоня, -Особенно с Бармалеем цапаться – гнилой мужичонка, даром что охотник. Вы поели?

Мысленное досье на Тихоню

Тихоня – рабочий, бывший студент, в Зону ушел с пятого курса физфака ХамГУ. Причины ухода скрывает очень тщательно, но явно они не криминальные. Неуёмный любитель повыпендриваться своими знаниями и порассуждать на отвлеченные философские темы. За этот выпендиреж его несколько недолюбливают «курортники». Но в целом парень неплохой. Все еще верит в то, что жизнь каким-то чудом изменится. На «курорте» кое-как сводит концы с

концами. Живет на подачки от других обитателей Черново, весь в долгах. С кредиторами всегда честно рассчитывается, но тут же влезает в новые долги. В глубине Зоны бывал, но никогда не рисковал этого делать один, только в группах. Профессионалы же, как известно толпами не бродят, и никто из них не соглашается брать его напарником: -«На что мне эдакая обуза?»

Старик удивленно кивнул.

– По-моему, в Зоне все «на ты». -заметил он.

– Конечно. Но у меня машинально вырвалось, когда вас вспомнил. Лет пять назад вы выступали на открытии студенческой научной конференции университета. Преподаватель с исторического факультета?

– Да.

– А я учился на физическом.

– Надо же, -поразился Старик, -тесна Зона.

– Довольно. Тут категорически не принято расспрашивать о причинах ухода. Если человек захочет сам рассказать. Не пожелает – его право. Но всё-таки я поражён, что вижу вас здесь...

– Есть причины. -неохотно сказал Старик. -Как-то неудобно получается, «тыкать» в ответ на ваше «вы» не могу, давайте уж до конца следовать здешним традициям.

– Хорошо. Каковы ва... твои планы, Старик?

– Хочу сходить с Боровом на торг, если возьмёт.

– А, ну это на сегодня. Я тоже буду носильщиком. А вообще?

– Трудно сказать на третий день новой жизни.

– На «курорте» кроме нас нет людей с высшим образованием. -вздыхнул Тихоня. -Даже с неоконченным, вроде моего. Если честно, я очень обрадовался, увидев ва... тебя. Не представляешь, до какой степени хочется поговорить с понимающим человеком. Где поселился?

– Вон в том доме.

– Там свободные лежбища есть?

– Четыре

– Можно перебраться?

– Да пожалуйста, если никто не возразит. -пожал плечами Старик.

– Кому там возражать? Значит, решено – вечером переселяюсь. А то, знаешь, живу вместе с охранниками, а они придут со смены, завалятся и храпят, словно слоны. Ну, так до вечера?

– Бывай!

Когда Старик вышел из за угла дома Борова, тот, злобно бурча под нос, обшаривал крыльцо.

– Если это разыскиваешь, то возьми. -сказал Старик. -Выронил, уходя, а я подобрал, чтобы ветром не унесло.

Он протянул Борову исписанный мелким почерком лист.

– М-матерь божья коровка! -с чувством сказал Боров, -Всё обыскал, ума не мог приложить, куда список задевал. Спасибо.

Он, кряхтя, собирался войти, когда Старик окликнул его:

– Работу не изволите принять хозяин?

– Что, уже закончил? -удивился торговец, наугад поднял несколько обшитых коробок, осмотрел и, видимо, остался доволен.

– Ну, что ж, неплохо, давай рассчитываться.

Получив патроны, Старик осторожно спросил:

– Я в бумагу заглянул, это ничего?

– Да какие секреты... -отмахнулся Боров, -Список «штук» и перечень того, что за них запрошено.

– А что это ты такой бескорыстный? -поинтересовался Старик, улыбаясь уголками губ.

– В смысле? -подозрительно осведомился торговец.

– В самом простом. Я допускаю, что ты живешь тут давно и как-то не очень в курсе сегодняшних цен на «штуки» там, за стеной. Поэтому и просишь за них так мало. Простой и незатейливый народ, прибывающий на «курорт» снаружи, тоже не знает, что можно за «штуки» выручить. Присоветовать тебе некому. Но я-то немного соображаю, что к чему.

– С этого места – подробнее. – потребовал Боров.

– А чего тут «подробнее»? Понятно, что полной цены за «штуки» тебе не получить, но то, что ты просишь за некоторые – раз эдак в двести меньше того, что тебе дали бы покупатели и при этом считали, что сделали выгодную покупку. Конечно, сразу взвинчивать цены в двести раз нельзя, лучше это делать плавно. Но попробуй, скажем, сегодня потребовать за товар вдесятеро. Конечно, за одно надо наращивать оплату побольше, за другое – поменьше. В зависимости от спроса, так сказать...

– Мммм... -задумчиво сказал Боров, скребя толстыми пальцами щетину на щеках и пристально глядя Старiku в глаза. -Советуешь, стало быть? А вдруг не получится?

– Получится. -уверенно ответил Старик.

– Значит так... Попробуем... Но учти, если клиенты не согласятся, сам будешь покрывать все убытки. А поскольку у тебя нет ни шиша, придётся отрабатывать по полной!

– По рукам. А если все удастся?

– Н-ну... Тогда... Десятая доля прибыли – твоя. -пообещал Боров.

– Восьмая. -решительно сказал Старик. -Я тебе конкурентом быть не собираюсь, но уж очень надо прибарахлиться. Не хочу нищенствовать.

– Согласен. Что ж, пойдём, посмотрим товар и перепишем список.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

16 часов 00 минут 1 августа 2007 г.

– Сгружай. -скомандовал Боров. -И брысь отседова.

Пятерка носильщиков, пыхтя, выкарабкивалась из лямок, складывала обшитые коробки и туки и послушно отходила за густые камыши и кленовый молодняк.

– Гонишь? -спросил Старик. -Боишься промышленного шпионажа? Вдруг Ташкент чего подглядит...

Боров презрительно фыркнул: -Если ты еще не уяснил, что мне страшиться нечего, то с мозгами у тебя не того... Я ж об этих дураках забочусь. Смотри, видишь вон тот столбик впереди? Это граница, понял? В нашу сторону сейчас направлены пулемёты, хоть нас и не видят. А вот выйдешь из-за кустов, сделаешь пять шагов к столбику – шестого не будет. Тебя даже хоронить не потребуется, потому что клочьев и тех не останется. Хочешь попробовать?

– Как-нибудь потом. Спасибо.

Боров хмыкнул. Он пошарил руками в кленовой листве, злобно зашипел, уколовшись обо что-то, вытянул капроновый канат.

– Подвесная дорога. -объяснил он. -На той стороне знают, кто ей пользуется. Сейчас мы будем цеплять груз вот к этим карабинчикам и тянуть веревку на себя. За раз можно отправить до тридцати килограммов. Давай вон тот свёрток. Запихни в него преysкурant.

Старик незаметно для Борова сунул руку в карман, старательно растер большим пальцем заранее приготовленный шарик загустевшего гуталина, после чего сложил лист бумаги, который они совместно с торговцем исписали столбцами названий «штук» и новыми ценами на них. Листок был вложен в полиэтиленовый пакетик, пакетик – в выдавший виды армейский вещмешок. Боров щелкнул карабинчиком, проверил, прочно ли пристёгнут мешок.

– Ну, с богом. -сказал он. -Поехали. Тяни, Старик, раз уж ты тут. Приноси пользу.

Старик осторожно потянул веревку на себя. Скрипнули незаметные блоки, мешок оторвался от земли и, медленно поднимаясь, поплыл в листву, с шуршанием скрылся в ней. Через некоторое время Старик почувствовал, что канат замер.

– Отстёгивают. -заметил торговец. -Скоро опять будет можно переправлять. Крепи теперь вон ту коробку. Тяни.

Когда груз был переправлен, Боров вновь спрятал канат и скептически осмотрел Старика.

– Идем домой. – сказал он. – Теперь будем ждать. Если твои цены их устроят и то, что мы заказали, есть в наличии, то завтра-послезавтра придет ответный груз. Молись, чтобы было так, иначе штраф будешь отрабатывать, как договаривались.

Старик кивнул. Определенные основания для оптимизма у него были. По уговору с майором Махдиевым, в том случае, если по каким-то причинам не был использован основной канал связи, можно было подать весточку о себе через старожилов Зоны. На обратной стороне списка Борова, Старик ухитрился тайком проставить инициалы Г.В.И и прижать к бумаге измазанный в гуталине палец. Не дураки, догадаются сравнить со снятыми у него отпечатками.

Из записной книжки Старика

«Тук-тук-тук!
Ой-ой-ой!
Сколько сук
за стеной!»

(считалочка Зоны. Автор, естественно, неизвестен).

А в самом деле, сколько? Посчитаем.

Заоградники, они же спекули. Несмотря на все заверения майора Махдиева о непроницаемости рубежа вокруг Зоны, о том, что границу пересекают только и исключительно с разрешения компетентных лиц, это, мягко говоря, оказалось неправдой. Всё и везде в этой богопроклятой стране пропитано циничным взяточничеством и воровством. Даже инопланетный анклав. Сытые мордатые хамы из «новых расейцев» готовы платить бешеные деньги за «штуки» из Зоны. Разумеется, за абсолютно безопасные диковинки, такие чтобы можно было выставить в своих оформленных с вульгарной роскошью гостиных заграничных вилл. И чтобы, глядя на эти игрушки, ногастые и грудастые девки-манекеницы повизгивали от испуга и хватались за руку «папуся»: – «Ах, это правда из той самой Зоны?! А ты не боишься, милый?» За «штуками» богатая сволочь, понятно сама не едет, опасается плохого воздействия Зоны на самое дорогое, что у неё есть – желудок и половой аппарат. «Новорасейцы» посылают своих шестерок-спекулей с купленными для них пропусками лаборантов и младших научных сотрудников. Те выходят на контакт с местными добытчиками, выменивают у них «штуки» на оружие и боеприпасы заграничного производства, мелкую электронику, спирт и прочее. Солдатам тоже перепадает, за то, что «не замечают» проделок спекулей. Всем хорошо. По этому поводу, сидя со скрещенными по-татарски ногами у печи в ожидании прожарки свинины, Пельмень задумчиво рассуждал: «Я что тут мыслю... Даже не то, чтоб мыслю – так, смекаю... Вот вдруг всё – вот всё, что тут есть, – эксперимент какой-то над людьми? Это, можбыть, какие-нибудь человечки зелёные с Марса устроили... А что? Не хуже других идея... Любопытно мне: если Зона – что-то вроде полигона, то чего именно они тут обкатывают? Проверяют, по каким «штукам» народец больше всего слюни пускает? Или «штуки» – это вообще бомбы какие-нибудь, а? Спекули подсустились, пораскошелились, скупили целые горы жирным козлам всяким, те в своих дворцах завалы «штук» накопили. Типа «у нас круче всех», завидуйте, бараны... а оно... критическая масса наберется и... оно... ка-ак долбанёт!... Нет, ну вот это бы классно!... Вот это бы с моим удовольствием!... Ой, не могу!... Ой, класс!... Ой... уф-ф-ф...»

Военнослужащие из охраны Зоны, они же зольдатен, они же белосинекрасноармейцы, они же кадеты. Ах, какие они несчастные люди! Постоянно раздираемы мучительными сомнениями и гамлетовскими страстями. С одной стороны – офицерские зарплаты здесь в пятнадцать-тридцать раз превышают жалование доцента университета, да и рядовые словно сыр в масле катаются. Терять благ, нарушив правила и угодив в какой-нибудь пропитой гарнизон в богом обгаженном Нижнезахудаловске, явно не хочется. С другой стороны – вояки крайне боятся обитателей Зоны. Подходить к стене может только самоубийца: у зольдатен приказ стрелять без предупреждения; крупнокалиберные счетверенные пулеметы за считанные секунды разнесут отягощенного суицидальными настроениями разрывными пулями чуть ли не по молекулам. Но с третьей-то стороны, некоторые кадеты готовы подобреть за последующее вознаграждение,

особенно если рядом нет начальства. Их, бедолаг, жутко терзает осознание упущенных возможностей. Вследствие этого, наиболее одарённые особи армейского пола научились сочетать ревностное несение службы с не менее усердным сотрудничеством со спекулярами. Самостоятельный «бизнись» организуют прапорищники, воруящие продукты с армейских складов для обмена на мелкие «штуки». Для них даже ввели особое прозвище: крысогогонники. Кадетов обитатели Зоны от души презирают, «штуки» им сбывают с брезгливостью и этим не любят хвастаться.

Ученые, они же мозгляки, они же головастики, они же философы. К ним в Зоне относятся в целом неплохо, со смешанным чувством снисходительного превосходства и уважительного удивления. Мозгляков считают существами не от мира сего и справедливо предполагают, что в Зоне тем больше двух шагов вообще не пройти. Одновременно признают, что некоторые советы головастиков (при условии, что те не ударяются в отвлечённую заумь) могут быть весьма полезны. На все попытки философов наладить контакты с целью получения информации отвечают решительным, но непреклонным молчанием. Но сбыт «штук» им считается занятием почтенным и уважаемым. При торговле со спекулярами или кадетами главной задачей становится не продешевить, стоимость «штук» определяют немалую, уступают редко. Зато, если поступила просьба от учёного, считается не совсем этичным заламывать завышенные цены и наживаться на непрактичном чудике в очках и белом халате.

Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Черново, «Курорт новоселов»
22 часа 06 минут 1 августа 2007 г.

К ночи над «курортом» пошёл мелкий тёплый дождик. Между тонких струек метались мелкие искры. Потрескивало, пахло озоном.

— Это наша местная гроза. -ухмыляясь, пояснил Глюк. -Такой больше нигде в мире нет. Шептунья. Ты, Старик долго не любуйся, закрывай дверь. Не то влаги напустишь, матрасы отсыреют.

На чердаке четвертого дома «курорта» укладывались спать. Мохнатый был в ночном дежурстве, Редька уже громко сопел, Глюк укутывался в одеяло. Тихоня успел перетащить до начала дождя свои скромные пожитки и устраивался рядом с местом Старика.

— Э, нет! -предостерёг Глюк. -Дверь затвори, а окошечко пусть будет открыто.

— Почему? Влетит еще что-нибудь.

— Вот именно. Только не «что-нибудь», а «кто-нибудь». У нас на чердаках совки ночуют, не вздумай птичек обижать. Без них вообще бы летучие мыши заели. А вот и первая!

Чуть слышно шелестя крыльями на чердак влетела небольшая сова, привычно уселась на ящик и принялась охорашиваться, топорща мокрые перья.

— В ближайшие дни должен Стрелок объявиться. -вполголоса сообщил Тихоня. Это, скажу тебе, фигура! Однажды брал меня носильщиком к Кузнецам. Поход был трудным, зато хорошо заработали. Краем уха слышал, что он опять туда наладился по уговору с Боровом. Пойдешь?

— Посмотрим.

Мысленное досье на Стрелка

Прозвище приклеилось к Стрелку сразу же после того, как он продемонстрировал феноменальные способности снайпера. Его единодушно описывают как абсолютно свирепую, грубую, эгоистичную, жестокую, бессердечную, поэтому исключительно адаптированную к здешним условиям персону. Никто, даже Боров, не знает, откуда, когда и как он попал в Зону. Легенды о том, что он эндоген, разумеется, полная чушь. Просто здесь он живёт несколько лет, не имея ни будущего, ни прошлого. Ухмыляясь, заявляет, что потерял память и забыл, откуда он, что не помнит своё настоящее имя, что у него вообще часты провалы в памяти. Назойливому

собеседнику может сообщить, например, что способен забыть его через час после знакомства, и, приняв за мутанта, убить.

-3-

Из записной книжки Старика

Со времён катастрофы в собачьем роду сменилось не менее дюжины поколений. И в каждом поколении сильнее и сильнее проявлялось воздействие Зоны. Ускоренные мутации и уже не эволюционное, но революционное приспособление к экстремальным условиям мощно стимулировали развитие прежде слабо выраженные собачьи потенции. Причём новые возможности организма зачастую появлялись, снося и отменяя существующие, привычные. Главные физиологические перемены коснулись обоняния – оно оказалось почти бесполезным после стремительного изменения окружающей среды. Щенки с неразвитым нюхом выживали в Зоне не хуже, а то и лучше носатых собратьев. В итоге обычные собаки стремительно и полностью переродились, уступив место новому виду своих потомков – диким псам. В Зоне их называют «динго». Эти звери обладают большими глазами, прекрасно распознают отличным стереоскопическим зрением аномалии и обходят их. Другие невидимые опасности, которыми кишит Зона, «динго» выявляют при помощи сверхострого слуха. Совершенно неведомым способом они чувствуют излучение и электромагнитное поле. Густейшая и прочнейшая рыже-бурая шерсть надёжно предохраняет «динго» от укусов, ударов и холодного оружия. Из-за практически полного отсутствия жировых отложений и запаха шкуры собак после обработки превращаются в ценные заготовки для одежды, наилучшим образом приспособленной для Зоны. Но нет абсолютно никакой гарантии того, что охотник получит шкуру «динго», а не наоборот. Как и их предки, «динго» нападают стаями. Встреча с большой группой мутировавших собак несёт нешуточную опасность даже для хорошо вооруженного, ловкого и сильного старожилы, не говоря уж о новичке.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

12 часов 00 минут 2 августа 2007 г.

Старик, Глюк, Ташкент и Тихоня разбирали остатки давно сгнившего и рухнувшего моста через речку Норку. Дней за пять до появления Старика в этом месте крутилась стая динго. Самыемышлёные псы пробовали по обломкам перебраться на «курортный» берег. В реку же собаки никогда не лезли, мудро опасаясь мутировавшей водной живности. Кабаны же вообще ничего не боялись и семьёй вполне могли вплавь форсировать речушку, стремясь к вождленным грядкам картошки и топинамбура. Хрыч предложил было сжечь развалину, но насквозь пропитанные влагой бревна, разумеется, даже не тлели. Тогда было решено разобрать руины, просушить и пустить на дрова для кухни.

Работа оказалась очень тяжёлой, не случайно было обещано расплатиться автоматными патронами.

– А ну, давай, давай, поддевай гада! -кряхтел Глюк, выворачивая слегой из грязи осклизлый столб.

– Старик, ты бы не лез в реку-то. -посоветовал конопатый охранник Крест. -Если кто с той стороны кинется, увижу и прикрою, не волнуйся. А вот ежели кому по мутной воде взбредёт подкрасться, тут уж не взыщи.

– Точно. -подтвердил, пыхтя, Тихоня. -Я как-то видал, как в омуте две непонятных твари сцепились. Точно крокодилы, только кровавые брызги во все стороны летели. Полминуты не прошло, как одно другим пополдничаало.

Столб подался, завалился и часть бывшего моста осела на берег.

– Никого не придавили? -спросил Ташкент.

– И не надейся. -флегматично ответил Крест.

Мысленное досье на Глюка

Глюк – рабочий лет тридцати-тридцати-пяти. Высок, физически силен, вынослив. Образование – среднее, «троечное». Добродушный, трудолюбивый, невзыскательный человек, единственный недостаток в том, что он совершенно несамостоятелен. В Зону попал с уговорившим его на эту авантюру другом, который сразу же погиб. Постоянно живёт на «курорте», много работает и даже не пробует изменить свою судьбу. Раз или два выходил в качестве носильщика к Кузнецам. До сих пор не нашёл лидера, в фарватер которому мог бы пристроиться. Охотно слушает рассказы о проповедниках из Красного, кажется, не прочь был бы перебраться туда, но самостоятельно принять такого решения не может.

– Зона, -начал Тихоня, споро орудуя ломом, -по-моему, не просто овал в сколько-то там километров диаметром. Зона – это что-то необычное. До чрезвычайности необычное. Знаешь, вряд ли кто-нибудь в нашем мире точно ответит тебе на вопрос в чём необычность Зоны. Я полагаю, Зона лет тридцать пять как вообще перестала быть Землей, нашим миром. Она – отдельный мир, опасный, странный и чертовски соблазнительный. А почему? Почему народ идёт сюда? Идёт, зная, что выживут только два процента. В чём соблазн?

– Понесло... -вздыхнул Крест. Он с автоматом наперевес поднялся на груды чёрных мокрых досок и внимательно всмотрелся в мельницу на противоположном берегу. -Спасу от тебя нет, мыслитель хренов. В чём соблазн, говоришь? Гм... Расскажу-ка легенду местную. Вы её знаете, а вот Старику может интересно покажется. Толкует народ, что очень редко, но попадают все же в глубинах Зоны особые «штуки». Золотые шары. Исполнители желаний. Вот приходишь к шару, и... и жить становится легче. Требуется всего-то сказать ему: «Нужно, дескать, того-то и того-то!» – и нет у тебя проблем... Интересно, сколько он желаний выполняет? Говорят, только одно. Гм... А вдруг, к примеру, я толком не знаю, чего мне больше всего надо? Обидно будет желание тратить, потом обязательно вспомню что-то толковое.

– Ерунда всё. -вмешался Ташкент, выволакивая кусок утыканной гвоздями балки. -Кто эти шары видал. Болтают впустую. Одному другой говорил, будто третий от четвертого слышал...

– Может и ерунда. -неожиданно покладисто согласился Крест. -Гм...

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

15 часов 25 минут 2 августа 2007 г.

Трудовой подвиг, совершенный при разборке моста вынудил измотанную до предела четвёрку рабочих посвятить вторую половину дня заслуженному отдыху. До ужина ещё оставалось часа четыре. Они помылись под горячим душем, Глюк с Ташкентом заявили, что сил у них больше ни на что нет и остались скоротать время за картами в столярке. Старик с Тихоней решили отдохнуть дома.

Тихоня уселся по-турецки у входа на чердак, достал из самодельной кобуры пистолет, разобрал оружие и принялся за чистку и смазку. Справа от него на ящике пристроился давешний самец совки. Слева полулежал на своем матрасе Старик, время от времени с наслаждением потягивавшийся и зевавший. Он с любопытством разглядывал совку. А та, в свою очередь внимательно следила за руками Тихони. Училась уходу за личным оружием?

Из записной книжки Старика

После образования Зоны птицы пострадали больше остальных. Они не научились избегать аномалий. Погибли многие виды, включая экзотические из вольеров Усть-Хамского зоопарка. Сгинули, как ни странно, голуби, синицы, воробьи и прочая городская мелочь. Уцелели сороки: почти перестали летать и перешли к крайне осторожному перепархиванию с ветки на ветку. Сороки Зоны живут колониями, строя гнёзда на самых высоких ветвях деревьев-гигантов. Массово гибнут, но столь же массово размножаются, за счёт чего и сохранились как вид. Удивительно, что при такой быстрой обновляемости популяции сороки почти не мутировали. Во всяком случае по повадкам и внешности не отличимы от их пёстрых сестриц с той стороны стены. Выжили вороны. В Зоне их много, разных размеров и оттенков: от угольно-черных монстров длиной с локоть до голубоватых и желтоватых пугалиц размером с палец. Правда «пение» осталось тем же – каркают. Чтобы не погибнуть в лабиринте аномалий Зоны, люди пытаются изобрести всяческие детекторы, но всё равно мрут сотнями. А вот тайна ворон скоро сведёт с ума орнитологов и биологов. Вороны Зоны летают! Конечно, случаются и среди них потери, но процент жертв аномалий поразительно низок. Существует много заковыристых теорий, объясняющих данный феномен; впрочем, все биологи сходятся на том, что причиной чуда является развитой мозг ворон, сумевший выработать сложнейшие рефлексy. Но самые удивительные птицы Зоны – совки, измельчавшие потомки обычных сибирских сов. Немногочисленные совки приобрели потрясающие способности. Мутации за полвека очень сильно изменили «интеллектуальный» уровень ночных хищниц (насколько вообще можно говорить об интеллекте у птиц). Поведенческие реакции стали удивительно многообразными, что породило совершенно новую этологию популяции совков в зоне. Скорость выработки условных рефлексов у совков невероятно выросла, что означает высокую «приспособляемость» нервной системы к новым условиям окружающей среды, и способность к обучению. Совки симбиотичны, селятся исключительно в тех местах, где есть люди. Им достаются отходы при обработке поварами мяса, люди не дают разорять гнезда совков наглым и агрессивным воронам. А птицы усерднее и успешнее исчезнувших здесь домашних кошек борются с грызунами и несут самую настоящую патрульную службу по ночам, предупреждая о приближающемся недруге душераздирающими воплями. Совки охотно приручаются, нередко можно увидеть коричнево-желтое пернатое существо мирно дремлющим на плече «курортника» или вопросительно заглядывающим в его обеденную чашку.

Закончив чистку и смазку пистолета, Тихоня начал собирать оружие. Старик еще раз с хрустом потянулся, протянул руку: -Дай, взгляну. Нет, обойму не вставляй от греха подальше. А, тоже «Форт»...

– Их, да ещё «макаровы» выдают каждому новичку вроде свидетельства о рождении. Хлопушка, конечно... -недовольно сказал Тихоня. -Но, с другой стороны, автомат или снайперка мне здесь вроде как без особой надобности. Если носильщиком в поход пойду – отпустят напрокат из арсенала что-нибудь серьёзное.

Старик повертел пистолет в руках, внезапно быстро сел, принялся рассматривать его, сдвинув брови.

– Что там? -спросил Тихоня.

– Насчёт электронного микроскопа не спрашиваю, обычного – тоже, но хотя бы большую лупу на «курорте» раздобыть можно?

– А тебе зачем? Имеется линза от сломанного бинокля. Пойдет?

– За неимением... Давай.

Старик достал свой пистолет и подставил оба «ствола» под серо-жёлтый свет, косо падавший из двери.

– Занятно. -задумчиво протянул он, скребя краем линзы небритый подбородок. -То есть невообразимо занятно. На рукоятке твоей пушки иголкой нацарапано «Тихоня». А в остальном... Знаешь, в детских журнальчиках были такие задачки: найди пять различий на двух картинках. Ну и найди отличия! Кроме своего автографа, естественно.

– Да чего их искать! -снисходительно усмехнулся Тихоня. -Оба «Форты» принесли от Кузнецов. Наверняка оружие из одной партии. Если бы номера не были забыты, могли бы отличаться, допустим, только на единицу. Близнецы с одного конвейера. Серия!

– Ну да, ну да... -бубнил Старик. – «Серия». «Близнецы». Ромул и Рем, Зита и Гита, Ильф и Петров. До такой степени близнецы, что даже затёртости на местах номеров и разводы на пластмассовых накладках рукояток абсолютно идентичны. Интересно... Хорошо бы еще парочку-другую «Фортов» подержать...

– Чего легче – обратиться к Рашпилю. По-моему, у него в ремонте постоянно несколько штук лежит.

– Это который в трубе живет?

Тихоня кивнул.

– Схожу, наверное, к нему в гости. -решил Старик.

Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Черново, «Курорт новоселов»
16 часов 00 минут 2 августа 2007 г.
Мысленное досье на Рашпиля

Рашпиль – известный в Зоне механик, золотые руки. Прост и грубоват в общении, надёжен, человек слова и дела. В прошлом слесарь Синяевского завода «Криоген-Техника», рационализатор и изобретатель-самоучка. После того, как от него к мелкому торговцу ушла жена с маленьким сыном, решил покончить с собой, но человек он глубоко религиозный и оттого выбрал Зону в качестве оригинального способа самоубийства. Разумеется, такому ценному человеку здесь погибнуть не дали, Рашпиль пообтерся за пару лет и, благодаря профессиональным навыкам, завоевал колоссальный авторитет среди «курортников». Запросто вхож к Борову. На данный момент Рашпиль – самый компетентный после Кузнецов мастер. Ремонт оружия и инструментов, устройство защиты «курорта» и т.д. и т.п. – его епархия. Способен из швейной машинки собрать самолет и наоборот, если бы то и другое понадобилось бы в Зоне.

Рашпиль и в самом деле жил в основании полуобрушенной кирпичной трубы котельной рядом со столяркой. Теперь в котельной находились склады и арсенал «курорта». Круглое помещение внутри бывшей трубы было уставлено самодельными верстаками, штабелями ящиков и коробок, на вбитых в кирпичные стены крючках висели полки с инструментами, связки гаек. Деловито пахло горячим металлом, бензином и машинным маслом. Рука некоего умельца синей масляной краской намалевала над дверью удачный шарж на самого Рашпиля.

От зажатой в тисках детали мастер не стал отвлекаться. Невнимательно выслушал просьбу Старика и молча ткнул бурым пальцем в сторону ящика с малоразборчивой надписью «Зап. част. пист».

Там оказались россыпью в полуразобранном и полностью разобранном состоянии «макаровы», «форты» и даже, к изумлению Старика, ТТ и наганы. Старик долго копался в лязгающей куче, раскладывал пасьянсы из пистолетов, внимательно разглядывал через увеличительное стекло рукоятки и стволы, довольно хмыкал. Из Рашпиля удалось выжать лишь один утвердительный кивок на вопрос, все ли пистолеты доставлены от Кузнецов. После чего Старик аккуратно сложил железо на прежнее место, поблагодарил умельца и в задумчивости покинул мастерскую.

Он заворачивал за угол столярки, когда рядом раздалась частая деревянная дробь. Выскочил охранник Длинный, бешено крутя самодельную трещотку. Увидел Старика, бешено заорал:

– Тебе особое приглашение надо? Тревога! Пух летит! Хватай веник!

Из записной книжки Старика

Жгучий пух. Природа и происхождение аномалии до сих пор не объяснены. Не менее десятка разнообразных и исключаяющих друг друга научных гипотез вряд ли заслуживают внимания.

Длинные легкие белые волокна, напоминающие синтетическую вату, появляются по непонятной причине, висят на проводах, постройках и мертвых деревьях. Медленно разрастаются, отрываются ветром, зависают в воздухе и перелетают с места на место. При близком и громком звуке, толчке, порыве ветра скопление жгучего пуха с едва слышимым треском рвётся, и белые хлопья также плавно разлетаются, ища нового пристанища.

Детектор «Ищейка» в нагрудном кармане комбинезона, который теоретически должен оповещать о любом неопознанном объекте, реагирует на аномалию только при непосредственном попадании пуха на датчик, то есть, когда уже поздно! Волокна причиняют тканям организма повреждения, сходные с ожогами от разведенной кислоты.

При появлении жгучего пуха его можно сравнительно легко отловить в воздухе срезанными ветками, на которые он легко цепляется. Можно также собрать его теми же ветками с кустов и деревьев. Ветки с намотанными прядями следует тут же сжечь. Пепел не только совершенно безвреден, но даже служит отличным удобрением.

Аномалия «жгучий пух» может породить «штуку» под названием «пуговица». Она повышает артериальное давление, организм теряет значительное количество красных кровяных телец. Но вместе с ними из организма выходят накопленные вредные вещества. Штаерман, кстати, в своей работе «Классификация продуктов наиболее распространённых аномалий Хамской Зоны» заметил, что состав этого формирования обладает критической стабильностью, и добиться создания такого артефакта в условиях лаборатории в ближайшие десятилетия нереально.

Фермеры и рабочие сходились к костру, горевшему у колодца. Стараясь не задеть друг друга камышовыми метелками, на которых были намотаны огромные коконы белого жгучего пуха, кидали пучки камыша в огонь.

– Всё-таки ткнула меня пушинка. -пожаловался Тихоня. -Теперь волдырь на запястье на целую неделю обеспечен.

– Рукава надо в перчатки заправлять, голова! -фыркнул Ташкент. -Никак не выучишься, студент.

– Сам дурак. -беззлобно ответил Тихоня.

Длинный вынырнул из-за дома. Трещотка торчала из-за пояса.

– Вроде бы всё собрали. -провозгласил он, -Отбой до следующего раза.

– А долго ждать следующего раза?-поинтересовался Старик. -Как часто такие напасти случаются?

– Напасти? -хохотнул Глюк. -Еще скажи «беды». Ты, дед, за железнодорожную насыпь не выходил и Зоны не видел. Пушок раз в две недели, это так божья роса! Ничего, пообвыкнешь... если успеешь.

– Подметаєте? -равнодушно спросили сзади.

Старик оглянулся. У колодца стоял, уверенно расставив ноги высокий широкоплечий человек в завидной экипировке: тяжелом бронекомбинезоне СКАТ-9М из двухслойного кевлара, да еще усиленном титановыми пластинами с бериллиевым покрытием. На спину был отброшен шлем «Сфера-12М» с системой подавления наведенных полей – отличная защита от механических повреждений и гравитационных ударов, радиации и аномалий. В общем, костюмчик, который в модной коллекции, продемонстрированной Глебу Ивину майором Махдиевым, висел на одном из первых мест. Из-за плеча незнакомца выглядывал ствол скорострельной «грозы» – автомата-гранатомёта, компактного, надёжного, и в то же время универсального и мощного. Безусловно, такое обмундирование должно было стоять баснословно. Каким бы суперменом и героем легенд ни был незнакомец, стоило основательно подумать над тем а)где и б)как он раздобыл такое добро.

– Здравствуй, Стрелок. -напряженно-дружелюбно сказал Хрыч. -Не ждали тебя так рано. Рады видеть живым-здоровым.

– Там у мельницы – две свиньи. -с тем же безразличием продолжил пришелец. -Наскочили, когда я к реке подходил. Завалил. Туши поднял на развилку дерева. Если надо, сходите за ними, пока собаки не сожрали. Ужин у вас скоро?

*Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Черново, «Курорт новоселов»
19 часов 00 минут 1 августа 2007 г.*

Одна свинья, добытая Стрелком тут же пошла на шашлыки, другую коптили впрок. Так что сегодня ужин в «ресторане» был дармовым, за счет почётного гостя. На угощении присутствовали все, кроме дежурных охранников. За столами сидели тесно, локоть к локтю, наворачивали мясо, хрустели жилистыми перьями лука, жевали круто посоленный тертый с редькой топинамбур. Даже Пельмень невиданно расщедрился: «Гулять так гулять!» и выдал каждому по два сухаря из неприкосновенных общественных запасов. Собрание встретило это лакомство одобрительным гулом.

Но спиртного на столе не было и в помине. Это не означало, что в Зоне вообще не водилось алкоголя. Спирт каждый мог приобрести, к примеру, у Борова совершенно свободно и в любое время. Однако употребляли его только для настаивания растений, почитаемых лекарственными, растирания, компрессов или прижигания ран. Объяснялось это элементарно – понятие «пьяный» в Зоне давным-давно стало синонимом слова «покойник». А вот тонизирующие средства использовались весьма охотно. На столе в эмалированных мисках слегка пошевеливались знаменитые грибочки. Злоупотреблять опятами, ясно, не следовало, а вот после пары-другой грибков, съеденных под плотную закуску, в голове наступала приятная ясность, движения становились чёткими, куда-то девалась усталость. И, кстати, «грибного похмелья» не наступало. К слову, химики там за стеной пока только подступались к грибному секрету.

Стрелок в голубом тренировочном костюме сидел на почетном месте между Боровым и Пельменем с одной стороны и Хрычом и Рашпилем – с другой.

– Я к той усадьбе у Каплино давно приглядывался. – негромко рассказывал Стрелок, приглаживая мокрые после душа русые волосы. – Там место пустынное – ни зверья в округе, ни мутантов. Да вот только кто бы туда ни направился, возвращались либо напуганные донельзя, и даже умом тронутые, либо совсем не приходили назад. Маньяк полагал, что там можно найти интересные «штуки». Ну что ж, пошли в паре. Выходили затемно, да вот аномалий там – немеряно. Так что, когда добрались до Каплино, уже брезжить начало. Пропетляли между крематорками и мясорубками, прошли мимо озерца. Больше всего не хотелось на амазонок наткнуться, однако бог миловал. Встали. Маньяка я оставил внизу, сам убедился, что тополь чистый и полез на дерево оглядеться, что в окрестностях творится. Вижу в оптику – усадьба, и не так чтобы совсем уж разваленная, даже стёкла целые почти все. Травы во дворе немного, не то что в других местах – по пояс. По всему выходило, что бывают тут, при всем том молчание полнейшее и шевеление отсутствует. Тут вдруг чуть левее по курсу саданули очереди. Кто-то из автомата колотил короткими, по два-три выстрела. Я биноклем туда. Заметил на крыше сарая незнакомого парня. Он дергался как затравленная крыса и шкварил без разбору туда-сюда, туда-сюда. В кого? Глядел я внимательно, а понять не мог: он там был один. А потом... началось...

Стрелок сделал паузу, безучастные серые глаза полуприкрылись веками. Старик, как и прочие, слушал очень внимательно и чувствовал, перерыв в повествовании не был артистическим приемом для привлечения внимания. Рассказчик снова прокручивал в памяти виденное.

– Всё было видно как на ладони. «Калашников» у него сам собой из рук выскочил, будто крылья у железки выросли! Парень пасть раззявил, видимо, завопил чего-то, выхватил нож и замахал перед собой. Тут я увидел как из ничего перед ним само собой еще одно лезвие появилось. Повисло в воздухе остриём к парню, и не держал нож никто. Что дальше было – это не сейчас на ночь рассказывать... Минут пять того парня кромсало. Мало-помалу, там царапина, здесь укол... Бедняга скоро уже весь в кровище был, одежда лентами болталась... Ну, а когда он уже стал шататься, из его руки выбило нож. Что-то парня вздёгнуло вверх, крутануло... Нет, всё, не буду... В общем, потом ещё минут пять шарил биноклем по усадьбе. Всё тихо, никого и ничего! И в

обычном режиме и в ночном видении – пусто-та! Ну, хоть бы одна гадина полупрозрачная... Вот такие дела...

Мысленное досье на Ташкента

20 лет. Астраханский татарин. Четвертый сын в небогатой семье. Денег на взятку избавляющую его от рядов расейнецкой «армии» не нашлось и Ташкент угодил служить в хозяйственный взвод охраны Зоны. Через полгода был проигран в карты хмельным сержантом таким же пьяным «дембелям», связан и спущен на веревке внутрь Зоны со стены. С трудом добрался по еловому лесу до Черново. Офицерам было доложено о побеге в Зону рядового имярек. Те, догадываясь о подлинной сути происшествия, тем не менее, приняли версию подчиненных, чтобы не мести сор из избы. Со своим положением Ташкент смирился и старается просто выжить, насколько можно. Очень не любит покидать «курорт», но существовать на что-то надо, а носильщикам сравнительно прилично платят. Так что поневоле четырежды совершал вылазки в группах. Малообразован. Старателен и послушен. Незлобив. Неприхотлив.

– Маньяк после этого наотрез отказался в усадьбу соваться, а без ведомого мне туда тоже идти не стоило. Неприкрытая спина в таких случаях – последнее дело. Но как найду настоящего напарника, обязательно то место потрогаем. Может, из ваших кто-нибудь пойдёт?

Хрыч непроницаемо улыбался, охранники уважительно покачивали головами, не прекращая жевать.

– Ты же знаешь, Стрелок, -сказал Боров, -что «курортники» в рейды не ходят. Мы – народ оседлый, степенный. За «штуками» в разведанные места – другое дело, да и то под настроение. И кроме того – нет у нас годных тебе в напарники.

– Ну да, ну да... -рассеянно покивал Стрелок.

– Какие планы на будущее? Погостишь?

– Только переночую. Завтра с утра отправляюсь до Гремячьего и назад. Зайду в Лукьяновку. Так что могу проводить караван к Кузнецам, если нужно.

– Ещё бы! -возликовал Боров. -Сколько возьмёшь?

– Как обычно: пятерых-шестерых, новеньких среди них – не больше одного. Желторотые пусть с кем-то другим обтёсываются, мне недосуг с молокососами возиться.

– Да у нас пока и нет новичков.

– Есть. -сказал показавшийся в дверном проёме дежурный охранник. -Со стороны КПП топают три души с вещмешками. Встречайте.

– Матерь божья коровка! -длинно вздохнул Хрыч. -Целых три! Пожрать не дадут спокойно. Ты пойдешь, Боров?

– Потом побеседую. -отмахнулся торговец. -Сам прими пополнение, святой Пётр.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

21 час 38 минут 2 августа 2007 г.

Горели пять фонариков, так что на чердаке было вполне светло. В шестой, свой, фонарик рабочий Ушастый вставлял этак. Этак не поддавался, выскакивал из гнезда на колени Ушастого, слышался треск слабого разряда, Ушастый вздрагивал и злобно шипел.

– Тканью прихвати. -сдерживая смех, советовал Тихоня, -Рукавом рубашки.

– Бабушку свою учи! -огрызался Ушастый и снова шипел.

Охранник Мохнатый, уставший после дежурства, лёг раньше других, но пока не спал, с неподдельным удовольствием наблюдая за Ушастым. Старик, распаренный после горячего душа, стряхивал с одеяла мелкий мусор, насыпавшийся из-под стрехи, подсовывал рюкзак в изголовье и тоже готовился ко сну. Тихоня и Глюк о чём-то вполголоса беседовали.

– Все растянулись? -спросил Редька. -Гасим свет.

– Какое «гасим»! -возмутился Ушастый. -Мне ж не будет видно!

– На ощупь. -неумолимо ответил Редька и первым нажал кнопку фонарика. Его примеру последовали остальные. Ушастый с негодующим хлопаньем двинулся на четвереньках к двери.

– Мужики, спать очень хотите? -осторожно спросил Старик.

– А ты что, колыбельную на ночь собирался спеть? -полубопытался Редька. -Давай! Бухти про космические корабли, какие бороздят просторы Большого театра...

– Нет, наоборот хотел попросить, чтобы вы о Лукьяновке рассказали, что знаете.

– А что ж, можно и нам побухтеть. -согласился Мохнатый. -Сегодня ужиныше был знатный, желудок у меня набит, словно подвал у Борова, а в сон пока не клонит. Из-за грибков, наверное. Давай, Тихоня, начинай вещать, а мы, если чего, дополним.

– Почему я?

– А ты у нас самый это... информированный. -польстил Глюк. -Поехал!

– Лукьяновка? -раздумчиво спросил сам себя Тихоня. -Ну, для начала надо сказать, что никто из присутствующих там не был.

– И особо не охота. -вставил фермер Редька.

– Не охота. – согласился Тихоня. -Хотя это тоже безопасный оазис площадью больше нашего черновского «курорта». Находится на западе Зоны, по направлению к КПП-2.

Старик лежал с закрытыми глазами и в его памяти услужливо возник заученный наизусть участок карты Усть-Хамского района полувековой давности.

– До появления Зоны, -продолжал Тихоня, -это был обычный поселок. Теперь, как понимаешь, большей частью это развалины бывшего поселка. Аномалий на его территории нет, казалось бы, переселяйся, отгораживайся хорошим забором от зверей и нелюдей, да и живи себе в кайф. Ан нет. Слушай, отчего так.

Входами в Зону служат три контрольно пропускных пункта. Ворота в ад, так сказать. Они не одинаковы.

Всех здесь присутствующих («Дам!» -тут же вернул Редька) пропустили через КПП номер один. Это не случайно. Мы народ целеустремленный и идейный, угодили сюда по собственному выбору и собственной же дури. Нас честно отговаривали, а мы рвались и своё получили. Аминь.

Но в Зону попадают и против своей воли. В стране же вроде как ввели временный запрет на смертную казнь. И вот попадается в лапы ментам отмороженный мокрушник, на котором висит два десятка трупов и три сотни разбоев. Ну, дают ему пожизненную, а дальше что? Будет он в лагере вечной зубной болью для начальства. Шансов на нравственное перерождение – меньше нуля. Напрашивается организация лагерным руководством несчастного случая со смертельным исходом. Но зачем же материал-то переводить? На самом деле уголовного привозят на КПП-2 и ускоряющим пинком провозжат из его тюремной зоны в нашу аномальную. Счастливого пути, смертничек! Выживешь, татуированный – твоё счастье, нет – туда и дорога.

Вот для таких-то и предназначены вторые врата ада.

Старик подумал: «То, что в Зону до сих пор отправляют осужденных, майор Махдиев в своих лекциях не скрывал. Но о специализации контрольно-пропускных пунктов почему-то не упоминал, хотя, похоже, здесь об этом известно каждому. Почему? Гм...» Мохнатый мирно заснул под рассказ Тихони. Послушав несколько секунд его похрапывание, Тихоня продолжал:

– Есть ещё где-то на севере КПП номер три, но толком о нём ничего не известно. Зачем его устроили в самом гиблом из мест Зоны, то есть непосредственно у развалин Усть-Хамска, черт знает да бог ведает. Кого запускают сквозь те ворота, неясно. Болтают, будто до сих пор учёные и военные пробуют проложить дорогу своим экспедициям...

– Трепотня! -заметил Ушастый, закончивший возню с фонариком и тоже зарывшийся под одеяло. -В Зоне одни невозвращенцы. «Экспедиции» вам подавай...

– Так я же и говорю: языками болтают, а никто ничего о третьем КПП не знает. Ходят байки также, что в том районе осела самая загадочная и скрытная группа, в существование которой многие даже не верят. Якобы там живут военные и ученые, мутировавшие в результате неосторожного обращения со «штуками». Поговаривают, что таких пострадавших отправляют к нам в бессрочную командировку из лабораторий, расположенных под самой стеной. От греха, так сказать, подальше, чтоб других не заражали. Так вот, народ треплется, будто можно

воспользоваться их услугами: профессионалы, которые быстро решают даже сложные проблемы. За свои услуги, по тем же слухам, дерут немалые количества «штук», но иногда оно того стоит.

– Фигня! -опять прокомментировал Ушастый.

– Кто знает... Ну, ладно, возвращаемся к тем, кто приходит через второй контрольно-пропускной пункт. Подозреваю, что завозят их десятками, но до Лукьяновки добираются единицы. Для новичков три километра – смертный путь. Зато уж кто добрался, те – у-у-у... Шпана там обитает, да и серьёзных уголовников полно. Крестьянствовать или там охотиться, ясно, никто не желает, промышляют в основном сбором «штук». Кто посильнее – ходят парами-тройками, кто похилей – сбиваются в банды. Хотя единой бандитской организации в Зоне до сих пор нет, они уже стали заметно докучать. Наших пока не обижают, но ведут себя день ото дня наглее.

– Правду сказать, и мы их особо не привечаем. -заметил Редька. -Когда кто-то на «курорт» наведывается, ухо держим востро: еды-лекарства продадим, ночлег предоставим, это да. А чтоб надолго у нас зависать – извини, сделал свое дело и топай себе в Лукьяновку.

– Говорят, бандюки живут в развалинах, -продолжал Тихоня, -как и мы, забираются на вторые этажи и чердаки, а изгородь вокруг посёлка так и не поставили. А ещё забредший лукьяновец рассказывал, что в тамошнем бывшем продовольственном магазине устроена их... ну, хаза, что ли... В общем, что-то вроде нашей кают-компания в столярке, только на их, блатной, лад. Туз Червей, тамошний торговец, содержит, так сказать, помещение и имеет какие-то дела с Боровом.

Криминалы не на жизнь, а на смерть воюют с амазонками. Ненависть там даже не биологическая, а какая-то необъяснимая, потусторонняя. Вот, к примеру, ежели твоя, Старик, дорога пересечется с амазонкиным путем, что будет? Она к тебе отнесётся, как... ну, не знаю... к камешку под ногами, что ли. Если не мешаешь, считай повезло, скользнёт взглядом (а ты её при этом даже не заметишь) и дальше отправится по своим бабьим делам. Если, сам того не зная, помешал ей, жди предупредительного выстрела. Бинобль тебе, поганка, расколется или фляжку продырявит, воду выпустит. И тут уж, смывайся, не размышляя, минута на всё, шутки кончились. Но с лукьяновцами у чёртовых баб тактика совсем другая: первый выстрел на поражение, второй – контрольный в голову, а только потом – предупредительный в воздух!

– А как же они отличают уголовников от нас? -спросил Старик.

– Чего легче! -фыркнул Глюк. -За версту опознаешь, особенно в оптический прицел. Мы как получаем за товар армейскую одежду из-за стены, так в этом камуфляже и ходим. А бандюки умудряются чем-то всё перекрашивать в чёрный цвет. Форс, понимаешь, у них такой, запахло им в вертухайском прикиде по Зоне шариться.

– А вот меня всё время интересует, как эти стервы размножаются, -задумчиво сказал Редька, -если мужиков они к себе не то, что не подпускают, но вообще изничтожают.

– То есть как «размножаются»? – не понял Старик. -Они эндогены?

– Индокто? -спросил Глюк. -Говори по-русски, академик.

– Эндогены, Глюк, это местные уроженцы, каких больше нет нигде. Дословно переводится, как «рожденные внутри». -пояснил Тихоня. -Да, на самом деле, их не из-за стены запускают, это коренные жительницы Зоны. Судя по тому, что они появляются с севера, можно предположить, что какая-то часть населения пятьдесят лет назад выжила и даже оставила потомство вот уже в третьем поколении. Но, в самом деле, отчего одни женщины?

– И как без мужиков плодятся? -не унимался Редька. -Клубнями или почкованием?

– Это у тебя профессиональный фермерский интерес или «рай» давно не посещал? -поинтересовался Ушастый.

– На севере за озёрами была на момент катастрофы нехилая женская исправительно-трудовая колония. Тысячи на три «сталинских крестниц». -медленно сказал Старик, тут же представив карту. -Но Редька абсолютно прав в своём любопытстве. Разобраться бы...

– Это ты брось! -решительно заявил Глюк. -Они с тобой быстрее разберутся, ставлю сто к одному. Из снайперки за километр в глаз, чтоб шкурку не испортить. Видел когда-нибудь, как пуля в череп попадает?

Неожиданно сам собой включился фонарик Ушастого. Яркий луч прорезал темноту и уперся в лицо мирно похрапывавшего Мохнатого. Тот взревел матёрым ведмедём, сел в постели, и дал Ушастому краткую, но очень яркую и разностороннюю характеристику. Тот, оправдываясь,

выключил коварный прибор и завернул его в капюшон комбинезона. Отсмеявшись, жители четвертого дома «курорта» погрузились в сон.

Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Черново, «Курорт новоселов»

7 часов 50 минут 3 августа 2007 г.

После завтрака Старик вышел из «ресторана» вместе с Зелёным.

– Обои клеить и на арфе играть умеешь? – спросил фермер.
– Ага, а еще вышивать крестиком и плясать ламбаду.
– То, что надо. Значит, сможете вместе с Ташкентом напилить досок и обшить подвал под картошку. Работы на день.
– Попробуем.
– Подходите к шестому дому, буду ждать. Насчёт платы договоримся.
– Не торопитесь. – вмешался охранник Штык. – Тут другое дело вырисовалось. Подключайся, Старик, пособи Глюку.
– Что стряслось? – спросил Зелёный.
– Сутулый умер. – хмуро ответил Штык. Старик вспомнил Сутулого, рабочего из девятого дома.

– Как? Что случилось?
– Да что может случиться? Зона! Захрипел во сне и всё. Пойдём...
Тело уже вынесли за столярку, сейчас оно лежало на самодельных носилках неподалёку от жилой трубы Рашпиля. Глюк и два охранника стояли рядом.

– Эх, Зона, судьба наша. – вздохнул Глюк. – Кого аномалии жрут, а кто – вот так... Все там будем. Прощай, Сутулый, неплохой ты мужик был. Берёмся, Старик. Я впереди иду.

Они подняли умершего, понесли к ручью. Охранники с автоматами наперевес шагали впереди. В том месте, где ручей впадал в речку Норку, у берега был привязан к кольям плотик со сплошными бортиками, скорее похожий на ящик. Вошли в него, оттолкнулись длинными жердями. Охранники сняли оружие с предохранителей, взяли наизготовку и внимательно смотрели в воду.

На противоположном берегу в излучине Норки на небольшом расстоянии друг от друга находились две крематорки, первые аномалии, увиденные Стариком. Большую приспособили под кипячение воды для душа, а малая служила для подобных печальных церемоний.

Из записной книжки Старика

Крематорка – одна из простейших, рано обнаруженных и сравнительно хорошо изученных аномалий. Рождению крематорки предшествует клубящееся красное облако, которое медленно перемещается над землей, выбирая, где бы осесть. Места, над которыми пролетает облако, дымятся. Очертания: неправильный круг диаметром от двух до четырех метров. Очень подлая аномалия. В неактивном состоянии визуально малозаметна: выглядит как едва видимое облако струящегося горячего воздуха. Её видно через универсальные бинокли и тепловые очки, но нельзя же все время смотреть в инфракрасном диапазоне! При попадании в зону действия любого предмета или живого существа вспыхивают столбы пламени температурой около 1500К. Животные Зоны попадают в крематорки крайне редко, люди-новички становятся её жертвами сплошь и рядом, однако и старожилам следует их остерегаться. Тело пострадавшего вспыхивает, словно огромный коптящий факел, от него отлетают черные хлопья рыхлого пепла. За считанные секунды человек обугливается и сгорает полностью.

Время жизни крематорок – от пяти до тридцати лет. Большая черновская крематорка – «долгожительница», действует уже тридцать пять лет и потухать не собирается. Малая появилась всего три года назад. В крематорках образуются три вида «штук»: капля, огненный шар и белый кристалл.

Капля. Излучает слабое тепло. Формируется при высоких температурах. Внешне выглядит как почерневшее каплевидное образование с глянцевой бурой поверхностью, покрытое трещинами. Физики за стеной возятся с этой «штукой», защищают диссертации, а здесь в Зоне она никак не ценится, поскольку практической пользы от нее – никакой. Впрочем, как и вреда.

Огненный шар. Очень хрупкая «штука». Её можно изготавливать искусственно, потому что она получается при попадании свинца в аномалию. Очень похожа на пятнистый черно-красный елочный шар без горлышка. Так же блестит, столь же хрупка. Замечательно выводит из организма вредные вещества, если осторожно прикладывать её к телу. Огненный шар ценят в Зоне и за её пределами. Многие предпочитают иметь эту «штуку» в личном пользовании.

Белый кристалл, возможно, приносит какую-то пользу, однако, неизвестно, какую. А вот вред от него очевиден. Находясь близко к телу, своим воздействием он изнашивает мышцы двигательного аппарата. Как следствие – усталость, одышка, боли, похожие на ревматические. Когда эти «штуки» находят, их тут же сбывают за стену.

– Осторожно! -предупредил Глюк. -Близко не суйся. Видишь холмик? С него покойников и сбрасывают. Давай, раскачивай, на счёт «три» бросаем как можно дальше. Раз! Два! И три!

Тело в старом комбинезоне с неуклюже растопыренными руками упало на спину, тут же бухнули снопы багрового пламени. Старик и Глюк отвернулись. Старик смотрел на секундную стрелку и ровно через минуту осторожно оглянулся. Несколько чёрных жирных хлопьев рассыпались на мелкие чешуйки, разлетающиеся во все стороны.

– Кончено. -сказал один из охранников. -Царство тебе небесное, мужик. Двигаем назад.

После переправы, привязывая плот к кольям, Глюк спросил: -Чего молчишь? Коробит от наших похорон.

– Нет. -ответил Старик. -Понимаю, что иначе нельзя. Кстати, расскажи о мертвяках.

– Правильно понимаешь. -одобрительно хмыкнул Глюк. -Именно поэтому в Зоне нет ни могил, ни крестов, ни памятников. Мертвяки. Они самые. Только не путай их с зомбями. Сейчас просветлю... просвещу... втолкую, короче.

Не сказать, что мертвяки в Зоне – самое опасное, но одно из самых неприятных. Это еще давным-давно до нас заметили. Причём не только тут, но и в той, иностранной Зоне... как ее... во-во, Мурманской... Народ помирает, а потом, в полночь к тебе приходит. Если б только недавние жмурики воскресали! А то выкапываются из могил те, которые за сто лет перед катастрофой померли. А когда из стародавнего кургана выцарапываются, представляешь?

– Представляю. – с удовольствием сказал Старик.

– И никакие это не вампирские сказочки, а самая что ни на есть быль. Это, отец, я тебе скажу... Пули их не берут, ножом не возьмешь, из любой ловушки они уходят, а в аномалии вообще не попадают. На куски кромсать мертвяков тоже бесполезно. У них, оказывается, отрубленные части запросто отваливаются и шевелятся, скребутся там или вздрагивают.

– А что мертвяки делают?

– В смысле? -оторопел Глюк.

– Ну, какой вред причиняют?

– Да никто до вреда пока что не допускал. -возмутился Глюк. -Мертвяки, они ж медлительные, пока доползут, их сто раз успеешь в салат нарубить и в крематорку сбросить.

– Тогда откуда известно, что они опасны?

Глюк разинул рот.

– Так вот ты и проверь. -ядовито посоветовал он, когда пришёл в себя.

– Я читал статью, -сказал Старик, – в которой говорилось, что мертвяки вовсе никакие не покойники на самом деле. Это, как бы сказать макеты умершего человека. Точнейшие восстановления по скелету... чучела... И совершенно безобидные.

– Ну тебя! -обозлился Глюк. -Статью он прочитал!

– Брось, не бесись. Я ведь просто изложил точку зрения учёных. Лучше поясни насчёт зомби.

– Опять умничать начнёшь?

– Нет, честное слово.

– Смотри у меня!

3.08.07

«Зомбями» (это слово черновцы употребляют во всех падежах и числах) называют людей подвергшихся атаке мозгоедов или воздействию какой-то антенны (о ней курортники говорить не любят, я им пока вопросов не задавал, но создаётся впечатление – что это – одна из важнейших тайн Зоны). Влияние антенны, как я понял, полностью разрушает структуру неосторожно приблизившейся к ней личности, оставляя только телесную оболочку. Послониавшись немного по Зоне, лишённые разума жертвы начинают превращаться в настоящих зомбей. Из рефлексов у них остаются лишь самые примитивные, оружие и одежда скоро приходят в негодность. В результате зомби представляют собой не что иное, как медлительные полутрупы, для которых наличествуют лишь два эффективных раздражителя: еда и сон.

Эти существа опасны пока «свежие» и сохранили оружие. Зомби ведут пассивное существование, покуда не захотят есть. Обычно они забиваются в дальние углы и сидят, оцепенело уставившись в одну точку или, словно трупы, валяются на крышах заброшенных построек, где их не достанут враги. Хотя, какие у них враги! Зомби совершенно неразборчивы в выборе пищи и питья, поэтому их тела буквально пропитаны всякой гадостью и токсинами. Так как мясо зомби слишком «грязное», даже здешние мутанты в пищу его практически не используют. Проголодавшись, зомби стараются отыскать еду – атакуют людей и животных, ищут и едят трупы. В этом смысле они полезны, считают черновцы, потому что ведь далеко не каждого человека, погибшего в Зоне, удаётся кремировать. Голодное состояние заставляет их бессмысленно бродить по Зоне. При этом они стонут, бормочут отрывки фраз. Могут что-то просить, чаще всего умоляют спасти их и вывести из Зоны. Медленный разлад всех физиологических процессов в их организме ведет к тому, что убить их достаточно трудно. Зомби неуклюже изображают смерть, через некоторое время неуклюже встают и пытаются напасть, ковыляя за «убийцей». Гипнотизеры-мозгоеды умеют подчинять зомби – заставляя их атаковать своих врагов. Кто-то утверждал даже, будто видел, как мозгоед руководил чуть ли не полдюжиной зомби.

Умудрённые опытом обитатели Зоны стараются обходить эти неуклюжие опустошённые оболочки людей...

– Нам сюда. -сказал Глюк, махнув рукой на крышу девятого дома.

– Зачем? -удивился Старик.

– Есть обычай: те, кто хоронят, первыми берут любую вещь умершего. Потом – соседи по дому.

Старик обратил внимание на то, что Глюк не сказал «друзья». Они взобрались по скрипучей лестнице на чердак. Рабочий Лом, штопавший комбинезон, указал на картонную коробку из-под телевизора в дальнем углу.

– Берите. -предложил Лом.

– Что? -поинтересовался Старик.

– А что хотите.

Старик запустил руку в ворох одежды и под тканью нащупал холодный металл. Он понял, что это такое, еще когда вытаскивал тяжелый, цепляющийся за всё и не желающий вылезать предмет.

– Будешь брат? -равнодушно спросил Лом, когда Старик извлек на белый свет пистолет-пулемёт Шпагина. -Тогда уж вместе с вон тем мешочком патронов, запасной диск – там же.

– Правда?!

– Да возьми, конечно. -подтвердил Глюк, -А я вот фляжку...

Выйдя на «проспект» и остановившись под развесистой яблоней, Старик взвесил на руке ППШ.

– Вот я теперь и при настоящем оружии! -гордо сказал он. -Повезло! А я думал, можно только какую-то мелочь на память...

– Не хочу расстраивать, -пожал плечами Глюк, -но эта вещь тут совсем не в почёте. Древняя рухлядь, хлопушка елочная. Да и патроны к ней тоже дешёвые. По-моему у Борова целый тюк валяется, никто не берёт, так что он даже собирался их Кузнецам на переплавку отдать.

– Есть такой бородатый анекдот. -сказал Старик. -«Как, вы не любите кошек?! Да просто не умеете их готовить!» Где бы пристрелять машинку вечером?

У колодца Старика окликнул Хрыч, за спиной которого маячил взволнованный Тихоня с топором в руке: -Куда намылился? Что за кочерга под мышкой? Какой ещё погреб? Кому строить? Оставь всё, быстро топай к Борову! Он тебя ждёт на втором этаже столярки, в кабинете.

– Я провожу. -быстро сказал Тихоня.

– Чего? -несказанно изумился Хрыч, -Боишься, что заблудится? А секира зачем? Охранять от комаров?

– Да я это... дрова рубил на кухне... -промямлил Тихоня. -В общем, провожу...

Он всадил топор в пень и, косясь на автомат за плечом Старика, пристроился идти справа.

– Говорят, есть не то два, не то три обитателя в Зоне, -вполголоса торопливо заговорил он, - которых зовут Шаманами, а кто пограмотнее – друидами. Их все наполовину уважают, наполовину боятся, даже лукьяновские отморозки. Они родились и выросли здесь. Ну, эндогены, понимаешь? Я никого до сих пор не видел, но были у нас гости, которые с Марьинским Шаманом встречались. Необычайно странный тип. Он, говорят, живёт отшельником на окраине Марьино, оружия вообще не носит. С его слов получается, что Зона – живой организм, а мы вроде блох на нём.

– А что, -хмыкнул Старик, -тоже теория. Не хуже академических. Ты к чему это?

Тихоня уцепился за рукав комбинезона Старика и остановил его.

– А к тому, что кроме вас с Глюком всему «курорту» известно – Марьинский Шаман пришёл и сейчас беседует с Боровом.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

10 часов 15 минут 3 августа 2007 г.

Шаман, Боров, Старик

Пятьдесят лет назад на первом этаже маленькой столярки очевидно размещался цех и склад, а на втором – всякие крохотные помещеньца для бухгалтерии, канцелярии и, конечно, ленинской комнаты. Дверь ленинской комнаты Старик определил сразу: очевидно на ней был привинчен барельеф с профилем вождя. Пластику из цветного металла, естественно, сняли, а тёмное пятно с характерной бородкой и могучей черепной коробкой осталось. «Как в Хиросиме. -усмехнулся про себя Старик, -Тени исчезнувших людей». Под пятном в дереве острым предметом, очевидно стамеской были выдолблены крупные аккуратные буквы РАЙ. За дверью раздавался приглушенный шум. Старик прошёл было мимо, но потом остановился, вернулся и прислушался к едва различимым ритмичным коротким женским стонам. Озадаченно пожал плечами и повернулся к другой двери обитой некогда черным, а теперь гнусно-бурым дерматином. Дверь была приоткрыта.

– Не размышляй. Правильно. Сюда, -хрипло сказал изнутри Боров. -Ждём.

– Мутируем помаленьку? -дружелюбно спросил Старик, входя. -Сквозь двери видеть учимся?

– Нет! -рыкнул Боров. -Не пори чушь. Садись за стол. Это Шаман. Разговор имеет. Касаемо тебя.

Старик отметил, что торговец – не в своей тарелке, нервный и неуверенный. Он сидел, утвердив руки на столе, крутил толстыми пальцами и переводил взгляд исподлобья то на Старика, то на гостя в комбинезоне армейского покроя, но непривычного светло-серого цвета.

Шаман был совершенно неопределенного возраста, среднего роста, узкоплечий и какой-то гибкий, струящийся. Ноги-руки у него явно не выглядели богатырскими, но конфликтовать с ним не хотелось уже с первого взгляда. Голова Шамана была велика, покрыта густыми короткими волосами, напоминающими серый кошачий мех. Лицо с ровной матовой кожей без следов щетины, сильно сужавшееся от большого черепа к подбородку. Янтарные глаза были широкими, сонно прикрытыми веками без ресниц, а когда веки поднимались, было видно, что зрачок вертикальный, словно у кошки.

Старик без спешки сел, заметил: -Вообще-то мне работать надо...

– Думаю, работа подождёт. -услышал он звонкий, чистый голос. Когда Марьинский Шаман разговаривал, он казался чревовещателем, плотно сжатые губы начинали незаметно двигаться, но дикция была великолепной. -Во сколько почтенный Боров оценит вот это?

Он вынул из кармана и с тяжелым металлическим стуком положил на стол мерцающий багровыми сполохами шарик величиной с грецкий орех. Боров подкатил его пальцем, подумал.

– Шестьсот СВД. -сказал он.

– Вы традиционно умеренны. Колобок стоит вдвое дороже. Но не будем торговаться. - небрежно сказал Шаман. -Берите «штуку» себе, а гонорар выдайте, пожалуйста, уважаемому Старику. Это будет компенсацией за его рабочее время, потерянное в ходе беседы. Не возражаете?

– Еще бы он возражал! -возмутился Боров. -Двухнедельный заработок опытного добытчика!

Маленький рот Шамана внезапно растянулся в подобии улыбки, обнажив великолепные зубы.

– Рад сделать приятное. Однако ближе к делу. Я пришёл, чтобы задать несколько вопросов человеку, прибывшему три дня назад, а им оказались вы, Старик. Не сообразовали ответить?

– Если смогу, отчего нет?

Короткое молчание.

– Вы сейчас хотите отгородиться от меня. -сказал эндоген. -Чувствуете одновременно интерес и... Нет, не страх, но огромное недоверие. Настороженность. Это мешает нам разговаривать.

– Неравное положение. -заметил Старик, -Вы, Шаман, меня просвечиваете, а я вас не вижу. Неприятно...

– Простите, впредь не буду. Это справедливо. Скажите, когда вы входили в Зону, почувствовали что-нибудь необычное?

– У верблюда спросили, отчего у него кривая шея. Он ответил: «А что у меня прямое?» В Зоне всё необычно.

– Я, разумеется, не видел живого верблюда, но смотрел рисунки в Усть-Хамском зоопарке. Действительно, странный зверь. И притча остроумна. Да, для вас Зона необычна во всём, но тем не менее...

– Нет, не почувствовал. Вдобавок, попал под удар мозгоеда. -сказал Старик.

– Да, уже знаю, сообщили. Долго болела голова после того, как пришли в себя?

– Н-нет... Часа три.

– Да, повезло. -сказал Боров.

– Везенье? Мозгоед не смог подчинить жертву за сорок метров на открытом пространстве? Гм... Допустим. «Северное сияние» в тот вечер началось именно тогда, когда вы потеряли сознание. А последние вспышки, почти незаметные в лучах солнца, пропали в момент, когда вы пришли в себя. Верно?

Боров тяжело уставился на Старика.

– Сколько аномалий появилось за время «сияния» на видимом вокруг «курорта» пространстве?

– Две машины времени, -стал загибать пальцы Боров, -электра, карусель...ага... так... шесть.

– Исчезло?

– Семь.

– Это нормально?

– Ёлки-моталки! -сказал пораженный Боров. -А ведь точно! Да кто ж он такой?

– Сейчас постарайтесь отвечать первое, что придет в голову, мгновенно, не раздумывая. - попросил Шаман. Он рывком подался вперед и, глядя в глаза Старику, выпалил:

– Покажите, где северо-северо-запад.

Старик махнул рукой.

– Который час?

– Десять тридцать.

– Где сейчас Хрыч?

– Откуда мне знать?

– Где Хрыч?!

– На вышке! Отстаньте, не буду больше, голова кружится.

– Да, действительно, хватит. -согласился эндоген. -Подведём итоги. Направление определено безошибочно. Время – с погрешностью до минуты. Где находится Хрыч вы также чувствуете, хотя видеть не могли, потому что он только что поднялся на смотровую площадку. Последний вопрос вызвал у вас головокружение, потому что вы еще не привыкли к подобным упражнениям.

– Так ты что, мутантом делаешься? -сокрушенно поинтересовался Боров. -Всего за три дня! Эх, Старик, Старик, а я-то собирался тебя в долю взять. За стеной согласились с твоими ценами, товар на днях отпустят по новым нормам, которые ты присоветовал. Как бы мы развернулись, а? Что ж ты! И как теперь с тобой быть, а?

– Прежде всего – не делать глупостей. -ровно сказал Марьинский Шаман. -Что вы тревожитесь, дорогой мой? Всем известно, что Зона может обострять какие-то потенции поселенца. Один неожиданно начинает с молниеносной быстротой считать в уме (не правда ли, Боров?), у другого появляется необычайно чуткое обоняние или острое зрение, третий становится снайпером. Старик – не исключение.

– А зачем тогда понадобилось смотреть на него, такого неисклнчительного? -вкрадчиво спросил Боров.

– Зашёл мимоходом. Однако, мне пора. -Шаман легко встал. -Уважаемый Боров, в прошлый раз вы по моей просьбе заказывали книги из-за стены. Надо полагать вот они?

– А как же, вот эти выюки в полиэтилене.

– Забираю.

– Да они же тяжеленные!

– Ничего. Надеюсь, до реки поможет донести Старик, а за ней меня терпеливо ожидают носильщики. Кстати, дорогой Боров, не в службу, а в дружбу – предупредите ваших охранников, чтобы те не вздумали закидать их гранатами, видите ли, в носильщиках у меня пара мертвяков.

Боров крикнул и поспешно покинул комнату. Эндоген взял блестящую тросточку, и тоже направился к двери. Старик подхватил выюки, впрямь оказавшиеся неподъёмными, пыхтя, потащил их. Когда они миновали дверь «Рая», та распахнулась и на пороге показался голый Бармалей, почесывающий мохнатое брюхо. Увидев Шамана, он выпучил глаза, издал горловой звук и мгновенно захлопнул дверь.

Со Старика сошло семь потов, пока он дотащил до плотика груз за ни разу не оглянувшимся Шаманом.

– Тяжело? Простите и не обижайтесь. -неожиданно мягко сказал Марьинский Шаман. -Так нужно. Все должны были видеть, что вы честно отработывали гонорар. Кстати, обязательно напомните Борову, чтобы выдал всё. Он не обсчитывает, но иногда может «забыть» о том, что нужно заплатить.

А теперь с глазу на глаз спрошу самое главное: почему вы здесь?

– Не могу ответить в двух словах.

– Может быть вас звала Зона? -чуть расширились вертикальные зрачки.

– Что значит «звала»?

– В подсознании не возникал убедительный голос?

– Я не сумасшедший. -сухо сказал Старик. -И достаточно образован, хотя и не читаю (он покосился на переплеты книг под прозрачной упаковкой) «Квантовую физику».

– Ах, да причём тут сумасшествие. -с легкой досадой сказал эндоген. -Меня привело сюда ощущение, что вы понадобились этому миру. Но для чего? Прошу, если почувствуете, что с вами происходит что-то странное даже по здешним меркам, позовите меня.

– Позвонить по телефону? -иронично спросил Старик. -Диктуйте номер. Или просто кричать за реку?

– А вы до сих пор не знаете, что внутри Зоны можно переговариваться при помощи карманных компьютеров? – несколько удивился Шаман. -Хотя правильно, там за стеной эти переговоры ведь не перехватываются... Но вы можете связаться со мной гораздо проще. Отвернитесь. Закройте глаза. Теперь постарайтесь представить моё лицо. Так, просто отлично. Несколько раз мысленно позовите меня. Замечательно.

– Телепатия? -поразился Старик.

– Читать чужие мысли нельзя. Передавать абстрактные понятия на расстояние – тоже. А вот транслировать простейшие эмоции – можно. Это что-то вроде мысленного крика боли, страха,

радости. Можно позвать кого-то, как вы сейчас. Правда, только один из тысячи способен вас услышать. И я услышу. А, вот и охранники. Сейчас переправят на тот берег.

Шаман поднял руку, в которой была никакая не тросточка, а метровый прут стальной арматуры, начищенный до блеска и заточенный с одного конца до игольной остроты.

– Всего вам доброго, Старик. -пожелал он.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

20 часов 00 минут 3 августа 2007 г.

– Ты бы ещё в полночь вышел пристрелять свою Царь-пушку. -ворчал Баклажан. -Вон, на том берегу видишь два засохших дерева? Между ними – светящиеся шары. Это бродячие погремушки. Они безвредные, если голыми руками не хватать. Вот по ним, несчастным, мы и тренируемся, словно в тире. В случае промаха пули уйдут в сторону леса, там никого из людей быть не должно, нечего там делать. При попадании погремушка на пару секунд разгорится и затрещит. Давай пали, успехов тебе в безнадёжном деле! Патроны-то хоть есть?

– Хватит. Боров отдал задешево.

– Само собой. Кому они нужны...

Старик положил автомат на плетень, тщательно прицелился. Простучала короткая очередь.

– Тьфу! -сплюнул он. -Последние сто лет оружия в руках не держал.

– Оно и видно. -безжалостно хмыкнул Баклажан. -Мимо. Некогда мне, пойду. А ты тут упражняйся, только смотри с машинкой осторожнее. Какое-никакое, а оружие.

Оставшись в унылом одиночестве, Старик тяжело вздохнул, покрепче взял ППШ, навалился на приклад и трижды нажал спусковой крючок. На противоположном берегу Норки распустилась и погасла тройка сияющих голубых шаров, послышалось перекачивание крупного гороха в жестяной банке.

– Птица Говорун, -довольно процитировал Старик, -отличается умом и сообразительностью! Продолжим.

-4-

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

9 часов 15 минут 4 августа 2007 г.

Стрелок, Хрыч, Тихоня, Ташкент, Глюк, Бобёр, Ушастый, Самовар, Старик

– В общем, так, -говорил Хрыч, стоявший перед строем, -Боров ушел принимать товар с той стороны, поэтому нынче провожаю вас только я. Стрелок берётся довести караван до Лукьяновки. С ним вы будете, как у Христа за пазухой, но всё равно держите уши на макухе, народ там, сами знаете, какой... За барахло уголовники дадут вам цветмет. Лом этот понесёте к Кузнецам. У них обменяете металл по списку на разные вещи и уже их доставите сюда. Всё ясно?

Шестёрка носильщиков молча закивала.

– Замечательно. -хмуро сказал Хрыч. -Понятливые. Автоматы в арсенале получили, вижу. Проверили? Хорошо. Ремни подогнать, предохранители снять, на плечо повесить. Порядок. Заплечные рюкзаки надеть. Самовар, застегни карман, не то КПК выронишь. Ушастый, выключи

фонарик на капюшоне, чего средь бела дня рассиялся? Нагрудные рюкзаки надеть. Бобёр, не путай лямки. Повернуться задницами. Ташкент, подтяни ремень, приладь фляжку. Тихоня, поправь нож за голенищем. Повернуться мордами. Нескобленными... Что, трудно было побриться, Глюк? Вечно ходишь мохнорылым. Ну что ж, вроде готовы. Ушастый, да выключи же фонарь! Что ж, с богом, ребята!

– Погоди. -бесцветно сказал Стрелок, -Еще раз напоминаю, что отвечаю только за шестерых. Возвращу всех в целости и сохранности. А что до этого смертника – то никаких гарантий. Если ему так хочется, может пристроиться попугачиком к каравану, но будет сам по себе. Возиться с ним я не намерен, в дом престарелых нянечкой не нанимался.

Старик, сидя на ящике, слушал Стрелка с самым невозмутимым видом, словно речь шла не о нём.

– Да понял я, понял. -досадливо сказал Хрыч. -Видишь же, что носильщиком его никто и не посылает. А ну, турист, подымись. Покрутись. Надо же: снаряжение с умом подогнано! Хвалю. А что в «сидоре»?

– Еда. -ответил Старик. -Аптечка и патроны.

– Ты что, все патроны со скидкой у Борова выкупил? Теперь попрыгай. Смотри-ка, не болтается, не лязгает. Опять хвалю. Вот автомат только... Далеко с этой хлопушкой собрался, самоубийца?

– Так «калашниковы» же только для носильщиков.

– Для них. -согласился Хрыч. -Вот и сидел бы дома, попукивал вечерами через речку по мишеням из своей балалайки, благо боеприпасы на неё копеечные.

Старик пожал плечами.

– Что ж, охота пуще неволи. Глядишь, повезёт – вернешься. -с глубоким сомнением вздохнул Хрыч. -Вы, парни, всё же того... присмотрите...

Стрелок морозно улыбнулся углом рта.

Караван двинулся к разобранному мосту через Норку. Стражники уже подогнали туда плотик.

– Послушай, -шепотом сказал Старику Тихоня, -в самом деле, не ходил бы ты с нами. Стрелку ты не по вкусу, сразу заметно. А это, знаешь ли, нешуточно.

– Так я и не армянский коньяк «Пять звёздочек», чтобы всем подряд быть по вкусу. -сухо заметил Старик.

– Ни пуха, ни пера, ребята. -искренне пожелал Хрыч. -Вернуться всем живыми-здоровыми и с барышом!

– К черту! Спасибо! -недружным хором отозвались носильщики.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

10 часов 00 минут 4 августа 2007 г.

Хрыч изумленно разглядывал многочисленные картонные коробки, пузатые брезентовые мешки, блестящие полиэтиленовыми боками тюки, пластиковые контейнеры. Носильщики из новичков хлопотливо втаскивали грузы в избу Борова. Тот делал какие-то пометки в КПК, подсчитывал, шевеля губами, довольно почесывал подбородок и время от времени указывал, куда следует складировать товар.

– Никогда такого не видывал! -поражался Хрыч. -Вот это да! Что ж ты такого отправил за стену, что они столько добра отвалили? Одежка, обувь, оружие, лекарства. О! Маслице подсолнечное, сахар! Шоколад, надо же! В честь какого праздника?

– Не ковырай упаковку! -ткнул его в бок Боров. -И не сбивай со счёта. Сорок девять, пятьдесят, пятьдесят один. Ага, так... пятьдесят два... Откуда всё, спрашиваешь? Старик, видишь ли, присоветовал. Странноватый он, конечно, но, по-моему, на плечах у него кое-что имеется.

Добытчик или там охотник из него, конечно, как из дерьма пуля, а вот в советники к нам с тобой сгодился бы, а? Ты вообще как, за эти дни к нему присмотрелся?

– Как сказать. -странным голосом ответил Хрыч и добавил. -Присматривался. Пока он тут вертелся,

– Это еще как понимать?

– А что, не знаешь, разве? Старик со Стрелком пошёл.

– Эх, ёж вам в зад, балбесы! -с чувством выговорил Боров. – Он же пяти шагов по Зоне не протопает. А если и протопает, то его в Лукьяновке бандюки кончат. Ума не хватило не пускать?!

– Сам захотел! -возмутился Хрыч. -Объясняли ему.

– «Объясняли»... Тьфу! Какой из него носильщик!

– Никакого. Так он и не налаживался грузы тягать. Погулять отправился, Зоной полюбоваться.

– Дурдом. -поставил диагноз Боров. -Психушка. Палата для безнадежных.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

10 часов 15 минут 4 августа 2007 г.

Стрелок, Тихоня, Ташкент, Глюк, Бобёр, Ушастый, Самовар, Старик

Когда караван переправился через Норку, Стрелок расставил носильщиков в цепочку и заговорил:

– Порядок у нас будет обычный, всем хорошо знакомый, поскольку новичков, как понимаю, среди вас нет.

– А он? -Бобёр указал на Старика.

– На попутчиков внимания не обращаем. -равнодушно ответил Стрелок. -Они могут идти впереди, сзади, сбоку. Лететь сверху или рыть нору под землей – тоже. Это их дело. Если с попутчиками что-то происходит, нас это не касается, продолжаем движение как ни в чём не бывало. Но если присутствие попутчика, упаси бог, прямо или косвенно угрожает нашим жизням, не задумываясь применяем по нему оружие. Всё понятно?

Лица носильщиков вытянулись.

– Вопросов нет, продолжаю. Каждое моё распоряжение исполняется моментально и безоговорочно. Идти всем в полном молчании, смотреть на мои знаки, слушать только меня. Болтливые, медлительные и непонятливые в воспитательных целях получают прикладом по чему попало, включая тупую голову. Но уверен, что таких здесь нет. Имейте в виду, можем встретить любого мутанта. Так что, если увижу мозгоеда, скомандую «Ложись!», значит, бейте харями в грязь без дискуссий. Прикажу «На дерево!», стало быть, на последнем слоге все сидят на ветках. Ушастый, почему лампочка мигает? До ближайшего привала замыкающим будет Глюк, потом его сменит Ушастый. Вперёд.

– Ну и сволочь этот Стрелок. -едва слышно прошептал Тихоня на ухо Ташкенту. -Фактически прикрыл Стариком хвост каравана, а там опасное место.

– Разговорчики. -мгновенно среагировал ставший во главе колонны Стрелок.

Было пасмурно, но жарко и душно. «Наверное, будет дождь, – подумал Старик, пристраиваясь за Глюком. -Эк, парит!» Они медленно шагали по древнему шоссе, из трещин которого выбивались жесткие пучки колючей травы. Каждый старался наступать след в след впереди идущему.

«Скорость – приблизительно метров триста в час. – прикинул Старик. -Любопытно, никогда прежде не было у меня хорошего глазомера. Идём на... («на фиг» подсказал, хихикнув внутренний голос) на северо-восток... градусов сорок пять... Любопытно, однако. В Зоне, как известно компасы не работают, стрелка крутится, словно пропеллер, а мне всё ясно. Может прав Шаман? Прирастаю талантами. Мутирую. А, почему, собственно, нет?»

Стрелок обошёл что-то блестящее и, кажется, шевелящееся. Строй в точности повторил его маневр. Когда Старик, описывая точь-в-точь такую же дугу, миновал это место, он увидел широкую и толстую трёхслойную ленту. С виду она была алюминиевой, шириной с полметра и толщиной сантиметров в тридцать. Лента медленно выползала из земли у обочины шоссе, изгибалась вихляющим полукружием и шагах в двух от места выхода с едва слышным шорохом вновь уходила в землю. Не то это был огромный вращающийся бублик, наполовину углубленный в почву, не то фрагмент бесконечного плоского металлического червя, переползающего из одной норы в другую. Судя по реакции Стрелка на слойку, она не представляла опасности. Старику очень хотелось остановиться и рассмотреть аномалию получше. Тем более, что в проштудированных журналах она, кажется, не была описана. Но караван продолжал хотя и медленно, но размеренно двигаться и Старик, вздохнув, в последний раз с любопытством покосился на слойку.

Слева черно-зелёной мёртвой и неестественно тихой массой стоял еловый лес. Старик знал, что эта чаща – один из самых неинтересных участков Зоны. Аномалий там имелось не больше и не меньше, чем в других местах. Но все они были пустышками, отчего-то не производили «штук», а вот сложить задаром кости там можно было легче лёгкого. Поэтому добытчики в лес не ходили. Не посещали его и охотники, поскольку животные там не водились из-за отсутствия корма. Однако забегающие туда кабаны банды время от времени сосредотачивались в остро пахнущем хвоей массиве для последующего набега на огороды черновского «курорта». Поэтому охранники были начеку и никогда не отворачивали объективы своих биноклей от окраины леса. Кабаны вполне могли атаковать караван, но, слава богу, приближение этих неповоротливых зверюг можно было услышать издалека и занять оборону.

Из записной книжки Старики

Кабан Зоны – потомок тех диких кабанов, которые обитали тут на момент катастрофы. Они уцелели, но, само собою, это далось им нелегко, большая часть зверей вымерла, мутировавшие единицы размножились. Это крупные млекопитающие, самец достигает метра в холке. Своей живучестью и агрессивностью данное животное куда как превосходит не только родичей вне Зоны, но и большинство местных мутантов. Кабаны Зоны отлично переносят вредные для здоровья факторы, что позволяет им подолгу находиться на загрязнённых участках. Мутагенные процессы, обусловленные воздействием как неизвестных факторов, так и изученных аномалий, в значительной степени сказались на облике этих млекопитающих. Кабаны облысели боками и брюхом, их кожа там стала толстой и очень прочной. На ней проявились пигментационные пятна легкомысленной желтоватой расцветки и глубокие морщины. Загривок и спина обросли короткой, густой и грубой шерстью. Копыта зверей изменили свою форму: стали острее и слегка загнулись, приобретя слабое сходство с когтями. Это обеспечило им лучшее сцепление с почвой при беге, позволило перемахивать, например, через стволы поваленных деревьев, цепляясь за шершавую кору. Зрачки кабаньих глаз обесцветились, поэтому маленькие глазки кажутся белесыми и обманчиво добродушными. Кабаны ведут групповой образ жизни, чаще живут семьями, но охотно сливаются в стада. Важную роль в стаде играет вожак, прочие самцы находятся «на подхвате». Прощтрафившихся помощников вожак вразумляет побоями, хотя до убийства никогда не доходит. При гибели вожака, как правило, стадо тут же распадется на семьи. Обычно самцы патрулируют территорию стада. При приближении того, кого они сочтут врагом (а существа это вздорные и в разряд неприятеля могут причислить без всяких оснований кого угодно), мгновенно атакуют. Врага отбрасывают и валят с разбега, рвут клыками, пытаясь вспороть живот жертвы. Всеядные кабаны охотно пожирают мясо убитых и падаль. Ходят непроверенные и маловероятные слухи о поедании кабанами трупов своих навших сородичей.

Дорога плавно опускалась в выемку. Старик вспомнил карту. Впереди должен быть виадук, железнодорожный мост над шоссе. Его отсюда не было видно, заслонили почерневшие, сухие и деревья с корявыми ветвями. Левая сторона выемки густо поросла все той же колючей травой, а правая была бурой каменной осыпью. Старик вспоминал все, что ему доводилось читать о Мармонтской Зоне, и удивлялся. Идти между двумя близкими возвышенностями считалось у

канадских сталкеров абсолютно недопустимым. «Добро, -подумал Старик, -посмотрим, Стрелок – мужик бывалый, знает, что делает».

Железобетонный мост давно обрушился, слева и справа сверху торчали искореженные ржавые рельсы. По левую руку виднелись остатки будки путевого обходчика. Перед будкой торчал вбитый в насыпь самодельный крест из двух свежих березовых перекладин. К ним была красным нейлоновым шпагатом прикручена табличка. Старик пригляделся и прочёл: «Гусак и Плюха». Понятно.

Перебираясь через бетонные обломки, Стрелок остановился на несколько секунд, надел шлем, пристегнул к вороту комбинезона, оглянулся, жестом приказал всем поднять капюшоны. Носильщики тут же повиновались, Старик – тоже. Он не отставал, шёл грамотно. «Мертвец. - хладнокровно подумал Стрелок. -Билет в один конец, в лучшем случае. С чего бы ему было в поход набиваться? Мёдом намазано? Или, может быть, Боров его нацелил? Какие-то секретные виды на него имеет? Странный тип этот Старик, очень странный, притом, кажется, очень смысленный. А это – отягчающее вину обстоятельство... Чую, внутри у него что-то припрятано. Нет, вряд ли тут проделки Борова. Он хорошо знает, что со Стрелком шутки плохи. И знает, кто такой Стрелок в Зоне. Нет, чушь, Боров ни при чём... Но для всех, чувствую, будет лучше, если этот пенсионер сыграет в ящик. Ничего для этого делать не придётся, надо только не мешать. Всё случится само собою. И тархтелка эта музейная у него под мышкой... Положат её Глюк с Ташкентом со скорбным видом и печальным словом на место, где ты прекратишься! Покойник ты, Старик».

– А ну, оцепенели на две минуты. -распорядился Стрелок.

Караван замер. Краем глаза Стрелок отметил, что Старик тоже дисциплинированно застыл. А реакция, между прочим, у него не по возрасту, он так и замер в шаге с приподнятой правой ногой, а потом неторопливо и осмотрительно приставил её к левой. Ну-ну...

Шоссе за виадуком совершенно скрывалось в тумане. А в ней, в белесой струящейся дымке, что-то колыхалось. Что-то аморфное и большое. Но безвредное. Стрелок покрутил наушники шлема. Точно. Безвредное.

– Пошли. Не отстаём, видим спину переднего, слышим пыхтение заднего. -негромко приказал он, положив руку на спусковой крючок «грозы». Один за другим они перебирались через обломки моста и скрывались в тумане. Старик смотрел на мерно колышущийся перед ним объёмистый рюкзак Глюка и в то же время старался улавливать все звуки за собой. Автомат держал наперевес, готовясь оглянуться в любой момент.

Теперь дорога шла на подъём. Сывороточный туман редел и противно опускался на сапоги, одежду и лица мелкой моросью. Но за выемкой стало совсем ясно, они повернули налево, миновали сухо потрескивавшуюся электру и взяли курс на видневшуюся впереди тройку полуразрушенных домов. Крыши их, с раскрошившимся в песок шифером и уныло торчавшими черными балками, напоминали грудные клетки скелетов каких-то ящеров. Над одной из крыш клубилось и слегка искрило что-то сиреневое, полупрозрачное.

Караван обошёл дома и остановился на сухой и ровной глинистой площадке длиной и шириной не менее сотни шагов. На ней не было ни травинки, под ногами неприятно шуршало. Это было странно, поскольку до этого места земля казалась довольно сырой.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Пески

12 часов 40 минут 4 августа 2007 г.

– ... "В коммуне остановка". -сказал Стрелок и одним движением сбросил свой ранец, -Что в переводе значит – всеобщий перекур. Садитесь парами, где стоите, спина к спине, оружие на коленях. Здесь вроде бы спокойно. Можно разговаривать вполголоса. Но слишком не расслабляйтесь, поглядывайте в сторону домишек.

Тихоня отстегнул один из клапанов нагрудного рюкзака, достал пакет с едой и фляжку.

– Хочешь? -спросил он Старика с набитым ртом. – Тут картошка. Варёная.
– А я взял мяса. -ответил Старик, -Давай скооперируемся.
Некоторое время они жевали молча.
– Странно сухо здесь, верно?
– Сухо, – согласился Тихоня. -И глина какая-то пыльная. Обычно так бывает на бывших комариных плеших. Но плешей такого жуткого размера не может быть, обычно они метров пять диаметром, не больше.

Из записной книжки Старика

Комариная плешь именуется учеными гравиконцентратором. Также одна из примитивнейших, а потому и ранее всего открытых аномалий зоны. Но, несмотря на то, что она известна уже полвека, физики так и не смогли удовлетворительно объяснить, отчего сила тяжести в комариной плешу от пятидесяти до ста раз (в зависимости от размеров аномалии) больше земной. При попадании чего-либо в аномалию, страшная гравитация расплющивает объект «в блин» до полной неузнаваемости. О том, что происходит с животными и людьми, угодившими в плешь, лучше вообще не рассказывать. Время жизни комариной плешу – в среднем 15-20 лет, после чего она плавно ослабевает вплоть до полного исчезновения. Но это означает лишь то, что в это же время с той же скоростью где-то в Зоне разрастается такая же плешь. Подлость аномалии заключается в том, что только днём внимательный наблюдатель может визуальным образом обнаружить её: над аномалией плотный тяжёлый воздух образует своеобразную «линзу», преломляющую свет. Ночью же комариная плешь совершенно не различима даже в бинокли и приборы ночного видения. Хорошо, правда, то, что американская «ищейка» в нагрудном кармане комбинезона достаточно уверенно определяет плешу и сообщает о них мерзким басовитым писком.

Комариные плешу порождают феномены под названием рачьи глаза. Порождать-то порождают, да вот как их добыть! Эти «штуки» подбирают только на исчезнувших аномалиях, вследствие чего рачий глаз настолько редок, что ученые там, за стеной Зоны даже не догадываются, что подобное может существовать. Они, учёные-оборонщики дорого бы дали за то, чтобы аналогичного свойства добиться в лабораторных условиях. Но добытчики предпочитают оставлять такие «штуки» у себя. Ведь при ношении рачьего глаза близко к телу денатурализация белков проходит медленнее. Другими словами, человеческая плоть приобретает большую устойчивость к высоким температурам и меньше обгорает.

– Старик, – вдруг тихо сказал Тихоня, глядя в сторону. – А тебе еще не рассказывали о радиостанции? О Большой Антенне?

– Какой Антенне? -рассеянно спросил Старик. -Кто бы мне и что рассказывал? А самое главное – когда? Мы же всё время вместе, сам знаешь.

Тихоня сконфуженно хмыкнул, запустил пальцы в давно не стриженую шевелюру и сказал: - Да есть, по слухам, такой объект в Зоне, хотелось бы с умным человеком поговорить на эту тему...

– "Вставай, проклятем заклеимённый"... -скомандовал Стрелок. -Двигаем дальше.

В этот момент в его кармане курлыкнул карманный портативный компьютер. Очевидно он был соединен со шлемом, потому что Стрелок выдвинул из ободка шлема микрофон и произнес: - Слушаю.

– О! -вспомнил Старик. -Во время беседы с Шаманом тот сказал, что в Зоне можно переговариваться при помощи КПК.

– Конечно. -подтвердил Тихоня. -Мобильные телефоны тут не работают, ретрансляции нет, зато карманные компьютеры непонятно отчего действуют безукоризненно. Правда, только в пределах Зоны, с внешним миром – никакой связи.

– А как подключиться? -полюбопытствовал Старик.

– Доставай машинку, сейчас настроим.

Тем временем Стрелок слушал невидимого собеседника с едва заметной презрительной усмешкой.

– Не понимаю тебя, Боров. -холодно сказал он. -Все свои вопросы решайте сами. При чём тут я? Договорился провести караван по треугольнику «курорт»-Лукияновка-Гремяче-«курорт»,

верно? Обещал привести всех шестерых целыми-невредимыми, так? Нет, Боров, нет, по слогам: ше-сте-рых! Остальное меня совершенно не интересует. Конец связи!

Он спрятал микрофон и оглядел ведомых: -Шагом марш! Замыкает Ушастый.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Пустошь

16 часов 10 минут 4 августа 2007 г.

Теперь Старик следовал за Ушастым и слушал его размеренное сопение.

Впереди замаячила рыжая полоса невысокого обрыва. Справа среди мелкого и тощего кустарника стояло... нет, не стояло, а выросло дерево... нет, не дерево, а Дерево. Даже Дерево-о-о-о! Его размеры были совершенно дикими и ненормальными.

На тех снимках, которые удавалось сделать с башен охватывающей Зону стены, эти гиганты выглядели ничтожными. Зато вблизи... Понятно, что в зоне мутировали не только животные. Появлялись и новые растения. В отличие от фауны флора почему-то изменялась, что называется, редко, да метко. Подавляющее большинство деревьев, кустов и травянистых растений Зоны выглядели вполне привычно. Но уж если какие-то из них «сходили с ума», то их «сумасшествие» оказывалось необычайно буйным. Из обломленных и упавших на землю еловых лап вырастали новые ели. Тополя оплетали под собой все пространство узловатыми корнями, из которых выбрасывались наверх сотни молодых побегов. Клёны прекращали рост, достигнув высоты по пояс человеку, зато их стволы разносило вширь, так что они приобретали форму дольчатой тыквы. Цветы пахли совершенно не так, как за стеной.

Сейчас караван проходил мимо растения, которое, судя по белой с черным коре происходило от березки. От той самой, по какой обожали тоскливо подвывать поэты-деревенщики. Непроглядно плотная крона вздымалась в высоту метров на двадцать пять и в диаметре была не меньшего размера. В стволе при желании можно было бы выдолбить гараж для легковушки.

Нет, это было не дерево. Это был целый мир, живший собственной и во многом самодостаточной жизнью. Всё лето сверху густо сыпались полукилограммовые сережки, на которых нагуливали жирок кабаны и норные крысы. Но если кабаны, хотя и были начеку, но особенно ничего не опасались, то всякой мелочи приходилось держать ухо востро: в дупле пищал выводок суперкошки, а сама ягуаровидная мамаша серой тенью соскальзывала вниз в поисках жирного тушканца. На тонких ветвях, которые не выдерживали кошачьего веса, но были пригодны для гнездования, строили жильё сороки, вороны и всякая пернатая мелочь. Под корнями основывали многотысячные колонии тушканцы.

Из записной книжки Старика

На самом деле тушканцы не состоят в родстве со всем известными тушканами, хотя и весьма похожи на них. Указать вид, от которого произошли тушканцы Зоны, пока не представляется возможным; можно лишь утверждать, что их предки были стайными животными, скорее всего грызунами (хомяками? сусликами? сурками?). Достигая до 40 сантиметров в холке, они значительно мобильнее, задиристее и прожорливее пустынного зверька. Обитают в основном под корнями гигантских деревьев-мутантов. Питаются растительностью. Тушканцы – любимый объект охоты суперкоотов. Но звери с удовольствием меняются ролями и превращаются из жертв в агрессоров. Иногда жертвой тушканцев, охваченных приступом необъяснимой ярости, становятся даже крупные животные и люди. Нападая большой стаей, эти вегетарианцы достаточно сноровисто забивают до смерти крепкими задними лапами существо, не успевшее убежать.

– Разве можно приближаться к дереву, Стрелок? -осторожно спросил Самовар.

– Не можно. -ответил разведчик. Он оглядывался по сторонам. Идти предстояло к невысокому обрывчику. -Не можно. -повторил он, повесил «грозу» на левое плечо, а правой вытащил из кармана пригоршню камешков.

– Впереди две комариных плеши. -объявил он. -Старые, слабые, но кишки выпустить вполне хватит. Форма – неправильная, со щупальцами, проход между ними узкий. Поэтому уплотняйтесь. Дистанция – расстояние вытянутой руки. Проверьте, чтобы в стороны ничего не торчало. Ступайте след в след.

Он бросил камешек вперёд и влево. Галька взлетела, как обычно, описала дугу и внезапно, странно дернулась, резко ускорилась и со свистом врезалась в бурую землю. Маленькое отверстие в почве тут же затянулось. То же самое произошло и с камешком, брошенным вправо. Камешек, брошенный Стрелком вперёд на пару шагов, упал как обычно. Стрелок осторожно продвинулся, поднял «счастливую» гальку и вновь повторилось то же самое. Шестерка носильщиков медленно и очень тщательно перемещалась, ступая по рубчатым отпечаткам его обуви.

Носильщики не просто замедлили шаг, они шаркали подошвами так, чтобы за ними оставался след, заметный идущему сзади. Старик старательно двигался по образовавшейся узкой стежке, да еще и умудрялся косить глазом по сторонам. Справа он заметил останки какого-то сельскохозяйственного орудия. Что-то вроде сеялки угодило в самую середку плеши. Всё расплюснуло в железную оладью, ничего целого не осталось, разве что массивное колесо было можно опознать. За левой плешью возникло крупное серое животное. Оно уселось на ствол поваленного дерева и принялось чесаться. Некоторое время рассматривало караван сквозь воздушную линзу аномалии, потом мякнуло басом и исчезло за кустами. Почти сразу же там послышалось чьё-то верещание. Кажется, котята сегодня без ужина не останутся.

Изматывающее медленное движение по сложной траектории завершилось у самого обрывчика. Стрелок неожиданно быстро устремился вверх, перехватывая руками черные голые прутья мёртвого вишенника.

Стрелок

«Что в Зоне бывает постоянного? Сегодня проходишь здесь и так, завтра приходится идти там и эдак. Обычное дело. Но чтобы такое... В общем, прошли мы между комариными плешами, добрались до края пустоши. Теперь предстояло взобраться по осыпи наверх, а там и отдохнуть можно. Осыпь... И тут нежданно-негаданно по хребту рекой хлынул ледяной пот! Появилось совершенно дикое чувство. Вроде бы я превратился в тепловоз, а сзади меня шесть груженных вагонов и седьмая цистерна с бензином. Причём над цистерной уже пляшут огоньки. И тут такое произошло, чего никогда раньше со мной не бывало: ломанулся по откосу наверх, чтобы побыстрее взобраться и оглянуться. Глинистый скат оказался чистым, никакой гадости не припрятал, благополучно довел до самой кромки. Я подтянулся. Влез. Тихо порадовался. Повернулся. Смотрю: «вагоны» мои груженные следом прут, дисциплинированно так, в точности тем же манером и с той же скоростью. И этот, седьмой... «цистерна»... не отстаёт. Не-ет, граждане начальники, так нельзя. В этом мире заказано спешить. Торопиться разрешается только самоубийцам на тот свет. Однако, отчего со мной такое приключилось, почему Стрелок задержался, словно истеричная гимназистка, – вот вопрос! Или не вопрос? Ничего случайного в мире не бывает, а в Зоне – тем более. Это всё из-за пенсионера, вот что! Зона его метит, слышал о таких редкостях, хотя сам не встречал. Так что же прикажете с ним делать, с меченым? Здесь отцеплять, или рискнуть – пусть тащится следом до Лукьяновки, а уж там «горящую цистерну» подарить бандюкам? Ладно, там видно будет...»

– Эй, сталкеры, – сказал Стрелок, -живы, а?

Он снисходительно скривил угол рта, супермен – всегда супермен: он не суетится, а ускоряется: -Идём дальше. По сторонам не пяльтесь, но глаза а уши держите нараспашку.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Луг

21 час 15 минут 4 августа 2007 г.

Стрелок, Тихоня, Ташкент, Самовар, Глюк, Бобёр, Ушастый, Старик

– Можно спросить, Стрелок?

– Валяйте.

– Спать придётся в открытом поле?

– А кто сказал, что вообще будете спать?

– Ну... -замаялся Глюк. -до сих пор же никто по Зоне ночами не шастал... Сожрут и костей не оставят.

– Во-первых, шастали. Я, например. Во-вторых, действительно – лучше в темноте не шастать, сожрут, подтверждаю. В-третьих, утешься, Глюк, спать не состоится, как говорят одесситы. Видите, что там впереди? Курс – на блестящий волдырь. -Стрелок дважды отмахнул ладонью в сторону чего-то блестящего в сотне шагов от каравана. – Понятно? "Марш-марш вперёд, рабочий народ".

Он захлюпал по грязи, неведь откуда возникшей перед караваном. Бобёр конвульсивно вздохнул и, осторожно погружая сапоги в зеленоватую жижу, двинулся за ним. Зачавкали по болотцу остальные.

– Тише, тише. – сказал Стрелок. Гнать незачем, идём по расписанию.

Он прощупывал болото тонкой хворостиной, привычно лавируя между неприятного вида пухлыми кочками. Затылком он чувствовал настроение ведомых. Устали, думал он. И бояться. Молодцы, надо бояться.

– Стоп, машина! – приказал он каравану.

Носильщики в тот же миг замерли по лодыжку в зелёной воде. Пока стояли, болотце всосало их на добрую пядь, еще немного и вода попала бы в сапоги.

– Столбы видите? – спросил разведчик. – Вон те, гнилые и мокрые. Проходить будем между ними. Не вздумайте притронуться: не убьёт, но электричеством треснет так, что добавки не захочется.

Топь гнусно чмокала. Мертвой была эта загнившая лужа – ни комарья, ни пиявок, осока и та побурела. Стрелок привычно поглядывал на все стороны, но пока вроде бы все было тихо. Блестящее полушарие медленно надвигалось, выделяясь на серо-розовом закатном небе. За глянцево-куполом аномалии, туда, к северо-западу, в сторону Лукьяновки, воздух над пустошью мутно струился и перламутрово переливался. Порою в нем размеренно загорались и тухли разноцветные огоньки. Разведчик посмотрел на эти переливы и равнодушно отвернулся.

– Добрались. -сказал он и носильщики повернул к нему напряженные лица. -Плохое это место, смертью насыщенное. прогуливаться здесь особенно опасно. Потому как любой, кто в сторону свернёт, и кочку раздавит, в лучшем случае может остаться без ноги. У куста чёрное пятно видите? Ну, куда уставились, гружёные? У клёнов!

– Ага. -сказал Тихоня.

– Проходили здесь Стрелок со Штопором. Давно. Штопор не послушался Стрелка и решил идти ночью дальше. От него даже на поживу свиньям ничего не осталось. Только это пятно сажу мудрым людям в напомиание. А Стрелок заночевал в машине времени, остался жив-здоров, и сейчас вас ожидает то же самое. Ночью тут всю бродят зомби, встречаются кровососы. Но внутри машины бояться нечего.

Разведчик расстегнул молнию на рукаве. На левом запястье у него оказались двое обычных механических часов на кожаных ремешках. Одни часы он снял и для чего-то на повесил на самую верхнюю ветку засохшего деревца.

– Делай по одному, как я. -распорядился он, прижал руки по швам, с видимым усилием вдавился в блестящую поверхность полусферы.

Из записной книжки Старика

Машина времени – золотистый прозрачный купол, напоминающий чудовищный мыльный пузырь. Кажется, японцы с подводных лодок наблюдали нечто похожее в одной из океанских зон, но ничего вразумительного до сих пор сказать об этом явлении не могут. В Мармонте таких

аномалий точно нет, но, несомненно, первоначально были. Если бы я переправил за стену тому же Штаерману простое описание машины времени, это тут же обернулось бы, как минимум, чьей-то мгновенной кандидатской диссертацией. Эту аномалию можно полным основанием причислить к разряду чудес!

В объёме диаметром 2- 4 метра течение времени многократно замедляется. Отрицательного воздействия на здоровье, судя по всему, аномалия совершенно не оказывает, но войти внутрь нелегко, равно как выбраться из неё. Интересно, что в центре машины времени обычно находится «штука», известная исследователям Мармонтской Зоны под названием черные брызги. Здесь, под Усть-Хамском, её нежно и трогательно называют мамиными бусами.

Как и многое другое, свойства маминых бус не объяснены наукой. Установлено, что при попадании луча света в черный шарик, свет выходит из него с задержкой. Задержка зависит от величины и массы бусины, еще кое от чего. При этом частота выходящего света всегда меньше частоты входящего. Кто-то из наиболее компетентных американских зоноведов высказал смелое предположение, будто черные брызги (мамины бусы) – колоссальные объёмы пространства, имеющего совершенно иные свойства, нежели наше, и приобретшего такой сжатый вид под влиянием нашего пространства.

При изъятии брызг-бус аномалия прекращает своё существование. Вот почему в Мармонте больше не осталось машин времени – сталкеры повытаскали все черные брызги и распродали на украшения любовницам миллионеров. Усть-Хамские добытчики машин времени не разоряют.

- Иди. -сказал Тихоня.
- Твоя очередь. -возразил Старик.
- Давай-давай. Я за тобой.

Старик невольно задержал дыхание закрыл глаза, прижал руки к телу, так, что даже больно стало и навалился на золотистую плёнку. Только вовсе не была она никакой плёнкой, а скорее напоминала очень плотный и горячий банный воздух. Перехватило дух, Старик закашлялся, открыл глаза. Он был уже внутри аномалии, а в спину ему тут же ткнулся Тихоня.

– Сесть тут негде. -голос Стрелка был неожиданно басовитым, гулким. -Придется постоять. Но недолго, не переживайте.

Старик в полном изумлении смотрел на то, что творилось за пределами аномалии. Там мгновенно стемнело. Заметались какие-то тени, засверкали искорки. Залихватски выкатилась луна и метнулась в центр медленно вращающегося звёздного неба. Такую картину ему прежде доводилось видеть только в планетарии. Никакие звуки извне не проникали, совершавшееся напоминало перемотку видеофильма на повышенной скорости. Стремительная рябь на поверхности купола свидетельствовала о том, что прошёл дождь.

– Четверть дела сделано. -прогудел незнакомым баритоном Стрелок. -Осталось три четверти – выйти. Запомните, выбираемся все в разные стороны одновременно. Давим на стенку изо всех сил по счёту «три». Повернитесь лицом наружу. Приготовьтесь. Раз. Два. Три!

Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Луг

8 часов 00 минут 5 августа 2007 г.

Стрелок, Тихоня, Ташкент, Глюк, Бобёр, Ушастый, Самовар, Старик

Старик что было мочи упирался ногами в землю, отталкивался, вырывался прочь. Было полное ощущение того, что он бредет в бассейне с горячим киселем. Еще шаг, еще... Аномалия выпустила его внезапно, холодный утренний воздух подарил неопишное блаженство. Четверо, включая флегматично жующего холодное мясо Стрелка, уже сидели рядом с машиной времени.

– Ещё один. -сказал Бобёр. -С возвращением в наше время, Старик. Наверное, минут через двадцать и тех дожждёмся.

Из золотистого полушария барельефами выдавались замершие фигуры Ушастого и Тихони. Впрочем, нет, не замершие, внимательно присмотревшись можно было заметить едва заметное движение.

Бобёр ошибся совсем немного, через четверть часа Ушастый и Тихоня, красные, словно раки и с выпученными глазами стояли рядом со всеми.

Стрелок неторопливо доел, вымыл руки водой из фляжки, обсушил, помахав кистями. Снял с сухой ветки повешенные там вчера часы, поглядел на циферблат.

– Четвёртое августа. -объявил он, надевая их на руку. -Восемь часов ноль семнадцать минут. Сверьте время, поправьте компьютеры.

Выждав, пока все закончат устанавливать отставшие внутри аномалии таймеры, разведчик подошёл к Тихоне и, не размахиваясь, лениво ударил того в лицо. С раскинутыми руками парень рухнул на мокрую землю. Стрелок остановился над ним, неторопливо надевая шлем и поправляя респиратор.

– Так-то вот, дружок. -сказал он наставительно. -Считать разучился? Придётся снова обучаться. Вас шестеро. Ты был обязан войти шестым. Всё понял, или повторить процедуру?

Тихоня неуклюже перевернулся, встал на четвереньки, выпрямился, стирая рукавом кровь, капавшую на нагрудный рюкзак.

– Так что же: с одного раза усвоил, или требуется повторение?

– Не требуется... всё понял... Стрелок... запомнил...

– Вот и славно. В другой раз получишь прикладом по зубам. Если они к тому моменту останутся. Пшёл в строй! Нет, замыкающим. И не капай своим компотом на землю, не то псы по следам пойдут. Утирайся или сглатывай.

Стрелок даже не посмотрел на Старика, словно того не было. Но Старик, как, впрочем и остальные, прекрасно понимал, что ситуация складывается не лучшим образом.

– Гад...-прошептал Тихоня, становясь в хвосте колонны. -Ох, и гад же... Псих сумасшедший...

– Прости. -угрюмо сказал Старик.

– Причём тут ты... Я об этом...

Мысленное досье на Бобра

Бобёр – бывший фермер, ранее преуспевал. В Зону отправился исключительно из неуёмного любопытства, жгучего желания увидеть инопланетный мир и самостоятельно изучать его жестокие чудеса. На огороде экспериментировал, выращивал неплохие урожаи растений, семена которых Боров по его просьбе заказывал за стеной. Бобру крупно не повезло – кабаны, сломав плетень ворвались на его огород в то время, когда он копался на грядках. Хотя, с другой стороны ему баснословно повезло – охрана расстреляла секачей прежде, чем те подняли Бобра на клыки. Он отделался переломами и травмами, но остался жив. За два месяца лечения потратил все сбережения. Был вынужден уступить свой надел и перешёл в рабочие. Добросовестен. Рассудителен. Обладает практической сметкой.

Стрелок глядел на строй носильщиков и пытался разобраться в своих странных предчувствиях. Зона наделила его редкой способностью замечать то, что оставалось вне поля внимания прочих. Он обнаруживал скрытые от других аномалии, секундой раньше реагировал на опасности и успешнее преодолевал препятствия. Верно, что бесплатным бывает только сыр в мышеловке, да и то лишь для второй мыши. Зона ничего не даёт даром. Как там у Ломоносова: «Ежели где что прибудет, оное в другом месте в том же числе убудет»? Несколько настораживало то, что Стрелок не замечал за собой ничего «убывшего», того, чем пришлось заплатить за дар Зоны. Но это уже дело другое... А что же сейчас? Интуиция, которой пренебрегать никак не следовало, подавала сигналы тревоги, настраивала против совершенно безобидного с точки зрения обычной логики Старика. Почему? В чём дело? От всех этих ощущений скапливался в сознании какой-то неприятный осадок, вроде песка в отлаженном механизме.

– Что? – спросил Стрелок, придя в себя.

– Я спросил, закурить перед дорогой можно?

– Да, Бобёр – сказал разведчик, -конечно. Минуты три ещё постоим.

Бобёр, с трудом вытащил сигарету из внутреннего кармана и, разминая ее, уставился в прохладный и розовый утренний туман. Мгла не таяла со временем, напротив, густела, уплотнялась.

– Бррр... -содрогнулся Самовар. -Сыровато. Оставь пару затяжек.

Бобёр, кивнул, выпустил сизое облако дыма и протянул окурочек.

– "Минздрав предупреждает"... -заметил Стрелок. -Оздоровились? Тогда по местам.

Автоматы никто не вздумал на предохранители ставить? Отлично. Посмотрите на клёны. Возьмите на ладонь влево от сгоревшего Штопора... Взяли? Отметили точку? Ну, приблизительно там, где ветки погуще... Вот туда и шевелимся. За мной!

Теперь они шагали по сырой земле, поросшей жирной темно-зелёной травой с толстыми стеблями и круглыми листьями на них. Мутировавший клевер? С каждым шагом под ногами становилось все больше воды и скоро они шли вновь по грязи и лужам. А на выученной наизусть карте полувековой давности везде здесь – сухой луг, подумал Старик. Плохо. Можно крупно промахнуться, слепо доверяясь карте.

Старик держал правую руку на шейке своего ППШ, висящего стволом влево и вниз. Перед глазами мерно колыхался раздутый рюкзак Тихони. На выцветшем брезенте блестели капельки осевшего тумана. Парень шагал легко, уверенно. Так, словно и не было двенадцатичасового изнуряюще медленного движения, утомительной получасовой ночи в машине времени, напряжения всех органов чувств, от которого каждая артерия наполнялась тяжелой вязкой ртутью усталости. Словно и не получал по физиономии от Стрелка. Молодость...

Старик понимал, что заученная наизусть карта только приблизительно соответствует действительности, но она постоянно всплывала в памяти. Сейчас тянется в обе стороны заросшая карликовыми топольками и кленами равнина, за ней – покатаая возвышенность, с которой уже должна быть видна Лукьяновка. И еще он знал, что они должны пройти мимо большого шлакоотвала. Он знаменит тем, что наблюдатели с ближайшей башни на стене отмечали в его районе непонятное сиреневое свечение.

Туман быстро оседал. Вот он уже по горло и над мутно-розовым одеялом видны впереди только головы: одна в шлеме, шесть в капюшонах. Потом туман опустился по пояс. Затем сгустился в тяжелые струи, лёг еще ниже. Носильщики теперь шли по колено в слабо клубящейся полупрозрачной мути. Тянуло прелью, от темных пятен слева припахивало давней падалью. Пятна приобретали очертания человеческих тел. Ташкент издал сдавленное мычание. Когда ветерок слегка поколебал тающее одеяло тумана, открылась жуткая картина. Три трупа в драной черной одежде лежали, невообразимо извернувшись. Возникло впечатление, что из тел выкачали не только кровь, но и все внутренности, оставив лишь тёмную кожу, обтягивающую кости.

Все одновременно остановились, словно вкопанные. Позади вдруг послышался высокий, заунывный стон. Восемь стволов мгновенно повернулись в ту сторону. Однако было по-прежнему тихо, лишь журчала, струясь из родника почти под ногами, тонкая струйка ржавой воды.

– Кажется, что-то неживое... – нетвердо выговаривая слова, прошептал Самовар. -Может аномалия какая образовалась, а? Или там ещё что...

Старик расширенными глазами смотрел туда, откуда они шли, откуда раздался стон. И ничего не видел. Он вспоминал. Это было давно, двадцать три года назад, когда в больнице умерла его мать. Он не мог понять, проснулся ли в ту ночь точно от такого же звука, унылого и протяжного, или продолжался сон. Боясь догадаться, к чему это, он лежал и, не дыша, смотрел в непроглядную темень. Оттуда могло бесшумно вынырнуть высокое человекоподобное существо отвратительными отростками на морде. Длинные, кривые и костлявые руки раскроются, чтобы обнять лежащего Глеба. И не будет ни сил, ни воли резко отпрыгнуть, развернуться, убежать. Поздно! Кривые цепкие руки с длинными пальцами и странными присосками на ладонях схватят безвольно обмякшее тело. И силясь не то проснуться, не то, наоборот, уснуть, Глеб видел, как жуткая морда, с щупальцевидными отростками, приближалась к его шее...

– Вот дрянь, -досадливо сказал Стрелок. -некстати как... Кровосос где-то шляется, может увязаться. У кого бутылка с бензином?

– У меня. -тут же откликнулся Ташкент.

– Полить следы и поджечь. До самой Лукьяновки – повышенное внимание.

– Трупы бы тоже сжечь, не то оживут. -осторожно предложил Глюк.

– Нет времени. Будем надеяться, что кабаны подберут.

Из записной книжки Старика

Кровососы – очень редкие (к счастью!) и необычайно опасные (к сожалению!) монстры. Нет сомнений: именно они ответственны за гибель караванов, за смерть большого количества добытчиков и охотников. Для обитания кровососы предпочитают сырые места вроде болот и подземелий где-то на севере зоны. Высокая влажность и, предпочтительно, сумерки – вот необходимые условия бытия и охоты кровососа. Неудивительно: его главные органы, сохраняют свои свойства лишь в сырой среде. Так как у кровососа система терморегуляции находится на примитивном уровне лягушек, то есть ближе к холоднокровным, то и метаболизм замедленный и зависит от температуры воздуха. Идеален для кровососа показатель выше 17-18° С. Поэтому дождливой, но прохладной зимой монстры, скорее всего, прячутся в укромных местах и впадают в спячку.

Кровосос сумеречное существо, сетчатка его глаза имеет большое количество колбочек. Это позволяет ему видеть в темноте и сумерках лучше чем днём. В темноте, зрачки его, понятно, расширены, поэтому в свете фонаря оцепеневшей жертве видна полыхающая алым сетчатка – хорошо известный по фотографиям эффект «красных глаз».

Кровосос выглядит как высокий сутулый гуманоид со множеством щупалец на месте рта. Скорее всего, это видоизменённые ротовые органы – язык, щеки и изменённая до неузнаваемости нижняя челюсть. Они выполняют несколько функций. В основном это – орган чувств и часть рта. Находясь в расслабленном состоянии щупальца колышутся и улавливают в воздухе запахи. Как орган чувств щупальца подобны раздвоенному языку пресмыкающихся. Внутреннее строение щупалец отвечает их основному предназначению: пронизана кровеносными сосудами и нервами, имеет три слоя мускулатуры что позволяет кровососу использовать их в процессе питания. Поверхность их неоднородна и на внутренней (ротовой) части усеяна множеством рецепторов. Также на внутренней поверхности расположены и слизистые железы, которые выделяют фермент, проедающий кожу жертвы, и одновременно препятствующий сворачиванию крови. С помощью этих щупалец чудовище питается: впиваясь ими в шею живой жертвы, оно парализует свою добычу и высасывает её кровь. После такой процедуры от животного или человека остаётся лишь высохшая оболочка, напоминающая мумию.

Самое невероятное в рассказах о кровососах – приписываемая им способность становиться невидимыми. Скорее всего, это следует отнести в разряд фольклора Зоны. Легенды, пожалуй, имеют под собой почву: мутант очень быстро перемещается, сверхъестественно ловко огибая аномалии и опасные места.

Кровосос – это, пожалуй, единственный монстр, тайна происхождения которого была раскрыта и тут же строжайше засекречена. В 1977 г., как с большой неохотой рассказал профессор Штаерман, охранникам «курорта» удалось (уникальный случай!) подстрелить чудовище и выгодно сбывать его труп за стену биологам, одуревшим от счастья. Вскрытие показало, что кожа кровососов необычайно прочна. Структура кератина (основного строительного белка) сильно изменилась, что и привело к огрубению кожного покрова, отличающегося наличием нескольких дополнительных слоев. В нём хорошо различимы вкрапления костной ткани – своеобразные пластинки, великолепно выполняющих защитную функцию. Стоит отметить также прекрасные регенерационные возможности кожных покровов этих мутантов. И вот, когда при вскрытии хирург добрался до странных пятен на левой стороне груди, его ждало потрясение. Пятна под чешуйчатым покрытием оказались расплывшейся от времени, но вполне опознаваемой татуировкой – буквами грузинского алфавита!

Она объяснила многое.

В 1956 году во время катастрофы происходило не только массовое бегство уцелевших людей из Зоны. Одиннадцатью годами ранее к северу от Глызино разместили около тысячи депортированных за сотрудничество с гитлеровцами кавказцев. Они то и устремились в пораженный район, надеясь учинить резню и грабежи во время всеобщей паники. Предполагалось, что все горцы сгинули в Зоне и местная администрация, для которых переселенцы были вечной (у)головной болью, тайком вздохнула с облегчением.

Но Зона распорядилась по-своему. Несомненно, многие сотни джигитов сложили головы, но несколько десятков попали под мощнейшее воздействие необъяснимой природы. Они-то и трансформировались в кровососов. Потрясает то, что сейчас этим немногочисленным патриархам Зоны в среднем лет по семьдесят, но они отнюдь не собираются терять агрессивности и хищной хватки. Возможно, сказались «гены кавказского долгожительства» в сочетании с зимней спячкой, когда резко замедляются процессы старения. Ну, а насильственной смертью чудовища погибали крайне редко.

Тихоня посмотрел на побледневшее лицо Старика и машинально провел испачканным рукавом по разбитым губам. Но, похоже, парень забыл о боли, когда Старик указал взглядом в сторону серых барханов шлакоотвала.

– Гляди! – сказал он. – Все смотрите. Он там, ребята...

Стрелок молниеносно прижал приклад «грозы» к плечу, все вскинули автоматы. Над серо-фиолетовыми кучами, усыпанными какими-то блёстками, скользнуло какое-то дрожание, трепетание, похожее на струи раскалённого воздуха в сухой полдень над асфальтной дорогой. Оно метнулось в одну, другую сторону, перекинулось через самый большой шлаковый бархан и понеслось параллельно курсу каравана. Вдруг остановилось на секунду у покосившегося столба с обрывками проводов и мочалой жгучего пуха на них, затем исчезло в невидимой выемке.

Все долго всматривались жёлто-бурую щетину прошлогоднего камыша, но так ничего и не заметили.

– Там он, не сомневайтесь, ребята. – лихорадочно шептал Старик. – Коряга раздвоенная... На пять градусов правее.

– Заткнуться всем. – приказал Стрелок, но с досадой отметил про себя, что Старик опередил его. Действительно, у коряги чуть заметно двигалось что-то расплывчатое.

«Гроза» Стрелка и ППШ Старика застучали одновременно, когда размытый силуэт фантастически быстрыми зигзагами понесся к каравану. Неясная фигура дернулась, и на какой-то миг перед изумленными людьми предстал кошмарный облик кровососа. Грохнули «калаши» носильщиков. Никто толком не успел рассмотреть кровососа, а он вновь исчез, за кучами шлака словно слился с ними.

– Опустить стволы. – сказал разведчик. – Двигаем дальше. Не зевать, готовность номер один.

Непонятно, недоумевал Стрелок. Полный абсурд. Правда, он, по счастью, всего дважды наблюдал кровососов в бинокль, притом с почтенного расстояния. Но кое-что о них знал. Произошедшее полностью противоречило всему опыту разведчиков Зоны. Во-первых, что этой твари делать в шлаке? Там же сухо, словно в пустыне, а кровососу милее сырой лошкинничего нет. Во-вторых, эти мутанты нападают от заката до рассвета, а сейчас светло. В-третьих, они – засадные хищники, атака в лоб, да еще с такого расстояния, исключена. В-четвёртых, напавшего монстра никакие раны не останавливают, он доводит дело до конца. Так что же сейчас произошло?! Сумасшедший кровосос? Но даже свихнувшийся монстр бросился бы на замыкающего караван человека... Стоп, Стрелок, погоди-ка, а ведь, похоже он вырубил к нам в тылы по всем правилам – из болот и в утренних сумерках! Да вдруг от чего-то совершенно ошалел, метнулся в шлак, а потом кинулся нам навстречу и уже подстреленным понесся куда-то прочь. Почему бы ему не наброситься на последнего? То есть на... Старика?! Нет, пора отцеплять попутчика! Идеальным вариантом было бы подарить Старика уголовникам. Стрелок даже довольно хмыкнул от неожиданно пришедшей в голову идеи. А Борова следует предупредить, пусть не якшается с меченым. Даже если тот вернется из Лукьяновки.

***Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Луг
11 часов 07 минут 5 августа 2007 г.***

Впереди виднелась Лукьяновка. Но Зона есть Зона. Мало ли что там виднеется. Оно, может быть, совсем рядом, рукой подать. Ан нет – не подашь. Им пришлось еще вскарабкаться на

деревья, пережидая поток зеленки, пересёкший им дорогу. Усталость была так велика, что Старик в развилке двух ветвей старой сосны даже впал в тяжкую дрему. Потом пошёл слепой мелкий дождик, но быстро закончился. Мокрые носильщики сползли вниз и по пахнувшей аптекой травке выбрались на дорожку, ведущую к поселку. Особо опасных аномалий прямо по курсу вроде бы не наблюдалось, но по сторонам было кое-что привлёкшее внимание Старика.

Завалившись левым боком в яму стояла полуторка образца конца сороковых – начала пятидесятых. От неё должна была бы остаться по всем правилам только груда ржавчины, но выглядела она потрясающе: даже водительское сиденье без прорех и пятен виднелось сквозь распахнутую дверку. Кажется, даже шины были накачаны, как следует. И сразу становилось совершенно понятно, что к грузовику лучше не приближаться, потому что рядом с ним на самом виду лежала «штука», кажется, пустышка. Бери – не хочу. Лучшего предостережения не требовалось: уж если на самом виду, а никто не подобрал, значит...

Зато железная бочка из-под горючего истлела почти полностью. Останки бочки выглядели гнусовато. Тень от них падала навстречу солнцу. Тихоня с его остатками физфаковского образования, похоже, слегка обалдел от такого зрелища.

В общем, после благополучно завершившейся встречи с кровососом ничего не стряслось и караван благополучно добрался до окраины Лукьяновки. У входа в посёлок торчала под разными углами щетина грубо оструганных кольев. На некоторых кольях красовались насаженные собачьи черепа. Поперек дороги по всей видимости руками пьяных циклопов была сооружена из битого кирпича и всякого бытового хлама баррикада, также щедро декорированная кольями и битым оконным стеклом.

Стрелок ловко взобрался на гребень завала и махнул рукой носильщикам. Те с трудом преодолели препятствие и увидели тройку бритоголовых типов в черном с нашитыми на груди и спине карточными красными сердцами, развалившихся у костра, что горел под навесом. Укороченные «калашниковы» лежали рядом. Четвертый, голый ниже пояса сидел на бревне и зашивал штаны.

– О, вы зырьте, шо там нарисовалось! – лениво протянул «портной». – Шо ж то за героические фраера дослужали до нас в гости, а?

– Заткни хлебало, тухлым сквозит. -бесцветно посоветовал Стрелок, -Скажи лучше, Туз ваш Червонный дома?

– А вам шо до Туза?

Не снизойдя до ответа, разведчик отвернулся, достал карманный компьютер и набрал номер.

– Туз? Это Стрелок. Спасибо, тебе того же. Да, доставили то, что ты заказывал у Борова. Да... Да... хорошо, ждём. Только пришли кого-нибудь поумнее, а то тут у тебя на входе три каких-то недоумка стриптизом занимаются.

– О, так то ж Стрелок! -троица уселась по-турецки, а голозадый, сверкая ягодицами, неторопливо влез в штаны и сапоги. -То-то я ж смотрю! Тогда ж другое дело! Наше вам из кисточкою!

Носильщики устало опускались прямо на землю. Переход был закончен. Старик невольно прислушался к разговору лукьяновцев.

– Понты бить и с баблом быть – это две большие разницы... -поучал «портной». -Шо, думали, тут шо-то за хрен собачий даётся? Ага, шас! За просто так вас только уродина какая-нибудь схавает или шалава с одного выстрела завалит... Там, где вы прежде срок мотали, башкой думать, блин, надо было, а тут в сто раз лучше мозгами шарудить требуется... Лохи тут долго не протягивают. Не канает оно, без чердака если... Короче, дело такое было. Втроём мы со Вшивым и Винни-Пухом валили через колхозный двор Гремячьего – дорогу, короче, срезали. Смотрим – сохатый какой-то чешет. Не наш. И не из тех, с кем мы в мире. Значит, в законе и по понятиям можно потрошить. Ну, мы snyкались. А он мимо нас проходит – в упор не зырит. Мелкий такой, а мешок тянет – будь здоров. И ствол хитро висит – чуть что, из нас дуршлаг сделает. Дык, Вшивый мне – типа, давай пощупаем фраерка, чё у него там? А я ему: «Ша, дятел! Лучше смотри, куда он свой хабар тянет». Тут сохатый как провалился куда-то – мы даже не поняли. Во как... Ну, ждём. Он минут через двадцать вылез. Пока стоял-отряхивался, к нему Винни-Пух сзади втихую подъехал и полтыквы из воыны снёс. Начали они с Вшивым тело потрошить: клифт на нём был классный, да и лопатник должен быть... Я отлить, короче, отковылял – моё кореша мне всегда

отдадут, я по жизни с ними в доле. Тут как звезданёт, ой, мама моя! Короче, тот терпила не прост был: он шо-то наворотил на себя, шоб рвануло, когда с него лопатник кто-то сколупывать будет. Маджахед, блин, шахид-смертник... Я свалил оттудова по-быстрому – мало кто на пальбу и взрыв заявится... Пришёл днёв через десять. От Винни-Пуха со Вшивым и от лося – хоть бы косточка. Вообще по нулям, только дерьмо собачье кучками. Короче, прикинул я, где тот лосяра сохатый в развалины нырял, сам туда полез... Ну, прошёл три комнаты – голяк! Тут смотрю, в углу куча старых кроватей навалена. На хрена там столько лежаков? Короче, взялся разгребать. Разгрёб. Смотрю – блин, люк! Поднимаю, значит, крышку, свечу фонариком. Ё!!! Ну, шо там было – моё всё... Внакладе не остался. А уши б развесил – давно бы лапы завернул или до сих пор босой бегал, бакланил... как некоторые семёрки... Учитесь!

По выражению лиц носильщиков Старик понял, что рассказ дошёл и до их ушей.

– Эй, Стрелок!

Широко расставив ноги перед ними стоял широкоплечий коротышка с кирпичной как по цвету, так и по фактуре мордой.

– Тут велел твоих пристроить. Пошли!

-5-

Из записной книжки Старика

Из названия понятно, от кого произошли суперкоты. Мирные домашние мурки и васьки, жившие в домах усть-хамцев на момент катастрофы, стали родоначальниками одной из опаснейших разновидностей мутантов. Благодаря разнообразию исходного генетического материала, и в теперешнем виде суперкоты имеют в своём геноме множество «спящих» генов, которые, при изменении условий, могут проявить себя как позитивные.

Суперкоты настолько не напоминают своих предков, насколько на них не похожи азиатские тигры или леопарды. Физиологически суперкоты зоны очень активны, их метаболизм несколько ускорен, температура тела повышена. С изменением гормонального баланса, ферментативного состава, вернее структуры функциональных доменов ферментов, произошли изменения в опорно-двигательном аппарате, физиологии сенсорной системы, а также и других систем. Участки генома кодирующие и контролирующие развитие и функциональную активность опорно-двигательного аппарата, вероятно наиболее филогенетически близки к таковым у диких представителей кошачьего племени Южной Америки – ягуаров. Отличительной чертой суперкотов является более массивное строение скелета и исключительно мощные челюсти с крупными клыками. Весьма вероятно, что переход к охоте на кабанов с их толстеющей шкурой, суперкоты могут начать «саблезубеть». Клыки суперкотов – вообще отдельная тема... Структура их несколько отлична от обычных зубов семейства кошачьих. Слой эмали на передней поверхности и по бокам зуба толще, по этому задняя часть зуба стирается быстрее, оставляя острую переднюю поверхность. То есть постоянно растущий зуб в ходе жизни постоянно же самозатачивается. Безусловно, такие зубы имеют очень длинные корни. Даже сломав один из клыков, суперкотяра не лишается его навсегда – зона роста зуба лежит глубоко в кости, по этому зуб продолжает расти. Структура нижней челюсти животного приобрела идеальную форму: короткая, мощная, с утолщенным гребнем для крепления жевательных мышц. Особо отметим связь нижней челюсти с челюстной коробкой: образовалась эластичная связка, за счёт чего нижняя челюсть может значительно отодвигаться от черепа. В сочетании с мощным давлением больших верхних клыков такой укус не оставляет застигнутой врасплох жертве ни одного шанса. Удлиненные остистые отростки позвонков грудного отдела – место для прикрепления продольных мышц спины. Они поддерживают и укрепляют переднюю часть тела при атаках из засады. Тип соотношения длин костей конечностей суперкотов (усиленные дистальные отделы, предплечье и кисть), предполагает очень быстрые и протяженные прыжки в длину и высоту.

Эти серо-полосатые существа метровой длины живут семейными парами, ведут ночной территориальный образ жизни и яростно атакуют любого, кто вторгается в их владения. Молниеносная реакция, невероятная подвижность и острые зубы делают суперкота очень грозным неприятелем, против которого трудно устоять даже крупному мутанту или хорошо вооружённому человеку. Особенно опасны матери, защищающие выводок. Давно обратила на себя внимание ученых за стеной устойчивость меха и кожи этих существ к химическому и электрическому воздействию.

Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Лукьяновка 6
часов 04 минуты 6 августа 2007 г .

Стрелок, Тихоня, Ташкент, Глюк, Бобёр, Ушастый, Самовар, Старик

Измотанные носильщики крепко спали на втором этаже бывшего магазина. В отличие от маленьких домиков «курорта», которые черновцы заботливо поддерживали в весьма приличном состоянии, это здание было замызгано до предела. Очевидно, понятие комфорта в Лукьяновке было специфичным. Стрелок проследил за тем, чтобы все, подложив под головы рюкзаки и поместив у правого бока автоматы, легли на грязном полу по обе стороны от двери. Сам он улегся лишь после того, как открыл настежь крайнее окно и припёр дверь толстым лиственничным брусом.

Старик чувствовал, как неудержимо накатывает сон. Он зевнул, не раскрывая рта. Спать хотелось, невзирая на полуденный свет, пробивавшийся сквозь нечистое оконное стекло. Свет становился всё ярче, небо светлело, пелена туч дырявилась и протаивала. За окном явственно проступали синусоидами лесистые гряды холмов. Наверное, если встать, уже можно было бы различить между холмами зеленоватую поверхность тухлых болот, прикрытую чахленьким мелколистным лозняком. Вдруг между линияющими тучами загорелось изумрудное зарево, перелилось в красно-жёлтую часть спектра. Старик с интересом смотрел, как то загораются, то гаснут, розово-оранжевые блики, от которых всё в комнате стало контрастным, рельефным. Сияние плавно погасло и Старик сомкнул веки.

Лукьяновка и лукьяновцы... Сколько заключённых за полвека выпихнуто из контрольно-пропускного пункта №2, наверное толком не знают даже те, кто выпихивает. Тихоня был не совсем прав, утверждая, что сюда отправляют лишь отъявленных рецидивистов-мокрушников. Похоже, лагеря чистят достаточно регулярно и сотнями отправляют сюда эков, доставляющих хлопоты гражданам начальникам.

Едва за группой криминальных новосёлов Зоны задвинется ездящая на роликах бронированная дверь КПП-2, как группа делится на две части.

Вот кто-то из эков принимается смекать, как выкарабкаться, как выскользнуть. Пока еще не впавший в отчаяние сосланный скрупулезно изучает стальные клёпаные ворота, прижимая щеки к металлу, ощупывает шершавый бетон стены, вытягивая шею разглядывает под разными углами высокие башни. Он ищет выхода, движимый прежним тюремным инстинктом. Возможно, наивному отпущено несколько дней скитания у самого подножия стены, на тех считанных метрах, где еще не начинается Зона. И все эти дни его будет глотать навязчивая мысль: «Не ходить вглубь, остаться здесь. Сбежать, сбежать!» Он думает только о побеге, мечты превращаются в паранойю, снится по ночам просачивание сквозь проклятую стену, птичий полёт над ней. И ведь были случаи, когда мысль о том, что от воли отделяет всего какие-то метры доводила до полного сумасшествия. Понятно, что уйти невозможно, а жить сумасшедшему у подножья стены – полчаса да ещё минуту.

Впрочем, это участь единиц. А большинство понимает, что Зона – до конца недолгой жизни, что лучше всё-таки не сходить с ума у стены под пулемётами охраны, а продвигаться вглубь Зоны. Авось повезёт! Ежели рядом окажется проводник – с ним группа новичков с минимальными потерями доберётся до Лукьяновки по одному из двух шоссе. Ну, а ежели не пофартит с поводырём... Идти тогда придётся самостоятельно больше километра по редколесью, да через аномалии, да мимо кладбища... Марши смертников!

Но вот уцелевшие – в Лукьяновке. Просуществовать одиночкой там, в тюрьме на «Большой Земле» хотя бы теоретически возможно, а вот в Зоне это совершенно исключено. Потому-то все лукьяновские обитатели объединены в четыре приблизительно равновесных и равносильных карточных масти: трефы, пики, червы, бубны. Эти символы рисуют на одежде – на спине и против сердца. Масти живут обособленно, заключая между собой договоры о разделении общих обязанностей. У каждой масти имеются «общак» (склад с неприкосновенным запасом). «стрелка» (место для общего схода) и прочие атрибуты единения. Новичку предлагают влиться в масть после долгого рассмотрения и обсуждения на «стрелке»: – «А оно нам надо – его брать? А шо с него за прок?» И вот новичок получает приглашение: посыльный мимоходом и вроде как нехотя бурчит: «Хочешь в нашу масть? Ну, дык, хромай к вечеру на смотряк». У мастей есть особый обряд прописки, довольно болезненный. В бубны, например, принимают, уложив новичка под снятую с петель дверь, по которой вприпрыжку пробегают старшие по масти. Сплошь и рядом бывает так, что потом обращенный долго болеет.

Руководят мастью тузы (заведующие хозяйством) и короли (администраторы и судьи). У них в подчинении находятся валеты и десятки, как правило, из уголовников-рецидивистов. Они охраняют Лукьяновку от мутантов и зверей, совершают рейды по Зоне подобно охотникам и добытчикам черновского «курорта» в поисках товара, который тузы впоследствии сбывают спекулям (с учёными тузы вступают в меновые отношения крайне редко, с зольдатен – никогда). На сходке валеты выбирают тузов и королей взамен выбывших.

Ниже по рангу расположены девятки и восьмерки – крепкие ребята, способные за себя постоять, пунктуально соблюдающие лукьяновские правила, но и не лезущие в валеты. Большинство девяток остаются ими до конца недолгой жизни, единицы – сменяют выбитых из колоды десятков. У восьмерок больше обязанностей и меньше прав, чем у девяток. Эти группы не замкнуты, некоторые восьмерки пополняют редющие ряды девяток. В жизни девяток и восьмёрок прослеживается какой-то смысл. Они выполняют различные многочисленные работы, поручения своих (не другой масти) десятков и валетов. В мастях помнят о днях рождения девяток и восьмёрок и отмечают их, помогают друг другу. У них все распределяется поровну. В общем, года три-четыре просуществовать можно...

Еще ниже – прослойка семёрок, навсегда сломленных Зоной, эксплуатируемых всеми, кто стоит выше. Семёрки являются как бы общественными рабами масти, у них нет и быть не может индивидуального хозяина. Переход семёрок на ступеньку выше исключён. Они легко опознаваемы: грязные, вонючие, тусклоглазые, больные, одеты в обноски восьмёрок и девяток, их комбинезоны в грязных потёках. Они едва шевелят ногами, влажной зимой Зоны их раны не заживают и всегда гноятся. Все гнушаются семёрками, окриками, тычками и пинками гонят прочь. Семёрки послушно делают всё, что им прикажут, «за пожрать». Ужасно видеть, как истощенные семерки едят все подряд: протухшую собачину, обнаруженную на окраине, прибитую крысу, гриб – всё, что можно сжевать и не отравиться. Семёрка всегда умоляет взглядом отдать ему объедки. Девятки и восьмёрки швыряют семёркам разваренные кости, потроха. Те варят отбросы, пьют смердящее нечистое варево. Семёрка с удивительным проворством вылизет пустую консервную банку, не порезав язык о зазубренные края.

И все же самая низшая каста – шестерки, неприкасаемые, педерасты. Если семёрки – простые рабы, то в шестёрки «опускают» тех, кто совершил непростительное нарушение лукьяновских правил. Шестеркам полагается спать отдельно от старших по масти, беспрекословно выполнять иногда не очень трудные, но считающиеся позорными работы.

Если в Лукьяновку угодит хороший рисовальщик, его автоматически зачисляют в девятки, таких ценят. К ним постоянно приходят клиенты с иглой и посудинкой, в которой заказчик в собственной моче (меньше будет пухнуть и чесаться) растворил копоть от сожженной подошвы. Ведь блатары – не люди, а ходячие двуногие вернисажи. Иной лукьяновец с ног до головы синий от татуировок. Спины шестёрок сплошь в извращённой похабщине. У тузов и королей кисти рук и пальцы – в перстнях и браслетах. Кинжал, обвитый змеей, голова кота в цилиндре говорят, что главарь масти – из матерых грабителей. Церковь с куполами означает количество судимостей до попадания в Зону. Лукьяновцы обожают переплетённые вязи аббревиатур, например: БОГ – бежать отсюда готов, КОТ – коренной обитатель тюрьмы.

Обитатели Лукьяновки общаются на особом местном жаргоне. Среди них даже гораздо сильнее, чем среди прочих экзогенов распространено суеверное убеждение, что нецензурная брань оскорбляет Зону. Матерными выражениями они не пользуются, отчего теряют половину скудного словарного запаса («Мы матом не ругаемся, мы на ём разговариваем!») и испытывают серьёзные проблемы в общении. Их блатная феня, строго говоря, не является сквернословием... но уж лучше бы являлась... Речь лукьяновцев примитивна, придаточных и распространенных предложений немного, словарный запас скуден. К словам приклеиваются идиотские окончания вроде «-як», «-ак» (сходняк, смотряк, ништяк, голяк). Лукьяновец не скажет «комбинезон» – только «клифт», от него не услышишь: «человек сходит с ума» обязательно – «крыша поехала», «шифер посыпался». «Клопчатник какой, гля, клопчатник некоцанный. На десяток рогов!». В переводе на человеческий русский язык это значит, что блатные видят совершенно новый бронежилет и оценивают его в десять полных магазинов для автомата Калашникова. Хотя, впрочем, лукьяновцы куда чаще не разговаривают, а держат язык за зубами, или, изъясняясь тамошней феней, «берегут хайло за пазухой».

Да, тут легче существовать без лишней болтовни. Обитатель Лукьяновки бессердечен и чёрств по отношению ко всему миру. Все здешние правила поведения («понятия») в конечном счёте упираются в силу и живучесть, они лежат в основе власти тузов и королей. Взаимоотношения между «чёрноклифтовыми» – это вам не устойчивая погода в Зоне. Настроения лукьяновцев ветрены и переменчивы: вот блатные едят из одной чашки, кореша закадычные, а через минуту из-за опрометчиво сказанного словца становятся кровными врагами. Нервы у этих обитателей Зоны всегда напряжены, они взвинчены и готовы сорваться. Неудивительно поэтому срывные реакции блатных на происходящее. Чаще всего раздается дикое ржание. Блатные гогочут, не будучи в состоянии объяснить, чему же, собственно, веселятся. Оттого, что кто-то где-то заржал? Скорее всего... Обиды здесь воспринимаются не так, как за стеной, там можно уйти от конфликта и смолчать, в Зоне же такое не принято, надо «встать на отвечалово по понятиям»: предъявляем – отвечай. Внятно, разборчиво, без уклонений. «Отвечалово» может приговорить к штрафу, к физическому увечью, к самоистязанию и нарушитель «понятий» не только протестовать не станет, но еще и пустится в пляс, благодаря судьбу. Смертный приговор, конечно ужасен, но еще страшнее опускание в шестёрки...

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Лукьяновка

17 часов 11 минут 6 августа 2007 г.

Стрелок, Тихоня, Ташкент, Глюк, Бобёр, Ушастый, Самовар, Старик

Носильщики заканчивали обед (он же ужин?)

– Поторапливайтесь. -сказал Стрелок. Он уже поел и выглядел просто великолепно. -Сейчас разгрузитесь, загрузитесь и выходим.

– В ночь? -опасливо спросил Бобёр.

– Надеюсь, к темноте будем уже у Кузнецов. -ответил Стрелок. -Отсюда недалеко до Гремячего и путь относительно безопасный, думаю пару километров за четыре часа быстрого шага одолеем.

– Хорошо бы. -проворчал Глюк.

Брус тяжело упал на пол, со скрипом отворилась дверь. Все вышли в затхлый, обшарпанный коридор, по старым косым ступеням спустились на первый этаж бывшего магазина.

– Тут за прилавком раковина. -подсказал Стрелок. -Вода – хорошая, набирайте, если у кого-то закончилась.

Все столпились в углу, подставляя фляжки под кран, из которого журчала тонкая струйка.

Когда Старик навинчивал колпачок и пристегивал флягу к ремню, он поймал короткий, но внимательный взгляд Стрелка.

По заросшей бурьяном улице бродили черные фигуры с карточными символами между лопаток и на груди. Многие останавливались и с нескрываемым любопытством рассматривали

караван. Стрелок, не обращая на них внимания, повел группу к развалинам какого-то большого промышленного здания. Оно держалось на трех рядах бетонных свай. Всё пространство под ним было усеяно битым кирпичом, сквозь который пробивались матёрые лопухи.

– Здесь подвал Туза червей. -сообщил Стрелок. -Сначала туда войду я. Потом по одному входят остальные, снимают рюкзаки, сдают товар Тузу и аккуратно укладывают в мешки металлолом. Вам, кстати, еще выдадут по банке тушёнки – подарок от широкой натуры Туза. Из подвала двинемся другим путём: по канализационной трубе. Не кривите рожи, она старая и потому давным-давно чистая. Зато пятьдесят метров под электрами и каруселями пройдем в полной безопасности.

Он пригнулся и скользнул в темное прямоугольное отверстие, обрамленное сочной зеленью лопухов. Через несколько минут выглянул и призывно махнул рукой: -Самовар – первый, остальные – поштучно за ним. Замыкает Бобёр.

Тихоня

Когда глаза привыкли к полумраку подвала я увидел Туза. Это был сухонький старичок в аккуратном черном комбинезоне с белоснежным отложным воротничком. Он сидел за старинным письменным столом. По обе стороны башнями возвышались двое громил. Позади на стене висел выцветший плакат с надписью: «Родину отстояли, Родину восстановим!»

– Здравствуй, родной. -приветливо кивнул он и без всякой фени на правильном русском продолжил: -Снимай ёмкости, выкладывай всё сюда.

Я выкарабкался из нагрудного рюкзака и принялся осторожно вытаскивать коробки с лекарствами, разовыми шприцами, бутылки йода, бинты и вату. Туз кивал и быстро тыкал пальцем в кнопки калькулятора. Потом я с наслаждением сбросил с плеч второй рюкзак и опустошил его. Ничто не помялось и не разбилось. Туз похмыкал, что-то записал карандашом в школьной тетрадке.

– Ай да Боров! -умильно сказал он, -Точно то, что нужно, всё, как договаривались. Изверг, малыш, сделай одолжение, собери добро вон в ту коробку. А ты, Кащей, сложи наш товар парню в рюкзак, да поаккуратнее, чтоб не тёрло, не болталось, не брякало! Мужику до Гремячего это на загровке тащить. Да не из той кучи, вахлак! Она ещё не взвешена. Из левой, сколько раз говорить!

Кащей согласно угугнул и принялся шустро размещать в рюкзаке клубки драной медной проволоки, сплюснутые кусочки алюминия, мелкие серебристые обломки какого-то двигателя. В общем, цветной металлолом.

– Десять килограммов. -объявил Туз. -Всё как в аптеке, дорогой. Вошло только в заплечник, так что нагрудничек тащить не придётся. Всё тебе облегчение. Ну, бог в помощь, счастливо вернуться и заглядывай к нам ещё!

– Туда..-прогудел Изверг, тыкая сарделечным пальцем в сторону круглого отверстия в правой стене. Я осторожно вошел в жерло бетонной трубы и с удивлением обнаружил, что внутри не так уж темно. Стены слабо излучали голубоватый свет. Тут же в памяти с неприятной услужливостью стало всплывать всё, что я успел в университете узнать о радиации. «Чушь. -урезонивал я сам себя шёпотом. -Ерунда! В Зоне нет радиоактивности!» «Зато много другой гадости! – радостно подсказало моё второе «Я» -Совершенно неизвестной!»

По стене вяло полз жук. Кажется, вполне заурядный усатый жучило, не мутант. Что обнадеживает... О, кажется вижу пресловутый свет в конце тоннеля. Точно – выход!

Когда я выбрался наружу, небо показалось ослепительно-жёлтым, а воздух -сахарным.

– Хохлы, чего жмуритесь? -не удержался Самовар.

– Сам хохол! -вяло огрызнулся я, прикрывая глаза.

– Ты глянь, под чем мы прошли! -ткнул меня в бок Глюк. Глаза уже привыкали к яркому солнечному свету, я оглянулся. Посмотреть и впрямь было на что. Прямо над тем местом, где пролежала труба, отчетливо виднелись пара дремлющих каруселей, электра и молоденькая комариная плешь. Возможно, за кустами было ещё что-то.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Лукьяновка

18 часов 00 минут 6 августа 2007 г.

Из записной книжки Старика

Название карусели определено эффектом поднятия в воздух любого предмета или живого существа с последующей раскруткой до огромной скорости. Природа карусели не исследована. Причина – очевидна. Исследователь, оказавшись внутри аномалии и раскрыв её тайны, всё равно ничего не расскажет. Его поднимет вверх невидимая сила, начнёт вначале медленно, затем всё более ускоряясь, раскручивать, словно лопасти вертолёт. Наконец вопли несчастной жертвы резко оборвутся чмокающе-хрустящим звуком с которым разлетятся по сторонам кровавые ошметья тела естествоиспытателя. Впрочем, есть шансы уцелеть. Очень важно не паниковать, не упустить момент втягивания в аномальный вихрь и не попасть в зону максимально сильного эффекта в центре. Рванув из всех сил прочь от центра, можно отделаться парой переломов. Эту аномалию обнаруживают по лёгкому пылевому вихрю и разбросанным вокруг фрагментам тел. Кстати, жертвы карусели не воскресают. Карусель образует три вида «штуки»: кровь камня, рулет и москвичку. Кровь камня представляет собой довольно уродливое красноватое образование из спрессованных и причудливо изогнутых полимеризированных остатков растений, почвы и костей. Довольно распространенная, совершенно бесполезная для жителя Зоны, сбываемая задешево учёным «штука». Зато рулет, помещенный вблизи открытой раны стимулирует усиленный рост клеток и заживление. С другой стороны, помещать его на здоровые участки тела настоятельно не рекомендуется: есть риск того, что рост клеток выйдет из-под контроля и можно получить раковую опухоль. Эта «штука» попадает нечасто, но уникальной её нельзя назвать. Москвичка при контакте с телом распространяет направленное излучение, увеличивающее прочность кожного покрова. Такую «штуку» найти не сложно, потому получить за неё можно не так уж много.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Лукьяновка

18 часов 20 минут 6 августа 2007 г.

Глюк

Из чёрного зёва трубы, пригнувшись, шагнул на свет божий Бобёр.

– Хохлы, чего прищурились? -с чувством исполняемого долга вздохнул Тихоня.

– Сам хохол! -дежурно ответил Бобёр, усиленно смигивая.

– Минута на то, чтобы Бобёр проморгался, -снисходительно усмехнулся Стрелок, -а все остальные – построились. Отправляемся.

Все переглянулись. Тихоня раскрыл было рот, но я опередил его. Со мной Стрелок лишний раз распускать руки не станет. А парню только не хватало еще раз схлопотать по носу, который еще с прошлого раза синий, словно слива.

– Старик еще не вышел. -сказал я. -Надо повременить.

– Старик? -удивился разведчик. -Кто такой? Я кого-то не сосчитал? Вы в пути размножились? Провести перекличку? Нет, вроде все...

– Стрелок, -как можно убедительнее произнёс Самовар, -Давай, подождём.

– Все, кого я веду, всегда остаются живы. -монотонно заговорил Стрелок, чуть опустив веки и глядя на носки тяжелых шнурованных армейских ботинок с противоминной подошвой. -Все и всегда. Но это касается только нормальных людей, а не спятивших самоубийц. Те могут отдать рюкзак другому, чтобы добро не пропало, и отделиться от каравана. Могут ждать, кого угодно и догонять, кого захотят. Земля им пухом. Остальные пойдут за мной. Напоминаю: Бобёр – замыкающий.

Он повернулся и осторожно двинулся через бетонные обломки. И тут я услышал: вз-з-з... вз-з-з... вз-з-з... и колотье какое-то в ушах... Гадостно как, сил нет! Тихоня выпучился на меня, побелел весь, словно мел. Самовар руками машет, топаем, мол, господа ради, скорей за Стрелком.

Ушастый головой в отчаянии закрутил, фонарик у него на капюшоне опять мигать начал. Подались они оба, Ташкент поколебался десяток секунд – и вдогонку. А Старик все не выходит и даже шагов его в трубе не слышно. Да куда ж он, подевался-то, динозавр ископаемый?! А медлить больше нельзя – это ведь Зона!

– Идти надо! – стонет Бобёр. – Ка-ак приложит сейчас!

– А ну, братья-уроды, полный вперёд! – говорю Тихоне.

– Да Старик же там!

– Хрен с ним! Самим пропадать? Забыл, где живём? А ну, пошёл!

Ухватил парня за шиворот, рванул, Бобёр сзади ему слегка пинком ускорения добавил, поволокли родимого. Шагов через сорок оглянулись – о-ё, всё твоё! – по тому месту, откуда ушли, весёлый призрак гуляет. Так что оно, может, к лучшему, что Старик из лаза пока не выныривает, с призраком шутки плохи. Что ж, как вынырнет, пусть догоняет, шансы у него покуда есть. Кстати, неплохой из него носильщик мог бы образоваться, несмотря на возраст. Очень даже грамотно ходит. Выносливый. О Зоне немало знает. Так что дай ему бог удачи, нехорошо будет, если вдруг что... Тихоня озирается, глаза тоскливые, видно ждёт, что Старик появится. Нечего шеей крутить, голова отвалится, шагай себе.

Сразу за кусками бетонных плит миновали ворох черного хлама. От лукьяновца ничего не осталось, только валялась рядом в густой и низкой, словно щётка, траве искорёженная и насквозь проржавевшая винтовка-трехлинейка. Матерь божья коровка, чего только в Зоне не бывает! Может статься, ещё кого-то с каменным топором увидим.

Нет, а Старика всё-таки жалко...

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Шоссе

20 часов 45 минут 6 августа 2007 г.

Стрелок, Тихоня, Ташкент, Глюк, Бобёр, Ушастый, Самовар

Пятьдесят лет назад здесь было пшеничное поле. Теперь в жесткой оливково-зеленой траве высотой почти в рост человека крайне трудно было признать главную злаковую культуру в севообороте Хамской области. В зелени возилось, пищало и похрустывало что-то мелкое.

Стрелок почувствовал виском едва заметное покалывание и тотчас приказал:

– Стоять! Надеть намордники!

Прищёлкивая зажимы маски к шлему левой рукой, он протянул правую ладонью вперед. Меленьких невидимых иголочек там было больше, но они быстро исчезали. Караван стоял как вкопанный, все дисциплинированно молчали.

– Дальше. – приглушенным маской голосом велел разведчик. – Уши держать остро.

Но уже на втором шаге он вновь замер и настороженно вскинул ствол «грозы». Сзади у окраин Лукьяновки россыпью залаяли одиночными выстрелами «калаши».

– Что там? – почти беззвучно спросил Ушастый.

– Да пёс его знает. – так же тихо ответил Самовар. – Может, блатные передрались?

Послышались скупые, в два-три патрона, негромкие очереди из ППШ.

– Старик! – хором охнули Тихоня и Ташкент. – Влип!

– Захлунуть рты! – жестко сказал Стрелок, – Посмотрю, в чём дело. До моего возвращения всем встать в круг, стволами наружу, и ни с места.

Вынимая бинокль из чехла, он бесшумно исчез за густой щетиной молодых берёзок.

– Хреново. – мрачно сказал Ушастый. – А всего хреновей то, что всё это непонятно. Будь другом, Глюк, оставь пару затяжек.

– На, копти.

Тихоня вынул из кармана КПК, включил, набрал номер.

– Старика вызываешь?

Тихоня кивнул.

– Ну и?

- Не отзывается.
- Хреново. -повторил Ушастый.
- Точно. Что-то я даже и не упомяну таких историй. -буркнул Глюк.

Тах! Тах-тах-тах! Тах-тах! Глуховатые выстрелы из «грозы» было трудно с чем-то спутать. Самовар вздрогнул, поднял автомат.

- Стрелка выручать собрался? -ядовито любопытствовал Глюк. -Ага, как же он без тебя-то?

Разведчик вернулся через четверть часа. Ничего не объяснив, сипя респиратором, прошел в голову каравана. Поднял два пальца, пошевелил ими и ткнул вперед. Движение продолжилось. Ташкент округлил глаза, дернул Тихоню за рукав и указал на оружие разведчика. К «грозе» был примкнут оптический прицел.

Это произошло уже ближе к закату, когда осталось позади и бывшее пшеничное поле, и луг, и курган, объединенный непонятной силой до совершенно невообразимых очертаний. Они проходили между лесополосой, подковой охватывавшей Гремяче о очередным деревом-гигантом. Прямо по курсу уже маячили бурые крыши с местами провалившимися шифером и ржавым кровельным железом.

Стрелок остановился и настороженно замер. И тут все внезапно сообразили, что становится трудно дышать, воздух сгустился, а слюна во рту собирается липкими комками, которые не сглотнуть, ни сплюнуть.

– Живо сомкнитесь! -приказал разведчик. -Цепляйтесь за ремень впереди стоящего. Первый, хватается за мой ремень. Ни о чём не думайте, следите только, чтобы никто не упал. В сторону не смейте кидаться, прибыю!

Он напрягся и потянул караван, едва передвигающийся на непослушных ватных ногах.

Ушастый

Я ничего не соображал, ни одной мысли в голове, одна злость на то, что так не повезло. Стрелок, само собой, тут ни при чём. Он как раз всё сделал правильно. Только вот всего предвидеть даже такой ас, как Стрелок, и то не может. Душегубка и весёлый призрак – кочующие аномалии, на одном месте не стоят, вот нас и накрыло. Дело случая, конечно, только вот что неясно: они настолько редкие, что некоторые их и в глаза не видели. А мы за день и то, и другое узреть сподобились. И ведь что странно: и призрак, и душегубка к нам, словно магнитом притянулись. Душегубке так вообще тут никаким боком быть не положено, она в чистом поле разгуливает. Но тут с одной стороны лесопосадка, с другой – баобаб этот дурацкий. А может, кривая вывезет? Нет, не вывезет, попались кролики. Духота нарастала, сдавливала, язык немел, глаза заливало холодным потом. Я бы вытерпел, и все уладилось бы как надо, да Самовар не выдержал, сомлел сзади. Хорошо хоть руку поглубже под мой ремень засунул. Ташу его, а сзади Глюк подпихивает. Самоваровский рюкзак набок съехал, словно нарочно за всё цепляется, мужик только тихо поскуливает. А с боков всё больше сдавливает резиновой духотой, всё сильнее стягивает, и вот уже дышать нельзя, а можно только упасть и лёжа хрипеть, синеть и задыхаться.

Я даже вспомнить не могу, когда это представление закончилось. Сообразил лишь, что снова могу дышать, что в легкие снова попадает воздух, а не воздушный кисель. Но все равно чудилось, что в груди завёлся еж, что он шевелится, копошится, стремясь выкарабкаться наружу. Старался дышать как можно реже, но, похоже, душегубка достала даже легкие, словно кто-то кол воткнул от горла до живота. И я знал, что надо торопиться, что следует как можно быстрее сматываться отсюда, потому что неизвестно, куда подастся душегубка, которая вполне могла вернуться. Стрелок тянул нас вперед с прежней силой и мы пёрли вперед чуть ли не на четвереньках, а внезапно втрое потяжелевшие рюкзаки прижимали нас к земле. Пёрли молча, потому что превратившаяся в клей слюна намертво схватила всё во ртах. Но что странно. никакого страха так и не было, только дикое озлобление, что не привелось дойти до места без приключений.

Дерьмо эта душегубка, убить не убьет, а душу вымотает по классу "экстра". Мудрые люди название ей дали. Закончилось всё, как и предполагается, внезапно. Стена деревьев слева колыхалась, как ни в чём ни бывало, сыпля струйками желтой пылицы. Стрелок еще не успел разрешить остановиться, а мы всем строем рухнули плашмя. Я ощупал горло. Было больно, и, конечно, не снаружи, а внутри. Нос заложило, но, как это ни странно, всё быстро прошло. Потом лежал, уткнув

лицо в прохладную душистую траву, с наслаждением дышал нормальным воздухом, а пальцы сами свинчивали колпачок фляжки.

Рядом сопел Бобёр, время от времени постанывал Самовар, но и они шуршали колпачками. У Ташкента шла кровь носом, глаза вылезли на лоб, он, по-моему, вообще ничего не понимал и судорожно глотал воздух, хрипя и перхая. Потом взгляд его стал относительно нормальным и остановился на фигуре Стрелка. Разведчик не потянулся к фляге. Он с насмешливым интересом разглядывал нас, сидя на корточках. Потом вздохнул, поднялся на ноги и тоже принялся полоскать горло.

– Ну что, -невинно поинтересовался он, -может перекусим?

– Блу-а-а-а! -не выдержал несчастный Ташкент. Его стошнило.

– Так точно, товарищ ефрейтор. -косноязычно, но с готовностью согласился с ним Бобёр.

Стрелок склонился над валяющимся в лопухе рюкзаком Самовара. Боковые карманы вещмешка раскрылись, куски металла внутри сбились в сторону, центр тяжести сместился. Разведчик расстегнул молнию, принялся укладывать всё, как следует:

– Спасибо... -невнятно сказал Самовар.

– Кой хрен «спасибо»! -отрезал Стрелок. -Кисейные барышни, возись тут с вами. Другим не легче. Живо приходите в себя. Не забыли, что посёлок необитаем? Дома пустуют, в них могла угнездиться всякая нечисть. В два счёта можно напороться на кровососа или на гипнотизёра. Поэтому, как в армии: на первый-второй рассчитайся и чётные идут со стволами налево, нечётные – с дулами направо. При малейшем подозрении моей команды не ждать, бить прицельно очередями. Всё доступно? Шагай, бояре, ночлег близок.

Из записной книжки Старика

Гипнотизер (мозгоед, серая нелюдь). Исключительно осторожный и очень опасный мутант, попадающийся ближе к западу Зоны, крайне серьёзный противник, встречи с которым избегают даже эндогены. Бродит по Зоне, стараясь держаться развалин и брошенных построек.

Происхождение непонятно. Среди «курортников» бытует мнение, что в гипнотизёров под влиянием некой «вышки» превращаются неосторожно подобравшиеся к ней люди. Это косвенно подтверждается тем, что серая нелюдь внешне походит на человека, но голова непропорционально увеличена. Главные внешние признаки – гипертрофированный лоб, пульсирующие язвы-волдыри в районе висков. Неумело одевается в остатки одежды жертв.

Обладает сверхразвитым восприятием, а также необъяснимой способностью брать под полный контроль поведение различных живых существ. Действие телепатического воздействия ограничивается приблизительно сотней шагов. Для подчинения жертвы мозгоеду необходимо до трёх секунд удерживать её в поле зрения. В движении он этого делать не может, ему требуется присесть, остановиться и начать «вглядываться». Понятно, что охоте в погоне он предпочитает засады в развалинах и зарослях.

Мозгоед подманивает и убивает для пропитания зайцев, грызунов, пресмыкающихся, иногда – зазевавшихся кабанов. Со стаями собак и суперкотами не связывается и старается тихо уйти. Матерые особи подчиняют себе даже человеческую волю. Превращая жертву в зомби, гипнотизёр переводит её в агрессивное состояние по отношению к своим противникам. Под полным влиянием мозгоеда, совершенно подчиняясь ему, жертва находится от двух минут до двух часов, после чего умирает, предположительно от кровоизлияния в головной мозг, тогда гипнотизёр может поедать части тел жертв. Поражения мозга избежавшей умерщвления жертвы практически всегда необратимы. Чудом спасшиеся жертвы гипнотизёров, пребывавшие под их воздействием не более двух секунд и отделавшиеся потерей сознания и головной болью в течение дня-двух, говорят, что слышали воющий шум, у них краснело в глазах и начиналось сильное головокружение.

Стрелок

Откуда-то с задворок дальней усадьбы раздаётся едва слышный, но ужасный тягучий вой. Я невольно приостановился, а Бобёр, наскочив на меня, чувствительно ударил в поясницу стволом своего «калаша». Только мне не больно. Мне страшно. Так страшно, что начинает привычно подсасывать в желудке. Испуг – мой бессрочный попутчик. Скорее даже – верный товарищ. Никто

ведь не знает, что я еще жив, лишь благодаря своему вечному ужасу. Все за глаза зовут меня стальным мужиком, неуязвимым, заколдованным: «Сам чёрт Стрелку не брат! Зона ему – дом родной!» Дурачье! Словно забывают, где находятся, перестают понимать что значит каждую минуту ждать, как последнюю. Минуты не становятся последними, зато сливаются в последние часы, те превращаются в последние дни. И эти дни проходят, а страх смерти остается. Даже нет, он прирастает с каждой сменой чёрных цифр на серо-зелёном экранчике электронных часов. «Неуязвимый!» Не сегодня-завтра всякое везение исчерпывается, верблюдики мои груженные. И чем больше Стрелку везет, тем меньше ему остается жить. Как же с этим свыкнешься? Можно утомиться от ожидания, но привыкнуть – нет, это никогда. И никто в том же Черновском «курорте», никто в Лукьяновке даже не подозревает, что отважный Стрелок накачан страхом по самый капюшон. Никому, никогда и ни за что он не сознался бы в этом, однако перед собой-то что лицемерить... И теперь я совершенно точно знаю, отчего мне так неприятен был Старик. Он тоже был таким. Я понял это по его глазам. Он когда-то боялся. Да, конечно, страшился совсем другого, но так же панически, невыносимо. Только сейчас он уже не боится ничего. Смелость здесь ни при чём. Он просто устал бояться. А значит – ему конец. Как, впрочем, и мне, когда я перестану бояться

Тихоня

Само собою, изогнутая дугой единственная улица Гремячьего называлась улицей Сталина. Об этом извещала насквозь проржавевшая, но с яркими киноварными буквами табличка на углу дома. Всё тут заросло травой и мелкими кустами, однако посредине была протоптана довольно широкая тропа. Вообще-то, не удивительно: кто только к Кузнецам не шастает, они, пожалуй, самые популярные в зоне личности. Хотя, опять же, не одни люди тропы торят. Нечисть здешняя тоже не дура в аномалии лезть, больше норовит дорожками цивильно прогуляться. Да и зверью сподручнее перемещаться по надёжным путям.

До поворота налево мы дошли без приключений, хотя, наверное, стоило войти в любой дом и хлебнули бы этих приключений по самое донельзя. Вон в хате окна зеленоватым светятся – значит, без сомнения, полон подвал ведьминоного студня. Тут весь дверной проем затянут прядями жгучего пуха. А здесь вообще что-то непонятное пульсирует на полуразрушенной веранде. Маленькая норная крыска с кусочком чего-то съедобного во рту шмыгнула в трещину фундамента, вслед, не достав опытного зверька, запоздало и вяло фыркнул слабенький электрический разряд.

В прошлый раз мы входили в Гремячье с другой стороны, как раз отсюда, где от улицы товарища Сталина отходит улица Первого Мая. Вот одичавший грушевый сад. А вон и бывшая поликлиника, где засели Кузнецы. Как и о многом в Зоне, о Кузнецах толком мало что известно. Сами они никому не показываются. Словно гномы, зарылись в подвалы гремячевской больницы и носа никуда не кажут. Окна первого этажа заложены кирпичом, наружу устрашающе торчат острые и ржавые арматурные штыри. Крыльцо загорожено замысловатой баррикадой, надпись суриком на стене сообщает: «Не лезьте! Стучите! Стоят растяжки! Пострадавшим по глупости не помогаем!». Если прислушаться, из недр больницы доносится скрип, шипящие вздохи, позвякивание. Над обомшелой шиферной крышей поднимается струйка чёрного дыма. Трудятся, гномы...

В сотне шагов от поликлиники угрюмо возвышается водонапорная башня под ржавой крышей – единственное место для безопасного ночлега. К ней мы и направились. У входа стоял часовой. Ба! Да это же Епископ! Значит, в башне уже устроился караван из Красного и лучшие места нам не светят. Ну, да ладно, ничего не попишешь, таково право первоприбывших, а мы устроимся в тесноте, да не в обиде, выспимся и на полу.

Мысленное досье на Епископа

Епископ – бывший десантник, участник чеченской мясорубки, гроза туземных бандитов, легендарный снайпер. В тамошней бойне как-то резко уверовал в бога. После Чечни ушёл в монастырь, потом внезапно покинул его, гневно обвинив попов во всех мыслимых и немыслимых пороках. Через год появился в Зоне. Невероятно удачливый добытчик и, по совместительству, своего рода местная мать Тереза. Занимается тем, что всемерно и бескорыстно помогает пострадавшим. Кроме того, проповедует слово божье. Может быть занудливым, порой

кажется «повернутым» на веру, но все, кто его знают, относятся к нему с огромным почтением. Частенько бывал в Черново, где даже отъявленного прагматика и циника Борова безуспешно пытался обратить к свету истины и человеколюбия. Несмотря на неудачи в миссионерской деятельности, не считает черновцев потерянными душами и искренне уважает. Зато терпеть не может лукьяновскую уголовную братию и убеждён, что для тех Зона – всего лишь чистилище на пути в геенну огненную.

– Здорово, Стрелок! Как дошли?

– Привет, Епископ! Спасибо, всё в норме. А вы?

– Неплохо.

«В норме!» А Старик не в счёт? Хотя, для Стрелка, видимо, не в счёт...

Сколько же я в Зоне? Четвертый год... А до сих пор порой не могу разобраться в окружающих. Иногда кажется, что для меня нет людей ближе, чем те же Самовар, Бобёр, Глюк. Они внимательные, отзывчивые, добрые. А порой я их ненавижу за жестокость и равнодушие... Мало нам увечий, причиняемых Зоной, надо еще самим калечить судьбы. Как начинаешь разбираться, сгущается в голове туман, словно ранним утром на берегу Норки. Взять хотя бы того же Стрелка. Ну да, эгоист, черствая скотина, супермен хренов. Старика бросил. Но ведь со стрелковой-то колокольни всё выходит правильным. Да и если со стороны смотреть – всё логично.

Самое гнусное тут – то, что мы в и Зоне остались сами по себе: «Моя хата с краю. Своя рубашка ближе к телу. Каждый сам за себя». В Зоне, где единственный шанс возможность выжить – стать братьями, сжаться в кулак.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Гремячье

21 час 55 минут 6 августа 2007 г.

Тихоня

Мы вошли в башню. Против ожиданий места на втором этаже хватило всем. Здесь стояла горячая буржуйка и вокруг неё, стараясь не шуметь, расселись мы, грязные усталые носильщики, очень разные и такие похожие. Ребята из Красного дрыхли без задних ног. Посмотреть завидно. Они уже загрузились сегодня для обратного пути и завтра чуть свет подадутся домой. А нам с утра только предстоят торг с Кузнецами и возвращение.

Красное... Когда-то это была заурядная железнодорожная станция между Марьино и Усть-Хамском. Полтора десятка домов, церквушка, два маленьких кирпичных цеха у глиняного карьера... Теперь там крепко сидит группировка, скорее напоминающая религиозную секту. Большинство живущих в Зоне относятся к красноvcам неплохо, но слегка насмешливо, считая их помешанными.

Зона не жестока и не кровожадна, учат в Красном. Зона – не просто огромный овал на местности, напичканный смертоносными аномалиями. У любого, кто окажется в силах посмотреть на Зону без предубеждения, возникнет мысль, что это некая сложная, целостная, самодостаточная и избыточная, внутренне непротиворечивая система, где всякая песчинка, травинка, животное, аномалии – на своём месте. Стоит чему-то исчезнуть, как его заменит то же самое или равноценное. возникшее может быть нечто совсем безвредное – новое дерево, странный гриб, но в результате такой замены могут появиться и говорящий пёс, и ядовитый родник, и прыгающие камешки. А вот человек-пришелец в Зоне – инородное тело, нечто чужое, не желающее приспособливаться к ней, наоборот, пытающееся с ней воевать. Но Зона воевать с людьми не собирается. Ни одна из аномалий не предназначена истреблять людей, не создана для причинения людям вреда. У неё свои, другие, не известные нам функции, хотя, от этого она не становится менее опасной.

Красновцы верят, что в развалинах Усть-Хамска покоится нечто сверхъестественное неземного происхождения. Они называют это Сердцем Зоны. Со времени обоснования в посёлке (а когда это точно произошло – неведомо) поклонники Сердца вежливо, но непреклонно

препятствуют продвижению добытчиков и охотников в сторону города. Красновцы, мотивируют это тем, что Зона может разгневаться на непрошенных пришельцев. Единственные, кто могут без помех пройти сквозь красновские дозоры, это шаманы, каковые почитаются красновцами как Уста Зоны, через которые та изрекает свою волю людям. По слухам, у зонопоклонников есть крупная база чуть ли не на самой окраине Усть-Хамска, но точного её местонахождения не знает никто, кроме самих посвящённых из группировки.

*Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Гремяче
17 часов 10 минут 7 августа 2007 г.
Ташкент, Тихоня*

– А красновцы теперь уж, поди-ка, дома. -грустно сказал Тихоня. -Вчера с утра ушли.

– Угу. -подтвердил Ташкент. -Зато им топать-то куда дальше, чем нам. Вдобавок через места пропащие: по краю Большого Озера, по болоту... А переправа через Норку, а окраины Марьино, а железная дорога! Бррр... Скоро там сменщики-то выйдут? Постучать, а?

– Ой, не ной, мой герой, удалой часовой. -вяло продекламировал Тихоня. -Уже тащатся, ногами шаркают. Не слышишь, что ли?

В дверном проёме материализовались Самовар и Ушастый, снимающие «калаши» с предохранителей:

– Отдыхайте, парни, мы заступаем на дежурство. Вы поели?

– Раньше вас. -ответил Ташкент. Он закинул автоматный ремень на плечо и выжидающе посмотрел на Тихоню. Тот кивнул и спустился с разбитых ступенек водонапорной башни.

– Эй-эй! -забеспокоился Самовар, -Куда?!

– Да вот пока Стрелок в больнице у Кузнецов товар заказывает, мы решили здание обойти по периметру.

– Спятили. -веско поставил диагноз Ушастый. -Кого на свою голову поискать вздумали: котяру, кровососа или стаю кабанов? А то, может, к гипнотизёру на приём наладились, покойнички потенциальные?

– Просто пойдем и посмотрим... -ответил Тихоня. -Да почини ты, наконец, лампочку. Что она у тебя как у царевны звездой во лбу горит?

– Ну-ну... -скептически заметил Самовар. -Если что – стреляйте, побежим выручать.

– Непременно стрельнём. -заверил Тихоня. -Айда, Ташкент.

Они медленно дошли до угла «фабрики Кузнецов» и осторожно свернули в то, что некогда было сквериком у больницы.

– Ты того... этого... осторожнее... -сказал Ташкент. -Вон бармалеева борода мотается.

– Вижу. -ответил Тихоня. – спасибо. Да и пусть себе мотается. Мы же не будем ей растираться, не мочалка в бане. Даже близко не подойдём. Зато, смотри-ка – сколько этаков у подвального окошка! Половине «курорта» хватит, чтобы фонарики и КПК зарядить. Боров за них нас три дня кормить будет. Ну-ка, давай, Ташкент, собирай, а я на стрёме постою.

Бродячие погремушки на ветках сухого дерева

Ташкент присел, осторожно постучал прутиком по коленчатому серебристому стебельку, увешанному толстыми серыми дисками, отдалённо напоминающими монетки. Стебелёк пискнул и задрожал, серые кружочки осыпались на землю. Ташкент стал торопливо собирать их в нагрудный карман комбинезона.

– Вместе не клади, не то разрядятся. -посоветовал Тихоня. -По трём карманам распахай.

– Не учи, знаю, знаю...

Подул слабый ветерок.

– Повезло. -довольно сказал Ташкент. -Что же, Кузнецы вообще наружу не выходят? У них тут под носом добро просто так валяется. Вон ещё грибы выросли, целая полянка.

– Н-ну, похоже, для них этаки – не добро. Орлы мух не ловят... -пожал плечами Тихоня. -Кузнецы не мелочатся. Сидят себе, запершись, клепают потихоньку материальные ценности,

торгуют по крупному и с выгодой, а до всякой дешёвки не опускаются. Они – не мы, братишка. А грибы обязательно надо срезать. Молодец, что углядел. Только куда ж их положим, вот вопрос...

– В капюшоны! -осенило Ташкента. -Много войдёт.

– Хм, пожалуй. Срезай.

Они добрались до середины задней стены здания, капюшоны уже были набиты слабо шевелящимися грибами, когда Ташкент остановился, прижался спиной к холодной и сырой кирпичной кладке. Он некрасиво оскалился, завертел головой и выставил вперёд ствол автомата.

– Чего ты? -опешил Тихоня.

– Смотри на балкон. Да куда уставился?! Третий этаж, посередине.

Тихоня быстро взглянул наверх, едва слышно присвистнул, увидев руку, неподвижно свисавшую сквозь балконные перила.

– Кровь капает. -сказал он, упирая приклад в плечо. -Недавно спёкся. Плохо дело. Что за чертовщина творится? Кто такой?

– Да вы его знаете. -послышался сиплый голос из-за пышных кустов войлочной вишни в углу скверика.

– Кто там? -визгливо вскрикнул Ташкент. -Выбирайся, не то очередью полосну. И руки держи за головой. Считаю до трёх! Раз!

– Да выхожу, выхожу. Только рук, Ташкент, извини, подымать не стану.

Зашуршала темно-зелёная бархатная листва и из кустов выдвинулся среднего роста человек в драном и грязном комбинезоне. Он держал под мышкой дулом вниз обмотанную камуфляжным тряпьем древнюю снайперскую винтовку. Совершенно лысая голова была покрыта нежно-розовыми пятнами, словно от ожогов.

– Привет, парни! -измученно просипел он, почти не двигая впалым беззубым ртом. -Ну, как дела? Соскучился я без вас...

– Ста-арик?! -беззвучно ахнул Тихоня.

-6-

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Гремяче 17 часов 20 минут

7 августа 2007 г.

Старик, Тихоня, Ташкент, Глюк, Бобёр, Ушастый, Самовар

Тихоня и Ташкент вынесли на ступеньки башни ведро подогретой на «буржуйке» воды. Старик, тихо постанывая, стянул прорванный и прожженный во многих местах комбинезон, сбросил испачканные засохшей бурой кровью лохмотья майки.

– Ой, мать божья коровка! -не выдержали стоявшие караульными Самовар и Ушастый: грудь, живот, плечи, спина и руки Старика были покрыты такими же пятнами тонкой послеожоговой кожи, что и облысевшая начисто голова. Кое-где сквозь съезженную и покрытую болезненными морщинами розовую кожу проступали багровые капельки.

– Где ж тебя так угораздило?! -поразился Самовар.

– Лейте, чего остолбенели? – раздражённо велел Старик. И голос у него также был почти неузнаваем: сиплый и низкий одновременно. Спohватившись, Тихоня начал тонкой струйкой лить воду. Старик осторожно вытирал тело мокрыми ладонями. Когда вода закончилась, он сказал непонятно: «Нет, не такая... пресная... та совсем другая...» И устало уселся на ступеньку обсыхать. Ташкент осторожно потрогал пальцами его плечо. Сейчас, когда запекающуюся кровь и грязь смыло водой, кое-где тело оказалась сверх ожиданий почти в порядке. Неглубокие порезы, ссадины, синяки. Но, в общем, терпимо, бывает много хуже.

– Что стряслось-то?

Старик тяжело опустил веки без ресниц. Помолчал. Зашипев от боли, обжегшей тело, накинул рубаху. Чувство было такое, будто по коже на повреждённых местах шаркнули наждачной бумагой.

– Да, конечно, надо рассказать... -согласился он. -Только обязательно всем. Идите наверх.

– Да нам вообще-то нельзя. -нерешительно заметил Ушастый. -Мы часовые.

– Изнутри дверь запирается?

Самовар кивнул.

– Надежно? Вот и затворите получше, да привалите чем-нибудь. Если люди придут – постучатся. Но надеюсь, к ночи не придут. А нелюдь зашумит – учуем.

– И то верно. -поддержал Ушастый.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Гремяче 17 часов 30 минут

7 августа 2007 г.

Рассказ Старика

Почти полвека прожил, а вот повезло же: сознание терял всего дважды. И оба раза – здесь, в Зоне. Первый раз, когда меня гипнотизёр приложил на входе в Черново, а второй, когда схлопотал по темечку чем-то тяжёлым там, в Лукьяновке.

Все вы уже вошли в подвал Туза, выбрались с другой стороны. Последним был Бобёр. Он скрылся в тёмном проёме входа, я двинулся за ним. Сзади что-то зашуршало и...

Очнулся я лежащим ничком на грязном и холодном бетонном полу. Казалось, даже от малейшего подрагивания век боль всверливалась в череп. А уж о том, чтобы разлепить их, веки, и помыслить было страшно. Но внутренне сжался, открыл глаза и понял, что это тёмный угол большого помещения – не то бывшего гаража, не то автомастерской: неоштукатуренные стены, верстаки и полки, пандусы с прямоугольными ямами посередине.

Неподалёку за низким столиком сидели двое в чёрной одежде с нашитыми знаками пиковой масти. На столике лежали мой автомат и развязанный рюкзак. Чёрная пара вяло рылась в вещах.

Сутулый, тощий и высокий увлечённо рассказывал:

– В общем, Клизма вот шо базарил. Поднял его, короче, наш Туз: типа шустро ковыляй ко мне, мясо притаранили. Клизма спросонку не врубается: какое такое мясо? А? Туз ему: –«Ты шо ж это, петушара, среди бела дня спать завалился? Никак, до спирта общакового добрался, перепил в натуре? Трупак тут свежий, кушать подано!» Короче, подваливает Клизма со своими свежезаточенными перьями сюда, и к вон тому верстаку. А на верстаке такое, блин, растакое... Клизма тут уже пятый год, по ходу, жмуриков из Зоны всяких повидал. И тебе драных, и жареных-печёных, и мутантов потрошил не один десяток, а тут хавчик утрешний начал, типа того, в его желудке гулять и наружу проситься. Короче, на верстачке-то – без двух минут человек с первого взгляда. Ну, тело, две руки, две ноги. Только доходяга полный, блин, кожа да кости. Но в это Клизма уже потом въехал. А сперва, говорит, гляжу, помесь дуршлага и порванной грелки, даже не кусок мяса, а фарш какой-то: всё наизнанку, всё удряпано липкой чёрной пакостью – кровь типа... Клизма орёт, типа, что за гондурасы хреновы, патронов, в натуре, не было жалко, да?! Короче, Клизма полдня тут с пером над жмуриком горбатился. И самое прикольное в том трупаче – башка! Она-то как раз на нормальную ни хрена не похожа: моргалки красные, уши острые, нос приплюснутый, клыки в пасти, словно шилья. А сама пасть – здоровенная, прям в полбашки. А? Дальше! Прикинь, шо эта тварь на обед чифанит. Травку! Корешочки! Короче, все видали – за Лукьяновкой жирной травы полно, так Клизма зуб даёт, что этот скалозуб ей до отвалу натрескался. Только по всему выходит, что он не саму травку щиплет, а вроде как на гарнир к мясу. Всяко получается, шо это та самая тварь, какая вчера Хайла с Бухарём задрала. Потому как знаешь, шо при ней припрятано было? Ну? Да куда тебе знать! Короче, мозги там у него были заныканы в жестяной баночке. Допираешь, чьи? Нет? А покумекай! Хайла-то с Бухарём нашли с пустыми черепушками. Слово ложкой всё выскоблено... Усёк?

Теперь самое главное! Знаешь, кто того выродка уделал? Шалава! Вон, она самая, какая на ящиках вытянулась и какую мы с тобой сторожим. Глянь-глянь, шевельнулась! Наши валеты засекли, когда она с уродом сцепилась. По уму всё сделали: выждали, пока она урода замочит, потом на неё навалились и повязали.

– Ни-иштяк... – потянул его слушатель, тот, что пониже и погрузнее. – Это ж я такого и не упомяну, шоб живую шалаву брали.

– Ха! «Живую»! А шоб дохлую – такое упомнишь? А? Они ж вообще в руки не даются ни в каком виде. Это первый раз в Зоне такое чудо. Вот на сходняке и решат, шо с ней делать.

– Да по кругу пустить и всех делов. – тут низкий и грузный заметил, что я пошевелился и прогудел: – Шо, очухался?

Сутулый гнусно хихикнул.

– Ты уж извиняй, фраерок, что пришлось тебя по репе приложить. – было видно, что низкий с усилием подбирает слова без блатной фени, снисходя до моего уровня понимания. – А то ж сам ты ни в жисть бы не согласился остаться. Со Стрелком базар был, он сказал, шо ты не с ним, а, отдельно, сам по себе попутный, так шо он, Стрелок, за тебя нипочём не в ответе. Значит, всё по понятиям. Да ты хреном-то не дрожи, фраерок, всё ничтяк, в шестёрки, по рассуждению, не сунем. Блокнот-то – твой?

Я кивнул, ожидая, что голова рассыплется на мелкие осколки. Но самое поразительное, что боль внезапно ушла и больше не возвращалась.

– Сам малевал?

– Сам. – хрипло ответил я и прокашлялся.

– Художник... Зашибись! – уважительно признал низкий и вдруг задрал куртку вместе с рубашкой, явив синее от сплошных татуировок брюхо, поросшее полосой курчавой шерсти. – А такие наколки сделать не в потяг?

– В потяг. – я сел, прислонившись спиной к стене. Нет, лёгкое головокружение всё-таки было. – Могу.

– Совсем пофартило тебе, фраерок. – заключил лукьяновец, затыкая рубашу в штаны. – Опять же по моему рассуждению наш пиковый сходняк тебя уж точно девяткой заявит. Нам накольщик во как нужен, а ни у кого его нету. Даже у червей нету, хоть черви я те скажу... крутые они... Да не дёргайся, фраерок, сиди пока сидится...

Я разобрал, наконец, что на составленных у стены ящиках уложен человек со скрученными веревкой руками и ногами. Кажется, в брезентовых штанах и куртке...

Заверещали заржавленные петли железной двери и в образовавшейся щели материализовалась заросшая многодневной щетиной рожа.

– Кукуете? – ухмыляясь, прохрипела рожа, – Ну-ну, кукуйте дальше. А там на сходняке приговорили шалаву сначала всей мастью оприходовать, потом кончить. Король уже солому разложил, щас тянуть будут: кому первым, кому – потом. Только на вас солому не раскидывали. Так шо – извиняйте, пацаны, мармеладу не достанется.

Рожа исчезла.

– Шо за дела?! – взъярился грузный, – Они там кайф делят, а нас – побоку? Мы им шо – шестёрки драные? Не по понятиям!

– Дык, может мы её щас отмашем... – предложил сутулый, – По-быстрому...

– Совсем трёхнулся, придурок. – с жалостью заключил грузный. – За такое знаешь, шо бывает? Тебя так отмашут... Не-а, лучше двинем на сходняк, пока там солому не разметали.

– А за бабой кто приглядит?

– Да шо с ней сделается, вон как повязана. – сказал грузный и задумчиво посмотрел на меня, – А ещё вот пусть фраерок пользу принесёт. Слышь, художник, мы тут на сходняк по-быстрому смотаемся. Тебе туда пока не положено, так шо ты того... поприсматривай-ка за шалавкой. Только близко не подходи – укусит, бешенством заразишься.

Оба заржали, выскочили из-за стола, скрылись за дверью, закрыли её. Лязгнул засов.

Я поднялся на четвереньки, постоял с полминуты, потом выпрямился. Безумно хотелось переломить на темени у каждого из лукьяновских отморозков по кирпичу. Желательно, по большому, крепкому, жёлтому, огнеупорному. Сволочня уголовная! А потом славно было бы со Стрелком разобраться. Изящно меня сдал, не придерёшься...

На столе валялись разбросанные вещи. Удивительно, но, похоже, что в карманы бандюков ничего не перекачало. Ну, надо же! Это, точно, можно считать самым удивительным из чудес Зоны. Одним движением я сгрёб всё в рюкзак, встряхнул и завязал его. Привесил нож на ремень. Оружие их тоже не прельстило, что ли? И ППШ и «Форт» сунули в картонную коробку. Побрезговали? Ну, и кретины же они все тут! Подберём. Сойдёт в нашей тягостной ситуации.

Приблизился к двери, толкнул плечом. Без толку, как и следовало ожидать. Затворено надёжно. Огляделся по сторонам. И увидел на стене её, родимую – ржавую железную пожарную лестницу. Второй раз – кретины! Запиральщики! Зря, зря майор Махдиев высмеивал мои тренировки в парке, могут они сейчас пригодиться...

Подошёл к простёртому на ящиках человеку. Конечно, из трёпа бандюков я сообразил, что к ним в плен попала амазонка и что событие это было уникальным, поразившим их убогое воображение. Настолько убогое, что ничего кроме позыва к групповому изнасилованию в нём ничего не появилось. Жребий бросают, козлы...

Женщине было с виду лет тридцать. И ни на ельцинскую инфляционную копейку привлекательности. Коротко стриженные тёмно-каштановые волосы, обычное лицо с синяками и разбитыми губами. Не уродина, но и красавицей не назовёшь. Фигура крепкая, угловатая. В общем, свой парень, располагающий исключительно к скупой на эмоции боевой дружбе. Ну и замечательно.

Амазонка открыла глаза и с холодным равнодушием уставилась в потолок. Я достал нож, быстро разрезал верёвки сначала на её ногах, потом на руках. Вот это да! Не затекло у неё ничего что ли? Стремительно соскользнула с ящиков и пристально осмотрела меня с головы до ног. А уже через секунду я лежал на бетонном полу, а мой собственный автомат упирался мне же в живот. А-а-а, чёрт тебя дер! Хватит на сегодня с меня, сколько можно!

– Ой, дура... -простонал я. -Лезь по лестнице! Живо! Они же вот-вот вернутся.

Повторять не потребовалось. Амазонка закинула автомат за спину и вознеслась по ржавым перекладинам к квадратному потолочному люку. Я кое-как полез следом, и скоро упёрся макушкой в подошвы её кирзовых ботинок. Она что-то там торопливо откручивала, потом наверху треснуло, посыпалась труха, люк отъехал в сторону. Женщина ловко выбралась на крышу. Когда я задвигал крышку люка, внизу послышался лязг засова. А забавно будет, если мы не сможем спуститься с крыши. Нет, фортуна – наша, вон там с противоположной стороны точно такая же наружная пожарная лестница. Я указал на неё, амазонка побежала туда и начала проворно спускаться. А я постарался как можно внимательнее оглядеться с верхней точки. Кажется, придется пробиваться вон туда, за заросший кустарником пустырь, мимо большой полувырытой в землю цистерны. А во-он там на юго-востоке – вытянувшиеся цепочкой человеческие фигурки, которые отсюда кажутся не больше муравья. Да это же наш караван!

Внизу послышались яростные вопли, зашевелился люк. Я был уже у на краю крыши и начал было спускаться, но... День невезенья продолжался: целое звено истлевшей лестницы выскочило из стены. Хорошо, что вовремя успел отцепиться, а еще лучше, что внизу оказался куст. Куст был сухим и очень колючим, но всяко предпочтительнее груды бетонных обломков с торчащей железной арматурой.

На боль некогда было обращать внимание. Ткнул кулаком в напряжённую спину амазонки, махнул рукой в сторону пустыря, она пригнулась, метнулась туда, не оглядываясь. Хорошо бежим, ребята! Молча и каждый сам по себе... Впрочем, жаловаться не надо, хорошо, что она впереди. Вот тут где-то заканчивается лужьяновский оазис и должны попадаться аномалии. Их она должна чувствовать хорошо не в пример мне, экзогену-недотёпе. О, вот, кстати, и первая ловушечка: по земле выются голубые змейки электрических разрядов, рождается электричество. А у забора задумался весёлый призрачок. И слева что-то незнакомое...

Бандюки начали стрелять, когда мы почти обогнули цистерну.

– Урою гадов! -услышал я сквозь стук пуль по клёпаному железу. Амазонка прижалась к цистерне, вскинула ППШ, дала две коротких очереди. Руку мастера было сразу видно: позади раздался дикий визг. Я бы ни за что не попал, хорошо, что оружие у неё.

За большим цилиндрическим баком я понял, где мне суждено сыграть в ящик. Стрелок вёл караван именно здесь, примятая трава ещё не успела подняться и будь всё спокойно, я бы рискнул догонять ребят даже в одиночку. Но для этого потребуется много времени, брести придётся

медленно. Бандюки влезут на цистерну и расстреляют меня, словно в тире. Остаётся только залечь здесь и отстреливаться из хлопушки марки «Форт» до предпоследнего патрона. Пять пуль – в сторону лукьяновцев, шестую – себе в висок.

Амазонка, видимо, точно так же оценивала положение. Однако никакого выражения на её каменном лице по-прежнему не было. Всё те же сжатые в нитку губы, всё тот же цепкий, оценивающий взгляд. Она еще раз выстрелила по залёгшим преследователям и вдруг настороженно закрутила головой. А дальше всё превратилось в палату для буйно помешанных. Подруга по несчастью торопливо перевесила автомат на шею и бросилась бежать. Ё-моё! Бежать, представляете? По заросшей корявым кустарником пустоши, где даже самый обдуманый медленный шаг мог оказаться последним! Что мне оставалось делать? Пустился следом, стараясь попадать след в след. Ну, разок я таки просчитался, дёрнуло от пят до макушки чем-то вроде слабого электрического разряда, но, в общем, авантюра завершилась успехом. И метров через тридцать я понял, на что рассчитывала амазонка, идя на такой сумасшедший риск. Между нами и преследователями справа наискосок серой волной шла орда крысочков.

Из записной книжки Старика

Крысы – истинные хозяева зоны. Сложно представить организм млекопитающего, обладающий большей приспособляемостью. Во многом это объясняется эффективностью работы их репарационных систем ДНК. Быстрые темпы размножения и большое количество детёнышей в выводке позволили им (как и следовало ожидать) быстро приспособиться к новым условиям среды.

Несомненно, большая часть крысиного племени при возникновении Зоны погибла. Оставшиеся считанные единицы оказались настолько гибко реагирующими на изменения, что дали начало нескольким разновидностям своих потомков. В конкурентной борьбе уцелели и размножились три типа: кенгуры, крысочки и норные крысы.

Кенгуры, как видно даже из названия, перешли к стремительному передвижению прыжками на двух сильно развитых задних лапах. Их размер увеличился, в высоту они достигают 35- 40 сантиметров. При этом передние конечности почти не изменились и используются лишь для хватания и придерживания пищи во время еды. Любопытно, что серый окрас спины также поменялся на рыже-бурый, а брюхо побелело. Зрение осталось на прежнем уровне, зато обоняние и слух стали намного лучше. Также весьма интересной особенностью сенсорной системы кенгуров является их повышенная чувствительность к электромагнитным импульсам. Замечено что они могут обходить очень многие аномалии. Кенгуры живут семьями по 3-4 особи. В состав семьи входят родители и детёныши двух поколений, причем старший крысёнок выполняет по отношению к младшему роль пестуна-наставника. Животные всеядны, но отдают явное предпочтение мясной пище. Атакуют обычно самец и самка, они прыгают на спину жертвы, стараясь достать до горла или сломать шейные позвонки: добить обреченное существо при повреждении спинного мозга легче всего.

Крысочки незначительно изменились по сравнению с прародителями. Собственно, одиночные особи ничего интересного, с точки зрения науки, собой не представляют, разве что стали чуть массивнее. Зато крысочки приобрели способность сбиваться в огромные стаи – до тысячи особей. Благодаря пока еще слабо изученным этологическим особенностям, стая крысочков действует слаженно, как единый организм. Причем, чем больше особей в стае, тем более скоординированы её действия. Вообще говоря, подобное взаимодействие наблюдается и вне Зоны, например, в косяках рыбы. Но на суше подобное явление уникально. Можно предположить, что для координации действий крысочки используют особый вид общения. Благодаря острейшему слуху крысочковая орда стая может действовать «разумно», устанавливая постоянный контакт между всеми особями посредством ультразвука. Вожаками орды становятся самцы и самки, у которых больше всего по сравнению с другими развит специальный орган-резонатор который представляет собой «звуковую линзу» – жировое тело, окруженное соединительной тканью. Она расположена в полости черепа. Благодаря «линзе» они могут транслировать ультразвуковые сигналы для всей орды.

Также напрашивается гипотеза об использовании животными инфразвука исключительно как средство нападения. Тому есть определенные подтверждения, например явление «крысочковой

депрессии». Одиночная особь, издавая инфразвук определенной частоты не опасна. Но орда тысячи в полторы крысюков, используя когерентные волны и эффект усиления (унисон? или интерференция? не помню точно) представляет уже страшную угрозу, вызывая у атакуемого животного или человека ощущение слабости и дикую панику.

Норные крысы заняли экологическую нишу полностью истребленных кенгурами и крысюками в Зоне домашних мышей и полёвок. Часто являются объектом для охоты кенгуров и крысюков, а также совков. Эти животные по сравнению с собратьями, напротив, сильно уменьшились, выработали великолепное сумеречное и ночное зрение. Для улавливания звуковых колебаний у норных крыс имеется особый орган: вибрисы, то есть усы, играющие роль антенн. Интересной особенностью является то, что норные крысы, имеют несимметричное расположение зубов на нижней челюсти: правый зубной ряд немного сдвинут вперед по отношению к левому. Эти крысы – грызуны, предпочитающие вегетарианский образ жизни, гораздо реже – падалыщики. С этим связано обилие токсинов и опасных микроорганизмов, содержащихся в слюне и на зубах норных крыс. Так что брать их в руки, гладить и держать за пазухой не рекомендуется (шутка юмора, как говорит Боров).

Продолжение рассказа Старика

Я изрядно запыхался и устал. Перед глазами плыли разноцветные круги. Возраст не обманешь. Кроме того, сказывались последствия удара по голове. Да и опять же, спринт зигзагами между аномалиями – это вам не тренировки в Северном парке Хамска. Но мы своего добились. Крысюки уже разделили нас и лукьяновцев, так что блатные уже не смогут преследовать нас, пока не пройдет орда. Злоба не настолько распалила блатных, чтобы те сунулись в середину многотысячной стаи. Грызуны никогда не откажутся подкрепиться и не оставят от жертвы ничего, кроме добела обглоданных уголовных костей.

И тут по закону вселенской подлости шальная пуля угодила навывлет в правую ногу амазонки. Та упала, тут же вскочила, доковыляла до сухих камышей, с треском завалилась в них. Еще две пули рванули мой рюкзак, я потерял равновесие и рухнул рядом с женщиной. Тут же подполз и наскоро осмотрел её. Да-а, дела... Кровавое пятно расплывалось по брезентовой штанине внизу бедра беглянки. В моём рюкзаке царила полнейшая неразбериха, пузырёк с йодом, замотанный в чистую ткань и припасённый именно на такой случай, оказался, естественно, на самом дне. Когда я с ножом наклонился над женщиной, та подтянула раненную ногу и вскинула автомат.

– Не дури... -утомленно посоветовал я. Она чуть помедлила и медленно убрала оружие. Я вспорол грязный брезент.

– Сейчас будет больно.

Впервые её лицо приобрело на миг какое-то выражение: она позволила себе презрительную ухмылку. Когда я, залив йодом обе раны, аккуратно забинтовал ногу, амазонка известково побледнела, однако и тут не издала ни звука. Влюбиться в такую – вероятность ниже нуля, а вот уважение – это да, растёт и крепнет. Героиня. Интересно, пришла невольная мысль, они вообще умеют разговаривать. Или все эндогены – телепаты, вроде Шамана?

Мы не могли себе позволить прохлаждаться. Крысюки подарили нам минут двадцать и терять их попусту было никак нельзя. Требовалось оторваться от преследователей во что бы то ни стало.

– Идти сможешь?

Вопрос, видимо, оказался оскорбительным. Конечно же, она не ответила и поднялась. Но и так всё было ясно – пойдёт, чтобы через пару сотен метров свалиться без сознания. Я с огромным сожалением выбросил из дырявого рюкзака всё, что при теперешних обстоятельствах вряд ли могло быть насущно необходимым, затем перевесил облегченный вещмешок набок. Закинул левую руку амазонки себе на шею. Она напряглась, но не стала сопротивляться.

– На раненую ногу старайся ступать полегче, опирайся на меня.

И мы поплелись по следам каравана. Наверное, блатные шли за нами следом, но были вне зоны прицела. Ни стрельбы, ни криков позади также не было слышно.

Женщина раза три теряла сознание и наваливалась на меня. Правда тут же вырывалась из забытья и старательно выбирала направление, обходя аномалии. Хм, в этом танце явно вела дама...

А вот её кавалер постоянно впадал в какое-то полубытьё. Волнами накатывала головная боль. А когда уходила, то сменялась полусном-полубредом, который и был самой что на есть

настоящей явью. Поле, по которому мы ковыляли, не было полем в полном смысле слова, так же, как густая поросль карликовых березок, нас окружающих, не была порослью в обычном понимании. Скорее, казалось мне, это были части единого целого, как составляют единое целое, на первый взгляд, разрозненные предметы мебелировки и стены комнаты. Сами по себе они – столы, стулья и элементы строения. Вместе – дом. И вся Зона в целом представлялась теперь таким домом, целостным и единым, составленным из мнимо независимых друг от друга деталей. Однако, понятие «дом» предполагает понятие «хозяин». В Зоне же хозяина не было. А может быть, всем только так кажется, а, Старик?

На коротких пятиминутных привалах становилось полегче. Я сидел в тупом оцепенении. Амазонка полулежала с автоматом наготове. И правильно: мало ли какая нечисть могла наткнуться на двух измученных человек, один из которых к тому же источал соблазнительный запах крови. Наверняка здесь кишели как хищные звери, так и самые разные мутанты.

На первом же привале я не выдержал и, смешав в колпачке фляги воду со спиртом, выпил. Второй раз в глазах амазонки промелькнуло выражение: на этот раз отвращения. Что ж, она абсолютно права, пьянство в Зоне – самоубийство. Но я был совершенно уверен: без этих пятидесяти граммов мне просто не встать. Конечно, лучше, если бы мы наткнулись на грибную полянку...

Вот странно, внезапно пришло мне в голову, амазонку ранило в правую ногу, пули порвали мой рюкзак тоже с правой стороны. Но это произошло, когда мы огибали яму с какой-то зеркально-зеленой жидкостью и были повернуты к палившим вслепую лукьяновским бандюкам левым(!) боком. Выходит... Я запустил руку в рюкзак и принялся лихорадочно шарить среди не выброшенных вещей. Стоп, а зачем таскать повреждённый карманный портативный компьютер? Я уже развернулся было, чтобы отшвырнуть бесполезную вещь, но задержал размах. КПК был разбит, в нём застряла пуля. Осторожно выковыряв её ножом, я замер в недоумении. Лукьяновцы провожали нас салютом из короткоствольных «калашниковых» и пистолетов. А на моей ладони лежала остроносенькая пуля калибра 5,65. В памяти услужливо всплыл фрагмент лекции Махдиева: «Снайперский патрон для автоматов «Гроза», «Вал» и специальной снайперской винтовки «Винторез». Имеет дозвуковую скорость полета, но за счёт тяжёлой пули особой конструкции пробивает большинство бронежилетов на дальностях до 400 метров». И мне было известно только одно оружие, которое могло столь метко выпустить «тяжёлую пулю особой конструкции» не вдогонку, а навстречу нам. «Гроза», конечно. Эх, и гад же ты, Стрелок! Стоит выжить уже только для того, чтобы с тобой посчитаться.

И снова мы брели по оставленным караваном следам и не могли нагнать его. И вновь мне мерещилось, что где-то в Зоне идет подспудная работа, заставлявшая аномалии появляться и исчезать, животных менять свой вид и суть, а людей... Что Зона делает с людьми?

Где мы потеряли след каравана, уже и не вспомнить. Кажется, не доходя до Откосов... По-моему, амазонка не догадывалась, почему нас понесло на юго-восток, для неё было главным как можно дальше оторваться от возможной погони. А там уж можно было бросить попутчика и повернуть, куда надо. Но чем дальше, тем ей становилось хуже. Когда она нечаянно прижималась ко мне, через грубую ткань чувствовалось горячее тело, лицо покраснелось, зрачки расширились, дыхание участилось.

Откосы красовались перед нами, а я стоял, растерянно глядя вперёд. Ровное пространство было покрыто тяжелой, жирной пылью вперемешку с обкатанной матовой галькой. Над пылью проблескивали легкомысленные звёздочки и искорки. За ровной площадкой смутно виднелись в мутно-оранжевом тумане редкие неподвижные деревья, а за ними уже ничего различалось. Сухо запершило в горле. Амазонка чихнула.

– Будь здорова. -пожелал я -Автомат не урони. Идём, что ли?

«Идём» – было громко сказано. Фактически мне уже приходилось тащить раненую на себе. Пыль издавала под подошвами крахмальный хруст. Я рискнул идти там только потому, что площадку пересекали цепочки из отпечатков кабанийх копыт. Свиньям можно, а почему нам заказано? Почему заказано, понял слишком поздно, когда мы добрались до середины. Кабаны с мудрой отвагой проносились по площадке галопом, но мы-то едва тащились. Неведомые силы успели за это время накопить необходимое раздражение против нагло топчущих аномалию хамов и шарахнуть их от души.

Искорки толстели, превращались в бледные желтоватые огоньки. Успею, надо успеть, подумал я. Вот уже много лет, когда приходила мысль о смерти, она не вызывала у меня ни страха, ни огорчения. Но теперь вдруг до безумия захотелось уцелеть.

Наверное, сработал доставшийся от первобытных предков животный инстинкт: я бросил амазонку в пыль и упал на неё сверху, распластался, стараясь закрыть собой. Крепко зажал ладонями лицо: всё, что угодно, только не глаза! Толстенная ветвистая молния метнулась прямо над головой. Смог еще подумать, что барабанные перепонки лопнут от громового раската, успел почувствовать, как меня обсыпали тысячей тысяч невидимых раскалённых добела угольков. Потом адский, словно вырвавшийся из доменной печи, огненный вихрь сорвал меня, поднял, отнёс на пару метров в сторону и заботливо протер угольями оставшиеся неповрежденными части тела. Последнее, что я услышал – разрывы патронов в магазине автомата и обойме «Форты».

Из записной книжки Старика

Гриль. Аномальное образование диаметром 8- 12 метров, накапливающее нечто похожее на статическое электричество, но точная природа явления не изучена. Так что возможно, к «настоящему» земному электричеству фактор поражения имеет весьма косвенное отношение. В других Зонах таких аномалий не выявлено, а в Хамской их наблюдали только со стены на довольно значительном расстоянии. Потрясенная аномалия «раскачивается» довольно долго, так что на большой скорости её вполне можно проскочить. Зато потом на её пятачке взрываются десятки мини-молний, при этом поражение для любого живого существа, не успевшего прижаться к земле, почти всегда смертельно. После этого образуется вихрь бледного огня, несколько раз хаотически пробегающий по площадке. Характерной особенностью гриля является довольно толстый слой мельчайшей тяжёлой пыли, маслянистой на ощупь и иногда скатывающейся в мохнатые шары размером с футбольный мяч. Ночью аномалия легко обнаруживается любыми видами детекторов или с помощью бросания мелких предметов. Образуется три вида "штук": пороссячи хоботки, сопля чёрта и духовитые свистульки.

Продолжение рассказа Старика

Что было потом – помню плохо. Воспоминания вроде отснятой фотопленки, которую еще раз сунули в фотоаппарат и отщёлкали заново. Предыдущие и последующие кадры наслоились друг на друга и только с невероятным напряжением удаётся хоть что-то распознать. Откровенные кошмары и очевидный бред перемежаются с такой невероятной явью, что не удаётся их различить. Самым лучшим было бы забыть всё и навсегда. Но забыть не получается. Впрочем, как и вспомнить.

Кадр первый.

Я, одетый в простые холщовые рубаху и штаны, стою в коридоре диковинного сооружения. Строители его, кажется, не имели никакого понятия о кривизне и декоре. Идеально параллельные чистые серые стены из чего-то среднего между графитом и алюминием. Тёмно-серый пол, для босых ног ни холодный, ни теплый. Коридор ведёт куда-то вниз с идеальным небольшим уклоном. Я знаю, что надо идти туда. Хотя... куда же еще-то? За поворотом открывается выход в огромное помещение, уставленное параллелепипедами самых разнообразных размеров и оттенков серого цвета. В противоположных стенах слева и справа от меня имеют место несколько дверей.

Едва я успеваю осмотреться и понять, что смотреть, в общем-то не на что, как справа на черном фоне стены внезапно возникает он. Росту в нём – все пятнадцать метров. Может, даже больше. Правая нога – чудовищная, с бугристой мускулатурой, покрытая грубой, заросшей редкой и жесткой шерстью кожей и заканчивающаяся бочковидным копытом. Левая – механическая, с переплетением зудящих цилиндров, клацающих клапанов, пульсирующих трубочек. Левая ручища с устрашающей когтистой трехпалой лапой. Вместо правой – протез-автомат. Огромная грудь, чудовищные плечи и шея. И – в невероятном контрасте со всем описанным – вполне человеческая (если не считать невероятных размеров и стальных бараньих рогов на висках) голова.

Мне не страшно, скорее любопытно. Я готов к чему-то подобному.

Он следует в центр зала, гудя и пощёлкивая своими механизмами, усаживается на нагромождение самых больших параллелепипедов. Я запоздало успеваю понять, что они и сложены-то как раз в форме неуклюжего не то кресла, не то трона.

– Начнем. -объявляет он гулко, но внятно.

– Вы бог? -задаю я идиотский вопрос. Очевидно, он слышал его миллиарды раз, потому что совершенно равнодушно отвечает:

– Забудь нелепые выдумки: «бог», «дьявол».

– Но как же тогда...

– Можешь называть меня Ваша Честь.

– Как судью?

– Я и есть Судья. И сейчас вызываю свидетелей обвинения.

Двери в левой стене растворяются и начинают выходить (входить?) люди, звери.

– При жизни ты многим причинил боль. -поясняет Судья. -Пришло время подвести итоги. Все обиженные тобой – здесь. Тысяча восемьсот девяносто шесть человек и шестьдесят пять животных. Никто из них не имел возможности уклониться от вызова и свидетельствования против тебя, даже если бы захотел этого.

– Суд неправый. -криво ухмыляюсь я. -Больше всего я чувствую себя виноватым перед мамой. Столько нужного не сделал, столько главного не сказал. Уж ей точно место в первом ряду. А её нет.

– Растолковываю. -монотонно гудит Судья. – Никто не мог уклониться от вызова и свидетельствования против тебя, кроме матери, даже если бы вина твоя перед ней была действительной и большой. Для матерей делается единственное исключение. И, как правило, они им пользуются.

– Гуманист вы, Ваша Честь! -с язвительной угодливостью говорю я.

– Оскорбление Судьи не считается проступком и не отягощает общей вины. -бесстрастно сообщает Судья. -Имеет ли подсудимый, возражения против присутствия кого-либо из вызванных?

– Но я вообще многих не знаю!

– Обиды, нанесенные ненамеренно, равно как причинённые с намерением, но впоследствии забытые, рассматриваются на общих основаниях. Готов ли ты оправдываться?

В этот момент я вижу смотрящие на меня печальные карие собачьи глаза... Поворачиваюсь к Судье и качаю головой:

– Отказываюсь от оправданий, Ваша Честь. Теперь мне всё ясно. То, о чём здесь будут свидетельствовать – будет правдой. Я признаю свою вину в полной мере. Даже если бы я не помнил чего-то или не знал об этом.

– Вот как? -Судья чуть склоняется с кресла в мою сторону. Механические протезы жужжат. - Это любопытно. И...?

– Могу ли я просить о чём-либо?

– Несомненно. Хотя это вовсе не означает, что просьба будет удовлетворена.

– Я хотел бы попросить, чтобы наказание, определённое мне, было многократно увеличено. А еще лучше, позвольте мне самому определить кару для себя. Поверьте, страшнее муки никому не придумать...

Судья опускает голову на грудь. Настаёт такая тишина, что едва слышный звонок над одной из дверей в правой стене раскатывается громом.

– Что? -блеснул рогами Судья. -Свидетель защиты? Обычно таковые, даже если отыскиваются, не допускаются к рассмотрению дела. Но, однако, кто там такой настойчивый?

Дверь тает, из тёмного проёма скачками выносятся пёстрая кошка. Она пулей пролетает расстояние до кресла Судьи, становится между ним и мной, выгибает спину и храбро шипит на Судью, микроскопически крохотная перед ним.

– Ах даже так?! -Судья на пяток секунд задумывается и изрекает. -Это весомый аргумент. Что ж, ввиду вновь открывшихся обстоятельств, слушание дела откладывается. На неопределённое время... Можешь быть свободен... пока...

Кадр второй.

Попробуй не очнуться, когда тебя, напоминающего прожаренную котлету, выволакивают на жёсткую траву. Как амазонка исхитрилась это сотворить, до сих пор не понимаю. Но тогда в первую очередь подумал: не как, а зачем она это сделала? «Каждый – сам за себя»...

– Автомат взорвался... -прохрипел я, -Теперь даже не застрелиться...И в мертвяки вряд ли воскресну... Скорее всего, найдут меня кабаны по шашлычному запаху, сожрут и будет вместо Старика столько-то килограммов свиного дерьма... Ты вот что, подруга, давай-ка двигай от меня подальше, глядишь и уцелеешь.

Амазонка молча смотрела мимо меня. Взъерошенные, грязные волосы, измазанное копотью и кровью лицо со следами старых и новых ушибов, руки, покрытые коркой потрескавшейся грязи. Мадонна Зоны...Впрочем, себя-то со стороны не видно... рыло, верно, ещё то... Снова забытье...

Кадр третий.

Невообразимо многоцветные и яркие картинки воспоминаний, наслаиваясь друг на друга, появлялись в горящем мозгу, перевертывали друг друга, загораживали друг друга, перепутывались друг с другом. Бегу в школу по залитой утренним светом улице маленького южного городка на берегу Чёрного моря. Иду в университет по сухому серому снегу Хамска. Отбиваю строевой шаг на плацу учебной войсковой части под Владивостоком. И всё одновременно. Ну, а на самом деле ползу по грилю, одной из самых редких аномалий Зоны. Все вокруг раскалено докрасна, горло от дикой жары превратилось в шершавую чугунную трубу. Мне плохо, я устал, бешено терзает боль по всему телу, похоже, что клочьями отваливается обугленная, полопавшаяся кожа. Мне казалось, что сквозь палящую мглу, окутывающую рассудок, уже не пробиться, что не будет больше покоя, чистой прохладной воды.

Кадр четвёртый.

Укол. Больно. Вижу всё чётко и контрастно. Из темноты проявилась амазонка. Из-за плеча выглядывает ствол винтовки. Склонилась надо мной, убирает шприц. Уже чисто умытая. Странно, ни одной ссадины на лице. И когда-то успела переодеться в заношенный, но чистый строительный комбинезон. Амазонка раздваивается. Потом их становится трое, четверо. И все они совершенно одинаковы, даже неотличимы. Бред, это бред, Старик, и ничего больше... Только отчего так жжёт, в бреду не должна чувствоваться боль... Сейчас женщин уже не то шесть, не то семь. Они что-то делают, возятся с жердями. Потом осторожно берут меня, укладывают на жерди, поднимают, несут. Впереди на таких же импровизированных носилках переносят еще кого-то в брезентовой одежде с распоротой и окровавленной правой штаниной... Бред... Проваливаюсь в желанное тёмное бесчувствие, в котором каждый толчок, каждое качание не доставляют страданий...

Кадр пятый.

Мутный пыльный мир вытанцовывал передо мной, и всё увиденное оставляло полынный вкус во рту, и всё они вызывало отвращение и раздражение. И никак не хватало сил сотворить какой-нибудь добрый, тихий и светлый мираж. А если и проявлялись чьи-то желанные лица, то сразу же их оттесняли в жуткую глубь полыхающего гриля осточертевшие телевизионные хари, рожи, рыла, морды... Всё, вот уже нет ни лиц, ни рыл, только кружатся хороводом дипломы, удостоверения, справки. Короткопалая мохнатая рука пересчитывает деньги, листает страницы порнушного журнала. Кто-то включил невидимое радио и вопли короля попсы бензопилой врезались в мой бедный истерзанный мозг. И настойчивый неразборчивый шепот Шамана стремится пробиться из-за шумовой завесы. Не хочу умирать... но ведь тогда всё это закончится, да? А может быть... Нет-нет... Не хочу... Я же сам пришёл сюда! Куда?

Кадр шестой.

Блаженная прохлада! Лежу голый на спине в воде у самого берега, кто-то льёт воду на лицо. Сначала, не глядя, пытаюсь поймать струйки воды иссохшимся ртом, потом делаю невероятное усилие и разлепляю веки. Ну вот, я и умер. Только мне по распределению полагалось бы в ад... Или за последние муки всё же прописан рай? Ибо это точно рай! Крохотное, диаметром метров в тридцать мелкое озерцо. Изумрудно-искрящаяся вода. По берегу густо стоят живописные ивы с длинными висящими ветвями. Легкая дымка желтоватого банного тумана. Но почему я, атеист,

угодил в мусульманский рай? В воде вижу двух женщин без одежды. Правда, на гурий из Корана они мало похожи: крепкие, закалённые нагрузками тела, а вон у той розовеет нехилый шрам на плече. Ба! Да это же моя партнёрша по побегу из Лукьяновки, только в двух экземплярах. Значит, я не в раю, а в сумасшедшем доме? И всё мне привиделось: майор Махдиев, Боров, Стрелок, гриль? Третий экземпляр амазонки придерживает мне затылок, чтобы я не захлебнулся и безжалостно моет щеки. Осторожнее! На них, верно, ни клочка кожи не осталось, голые челюсти торчат. Вода напоминает газированную минералку, пузырьки с шипением ползут по коже. Какое наслаждение! И даже не удивляюсь, когда мне бесцеремонно поворачивают голову набок и я вижу рядом еще одну амазонку. Какие, аллах акбар, мелочи, право – гурией больше, гурией меньше... Она лежит в той же позе, что и я, причём в должном состоянии: с простреленной ногой и покрытым ссадинами лицом.

А интересная всё-таки вещь – шизофрения, успеваю подумать я перед тем, как блаженно отключиться.

Продолжение рассказа Старика

Любопытно, что когда пришёл в себя, то сразу понял: всё, бред позади, очнулся окончательно. Рядом сопели, гулко хрюкали и с чавканьем глотали. Со стонами и кряхтеньем сел. Тело заметно ныло, кожа побаливала, но вполне можно было терпеть.

Поблизости устроилась на водопой кабанья семья. Родители и пара полосатых поросят пили с максимально возможными для свиней приличиями. Мать и дети не отвлекались, а матёрый щетинистый батя косился на меня злобным маленьким глазом. Вот попьют и решат мною закусить, в панике решил я. Но свиньи закончили процедуру и трусцой удалились, обдав меня крепким запахом. Спасибо, разумеется, что не тронули, но откуда такой необъяснимый гуманизм? Или тут зверствовать не разрешается? «Водяное перемирие»?

Рядом лежали мои лохмотья. С трудом влез в них. Сапоги натягивал несколько минут. За это время успел подвести первичные итоги. Гриль лишил меня кожи, волос и зубов и собирался лишиться жизни. Не вышло. На нас, как можно предположить, вышли подруги спасённой мною амазонки. В виде благодарности, успели доставить меня в практически безнадежном состоянии до чудо-озера. Омыли в целебной водице, в результате чего я оказался пятнистым как леопард, лысым, словно колено, красавцем с впалыми губами. Однако же (и это главное) – живым! Более того, после всех передрыг, чувствую себя вполне сносно и на справку об инвалидности не претендую. Невзирая, наперекор и вопреки.

Обо мне позаботились. На траве я обнаружил винтовку с оптическим прицелом и пять обойм к ней. Ммм... Кажется такие выпускали во время Великой Отечественной. Ничего, сойдёт, спасибо. Ага, а это свёрток с копчёным мясом и каким-то сеном. Лекарство или еда? Ладно, подкрепимся в любом случае, благодарю вторично.

Подкрепившись, решил отправляться в путь. Инструкции обнаружили тут же. На сырой прибрежной глине была нарисована палкой массивная стрелка, указывавшая... куда?... На юго-восток, сообразил я. Под стрелкой красовались четыре крупных буквы: «ТУДА». Что ж, милые дамы, примите от Старика, третье выражение признательности.

Километра полтора до Гремячего преодолел по меркам Зоны быстро. Благо карта, крепко сидевшая в памяти, услужливо подсказывала, где нахожусь. Аномалий попало по дороге не так уж много, все они были явные, скрытых ловушек не оказалось. Но вот пострелять пришлось изрядно. Четыре обоймы, как ни экономил патроны, ушли полностью. Один раз, по-моему, даже в мозгоеда с испуга пальнул, хотя не стоило этого делать – тот меня не заметил. Монстр от попадания пули дёрнулся и продолжал топтать по своим делам.

Что, на окраине Гремячего в каждом доме гнездятся мутанты? Нет? Ну, мне, во всяком случае, так показалось. Поэтому в поселок постарался войти не через разросшуюся до безобразия лесопосадку, а вдоль берега затопленного котлована. Попал на колхозный двор. Где-то тут должно быть хранилище горюче-смазочных материалов... угу, вижу... А вот и покосившаяся антенна метеорологической будки. Тогда вот та угрюмая серая трёхэтажка – и есть гнездо Кузнецов. Точно! Я увидел, как от здания удаляется караван. Отоварились и возвращаются. Кто? Прильнул к прицелу. Наши ребята, «курортники»? Нет, не они.

Я со всеми предосторожностями добрался до хранилища ГСМ. Забрался по лесенке на ветхую и грязную площадку по верху резервуаров. Лежать на прогретом солнцем бетоне было одно удовольствие. Добыл мятую фляжку, допил воду, набранную в чудо-озерце, остатки вылил в пригоршню и тщательно протёр голову. М-дааа... Ежели лысина – признак ума, то я всех сократов заткну за пояс.

Однако, надо бы подумать над двумя проблемами. Отыскать черновцев – не в счёт, караван должен находиться в самом крепком и безопасном здании, вроде местной укрепленной гостиницы. Вот та водонапорная башня, например, вполне подходит. Итак, вопрос номер раз – как я появлюсь? «Здрасьте! Не ждали?» Вопрос номер два – Стрелок. Как с ним быть? Придётся полежать, подумать. Время вроде бы есть, жажда-голод, зуд заживающей кожи – не шибко донимают.

Перевёл прицел на поликлинику. Пошарил по темным провалам окон верхних этажей, по провалам в шиферной крыше. Ничего. Вздремнуть, что ли? Кажется, тут место относительно спокойное, подходы со всех сторон открыты. Боеприпасов вот только маловато. Я зачем-то вытащил обойму, пересчитал. Нет, не размножились. Богата Зона чудесами, а вот чтобы ни с того, ни с сего патроны в прожженном рюкзаке самозарождались, этого нет.

Какое-то движение там, в больнице? Снова припал к прицелу. На балкон вышел человек. Я сразу узнал его. И бессознательно, автоматически схватил винтовку. До Зоны я никогда не стрелял даже в животных! Медленно, очень медленно стал проворачивать кольцо настройки прицела. Ч-чёрт, ну отчего я никогда не тренировал свой никудышный глазомер?! Сколько до балкона? Ладно, целиком положимся на оптику. Вот, хорошо, резкость максимальная... Плавно опускаем перекрестье. При выстреле ствол дернется вверх, стало быть, целимся в подбородок и шею. Приклад вдавливаем в плечо, нежно давим на спусковой крючок...

Всё-таки чутьё у Стрелка было сверхъестественным. Он настороженно замер и, выстрели я долей секунды позднее, неведомо чем бы всё закончилось. Но я успел. Стрелка шатнуло к стене, он сполз, оставляя на стене тёмный след. Рука свесилась между прутьев балкона. Что, второй вопрос с повестки дня снимается?

Я торопливо передёрнул затвор и опять прицелился. Вдруг он только ранен и притворяется? Тут в двери показался низкорослый тип в невероятном балахоне. Винтовка стукнула еще раз. В «десятку»! Как там, в популярной кинокомедии? «Это я удачно попал!» Или всё-таки «зашёл»?

На балконе долго, очень долго нет никакого движения. Сколько времени лежу? За полдень давно перевалило. Плохо всё-таки без часов. А без карманного портативного компьютера – вообще никак. Вот связался бы сейчас с Тихоней... Едва мелькнула мысль о связи, как комариным писком зазудел в сознании неразборчивый голосок Шамана. Да что он никак не уgomонится, в самом деле!

Ну что, Старик, сколько не валяйся, а вставать придётся. Я осторожно поднялся и, стремясь не сводить взгляда с балкона, покинул укрытие.

Пригнувшись, перемещался от куста к кусту и был уже метрах в десяти от стены больницы, когда услышал голоса. Господи, какими родными они мне показались!

– Чего ты? -спрашивал Тихоня.

– Смотри на балкон. -отвечал Ташкент. -Да куда уставился?! Третий этаж, посередине.

– Кровь капает. -испугался Тихоня. -Недавно спёкся. Плохо дело. Что за чертовщина творится? Кто таков?

– А вы его знаете. -сказал я, стараясь выговаривать каждое слово громко и отчётливо.

– Кто там? -заполюшно визгнул Ташкент. -Выбирайся, не то очередью полосну. И руки держи за головой. Считаю до трёх! Раз!

– Да выхожу, выхожу. -успокаивал я. -Только рук, Ташкент, извини, подымать не стану.

Привет, парни! Ну, как дела? Соскучился я без вас...

– Ста-арик?! -одними губами выговорил Тихоня.

-7-

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район

Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Гремячье

19 часов 45 минут 7 августа 2007 г.

Старик, Тихоня, Ташкент, Глюк, Бобёр, Ушастый, Самовар

– Вот оно, значит, как выходит... -прервал Глюк тяжёлое молчание. -Стало быть, хлоп – да и пришил Стрелка...

– Что-то мне, извиняйте, мало в это верится. -заявил Ушастый. -Стрелка завалить, это, знаете...

– Мы, вроде, видели... -нерешительно пробормотал Ташкент.

– Да вы вообще о чём светскую беседу ведете? -возмутился Глюк. -Закон номер один Зоны забыли? Никакого вреда человеку! Вот о чём толковать надо. Что теперь со Стариком делать?

– Да какой, мать божья коровка, закон?! -не выдержал Тихоня. -Все о нём болтают, а кто соблюдает? Что, Лукьяновцы не разбойничают? Попадись только им в одиночку – пришьют и ухом не моргнут. Да еще, по слухам, и сожрать могут, людоеды отморозенные. А тот же Стрелок? По словам Старика сначала сдал его бандитам. Потом хотел убить его и амазонку и только из-за большого расстояния промахнулся.

– Вот именно: «по словам Старика»... Что-то мне, опять же извиняйте, сомнительно. -пробормотал Ушастый.

– Мне не верят? -спокойно осведомился Старик. -Дайте-ка еще кружечку мяты, ребята. О, с сахаром! Спасибо.

– Да верим, верим. – с досадой сказал Бобёр, -Только надо хорошенько подумать, как расхлебать кашу, какую ты заварил.

– Какую кашу? По пунктам, пожалуйста. -всё так же хладнокровно попросил Старик.

– Могу и по пунктам. Первое. -Бобёр загнул палец. -Убийство Стрелка скрыть не удастся. Если мы здесь не примем решения, всё равно на «курорте» будет решать общее собрание. А что решат – можно предположить. Разве что Старик не вернётся в "курорт"...

– С чего бы? Вернусь. И потом, насчёт моей судьбы не беспокойтесь. Как-нибудь постараюсь устроить. Дальше.

– Ладно, дальше, так дальше. Второе. Старик поднял на уши всю Лукьяновку. Бегство, стрельба. Возможно, среди бандюков жертвы есть... Думаете, они это так оставят? Как нагрянут к «курорту» разбираться...

– Пусть это тебя волнует меньше всего. Не нагрянут. Далеко и сложно. -ответил Старик. -Но самое главное – у бандитов и прежде были крупные трения с амазонками, а теперь, полагаю, даже по родной Лукьяновке им придётся передвигаться только ползком и в бронежилетах. Нет, уголовникам будет не до походов возмездия на «курорт». Дальше.

– Третье. Как мы без Стрелка доберёмся до Черново?

– По шоссе. Мы с Ташкентом помним дорогу. -сказал Тихоня, -Ходили уже носильщиками. Ну, и Старик карту может нарисовать. Пройдем не торопясь, осторожно. А если мутанты прижмут по дороге – отобьёмся.

– Оптимисты. -с отвращением заметил Ушастый. -Супермены. Проводники хреновы.

– Есть еще «четвёртое». -заметил из угла Самовар, до сих пор молчавший и подбрасывавший ветки в печурку. -Я правильно понял – там на балконе два трупа? Один – Стрелок. А другой?

– Кузнец. -с прежней безмятежностью ответил Старик.

– Ёлки-моталки! -ахнул Ушастый, -час от часу не легче! Да теперь за это другие Кузнецы всех нас порешат, у них же оружия и боеприпасов не меряно!

И тут Старик не выдержал. Он стукнул железной кружкой о перевёрнутый ящик, служивший столом, так, что мятный отвар расплескался.

– Вы что, притворяетесь, или так до сих пор ничего не сообразили? -зашипел он, -Нет никаких «других» Кузнецов! Был один-единственный и того теперь... И вообще, хватит расслаживаться, собирайтесь. Пойдём в поликлинику, кое-что показать надо. Там, кстати, и заночуем.

– Спятил? -побагровел Глюк. -Чего несешь-то? Как это – в поликлинику?

- А я Старику отчего-то верю. -неожиданно сказал Самовар. -Давайте, снаряжайтесь, парни. Тихоня и Ташкент засуетились, набивая вещмешки.
- Добро. -медленно сказал Глюк. -Рискнём, хотя всё это мне не нравится. То есть совсем.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Гремяче 20 часов 05 минут 7 августа 2007 г.

Старик, Тихоня, Ташкент, Глюк, Бобёр, Ушастый, Самовар

Они поднялись по старым, выщербленным ступеням, местами поросшим густым пыреем. К крыльцу пришлось пробираться через невысокую, но трудно преодолимую баррикаду. Окна первого этажа были заложены кирпичом, в промежутки между которым тщательно укладывали торчащие осколки стекла и острые металлические штыри. За небрежно обитой листами толстого железа дверью слышался слабый металлический лязг, глухие стуки, скрежет.

– Работают. -не то спросил, не то заключил Ушастый. Старик даже не удостоил его взглядом. Он рассматривал суриковую надпись на стене: «Не лезьте! Стучите! Стоят растяжки! Пострадавшим по глупости не помогаем!».

– Закрыто изнутри. -сказал он. -До окна третьего этажа трудно добраться. Как быть? Кто-нибудь сможет влезть и спустить веревку?

– Я. -буркнул Самовар. Он обвязал обломок кирпича капроновым канатом и велел Ташкенту швырять камень в окно.

– А вот почему я всегда с веревкой, знаете? -говорил Самовар. -С тех самых пор, как меня нелёгкая в одиночку понесла в Лебедевку. Ну, дошел я до тамошнего кирпичного цеха, решил осмотреться. Вижу – котельная с трубой. Вот, зашёл чинно-благородно, гляжу будто бы всё в норме – пыль ровная, следов нет. Забрался в топку, пополз: там лесенка была внутри трубы. Заурядно как-то лез, даже в копоту не испачкался – вся сажа окаменела... Добрался до края, выглянул со всеми предосторожностями. Лепота! Лебедевка как на ладони и Черново чуть-чуть видно! Бинобль вытащил, наблюдаю...

Эй-эй, Ташкент, ты того... осторожнее булыгой размахивай-ка, по макушке нам не засвети.

Ну так вот, намерился уже, стало быть, вниз сползать, да осенило: на горизонты смотрю, а что под самым носом делается, не глянул! Опёрся на край, смотрю вниз, налево-направо... Ух, ты ж, ё-моё! Чуть не влип! По заводской площадке кто-то мохнатенький на четвереньках прохаживается! Слава богу, что меня не заметил. Ну, вижу, вклепить ему нельзя – «калаш» за спину закинут, труба узкая совсем, не развернуться. «Форт», конечно, под мышкой да толку от хлопушки никакого: до мутанта метров двадцать, ясно, что не попаду – и всё, хана котёнку. Висю, размышляю, чувствую, как руки-ноги затекают. А мутант, словно собака, стал передними лапами рыть в куче мусора. Да шустро так – только хлам по сторонам разлетался. Куски шифера, кирпичи, гнилушки, бутылки битые... А потом вдруг столбиком встал и замер. Гляжу, а мусор в той куче шевелиться стал. Сам по себе! Мохнатенький быстренько отпрыгнул, опять шлёпнулся на четвереньки, лапами передними по земле мелко-мелко заколотил... Тут мусор закрутился вихрем, над двором воронка поднялась. Да ка-ак брызнуло из неё хламом во все стороны! Битые бутылки о бетонный забор в порошок измелчило. А мохнатенький попрыгал по площадке пару минут, пошевелил конечностями, развернулся, и в цех, не торопясь, наладился. Я наверху чуть ума не лишился. «Ну, вас с такими хохмами! -думаю, -Хорошо в гостях, а домой пора». И тут вдруг, чую, дымком повеяло. А там и жарить стало. Огонь кто-то в печи развёл, и главное – непонятно из чего! Ну, всё, времечко вышло, воздуху не хватает. Выкарабкался я на самый краешек трубы. Сижу, ножки свесил, высоко, ни страховки тебе, ни чего другого, голова кружится, задницу железный ободок режет. Дым всё сильнее глаза жрёт, дышать нечем, короче, линять надо экстренно! Я с собой нейлоновый альпинистский канат таскал на всякий пожарный случай... точно, что пожарный... сорок метров у Борова сменял. Так вот, сложил веревку пополам, как мог на громоотводе трубы завязал, ладони тряпками обмотал, чтоб не обжечь, да и скользнул вниз. В башке одно зудит: только б не сорваться! Бог миловал, но, ясно, по закону подлости до земли метра на три шнура не хватило. Ну, что делать – я и ухнул! Повезло, кости остались целы. Но харю расцарапал плюсом ногу

растянул! Однако, и с растянутой дёрнул с площадки так, что олимпийский рекорд точно мой был бы.

Так вот, с тех самых пор полсотни метров шнура всегда при мне.

После нескольких подбрасываний Ташкент угодил кирпичом в тёмный проём, но при первой же попытке натянуть верёвку камень вылетел назад и чуть не попал в Ушастого. Только ещё минут через пять канат «взял». С безмерной осторожностью перебирая руками, Самовар полез вверх. Подтянулся на руках. Осторожно заглянул внутрь. Бесшумно влез. Потом выглянул, молча сделал приглашающий жест рукой. Втянул Бобра, они подняли оружие, рюкзаки. Тихоня, Ташкент, Старик Глюк и Ушастый без происшествий проделали тот же путь.

«Курортники» находились, судя по всему, в кабинете окулиста. Из мебели практически ничего не осталось, зато на стенах висели истлевшие таблицы для проверки зрения.

Старик направился к двери.

– Куда? -злобно прошептал Глюк.

– Вниз. -ответил Старик.

– Я не про это! Спрашиваю, куда собрался – не на тот свет, случайно?

– А в чём дело?

Глюк отпихнул Старика и сел на корточки перед почти невидимой провололочкой, натянутой на уровне колен.

– Предупреждали же в письменном виде: растяжки стоят. Мало в гриле прожарился, хочешь гранатными осколками брюхо нафаршировать? Да раз плюнуть! Наступай на ниточку.

Он долго возился у косяка, затем встал и объявил: -Нельзя её, заразу такую, обезвредить.

– А если просто снять? -спросил Старик.

– Ну и жажнет она у тебя в руках через пять секунд. -пояснил Ушастый.

– Угу! -кивнул Старик. Никто не успел опомниться, как он сорвал гранату и швырнул её в окно. Все инстинктивно присели, когда перед крыльцом коротко громынуло и с потолка посыпалась извёстка.

– Всё, услышали! Сейчас прибегут. -с отчаянием сказал Тихоня. Старик бешено глянул на него, но сдержался.

– Некому. -покачал он лысой головой. -Некому слышать, и бегать, Тихоня. Кроме нас тут нет других людей. Живых...

По коридору с двух сторон зияли на местах снятых с петель и унесенных дверей прямоугольники входов в бывшие смотровые, кабинеты, процедурные. Рядом с одним кабинетом «курортники» задержались. Там под потолком клубился красный туман, алая морось опускалась на пол, но тут же паром поднималась вверх.

– Кровавый дождь. -восхищённо пояснил Самовар. -Разведчики о таком говорили. Это не опасно, совсем наоборот, жутко целебное действие оказывает. Как раз ему место в поликлинике. И словно по заказу – для тебя Старик. Постоишь минут десяток под ним – все болячки с кожи словно по наговору снимет. Да и нам бы не мешало оздоровиться...

– Обязательно. -согласился Старик. -Как только с мастерской разберёмся. Фонари включите, а то темно. Мой, кстати, в лепёшку разбился.

Семерка «курортников», шаря жёлтыми лучами по облупленным стенам, спустилась в вестибюль на первом этаже.

– Ну и? -спросил Глюк.

– Шум идёт из подвала. -ответил Старик. -Значит, нам туда. Да что вы за автоматы хватаетесь, лучше под ноги глядите, чтобы в растяжку не влететь. Кто знает, сколько их тут...

Под лестницей у самого входа в подвал открылся источник шума. Все с изумлением воззрились на диковинное сооружение. Большой ржавый вентилятор был установлен изобретательной рукой на сильном сквозняке. Его лопасти медленно вращались, приводя в движение примитивную ременную передачу. Она, в свою очередь трясла в железной бочке связку старых лопат, обрезков резиновых шлангов, кусков проволоки. Всё это бряцало, бухало, скрежетало.

– Вот вам и шум кузницы. -ухмыльнулся Старик, перерезая ремень. Воцарилась тишина. - Поняли теперь, как создаются легенды Зоны? Например, байки о том, что дюжина Кузнецов трудится круглые сутки, не покладая рук. Что, идём дальше? Впереди будет много любопытного...

Помещение неплохо освещали питаемые этаками фонари и оно напоминало благоустроенный склад, стены которого полностью закрывали доверху заполненные полки. В ячейках стояло оружие, лежали коробки с инструментами, упакованная одежда, завернутая в полиэтилен посуда.

– Добра-то сколько! -завистливо бормотал Бобёр. -Гляньте, какие скафандры! О, боеприпасов-то, надо же! А вот портативные компьютеры и даже ноутбуки. Всё новенькое, с иголки! Только странно, каждой вещи – по одной.

– Мелочи, всё мелочи... -досадливо отмахнулся Старик. -Не отвлекайтесь, ищите главное.

– Да что «главное»-то? -не выдержал Глюк.

– Вот это. -тихо сказал Старик. Он сел в древнее стоматологическое кресло, обхватил голову руками и, раскачиваясь, беззвучно засмеялся. -Мы нашли это, ребята! Нашли... Значит, я правильно догадывался!

В самом дальнем углу подвала находилось нечто, напоминавшее лежащие на боку гигантские песочные часы. Два прозрачных конуса из глянцево-блестящего воздуха, бледно-желтый и голубоватый, метров двух в основании, висели на небольшой высоте над бетонным полом. Их ничто не поддерживало. Между их вершинами, нацеленными друг на друга было свободное пространство. К основанию желтой воронки вел наклонный жёлоб, изготовленный из не то прозекторского, не то операционного стола. Старик соскочил с кресла и осторожно приблизился к «песочным часам».

– Эй, физик, -не оборачиваясь окликнул Тихоню Старик, -поясни-ка нам, что это такое.

Тихоня растерянно пожал плечами.

– Проверим... -пробормотал Старик, вынул нож из обгорелых ножен и осторожно поместил его между вершинами конусов. Нож замер в воздухе, послышался нарастающий тихий свист. Старик вытащил из кучи металлического лома в углу кусок старой водопроводной трубы и положил его на жёлоб. Труба съехала внутрь желтоватого конуса и начала быстро таять. А в голубоватой воронке появилось что-то мутное, быстро приобрело знакомые очертания, оттуда на пол со звоном выпало точное подобие ножа. Потом ещё и ещё, пока труба не исчезла полностью. Старик с прежней осмотрительностью извлёк свою финку, осмотрел её, сунул в ножны. Потом собрал ножи, вылетевшие из голубого растреба, и раздал их «курортникам»:

– Примите первые подарки. На память. А ну-ка различите!

– Понял... -обмирающим голосом произнес Тихоня. – Вот это да! Копирование на молекулярном уровне. Или даже на атомарном.

– Точно! -щёлкнул пальцами Старик. -Репликация. Молодец, физик!

– И когда ты догадался?

– Сравнивая наши пистолеты в Черново. Чем ещё было объяснить их сверхъестественное сходство? Поэтому я и напросился с вами в Гремячье. Крайне хотелось предметно побеседовать с Кузнецом.

– А как сообразил, что Кузнец – одиночка? -хмуро спросил Глюк.

– Интуитивно. Кто же будет делиться таким прибыльным делом?

– Что прибыльное, то прибыльное. -согласился Ушастый. -На него ведь, почитай, вся Зона работала. Таскали сюда чермет-цветмет, а он, выходит, без всяких хлопот тут мог любую вещь с любого образца соорудить. Да, сытно устроился хорёк, царствие ему небесное, обеспеченно...

– Кстати. -сказал Старик, -Не в службу а в дружбу, выполните одну просьбу.

Он что-то прошептал на ухо Тихоне, тот сначала с изумлением посмотрел на Старика, затем кивнул, знаком подозвал Ушастого и Ташкента и они покинули подвал.

– Так это что же получается, -раздумчиво сказал Бобёр, -мы теперь можем любых железяк для себя наделать сколько нужно, суй только металлолом в желтое хайло?

– Да отчего же обязательно железяк? -возразил Старик. -Каких угодно предметов. Точнее – почти каких угодно. Полагаю с копированием наших земных вещей проблем не будет. А вот «штуки» могут и не воспроизводиться. Не уверен также, что репликатор способен тиражировать живые существа. То есть, конечно, если сунуть крысу между воронками, на выходе мы, скорее всего, получим абсолютную копию, только в виде бездыханной тушки. Надо будет поэкспериментировать... И еще – не всегда обязательно вообще совать что-то в хайло. Проверить, что ли? Взять хотя бы... Да вот десантную тельняшку с полочки. Помнишь школьный курс химии, Бобёр? Из чего она состоит? Правильно из хлопка, то есть из углерода, азота, водорода с

кислородом. Всё это есть в обычном атмосферном воздухе, так что другого сырья и не понадобится. Ну, разве что пригоршню шлака сыпанём в принимающее устройство. Помещаем тельняшечку в репликатор. О, засвистало... Опыт удался, принимайте новенькие майки, парни. Вот так их можно наштамповать прямо из воздуха на целую дивизию. Но пока, думаю, хватит... Что-то голова закружилась...

Отдыхать сегодня ночью будем по очереди. Поделим вахты. -тут же заявил Самовар. -То есть ты, Старик, конечно, вне расписания. Ложись вон там, на кушетке, да и спи, сколько хочешь. После твоих приключений требуется хороший отдых. Выглядишь просто ужасно. А мы поделимся на три пары и будем меняться. Одна будет караулить, другая – спать, а третья – работать. Надо наделать как можно больше всякой всячины.

– Куда торопиться-то? -возразил Старик. -Теперь репликатор – наш. Стройте развитое общество потребления, сколько угодно поднимайте уровень жизни...

Глюк, Самовар и Бобёр переглянулись.

– То есть ты предлагаешь... -начал Глюк.

– Ну, разумеется. -кивнул Старик. Он, устало шаркая ногами и сутулясь, подошел к медицинской кушетке, застеленной одеялами в несколько слоёв, уселся, зевнул и, морщась, принялся стаскивать рваные кирзовые сапоги. -Гремячье объявляется владением «курорта». Сообщим об этом Борову и Баклажану, сюда прибудет дюжина охранников и десятков рабочих. Больницу перестроим в настоящую крепость, чтобы никто и не думал посягать. Работать тут лучше вахтовым образом, посменно, скажем, неделями или десятидневками. Сюда будут ходить караваны за всем необходимым. А жить можно будет в черновском оазисе, там всё тихо-мирно.

За дверью послышался шум, она распахнулась, пятясь задом, неуклюже ввалился Тихоня. Он вместе с Ташкентом и Ушастым волок что-то тяжелое.

– Что это? Зачем сюда?! -возмутился Глюк.

– Нечего ему на балконе валяться. -жестко ответил Тихоня, бросая у репликатора труп с простреленной головой. Носильщики столпившись вокруг мертвеца, некоторое время молча разглядывали его. Потом перевели взгляд на Старика. Тот, демонстративно не обращая внимание на происходящее, босиком прошлепал к полкам, снял оттуда жестянку консервов и вслух прочёл: - «Производство фирмы «Хамский бекон». Тушенка свиная». Мгм... срок изготовления... о, свежая! Именно то, что нужно.

Он поместил банку между глянцево-прозрачными конусами, вдруг с неожиданной силой подхватил тело Стрелка и свалил его на цинковый жёлоб.

– Что ж ты делаешь?! -возмущенно вскрикнул Глюк.

– То есть как «что»? -невинно заморгал Старик. -Ужин готовлю. Я на голодный желудок ложиться спать не согласен. Кстати, дружище, не поискать ли тебе чайник, должен же он здесь быть.

Тихоня нехорошо рассмеялся, присел на корточки у блестящей голубой воронки, подхватывая картонной коробкой выскакивающие оттуда жестяные цилиндры с пёстрыми этикетками.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Гремячье 07 часов 15 минут 8 августа 2007 г.

Старик, Тихоня, Глюк, Бобёр, Ушастый

Старик хорошо выспался и чувствовал себя на удивление сносно. Ощущался, правда, неприятный зуд по всей коже, но по сравнению с прежним состоянием это казалось чуть ли не блаженством. Он лежал с закрытыми глазами и слушал, как «курортники» разговаривают вполголоса, стараясь не разбудить его, а также Бобра и Ушастого, которые похрапывали на ветхих соломенных циновках в этом же углу.

Тихоня (скребя ложкой в банке): -Не понимаю тебя, Глюк. Совершенно обалденная тушёнка! Сто лет такой не ел, язык проглотить можно.

Глюк: -Человечину не жру!

Тихоня: -Да перестань ерунду пороть. В конце концов, атомы из которых состоит, допустим, съедаемый тобой кусок хлеба тоже когда-то были в составе чьего-нибудь живого тела. Об этом еще Шекспир рассуждал. Читал «Гамлета»? Нет? Фильм-то хоть смотрел? У-у-у, Глюк, как всё запущено... Вот, к примеру, жуёшь ты кабанье мясо, добытое охотниками. А уверен ли, что свин за пару дней до этого не слопал какого-то несчастного беднягу на пустырях?

Глюк: -Сравнил! Совсем другое дело!

Тихоня: -Конечно другое! Там ты ни от чего не гарантирован, а здесь машина чистенько разобрала Стрелка вместе со всей амуницией на атомы и собрала из этих атомов самую натуральную тушёнку. Экологически чисто, аккуратно, доброкачественно. Как в рекламе: «Питайтесь только тушёнкой «Стрелок»!

Глюк: -Тьфу!

Тихоня: -Да не плюйся, а подумай: что, собственно, нам надо было делать? Ждать, пока он из могилы зомбём подымется? Или всем караваном еще пару дней шарахаться по округе в поисках ближайшей крематорки, чтобы сунуть туда Стрелка? С торжественными речами и оркестром...

Глюк: -Всё равно, не по-человечески как-то... В тушёнку...

Тихоня: -Ах, вы меня поражаете, сударыня... Забыл, куда попал? Что в Зоне делается «по-человечески»? Ну, разве что морды носильщикам бьют...

Глюк: -Ну, хватит, замнём... А я вот всё никак в себя не приду, голова кругом идёт. Получается, Старик «курорту» просто сказочный подарок сделал. Налюбоваться не могу, какую гору добра склепали за ночь!

Тихоня: -Да уж, нам теперь сам чёрт не брат. Если репликатор за собой удержим, то всей Зоне хозяевами станем!

Глюк: -Эй, поосторожнее бы с такими заявлениями... У Зоны хозяина нет.

Тихоня: -Ладно, беру слова обратно.

Глюк: -Так-то лучше. А что насчёт хозяина... Вот, к примеру, третий КПП на севере... Через какой к нам проштрафившуюся учёную братию выпихивают. Ясно, что из тех вообще никто выжить бы не смог... Дохлаки-очкарики, без припасов, оружия... А они, вроде как выживают. Ходят слухи, что Шаманы специально их подбирают, доводят до паровозного депо на окраине Усть-Хамска да там и поселяют. Однако вопрос возникает – а может, они уже никакие не люди? Я тут с бродягой одним общался... Он сам депо не видел... Зато что-то с его КПК приключилось, чего-то там в компьютерных мозгах заклинило, короче, нечаянным манером словил он странные переговоры вроде по-русски, только ничего не понятно. Смекнул только, что о депо речь шла. А другой мужик этому, первому, клялся, что наткнулся как-то за Большим озером на фигуру в ярко-зелёном навороченном скафандре с зеркальным шлемом, так что башки не видно. И вроде как эта зелёная и полупрозрачная фигура ему велела, чтобы валил он от железной дороги прочь. «Не мешай, мол, брысь, мы тут работаем». Ну, парень штаны обмочил, ясное дело! А мы бы не обмочили?... И случилось это, вроде бы, недалеко от телерадиостанции... Может, там уже не люди, а сущности энергетические? М?... Да хватит, Тихоня, чего ты! Чуть что, сразу хихикать...

Тихоня: -Всё-всё, никто не хихикает. Кстати, по поводу телерадиостанции... Ты, помнится, меня вчера о чём-то спрашивал, а я запаматовал... А, вот вспомнил. Отчего вокруг нашей Зоны только расейнецкие учёные копошатся, а иностранцы носа не кажут, хотя тут материала нобелевок тыщ на пять? Отвечаю: с какой стати западным чистоплюям в пекло лезть, когда можно нашим денежный грант бросить? А расейнцы за считанные копейки, или что там у них – считанные центы, всё, что надо, на блюдечке принесут. Да еще и в глазки умильно посмотрят, лапками помашут, чтоб забугорный заказчик принял.

Был лет пять-шесть назад случай, я о нём от Марсианина слыхал. Забросили, дескать, заказчики из-за стены в паровозное депо заказ: добудьте-ка, мужики, новых «штук». О каких мы раньше слыхом не слыхивали. Да не откуда-нибудь, а из самого что ни на есть Усть-Хамска. Что, не слышал эту историю? Ну даёшь! В общем, затея была большая. Депошники наняли разведчиков, пригласили пушечным мясом бандюков из Лукьяновки. Собрали человек пятнадцать чуть ли со всей Зоны. Готовились серьёзно: снаряжение им из-за стены кинули, продовольствие, скафандры, всего остального – целые горы. Ну, деповцы отчалили. Вернулся через неделю один головастик из ссыльных деповских, а остальных Зона взяла. У уцелевшего головастика от впечатлений мощно чердак встряхнуло. Ну, его быстренько за шиворот – и лечить. Чем и как исцеляли, лучше не знать,

только он, как очухался, рассказал жутковатые вещи. Подошли они, значит, к пищекомбинату, начали разведывать, как по городским кварталам пройти. Вот там они и попали. Поначалу всё вроде спокойно было, в пределах нормы. Они там дарёными приборами снимали-замеряли, путь провешивали, аномалии фиксировали. А потом со стороны телерадиостанции пошёл какая-то желтизна и началось у них помешательство. Народ принялся уверенно с рельс съезжать. Коллективно. Бандюки горло себе ногтями раздирали, учёные головастики головы о стену разбивали, а проводник просто – пушку в рот, и – бац! А тут ещё призраки косяками хлынули. Ну, экспедиция забаррикадировалась в первом попавшемся доме. Представил, да? Снаружи ночь и всяческие привидения, а внутри люди с ума сходят один за другим. Одним словом, под утро пятеро, кто ещё соображать мог, кое-как вырвались. Назад пёрли напрямик, без дороги, остальные, кроме уцелевшего головастика, в аномалиях полегли. Добрался он до депо... Ну, из тех, спятивших, никого так и не нашли. Только болтают, что в тех местах резко прибавилось мозгоедов. Вот так-то... А про «энергетические сущности» – это ты здорово сказал...

– Здорово. -согласился Старик. -Мне понравилось. Доброе утро всем. А вы слышали, что ночью около самой больницы что-то большое шарахалось?

*Из записной книжки Старика
07-08-07*

Бог весть, какой именно аномалией Зона производит титанов, своеобразных немногочисленных местных горилл. Но несомненно, что исходным материалом являются люди, угодившие в эту аномалию. Жертвы трансформируются до невероятия. Огромная туша, состоящая из маленькой головки, каплеобразного туловища, гипертрофированных, чудовищно мускулистых рук и слабых неловких ножек – вот что такое титан. Взрослая особь достигает веса в две тонны при росте около трёх метров. Медленное передвижение титанов очень обманчиво – движения рук стремительны, мышцы обладают мощью бульдозера, а кости в прочности не уступают закалённой стали. Крохотный головной мозг защищён толстейшим (около 50 миллиметров!) черепом. Ущербность головного мозга восполняется тем, что многие функции выполняет спинной. Поразительно умение титанов формировать на поверхности земли локальные ударные волны, поражающие в небольшом радиусе всё живое. Но своим умением титаны пользуются редко: сами они – убеждённые вегетарианцы, а среди хищников дураков, желающих отведать титанского мяса, не находится.

**Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Гремячье**

08 часов 15 минут 8 августа 2007 г.

Старик, Бобёр, Ушастый

Тихоня и Глюк разбудили Бобра и Ушастого и отправились сменять на дежурстве караульных Ташкента и Сомова.

Бобёр с дикой завывающей зевотой и хрустом суставов потягивался и лениво почёсывался.

– Ну что, -философски спросил он. -пойдём мыться? Или пусть тот моется, кому чесаться лень?

– Куда это? -удивился Старик.

– А мы сейчас, как Маргарита у Булгакова, кровавый душ принимать будем. -пояснил Ушастый. Он взвалил на спину два больших тюка, третий сунул Бобру. -На третьем этаже. Забыл?

В кабинете, куда они поднялись, полвека назад, очевидно, была лаборатория. Повсюду валялись обломки вытяжных шкафов, окрашенной белой эмалью мебели. Теперь кабинет выглядел более зловещим, чем камера пыток. Скрывая дыры в потолке, наверху клубилась густая красная дымка. Из неё сеялись мельчайшие алые капельки.

– Самое главное – не наступить на стекло. -озабоченно говорил Бобёр. Он уже разделся догола, пристально глядя на замусоренный пол, вошел в кабинет и взвизгнул от наслаждения.

– Десять минут, больше нельзя. -строго сказал Ушастый. -Засаекаю время.

Бобёр ухал и ухал, растирал бока грудью ладонями, звучно шлёпал по икрам и ягодицам. Зрелище, вообще говоря было малопривлекательным. Однако, когда время истекло, и Бобёр неохотно вышел в коридор, Старик с изумлением отметил, что красная влага мгновенно и бесследно не то испарилась, не то впиталась в кожу, не оставив, против ожидания, никаких засыхающих потёков.

– Моя очередь. -Ушастый юркнул внутрь, вновь раздались восторженные междометия. Между тем Бобёр пригладил мокрые волосы, развернул один из принесённых тюков и принялся облачаться.

– Конечно, со Стрелком оно, может, и нехорошо вышло... -вдруг вздохнул он. -Но с другой стороны... Даже не знаю, как тебя благодарить, Старик. Пока ты спал, мы прибарахлились малость.

Он влез в ненадёванное бельё из распечатанной упаковки, надел армейский камуфляж и новенькие сапоги и выглядел настоящим щёголем. Потом вздохнул и принялся натягивать бронекомбинезон СКАТ-9М, в котором он неприятно напомнил Стрелка.

– Что, для всех одинаковые комплекты наштамповали? -поинтересовался Старик. -Мы же, словно амазонки, неотличимые будем.

– Продумано. -с удовольствием отвечал Бобёр. -Мы на каждом комбезе белой краской написали прозвище. Слева – на груди, справа – на спине.

– Вижу. -хмыкнул Старик. -А кто писал? Ташкент, наверное?

– Угу, у него почерк самый хороший, словно у чертежника.

– Точно. Ещё бы грамотности чуток. -Старик с наслаждением рассматривал надпись «Бабёр», каллиграфически выведенную на тёмном кевларе. -Проверочное слово – «баба», да?

– Вот двоечник хренов! -с чувством ругнулся Бобёр. -Эй, Ушастый – сюда, время вышло!

Сбрасывая изодранную одежду, Старик зашипел от боли, потому что майка ночью приклеилась к глянцевой и тонкой коже на месте ожогов, и теперь отрывалась, словно ватный тампон от раны.

Зато когда на Старика осела рубиново-блестящая морось, у него перехватило дыхание от ощущения никогда прежде не испытываемой свежести и бодрости. Он подхватывал влагу ладонями и торопливо, жадно втирал ее в тело. Зуд исчезал, кожа становилась эластичной и крепкой, куда-то делась боль в мышцах и беззубых дёснах. Дышалось во все лёгкие, настроение становилось приподнятым. Из-под «кровавого душа» Старик вышел с неохотой.

– И впрямь словно Маргарита. -признал он. -Теперь только в бассейн с шампанским нырнуть да на метле полетать.

– С шампанским того... заминка... Уж чем богаты, тому и рады. И метлы нет, извини. Так что с полётами придётся погодить.-заметил Ушастый. -Одевайся.

Силы небесные, каким наслаждением было натянуть свежую майку на чистое тело, почувствовать прикосновение пахнущей хлопком ткани камуфляжного костюма! Ребята заботливо подобрали сапоги его, сорок второго размера. Приятно, что замерили, пока он спал.

– Без ошибок! -заметил он, разворачивая СКАТ и трогая пальцем белые буквы надписи «Старик». -А какое оружие сделали?

– Ну уж это – дело глубоко интимное. -развел руками Бобёр. -Каждый сам выбирает. Надеюсь, на этот раз автомат динозавровой эпохи не закажешь?

Старик промолчал.

Из записной книжки Старика

07-08-07

Амазонки. Своим открытием их назвать не могу, о них в Зоне слышан каждый. Но, пожалуй, кроме Шаманов и меня никто более не может похвастаться столь близким контактом с ними. Могу предположить относительно их происхождения следующее. В момент образования Зоны в Глузинской женской исправительно-трудовой колонии погибли все, за исключением одной(?)-двух(?) заключенных. От неё-то (от них-то?) и происходит весь род амазонок.

Организмы "прародительниц"испытывали мутационные изменения, самым существенным из которых стала способность к партеногенезу. Вероятно, в этом какую-то роль играет воздействие чудо-озера с живой водой.

Собственно, размножение, при котором женская половая клетка развивается без оплодотворения – не порождение Зоны, он свойствен многим растениям и даже беспозвоночным животным Земли. (К слову – с бесполом способом размножения партеногенез ничего общего не имеет!). На такую форму размножения следует смотреть, как на приспособление к борьбе за существование. Партеногенез в огромной степени увеличивает продуктивность женщины без риска остаться неоплодотворенной и, следовательно, бесплодной. Отчего не допустить, что именно это позволило одной-двум праматерям амазонок дать начало целому виду эндогенных обитателей Зоны?

Но! При таком размножении у амазонки всегда будет рождаться только дочь, притом являющаяся почти полной копией матери. Вот и объяснение феноменального сходства амазонок.

Вероятно, образ размножения, а, следовательно, обусловленный этим образ жизни наложили отпечаток на психику амазонок. Мужчины в качестве половых партнёров ими абсолютно исключаются. Быть может, мужчины рассматриваются амазонками даже как иной биологический вид, с которым в исключительных случаях допускается только обусловленный интересами дела кратковременный симбиоз.

*В общем, скорее всего перед нами – самые первые шаги по формированию нового вида *Homo Sapiens Sapiens*. Точнее – *Femini Sapiens Amasones* Пока что эти шаги не завели слишком далеко в сторону, амазонки очень близки нам, но обольщаться не стоит: они – уже другие.*

***Территория бывшего СССР Сибирь
Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Гремячье***

09 часов 05 минут 8 августа 2007 г.

Старик, Тихоня, Ташкент, Глюк, Бобёр, Ушастый, Самовар

– Что ж, ребята, до скорого свидания. -сказал Бобёр. -Не лихачьте тут без нас, будьте осторожны. Сторожите добычу. Из больницы не выходите, делайте всё, как Старик сказал. А мы сразу же пришлём сюда караван из Черново.

– Будем ждать. -кивнул Глюк. -Вы, парни тоже... того... берегите себя...

По предложению Старика он, Ташкент и Самовар остались в гремячевской поликлинике удерживать её до прихода подкрепления.

А Старик, Тихоня, Ушастый и Бобёр отправились в обратный путь к «курорту». По предложению Старика собрали из шести велосипедных колес без шин и старой двери скрипучую, но достаточно прочную колымагу, нагрузили ее изготовленными в репликаторе подарками для «курортников». Толкать её предстояло по старому шоссе, которое хотя и заросло кое-где кустарником, но было вполне проходимо. А аномалии можно было и объехать.

«Курортники» обнялись и сократившийся вдвое караван двинулся к окраине Гремячье по заросшей лиловыми лопухами улице Герцена. Метров через сто сделали первую двухминутную остановку, оглянулись. Кто-то, кажется Самовар, прощально махнул рукой из окна больницы.

– Пойду впереди. -вызвался Тихоня, звонко клацая затвором германской винтовки. -Вонжу мужественный взор в тревожный сумрак неизвестности.

– Во, даёт студент! -восторженно прищёлкнул языком Бобёр. -Чисто тебе Лермонтов!

*Из записной книжки Старика
07-08-07*

G36 Штурмовая винтовка немецкого производства, представляющая собой первоклассный образец современного оружия – лёгкого, надёжного и удобного. Боеприпасы: обычный 5,56x45 мм. SS109, бронебойный 5,56x45 мм. AP.

Они покатали повозку за бывшим студентом. Караван выглядел по меркам Зоны очень богато. Одна экипировка и вооружение «курортников» могли стать объектов зависти залётных бандюков. И это вызывало у Старика и Бобра сильнейшие опасения.

– Головами крутите, опасности высматривайте -постоянно твердил Бобёр. -Не только монстров или аномалий теперь бойтесь, но и морально неустойчивых. Сталкеров всяких доморощенных отечественного разлива. Мы сейчас в таких шкурках – словно пушная дичь. Да и тележка многих может соблазнить.

Им предстояло преодолеть почти четыре километра. Имей они опытного проводника, на это при хорошем раскладе ушли бы сутки. Но теперь... Ушастый и Бобёр были настроены в лучшем случае на сорок восемь часов.

Старик повёл плечами. Нет, кажется, не больно, хотя лямки увесистого рюкзака и винтовочный ремень «драгуновки» прижимают ощутимо.

Из записной книжки Старика

07-08-07

СВД, знаменитая снайперская винтовка Драгунова. Широко использовалась во всех боевых операциях, проводившихся с шестидесятых годов советской армией. До сих пор не считается устаревшей. Зарекомендовала себя как феноменально надёжное и удобное в обращении оружие. Боеприпасы: обычный 7,62x54 мм. 7Н1, бронебойный 7,62x54 мм. БП, снайперский 7,62x54 мм. 7Н14.

Старик

Истрескавшееся и поросшее колючкой по линиям трещин шоссе вывело нас из Гремячего. Мы, толкая повозку, шли между двумя пустошами – глинистой и песчаной. Под колёсами хрустели жёсткие колючие стебли. Над нами собралась тучка и, плывя точно над головами, деловито прыскала мелким теплым дождиком, причём в сотне шагов непогоды и в помине не было.

Дальше, согласно сидевшей у меня в памяти древней карте, должны были начинаться солончаковые пятна. Ага, сохранились, вот они, сизые. Вперёдсмотрящий Тихоня был начеку и вовремя предупреждал: вот, сорок пять градусов справа, над холмиком завис веселый призрак – смирный, недвижимый, пёс с ним, слева потянуло озоном и затрещала электра. Еще дальше у самой обочины валяется пустая пустышка, но подбирать её нет смысла – одна из самых дешёвых «штук», а места на тележке займёт порядочно.

Посреди солончака чёрной башней возвышается одинокая ель из числа древесных мутантов. Невесть как сюда занесло семечко, из которого вымахал этот тридцатиметровый дендрогигант. В хвойной шевелюре суперели, видимо, никто не завёлся. К его корням протоптана самого неприятного вида тропинка. У тропинки над черным замшелым бревном, словно перископ субмарины, выдается большой янтарный глаз. Вид жутковатый. Парни дружно направляют на него стволы. Но умницы – без надобности не палят. «Ква!» -сообщают из-за бревна насыщенным оперным басом. Так. Ясно. Можно не тревожиться и даже устроить привал. Есть не хочется, а дух перевести минут пять – не помешает.

Меня больше всего беспокоит, что будет после заката. После «кровавого душа» мы все на подъёме. Грибков в дороге поедим пару раз. Так что вполне могли бы двигаться всю ночь. Смотрю на экранчик новенького японского КПК, произведенного там же в подвале Кузнеца. Где там у нас программка «Суперкалендарь»? Гм, стемнеет в 22.30, луна в четвёртой фазе и взойдёт через полчаса... не бог весть что. Темновато. Да вдруг еще облачность... Но ковылять можно было бы. Если бы это была не Зона. Ночью полезут монстры, а укрыться будет негде. Хотя... Если верить карте, ровно на полпути должен быть какой-то сарай. Скорее всего, от него остались одни развалины, но даже стены могли бы послужить каким-никаким укрытием. С другой стороны, мутировавшую нечисть тоже привлекают такие укывища. Да что там голову ломать, там посмотрим.

– Вперёд, что ли? -спрашивает Ушастый. -Чего расслаживаться-то?

При этом он смотрит на меня. Кажется, статус Старика продолжает расти... Я киваю. Ушастый сменяет Тихоню, который становится рядом со мной и толкает тележку.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Шоссе Гремячье-Черново

22 часа 15 минут 8 августа 2007 г.

Старик, Тихоня, Бобёр, Ушастый

Карта не соврала. В десятке метров от шоссе действительно стояли облупленные кирпичные стены какого-то склада. Его крыша таинственным образом исчезла, словно её кто-то аккуратно срезал и унёс, не оставив ни стропил, ни кровли. Постройка не имела окон, что было настоящим подарком: держа изнутри дверь под прицелом, можно было чувствовать себя в относительной безопасности.

Повозку, расчистив для неё место, закатили внутрь. Частью собранных трухлявых и сырых обломков загородили вход, после чего долго разжигали баррикаду. Наконец, она затлела, струйки смрадного дыма потянулись вверх.

– Отлично! До утра будет вонять. -Бобёр довольно потёр руки. -Не всякая тварь рискнёт лезть.

Из других деревяшек, что оказались посуше, разложили костёр. Тушёнку разогревали прямо в банках. Воду вскипятили в армейском котелке.

– Не надо было тебе менять комбинезон, Ушастый. В старом фонарик сам собой включался, а тут ещё выключателем щелкать надо. -сказал Тихоня, снимая котелок с огня и разливая по кружкам крепкий душистый чай. Настоящий чай! В подвале Кузнеца нашлась эталонная пачка цейлонского, с которой истосковавшиеся по напитку «курортники» тут же наделали пару десятков копий.

– Хорошо! -промурлыкал Бобёр, отхлёбывая. -Только ещё бы сахарку...

– Как старуха из сказки о рыбаке и рыбке. -заметил Тихоня. -Держи два куска. Недавно мятному отвару был рад, а теперь чаем без сахара недоволен.

– Доволен! -возмутился Бобёр. -Это я так... абстрактно...

– Отчего же, -заметил Старик, -вот доберёмся до Черново, закажем из за стены пару пачек свежего сахара, доставим их к репликатору и не будет у нас проблем со сладким.

Первыми вызвались дежурить Тихоня и Ушастый. Они сели с винтовками наперевес против затянутого дымной завесой входа. Старик и Бобёр легли у противоположной стены, подложив рюкзаки под головы.

– Совсем спать неохота. -пожаловался Бобёр и тут же засопел.

– Вижу. -вздыхнул Старик.

Он так и не понял, приснилось ли ему что-то, или пригрезилось наяву, но глубокой ночью он очнулся, точно от неожиданного тычка в бок. Это и в самом деле была глухая ночь, точнее, то её срединное время, когда воздух особенно тяжёл и вязок. Ночная жизнь Зоны, которая доселе пор шла как обычно, замерла, словно в томительном ожидании чего-то неведомого. Костер почти догорел, и Старик увидел в его смутном свете лежащего на спине с заложенными под голову руками Бобра. Станным было то, что, несмотря на прогоревший костер, Старик все же мог различать очертания тележки и сидящих спинами к ней Тихони и Ушастого. Он поднял голову и понял причину своей внезапной ночной зоркости: развалины сарая были залиты призрачным зеленым светом, лившимся с неба.

Старик потряс за плечо Бобра. Тот мгновенно проснулся, сел с винтовкой в руках и спросил голосом, в котором вообще не было сна:

– Смена?

– Да. -сказал Старик. -Посмотри наверх. Видел когда-нибудь такое?

– Северное сияние, что ли? -отозвался от повозки Тихоня. -Ночью, когда тебя притащили, было похожее над «курортом». Красиво.

– Не очень. -не согласился Ушастый. -Тревожно. Видел я однажды (издалека, слава богу) – как в темноте светится ведьмин студень. Похоже, знаете... Давайте, сменяйте, а мы – на ваши места, пока лежбища не остыли.

– Все было спокойно?

– В общем да. Топтался кто-то у входа, надо полагать – зверь, не мутант, потому что в дым не сунулся.

Старик уселся, прислонившись спиной к жесткому ободу велосипедного колеса. Он хотел было завязать вполголоса разговор, но Бобёр отвечал односложно, настороженно всматриваясь в темноту за дверным проёмом. Было видно, что он крайне серьезно относится к обязанностям часового и ожидает того же от него.

Старик время от времени подбрасывал обломки чёрных от времени досок в кучу тлеющих в сарайной двери головешек, не давая им погаснуть до конца. Зеленое мерцание над головой угасло, небо почернело и усеялось звёздами. Даже ночные шумы стихли, и Старику показалось, что тишина вокруг сарая наполнилась напряжением, и это было куда неприятнее угрожающих шорохов Зоны.

Он так тревожно всматривался в мрак, что перед глазами у него пошли круги. Старик помигал, но нет... круги не исчезли. От чего-то там снаружи и впрямь исходило слабое свечение.

– Видишь? -тревожным шепотом спросил Бобёр.

Старик кивнул, положил ладонь на винтовку, но стрелять было не в кого. Свечение, казалось, шло от клёна-гиганта, что возвышался в паре сотен шагов от сарая. Словно сам тяжелый древесный ствол, испускал свет, а крона стала прозрачной, точно огромный торшер. Над самой землёй потянуло слабым ветром, шевельнулись багровые тени в тлеющих головнях. Свечение на мгновение усилилось, стало ярким и вдруг потухло. Старик и Бобёр остались в полной темноте, которая после этого странного зрелища показалась им чуть ли осязаемо плотной, непроницаемой. Бобёр поспешил подбросить еще одну доску в костёр, и огонь высветил шершавые стены.

– Что такое? -поёжился. Бобёр.

– Меня спрашиваешь? -криво усмехнулся Старик. -Понятия не имею.

Они вновь замолчали. Больше до самого конца их смены ничего не произошло, а с первыми лучами солнца поднялись Тихоня и Ушастый.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Шоссе Гремяче-Черново 6 часов 45 минут 9 августа 2007 г.

Старик, Тихоня, Бобёр, Ушастый

Тайник был замечен Бобром. Он, умываясь в углу, заметил почти стёршиеся буквы, процарапанные на кирпиче. Тихоня подцепил кирпич ножом, вывернул его и со всевозможными предосторожностями извлёк из образовавшейся ниши бурый свёрток. Когда ветхую ткань развернули, в ней оказалась распадающаяся на клочки истлевшая тетрадь.

– Почти ничего не осталось. -удручённо заметил Старик. -Вот только одну страничку можно разобрать.

– Прочти. -попросил Тихоня.

Старик кивнул и, запинаясь, начал читать вслух:

«...Из отчета участника исследовательской экспедиции №64 (январь 1979 г.) кандидата биологических наук, старшего преподавателя ЗФ УрГУ О.И.Лепёшкина.

...Наша экспедиция, одной из задач которой было определить возможность дальнейших исследований центральной части Зоны, к сожалению, пришла к пессимистическим выводам... (нечитаемо). Мы, как нам и было поручено, сделали описание прилегающего к Уроевке участка, однако описание это крайне приблизительно, поскольку многие объекты из-за их опасности приходится изучать лишь визуально и с большого расстояния, что, впрочем, в лесу тоже не всегда возможно...(нечитаемо).

Раздел 4. Флора и фауна Уроевского участка Хамской аномальной Зоны внеземного происхождения (нечитаемо).

Здесь называют территорию Уроевки мертвой, тут невероятно много опаснейших аномалий. Если продвигаться к северу от Уроевки, то можно выйти на напичканную аномалиями пустошь. Слева – заполненная ржавой водой канава. Пустошь заполнена останками военных машин, одна большая куча ржавого хлама в песке. Отмечены два вагона, сползшие с

железнодорожной насыпи, они сплошь покрыты какой-то мутировавшей растительностью... (нечитаемо).

...Следует сказать, что, по сравнению с соседними участками Зоны у поселка Лебедевка и деревни Блохино, микроклимат здесь более влажный. По всем признакам за истёкшие 20 лет в лесных массивах появилась разветвленная гидросистема. Она состоит из мелких ручьёв, сетью пронизывающих лес на всем его протяжении и впадающих в болотное окружение реки Норки и Большого озера (нечитаемо)...

Тяжело действующая на психику влажность, и постоянные дожди делают район болот крайне тяжёлым для изучения, неудивительно, что мы потеряли всех рабочих-лаборантов, двух специалистов и трёх сопровождающих.

Лаборант И.Хлебников погиб при изучении зарослей необычайно крупной росянки, которая перешла от питания насекомыми к перевариванию мелких земноводных, пресмыкающихся и даже мелких млекопитающих. Исследуя ярко-желтые с пурпурными крапинками цветы с необычайно привлекательным запахом, он потерял сознание, рухнул в гущу растений и тех двух минут, на которые он исчез из нашего поля зрения, оказалось достаточно для того, чтобы росянка нанесла ему множественные смертельных ранения.

Не удалось в полевых условиях определить исходный вид (предположительно – рогоз) тех болотных растений-мутантов, которые стреляют острыми семенами, способными пробить незащищенную крепкой одеждой человеческую кожу. Внедряясь в тело, семена тут же прорастают, пуская корни в живой организм и черпая оттуда все необходимые для развития. Сопровождающий прапорщик Г.В.Беленко после поражения залпом семян сохранял, хоть и очень грубую, трансформированную, но всё же форму человеческого тела, какое-то время был способен двигаться и, что самое ужасное, даже разговаривать и мыслить. При этом он уверял, что не чувствует боли.

Лейтенант А.Васильев заболел какой-то странной формой лихорадки, развивающейся удручающе быстро. Подозреваю, что недуг вызван укусом одного из болотных насекомых, каковых здесь множество, пугающих размеров и самых разнообразных расцветок. Особо хочу предостеречь против мутировавших слепней, откладывающих личинки под кожу жертвы в ткани и внутренние органы. Личинки эти обладают необъяснимым воздействием, поскольку поведение пораженного меняется, и все его действия направлены на сохранение личинок и дальнейшее размножение слепней. По лейтенанту пришлось открыть огонь на поражение, поскольку он стал опасен для остальных, пытаясь заразить этой опасной формой паразита прочих членов экспедиции...»

– Гадость какая... – сплюнул Бобёр.

– Зона. -привычно изрёк Ушастый.-Уроевка -это большая вонючая свалка, горы мусора... разбитые военные машины, техника... Можно найти останки старых построек. Можно встретить мутантов. Можно «штуками» разжиться по мелочи, но лучше туда не соваться. Аномалия на аномалии сидит и аномалией погоняет.

– А не враньё? -усомнился Бобёр. -Что-то я насекомых-мутантов ни разу не видел. К счастью...

– Одно непонятно. -задумчиво сказал Старик, потирая лысый затылок. -Уроевка – пёс знает где, отсюда километра полтора по прямой, через непроходимые болота и речку. Как тетрадь могла оказаться здесь?

-8-

**Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Черново, «Курорт новоселов»
13 часов 55 минут 10 августа 2007 г.**

Выхухоль стоял на вышке, построенной в речной излучине, и заученными движениями бинокля обшаривал северные окрестности «курорта». Хрыч с утра напутствовал смену охраны: «Глядеть в оба! Сегодня за полночь в середине Зоны опять небо зелёными сполохами занялось. Как бы что оттуда не попёрло...»

Но пока всё было спокойно. Прошла получасовая местная гроза-шептунья. Погорланила где-то неподалёку стая ворон и подалась в неизвестном направлении. Одинокий невзрачный (патрон тратит жалко) мертвяк мелькнул у разрушенного железнодорожного моста через Норку.

Шевеление у выемки в стороне акведука сразу привлекло внимание Выхухоля. Он подстроил бинокль, всмотрелся, растерянно пожал плечами. Быстро вынул из карманный персональный компьютер и набрал код вызова:

– Баклажан, третья вышка докладывает. К нам кто-то по шоссе едет. Да у самого тебя видения! По слогам повторяю: е-дут! Не то четыре, не то пять человек, сосчитать не могу... А с ними какое-то уродство на блестящих колёсах. Да сам ты спятил, командарм! Топай к переправе и убедись лично. Конец связи!

Баклажан

Даже подумать тошно, кто у меня в подчинении! Охраннички, блин горелый... Дрессирую их дрессирую, а всё без толку. Ведь доложить ясно-понятно и то не могут. «Едут к нам», видите ли... «К нам едет ревизор»... Эх, мне бы парочку офицеров или прапорщиков-десантников. А ведь, говорят, кадровых выбрасывают в Зону. К примеру, вы об Околице чего-нибудь как следует знаете? Это место такое к северу от Лесково. Как-то толковал бродячий добытчик, будто там осела куча настоящих спецаков, кадровых вояк! Как они в Зону угодили – дело тёмное, да вот взять хотя бы меня... Не это важно, а другое – как себя поставили, а?! Как поставили! Это тебе не наши штатского происхождения! У них там места густо нафаршированы что аномалиями, что мутантами. А вояки не просто выжили, но еще и всех на фиг посылают. Да не гоню я! Хрен знает, с чего им так Околица полюбилась, но сидят они там – мама дорогая! Хутор огородили рвом и частоколом, десяток брошенных полвека назад танков Т-34 врыли на входе. В командирах у них Громов какой-то... думаю, фамилия фуфло, ненастоящая – они его то «Майором», то «Громом» кличут. Не верите?! Так Боров их перехват по КПК как-то поймал! Не хухры-мухры там, а серьёзная команда. Они, по слухам, штуку такую отыскивали, вроде радара инопланетного, монстрятину метров за двести засекает. Любую тварь! Ясен хрен, так жить и в Околице можно... Пробовал я о них подробнее разузнать, да без толку. Точно о них знают... знают, гады, а молчат! Спросишь кого-нибудь, кто с востока приходит: «А, сказки...», – рукой машут. Ну не стервецы ли?

А чего это Зелёный сено сложил прямо у дома? Непорядок, надо сказать, пусть убирает. Пожаров нам только не хватало. Да и Редька проход загромоздил, по тревоге к плетню будет трудно подобраться. Ох, распустил я их, точно как на курорте живут, нюх теряют.

О, Хрыч с Гладиатором уже на берегу около плота стоят, на ту сторону геройски уставились. Подбородки кирпичом, автоматы наперевес, чистые тебе хальт, хенде хох и эсэс марширт в одном флаконе... А с той стороны из-за развалин мельницы к берегу выбираются четверо. Невидаль какая: телегу выкатывают. Все одинаковые, словно китайские тапочки: бронекombineзоны роскошные, морды шлемами закрыты. Кто ж к нам пожаловал в такой экипировке? Один к самой воде подошёл, рукой машет. Что это у него на груди белым намалёвано? «Тихоня»? Шлем за спину отбросил. Точно – Тихоня, мать божья коровка! Ну, чудеса-а...

– Эй, Баклажан! -орёт. -Привет! Заждались? Гоните плот сюда, принимайте подарки!

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области А

номальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

17 часов 55 минут 10 августа 2007 г.

Боров, Хрыч, Баклажан, Старик, Тихоня, Бобёр, Ушастый

– Собственно, это всё. -попытожил Старик. Наступило тягостное молчание.

Они находились в той самой комнатке на втором этаже столярки, где происходила встреча с Шаманом. По одну сторону стола заседали Боров, Баклажан и Хрыч, по другую – Старик, Тихоня, Бобёр и Ушастый.

– Дела... -вдохнул Хрыч.

Боров сопел, сверля вернувшуюся из Гремячьего четвёрку свирепыми взглядами.

– Если вас вышвырнем отсюда, -сказал он, -и на пушечный выстрел не будем подпускать к Черново, благодарить за доброту нас будете. Со слезами на глазах. Но вообще-то, за убийство полагается к стенке ставить.

– И часто ставили? -с неподдельным интересом спросил Старик.

– Будешь первым. -пообещал Хрыч.

– Спасибоочки. -благодарно кивнул Старик. -А если серьёзно?

– Думаешь, с тобой хохмы шутят? -взъярился Боров.

– Ладно. -решительно сказал Старик. -Что мы, в самом деле, вокруг да около. Не получается деликатно, значит, давайте правду-матку прямо в глаза резать. Хочешь, Боров, объясню при всех, отчего ты бесишься?

– Ну?

– Опасаешься, что теперь положение изменится. До сих пор всё Черново жило под твоим мудрым руководством, поскольку все зависели от твоих запасов. А теперь из Гремячьего можно доставлять всё, что хочешь и в любых количествах. Коммунизм! Только напрасно ты, Боров, тревожишься, всё будет с точностью до наоборот: грядет твое царствие. Кто в таких условиях сможет организовать движение караванов туда-сюда? Кто будет распределять богатства? Кто будет выменивать за стеной «штуки» на образцы нужных изделий? Кто эти образцы будет переправлять для размножения Глюку в Гремячье? Кроме Борова – некому. Если раньше ты был нужен, то теперь станешь просто незаменимым. Может быть, подозреваешь, что я собираюсь тебя подсадить и вытеснить? Нет, не можешь ты такого думать, умный же человек...

Физиономия Борова оттаяла, он некоторое время смотрел в глаза Старику, потом опустил голову, побарабанил пальцами по столу.

– Добро. -задумчиво сказал он. – Грядет моё царствие, стало быть? Добро. Только всё-таки, если Боров – царь, тогда Старик-то – кто?

– Господь бог. -улыбка на пятнистом безгубом лице Старика выглядела страшновато. - Знаешь, есть такой вымышленный персонаж. Вместо иконы будешь иногда включать КПК и молиться на мою цифровую фотографию, добрым словом поминать издали за все благодеяния.

– Издалека?

– Я, видишь ли, в очередное путешествие собираюсь. Отъезжаю на «курорте» пару-другую деньков, отосплюсь хорошенько, в душе горячем помоюсь по утрам и вечерам, да и подамся.

– Куда?

– Там видно будет... Теперь переходим к тебе, товарищ полковник. Черновскую армию придётся увеличивать? Ясно, как день! Гарнизон и здесь будет, и в Гремячем, забот прибавится – ого-го! Укрепления, опять же, возводить, товарищ генерал... Раньше с каждым гвоздём была проблема, зато теперь инструмента доставим вволю, тех же гвоздей – сколько угодно, товарищ маршал. Хоть Великую Китайскую Стену вокруг «курорта» воздвигай. А из гремячевской больницы вообще хорошо бы крепость сделать, товарищ генералиссимус.

Баклажан озадаченно хмыкнул. Видимо, такой аспект ему не приходил в голову.

– Хрыч тоже развернётся. Новички будут прибывать, их надо распределять, обучать. Ремонт жилья, удобства всякие... Потом, как я понял, одной Райки на всех не хватает, развивай досуг и отдых, господин премьер-министр его величества...

Хрыч жизнерадостно гоготнул, шумно потирая руки.

– А может и верно? -спросил он. -Чего там, давайте попробуем!

– После ужина – общее собрание в столовой. -медленно проговорил Боров. -Обсудим детали. Присутствовать всем, кроме караульных. Да, а Рашпиля обязательно приведите, вечно он прогуливает.

Головы всех присутствующих одновременно повернулись к двери.

– Здравствуйте. -мягко прошелестел Марьяинский Шаман. -Могу ли присутствовать на ужине и собрании? Присутствие будет оплачено.

*Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Черново, «Курорт новоселов»
20 часов 05 минут 10 августа 2007 г.*

– Раз уж мы всё так единогласно решили... -говорил Боров. -Галдеть перестаньте... Раз уж решили, зачитываю список тех, кто вызвался завтра идти в Гремячье. Итак, охранники: Бурбон, Бритый, Партизан, Терминатор, Пират, рабочие: Глухарь, Жженный, Лапоть, Облом, Сухарь, Пацифист, Сусанин. С проводником, однако, напряжёнка. Тихоня, может, всё-таки согласишься?

– Нет. -решительно помотал головой Тихоня. -Я – при Старике.

– Ну, при нём, так при нём... Кто же поведёт караван?

– Сусанин! -хохотнул кто-то с дальнего конца длинного стола. -С таким прозвищем – в самый раз!

– Прекратите орать с места... А ты, Пацифист, как? Вроде бывал у Кузнецов, дорогу знаешь...

– Ходил трижды носильщиком... Дорогу помню, да и шоссе прямое, сбиться трудно. Да чего там, Боров, бог даст, доберёмся, не торопясь. Тем более, надежда на светлое будущее будет души греть.

– «Надежда»... Чего разгеройствовались, а? Смотрите у меня, не наглейте! Зона, она героям живо рога обламывает... Собрание закончено. Каравану сегодня собрать припасы, получить у Хрыча оружие и ложиться спать пораньше. Завтра в семь ноль-ноль выходите.

Переговариваясь, все направились к выходу из «ресторана». Пельмень выразительно указал сегодняшней кухонной смене на тазы с мыльной водой и тряпки.

– Старик, можете ли уделить время для беседы? -окликнул Шаман, -Нет-нет, Тихоня, секретов нет, останьтесь. Ведь, как полагаю, вы отныне – оруженосец Старика? Санчо Панса?

Тихоня с неприязнью глянул на Шамана и выразительно пожал плечами.

– Во дворе нам никто не помешает. -спокойно продолжал эндоген. -Присядем вот здесь, у колодца.

Когда они сели на ошкуренные бревна, Шаман заметил: -Вы очень изменились. Старик.

– Пришлось.

– Да-да, знаю. Я пытался установить с вами связь, но не получалось. Потом запоздало побывал в Гремячем... через несколько часов после ухода вашей группы. Глюк поведал о ваших приключениях и стало ясно, что настало время для очередного разговора. Поэтому я здесь.

– Слушаю.

– Каковы планы на будущее? Насколько понимаю, размеренная оседлая жизнь в Черново или в гремячевской колонии, столь блистательно вами завоеванной, в эти планы не укладывается?

– Нет.

– Тогда?...

– Меня интересует «антенна» телерадиоцентра.

Тихоня подпрыгнул на бревне и с трепетом воззрился на Старика.

Шаман оставался непроницаемым.

– Следовало ожидать. -кивнул он он. -Было бы очень любопытно знать, что вы думаете об этом.

– Страшное место. -пробормотал Тихоня. -Там ни за здорово живёшь сгинуть можно, даже если был перед этим таким везунчиком, как ты, Старик. Любой, кто близко подойдёт к Антенне, сходит с ума, превращается в зомби и бродит потом, неприкаянный, по Зоне. От людей остаются одни оболочки, в своём уме никто не возвращался оттуда.

Шаман проигнорировал замечание, выжидающе глядя на Старика.

– Что ж, Шаман, отвечу на все вопросы. -сказал тот. -Но лишь при условии, что затем услышу ответы на свои.

– Договорились. -согласился Марьинский Шаман. -Каково ваше общее видение Зоны?

– Оно вытекает из общепринятого, но в то же время очень сильно отличается.

– А что вы понимаете под общепринятым видением?

– Есть великолепная художественная книга о Мармонтской Зоне в Канаде. – сказал Старик. – Настолько же талантливая, насколько опасная. Начитавшись её, многие молодые люди поломали себе жизнь. Устремлялись сюда в поисках сталкерской романтики, щекочущих нервы приключений, ... большей части везло, их отлавливали на подступах и возвращали в серые трудовые будни. Единицы осуществляли свою мечту и находили здесь ... то, что находили ... Так вот, в этом произведении буквально в одном абзаце с гениальной простотой и доступностью запечатлена теория, которую путано и многословно излагала учёная братия.

– Догадываюсь, что за книга. – сказал Шаман, – Лет десять назад получил её из-за стены через Борова. Повесть братьев Стругацких?

– Да.

Шаман чуть усмехнулся, опустил веки и процитировал: – *«Пикник. Представьте себе: лес, проселок, лужайка. С проселка на лужайку съезжает машина, из машины выгружаются молодые люди, бутылки, корзины с провизией, девушки, транзисторы, фото- и киноаппараты ... Разжигается костер, ставятся палатки, включается музыка. А утром они уезжают. Звери, птицы и насекомые, которые всю ночь с ужасом наблюдали происходящее, выползают из своих убежищ. И что же они видят? На траву понатекло автола, пролит бензин, разбросаны негодные свечи и масляные фильтры. Валяется ветошь, перегоревшие лампочки, кто-то обронил разводной ключ. От протекторов осталась грязь, налившая на каком-то неведомом болоте ... ну и, сами понимаете, следы костра, огрызки яблок, конфетные обертки, консервные банки, пустые бутылки, чей-то носовой платок, чей-то перочинный нож, старые, драные газеты, монетки, увядшие цветы с других полей ... Пикник на обочине какой-то космической дороги»*. Вы имели в виду этот отрывок?

– Конечно. Потрясающая память! – почтительно заметил Старик. – Возможно, под Мармонтом и отдыхала такая бесшабашная компания молодых инопланетян. Но знакомство с доступными материалами об Усть-Хамской Зоне привело меня к выводу, что в Сибири устроила пикник почтенная и очень зажиточная инопланетная семья. Она приехала сюда на трейлере. Знаете, такой прицеп к автомобилю, дом на колёсах, в котором есть всё: кухня с газовой плитой и холодильником, туалет, телефон, телевизор и магнитофон, мягкие диваны и всё такое прочее. Но что-то не заладилось, они уехали на автомашине, а трейлер с плохо закрытой дверкой оставили.

Тихоне показалось, что янтарные глаза Марьинского Шамана вспыхнули и тут же потухли, вертикальные кошачьи зрачки на секунду расширились.

– Кстати, – сказал Шаман, – вы никогда не задумывались над таким развитием вашей гипотезы: хозяева вернулись за трейлером, прицепили его к автомобилю и забрали с обочины?

Старик хохотнул, не разжимая губ: – Со всеми набившимися в него зверушками? А что, было бы забавно! Представляете, Шаман, просыпаемся мы завтра и видим, что стены вокруг Зоны нет, а простираются бескрайние дали Венеры или какой-нибудь планеты у Альфы Центавра! А ещё забавнее представить себе физиономии наших караульчиков, обнаруживших, что исчез порученный им объект.

Тихоня зябко поёжился.

– А что лично вы, как зверушка, забравшаяся в трейлер, будете искать в нём? – поинтересовался Шаман. – Догадываюсь – не холодильник.

– Нет, мне безразличны запасы продовольствия, тем более, после находки в Гремячем. Более заманчивым представляется другое. Исходя из предположения, что трейлер принадлежал инопланетным богатеям, можно допустить также, что в нём есть некий бортовой компьютер, управляющий всей механикой. Или хотя бы пульт управления.

– Даже так? И вот лесной енот, развалившись в кресле у компьютерной клавиатуры или с пультом в лапке, запирает и отпирает двери, включает и выключает кондиционер, плавит сыр в микроволновой печи? – Шаман испытующе смотрел на Старика.

– Вообще говоря, еноты довольно сообразительны. И пальцы у них ловкие. Отчего не попытаться? Шанс-то есть ...

– Ничтожный. Не обольщайтесь, Старик. Попытка овладеть пультом может закончиться крайне печально ... для самого енота. Хотя, вижу, вряд ли это енот остановит.

– Не остановит.

Марьинский Шаман провел узкой ладонью по густым коротким волосам серебристого цвета и продолжил после короткой паузы:

– Но, возможно, енот задумается над теми последствиями, которые могут быть губительны для других зверушек, оказавшихся в трейлере? Для всей популяции енотов в родном лесу? Для леса в целом, наконец?

– Так остановите неразумного зверя.

Шаман сделал совершенно неуловимое движение, его тонкая стальная тросточка с игольным остриём оказалась приставленной к левой стороне груди Старика.

– Остановить... Таким же образом, как вы обошлись со Стрелком? Не хватайтесь за пистолет, Тихоня, ничто вашему кумиру не угрожает. Да вы бы и не успели...

Шаман воткнул железный прут в землю.

– Теперь ваша очередь спрашивать. -объявил он.

– Что там, на месте телерадиоцентра?

– Поверьте, не знаю. -покачал большой головой Шаман. -Видите ли, Усть-Хамск – единственное недоступное мне место. Вас, пришельца в Зону, там поджидают неисчислимые угрозы и, скорее всего, гибель. Для меня же, рожденного и выросшего здесь, это место не более опасно, чем другие, но я физически не могу туда попасть, как вы, например, неспособны просочиться сквозь броневую плиту. Вокруг «антенны» проведена невидимая окружность приблизительно километрового радиуса. С этого рубежа неосторожные экзогены мучаются сильными головными болями, у них начинаются галлюцинации... Но они могут продвигаться вглубь. По крайней мере – некоторое время, до того, как сойдут с ума или погибнут. Эндогены же, вроде меня или амазонок, не испытывают совершенно никаких неприятных ощущений, но мы просто не в силах пересечь границу. Совершенно исключено. Так что прошу простить, не располагаю никакой информацией.

Тихоня вынул из кармана блокнот, принялся что-то строчить в нём, морща лоб, зачёркивая и исправляя написанное. Старик покосился на него и обратился к Марьинскому Шаману:

– Почему вы спрашивали во время первой встречи, не слышу ли я каких-то «призывов» Зоны? Эндоген чуть помедлил:

– Не буду говорить о семидесяти процентах тех, кто попадает сюда помимо своей воли или по недоразумению. О тех случайно попавших в трейлер зверушек, на кого Зона никак не реагирует. Таковых за пять десятилетий здесь побывало, пожило и полегло много тысяч.

Еще двадцать процентов приходят затем, чтобы бросить вызов Зоне, геройски побороться с ней, самоутвердиться. Вроде Стрелка... гм... Этих также пропустим. Вряд ли им суждено понажимать кнопки пульта: вы представляете крысу или иного вредителя, допущенную к управлению трейлером?

Остаётся десятая доля экзогенов, а это – сотни пришельцев. Большинство из этих десяти процентов мечтают изучить Зону. Познать её тайны, так сказать. Но что самой Зоне до удовлетворения любопытствующими их информационного голода? Зачем они Зоне? Меньшинство «десятипроцентников» пришло, чтобы жить здесь, хотя сами они об этом сплошь и рядом не подозревают. Парадоксально то, что они-то как раз долгожительством не отличаются. Таких за всё время существования Зоны вряд ли наберётся больше пары десятков. Вы – один из упомянутого меньшинства, но отличаетесь поразительной удачливостью. За несколько дней выжить в стольких передрыгах... стоит задуматься, право. Быть может, Зона благоволит к вам?

– Говорите о Зоне, словно о живом существе, -заметил Старик. -«благоволит», «зовёт»...

– Видите ли, в человеческом... в русском языке просто нет соответствующих терминов. Нет, Зона, конечно, не живой организм. Трейлер? Механизм? Да, возможно. Но обладающий высокой чувствительностью и в каком-то смысле – интеллектом. Еще вопросы?

– Пока нет. -сказал Старик.

– Разрешите? -спросил Тихоня.

– Прошу.

– Можно ли срочно раздобыть вот это? -Тихоня протянул вырванный из блокнота листок. - Если да, то во что мне это обойдётся?

Читая, эндоген удивленно морщил матовый лоб. Внимательно посмотрел на Тихоню: - Насколько срочно?

– Чем быстрее, тем лучше.
– Завтра в первой половине дня. Устроит?
– Но всё-таки – что с меня будет причитаться? -настаивал Тихоня.
– Пустое. -возразил Шаман. -Пропитанная холодным расчётом благотворительность с моей стороны и ничего кроме. Тем более, что мне совершенно понятно, для чего это вам. Любопытно... Ждите на второй день гонца. Только предупредите, чтобы охранники не стреляли в мертвяка, что доставит узелок к переправе.

Он вновь повернулся к Старiku: -У вас КПК при себе?

– Да. Завёл новый в Гремячем. В мой прежний угодила пуля Стрелка. Того самого, который пытался меня убить, -язвительно заметил Старик, -и выстрелом в которого меня попрекнули даже вы.

Шаман усмехнулся и достал из нагрудного кармана флэш-карту.

– Хочу оставить звукозапись одного рассказа. Выхаживал я как-то одного пострадавшего, прибрёдшего от «антенны»... Вставьте в гнездо. Да-да, этот файл. Вот и всё, скопировано. Может быть, пригодится, послушайте. А сейчас позвольте откланяться.

Из-за четвертого дома донеслись чьи-то возмущенные восклицания и поднялся столб дыма. Тихоня и Старик непроизвольно взглянули туда, а когда вновь перевели взгляды на то место, где сидел Марьянский Шаман, того уже не было. Тихоня зябко поёжился.

– Пойдем глянем, что там происходит. -предложил он. -Сдаётся, Редька орёт.

Редька и в самом деле находился на участке. Фермер с отвращением смотрел на источник дыма. Им была висевшая сантиметрах в двадцати над грядкой и чуть заметно подрагивавшая «штука» – блестящее ядро, размером с два кулака.

– Что такое? -удивился Старик.

– Бомба-обманка заскочила. -раздраженно пояснил Редька. -Не бойсь, это только название страшное, на самом деле не взрывается. В общем-то «штука» полностью безобидная, через пяток минут успокоится, можно будет подцепить её лопатой и перекинуть на ту сторону ручья. Полежит там, наберется сил и куда-нибудь упрыгает. Но морковки мне, паразитка, четверть грядки истоптала.

Посочувствовав фермеру, Старик и Тихоня вышли на «Главный Проспект».

– Давай запись послушаем, а? – не вытерпел Тихоня. -Чем нас там Шаман поугагать решил? Наушники с собой?

Аудиозапись в формате mp3

(Шипение и потрескивание. Чьё-то тяжелое дыхание. Кто-то шумно пьёт, дыхание становится ровнее. Незнакомый голос, усталый и неровный).

...«...чего там, не был я под самой «антенной». И никто до неё так не дойдёт, чтоб руками потрогать. Кто будет болтать, что трогал – брешет, как собака. Невозможно это! Дай еще водички, горло сухое... (Шуршание, глотки)

Значится, началось всё с золотого шара. Вот до него, кто сильно захочет, доберётся. Трудно будет, но всё ж таки выполнимо. Как я дошёл, рассказывать не стану – долго, да тебе и без интереса. Что там я шару нагадывал, тоже никому до того дела нет... Самое главное, что понял – на надо ничего загадывать... Ну, это ладно, сейчас – о главном...

Вернуться в Красное мне было не с руки. Эти проповедники тронутые могли б и пристрелить, если б проведали, что я в тех местах ошивался. «Ах, даже так! Милости просим гражданина сталкера к ближайшей стеночке!» С них станется. В общем, к вечеру дело было, попёрся через песчаный карьер к окраине Усть-Хамска. Думал, найду в каком-то доме квартиру понадёжнее, устроюсь, завалю вход, авось переночую. Ты ж должен знать, там возле комбината квартал вообще новёхонький, словно вчера построен. На улице Плеханова вычислил приличную такую жёлтую трёхэтажку. Так вот, иду к ней и замечаю: что-то яркое в окне на первом этаже промелькнуло. Я быстро предохранитель «калаша» сбросил, палец – на крючок и тут гляжу – из подъезда выходит... Смотреть-смотрю, а глазам не верю... Их, глаза мои, протереть захотелось – мало ли, чего от Зоны ожидать можно? Они же там за стеной остались: женицины, красивые девушки. Милые и скромные, стервы и твари отпетые. Разные. Только всех тех, которые далеко отсюда, можно словами описать. А тут понял – это Она, для которой слов нет и не будет... В

оранжевом комбинезоне, ярком таком... только не безразмерном, как у академиков, а будто на заказ пошитом. Красивая? Вроде бы. Фигура у неё – что-то потрясающее! Да разве в этом дело... Обаятельная. Да! Именно так. Уставился, моргаю, как дурак, всё вокруг неё черно-белое, как в старом немом фильме, она одна только в цвете и музыке. А как она шла! Разве такое опишешь? Я онемел... Дай хлебнуть, Шаман... (Шуриание, глотки) Приблизилась. Торчу столбом, глазею... автомат, правда, наготове – привычка... Заметила она меня. Поздоровалась. А я слушаю и не слышу, всё на неё пялюсь. Даже моргать забыл. Улыбнулась, приветливо так. Тут только до меня дошло, что её слов не разбираю совсем. Стою, рот растянул до ушей – идиот идиотом. Рассказала, что уже месяц как живет в депо, лаборантка из исследовательской группы. Ч-чёрт, сдалась ей эта наука! И вообще – чего ей тут, в Зоне, делать? Отсюда же возврата нет. Но тогда такие мысли в голову не приходили... Спросила, согласен ли ей помочь. Ей! Да я бы в аномалию ради неё прыгнул!... (Кашель) Говорила ещё, что занимается этими, как их... полями и излучениями невыясненной природы. Ну, в общем тем, от чего вблизи «антенны» крыша едет. Сказала, что сбежала от своих, потому что с теми никакой свободы действий нет, что в одиночку пришла сюда. Не знаю. Тогда я поверил. Хотя сейчас думаю – как это она смогла? Ясно, согласился помочь – разведать, что и как. Побродил на подходах к сосновому леску, что «антенну» окружает, до самых озерц добрался. Раз пять чуть не накрылся. Через двое суток пришёл, как договаривались. Иду, а у самого в голове единственное: вот сейчас я её опять увижу и отговорю туда соваться! Притопал и... и ничего. Даже дома того, где её встретил, не увидел, представь. Вот оно как... Эх, она же прямо светилась изнутри!

Шарахнуло мне в голову, что девушка сама решила к телевышке наведаться. Теперь не понимаю, с чего это такое взбрело, а в ту пору никаких других предположений даже не в помине не возникло. Повернулся, значит, на сто восемьдесят градусов, да назад через карьер и кустарник рванул к «антенне». Совсем от кавардака этого потерял нюх, поэтому и наткнулся на псов. Звери бы меня не тронули – охотились. Только я им кабана спугнул, вот и обозлились: развернулись и поёрли в мою сторону. (Голос Шамана: «Подождите, повязку поправлю. Вот так... Прошу, продолжайте.»)

Да чего там продолжать... Кто ж в одиночку против стаи выстоит? Если б танковый полк мне в поддержку, тогда конечно, можно бы и подраться, а так... безнадёга... Погнало зверьё меня прямо к озёрцам. Тут всё и началось... Не то визг, не то звон, не то вой. Только особый, не снаружи, не через уши, а изнутри черепа, из самой серёдки мозга. Небо с каждым шагом всё желтее становится, всё видится, словно на поцарапанной фотоплёнке. Ноги-руки сами по себе двигаются, башка отдельно от них пытается сообразать. Псы куда-то пропали, но уж лучшие б они остались. А то ведь от вышки валом повалили призраки... (Голос Шамана: «Что вы имеете в виду?»)

Да уж, что имею, то и введу... Настоящие привидения, понимаешь? Белые, полупрозрачные. Кольшутся, плавно летят по воздуху. Фигуры людей, кабанов, псов, непонятных тварей... Поначалу-то я думал, что мерещится, такой себе обман зрения. Ага, как же, один такой обман с налёту в грудь припечатал, показалось, что кишки через рот выпрыгнули.

Одно скажу – под счастливой звездой меня родили, дешево отделался. Как окончательно перестал соображать от желтизны этой проклятой да звона, грохнулся пластом. При падении у меня лунный орех из нагрудного кармана выскочил, а я лбом аккурат в него и въехал. Наверное, от удара у меня прояснение минут на пятнадцать и наступило. Вроде и жёлто всё, и от звона-воя наизнанку выворачиваюсь, и привидения кругом кишат, а соображалка заработала, как прежде. Поднялся, развернулся и тем же путём – назад. Ну, тут уж что ни метр – то облегчение. Выбрался. Допёр до кустарника. Вырубился. Там ты меня и нашёл...»

(Щелчок. Шипение. Голос Шамана)

– Предполагаю, что «антенна» работает постоянно в одном и том же режиме. Однако через некие промежутки времени она производит усиленные волновые удары необъяснённой природы с мощным психотропным воздействием на все живые организмы, проникшие в Зону извне. Во время этой активности, нахождение данных организмов вблизи «антенны» смертельно опасно: на близлежащей территории образуется мощное поле, люди гибнут в считанные минуты. При этом они видят ярко светящееся небо, их глаза не выдерживают слепящего сияния. Мир кажется им окрашенным в черно-желтые тона. Некоторые чувствуют, что начинает дрожать

земля, затем нарастает ощущение звонкого воя или свиста. При активности «антенны» можно увидеть фантомные образования и марево на местах аномалий. Конец комментария. (Шипение Щелчок.)

– Знаешь, Старик, -задумчиво сказал Тихоня, -а ведь это крайне полезная запись. Она подтверждает одну мою необычайно интересную мысль.

– О девушках?

– Кой чёрт! Прокрути, пожалуйста, еще разок последнюю минуту выступления этого путешественника...

Из записной книжки Старика

Псы. Не путать с собаками «динго»! Те – потомки обычных шариков и бобиков, выживших, и заселивших Зону мутировавшим потомством. А псы – результаты целенаправленных лабораторных исследований учёных в области селекции. В семидесятые годы проводили эксперименты с генетическим материалом породистых собак. Планировалось вывести новый вид для более эффективной охраны периметра Зоны. Экспериментаторы решили заменить некоторые участки хромосом помеси овчарок и боксёров, высокогомологичными участками хромосом мутировавших видов. Иными словами, псов изменили (весьма сильно!) искусственным путём. Получился умопомрачительный генетический коктейль. Неизвестно как произошла «утечка материала», однако лабораторные образцы покинули лабораторию и попали в Зону, где стремительно приобрели новые свойства.

Вопреки основному закону эволюции фауны Зоны -короткая беременность матери и быстрое взросление детенышей – сроки эмбрионального развития у псов удлинились. Изменилась зубная формула: появились несколько пар клыков, скорее всего происхождения их не филогенетическое, хотя отрицать роль мутационной изменчивости полностью нельзя.

На теле самцов обычно видны повреждения, разной степени давности: следы многочисленных стычек с соперниками. Псы сплошь покрыты грубой рыжей шерстью, но голова почти лысая – шерсть над глазами снижала бы обзор.

Глазное яблоко пса крепится в глазнице дополнительной парой мышц, их функция заключается в фиксации глазного яблока в момент атаки, с последующим его «закатыванием» под надбровную дугу, чтобы избежать повреждений. Иными словами, пёс чётко фиксирует взглядом жертву, потом атакует по прямой. Весь процесс занимает доли секунды. Если не сойти с линии атаки, удар сорока килограммов мускулатуры и укусы челюстей-капканов окажутся последними ощущениями в жизни жертвы.

Некоторые из исследователей даже предложили присвоить псам название *Canis Sapiens Zonalis Ust-Hamskiensis*. Не случайно! Создаётся впечатление, что псы обладают некими «телепатическими» свойствами или «групповым интеллектом». К примеру, даже атакуя поодиночке, они «видят» жертву и полный район атаки глазами всей стаи! Биологи, отчаявшись объяснить феномен, предположили, что всей стаей генерируется общее психофизическое поле, причем существует чёткая корреляция между численностью стаи и силой поля. Гипотетическое поле не требует лидера в стае, поскольку все особи участвуют в его генерации, а характер его зависит от эмоционального состояния всей стаи.

Наряду с обострённым (частично – ночным) зрением, слух, обоняние а также и «шестое чувство» малопонятной природы, делают псов исключительной угрозой для жителей Зоны. Рыжая кошмарная тварь невероятно опасна. Псы феноменально выносливы, могут долго и упорно преследовать добычу.

Проповедники из Красного считают, что это вообще не зверь, а посланец смерти: те, кто встретился с ней, получили повестку с того света. Но ходят также байки о том, что бывали случаи, когда всем своим поведением псы предлагали людям кооперацию во время охоты. Впрочем, на правду это мало похоже.

**Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения**

Черново, «Курорт новоселов»

09 часов 40 минут 11 августа 2007 г.

– Караван ушёл. – сказал Старик. – С рассветом.

Рашпиль согласно хмыкнул, не отвлекаясь от обтачивания зажатой в тиски железки.

– Почему ты не пошёл в Гремячье?

– На кой? – буркнул Рашпиль. – Твоя машина там сама всё штампует, с ней даже Ташкент управится. Неинтересно. Вот если они инструмента хорошего наделают, да сюда подкинут – это будет славно. Мне бы резцов...

– Наделают. – пообещал Старик. – А теперешними инструментами не взялся бы один заказ выполнить?

– Отчего нет? Если смогу, конечно...

– Вот тут патроны...

– Вижу. – покосился на коробку Рашпиль. – Для СВД.

– Точно. А вот тут пятьдесят одна зуда. Требуется аккуратно вынуть пули, высверлить в них отверстия, тщательно вставить туда зуды и вернуть пули на место.

– Сделаем. Где зуды-то взял?

– Выменял у Борова. – ответил Старик.

Из записной книжки Старика

Зуда. Блестящая «штука» небольшого размера и цилиндрической формы.

При постепенном сдавливании обрушивает на окружающих мощное ультразвуковое воздействие, сочетающееся с влиянием необъяснённой природы. Люди теряют сознание от головной боли, с трудом останавливают кровотечение из носа и ушей, едва унимают тошноту и тахикардию.

При резком и сильном ударе по зуде она разрушается сама и в радиусе пары метров всё разносит в клочья.

Будучи вмонтированной в пулю, зуда превращает обычное стрелковое оружие в портативную гаубицу, способную поразить танк. При этом винтовка будет работать практически бесшумно, поскольку для стрельбы используется более энергия самой начинённой «штукой» пули-ракеты, чем пороховых газов. Несмотря на колоссальную мощность выстрела, отдача у стреляющего такой пулей оружия очень снижается. Понятно, что не только убойная сила, но и точность подобной винтовки многократно возрастают.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район

Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

11 часов 11 минут 11 августа 2007 г.

Старик едва различал голоса где-то там, за столяркой, но здесь не было ни души. Даже патрульные редко заходили на этот безопасный участок рядом со стеной. Одичавшие клены и густые заросли рогоза надёжно укрывали Старика от ненужного любопытства «курортников». Он сразу же отыскал заброшенный подземный трубопровод. Присел рядом с семидесятисантиметровым бетонным жерлом, заглянул в сырую темноту. Оттуда выскользнула запыленная ящерица, скользнула в траву. Старик пошарил рукой в трубе, нащупал пару мокрых стальных тросов, осторожно потянул один на себя. На свет божий выполз довольно вместительный алюминиевый бак с герметичной крышкой. Старик быстро открыл бак, сунул туда записку и трижды сильно дернул за трос. После паузы потянул трос ещё раз, выждал, опять последовали два коротких рывка. Скрипнуло. Бачок вздрогнул и пополз в трубу.

Старик выпрямился и вздрогнул: над самым ухом мягко колыхнулся воздух, тихо хлопнули складываемые крылья, совка опустилась на его плечо.

– Совсем разленились! -возмутился Старик. -Десяток метров пролететь до домика ей, видите ли, неохота. Плацкартный вагон из меня делает. Постельное бельё брать будете, гражданка? Чай подать? Ладно уж, поехали.

Он вытащил из кармана маленький сухарик и протянул птице. Та с достоинством приняла подношение, у самого уха Старика послышался хруст.

– Только за шиворот не кроши. Не кроши, кому сказано!

Обойдя метровой высоты жирные картофельные кусты, грядки моркови и непроходимую тёмно-зелёную стену топинамбура (делянка фермера Колхозника), Старик вышел к колодцу.

– Где здесь можно прятаться? -услышал он исполненный искреннего недоумения голос Тихони. -Битый час тебя ищу.

Совка сорвалась с плеча и скрылась в чердаке ближайшего дома.

– У ручья сидел. -солгал Старик, провожая её взглядом. -Ну вот, спугнул птичку. Зачем горланить-то?

– Ещё прилетит. Птички тут обнаглели, скоро только на нас и будут ездить. Разговор есть, Старик. Садись тут под навесом, а то вот-вот дождик начнётся. Ага, вот тут, на бревне... Посмотрим, что полчаса назад припёр мертвяк от Марьинского Шамана. Наши brave охранники отказались у него посылку брать, пришлось мне самому переправляться на другой берег.

Тихона разрезал бечёвку, аккуратно стягивавшую бока пестрой обувной коробки с надписями латиницей.

– В первый раз мертвяка с близкого расстояния видел. Потрогать мог бы... если б захотел. -оживлённо говорил он. -Всё-таки это действительно биороботы. Ни проблеска сознания, глаза – пустые, движения – механические. Неприятно, конечно, что Зона их из человеческих останков делает. Но, по большому счёту, какая разница – из чего... А Шаман – молодец, смог их приручить. Мертвяки у него в бесплатных работниках. Идеальная прислуга: ни кормить не надо, ни даже одевать, драные комбинезоны – так, для приличия. Но ежели они ему еще и за столом прислуживают, то это уж перебор. Умываться их даже Шаману, похоже, научить не удастся. Я бы кружку чая из их рук не взял... О!! Вот это да!

Из записной книжки Старика

Колобок имеет приятную форму и не менее приятную цену. Очень редко попадает рядом с аномалиями, называемыми каруселями. В течение удивительно короткого периода существования – в среднем это около двух месяцев – аномалия не меняет места своего проявления; может быть визуально обнаружена днём по характерному движению воздуха над ней, кружащейся листве, фрагментам расчленённых трупов и характерному тёмному пятну на земле в центре. Ночью карусель крайне опасна, поскольку обнаруживается лишь детекторами или с помощью бросания металлических предметов. Найти колобок удастся лишь единицам, и мало кто его вообще видел. Когда потаскаешь пару часов эту загадку Зоны в поясной ячейке, почувствуешь, как кожа грубеет и прочнеет. Пуленепробиваемой она, конечно, не станет, но укусов и глубоких царапин можно не опасаться.

Гремучую салфетку можно встретить нечасто, и за неё за стеной дают неплохую цену. Редкостный полупрозрачный мягкий объект, повышающий свертываемость крови. При ношении его на поясе раны почти не кровоточат, тело владельца становится менее уязвимым к термическим ожогам. Точно известно, что «штуку» выбрасывает аномалия ведьмин студень, но только при редчайшем, экстремальном сочетании физических условий.

Рачий глаз похож... да на глаз рака и похож. В него превращается жгучий пух, попадающий на комариную плешь. Неправильной формы цилиндрик размером с большой палец руки феноменально способствует очищению организма от любого засорения или токсикации. Вдобавок «штука» замедляет денатурализацию белков, кожа и мышцы её обладателя меньше боятся ожогов.

Печёнка Ельцина. Действительно напоминает изъеденный циррозом орган алкоголика, который в заспиртованном виде демонстрируют в мединститутах. Несмотря на гнусный вид и такое же название, исключительно полезная в Зоне «штука». Непонятно как, но многократно повышает выносливость носящего ее на животе хозяина. Совершенно утрачивает полезные свойства там, за стеной, по каковой причине совершенно не изучена. Образуется в воронках,

аномалиях предположительно гравитационной природы. В момент активизации воронка со страшной силой втягивает в себя всё, что находится в радиусе 10- 15 метров. При попадании в центр аномалии нет шансов выжить: тело животного или человека будет сжато в плотный комок, а затем разорвано в момент так называемой разрядки.

– Удивительное всё-таки существо этот Шаман. -крутил головой Тихоня, перебирая «штуки». -За просто так взять и подарить целое богатство! Это же чудо-набор для любого разведчика. Всё это надо вшить в твой комбинезон. Печёнку – на брюхе, остальное – на пояснице.

– Спасибо. -серьёзно сказал Старик. -Правда, насчёт «за просто так» – сомнительно. Похоже, у Шамана какие-то свои тонкие расчёты. А ты, гляжу, собрался по всем правилам оснастить меня перед походом?

Тихоня с огромной обидой посмотрел на Старика.

– Нет. -саркастически объявил он. -Не оснастить. Я, вообще-то, был уверен, что мы пойдём вместе.

– Точно подметил Шаман. -пробормотал Старик. -Дон-Кихот и Санчо Панса. Ахилл и Патрокл. Фродо и Сэм.

– Петруша Гринёв и Савельич. Бонни и Клайд. Том и Джерри. -с отвращением продолжил Тихоня. -Как в том анекдоте: а шуточки у вас боцман – дурацкие!

– Видишь ли, с одной стороны мне без тебя и впрямь – никуда. В одиночку к «антенне», судя по всему, пробраться невыносимо. Однако, с другого бока – вполне вероятно, что экскурсия к телерадиоцентру будет без обратного билета. У меня нет никакого права при таком раскладе рисковать чужими жизнями.

– Если бы ты не предупредил об опасности, наверное, так. А если всё честно, и мне известно, на что иду, тогда – дело другое. В общем, в списках экспедиции моё место – номер два. Всё, вопрос снят с обсуждения. Посмотри, что я ещё придумал.

Тихоня полез во внутренний карман. Наверное, там что-то застряло, он закопошился в подкладке комбинезона. При этом парень до такой степени напомунал сосредоточенно ищущегося орангутана, что Старик не выдержал и фыркнул.

– Вот. -объявил Тихоня. Он выложил на колено чёрную вязаную маску бойца спецназа с отверстиями для рта и глаз, а поверх осторожно поместил голубоватую жемчужину размером с наперсток.

– Лунный орех. -пояснил он. -Помнишь, о нём упоминалось в той записи, что вчера слушали? Старик кивнул.

Из записной книжки Старика

Лунный орех. «Штука», которую в Зоне совершенно не ценят и без всяких сожалений сбывают за стену. Впрочем, не забывая спросить за неё соответствующую плату. Единственная выясненная особенность ореха заключается в том, что поднесенная к нему электронная техника перестает работать. Выключаются карманные компьютеры, глохнут и слепнут детекторы, объявляют забастовку цифровые бинокли и прицелы. Лунный орех образуется в невесомке, безвредной для здоровья гравитационной аномалии, позволяющей на некоторое время забыть о законах тяготения. В локальном объеме невесомки (диаметром метра в два) земное притяжение значительно снижено.

– Так вот. -Тихоня сделал глубокомысленную паузу. -Рассказывают, что народ из Красного, Юрьевки или Леоновки постоянно гуляет в армейских касках поверх капюшонов. Ну, нашли армейский склад, распотрошили и... Для красоты? Это вряд ли. Особенно когда поверх железных касок изолентой фонарики прилепляют. Удобства тоже никакого, особенно, если с кастрюлей на башке попытаться вздремнуть. Боятся пуль-осколков? Смешно. А для чего они тогда лыжные шапочки и капюшоны проволокой оплетают? Усёк мысль?

– Усёк. Продолжай.

– Да чего тут продолжать? У меня на чердаке есть трансформаторная катушка с тонкой медной проволокой. Вставляем в иголку, прошиваем маску, соединяем медную сеточку с орехом

и... Лунный орех здорово глушит всякие поля и излучения. Если он привел в норму того чудика, который об него лбом треснулся, то тем более должен защитить наши головы со всех сторон.

– И сколько ж раздобыл орехов и масок? -поинтересовался Старик.

– На тебя и меня хватит.

– Гм...

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

16 часов 10 минут 12 августа 2007 г.

День был богат событиями.

Во-первых, от КПП прибыли сразу пять новичков. Хрыч как всегда был в ударе и приветствовал их громогласным: «Привет, смертнички!»

Во-вторых, кабанья семья попыталась прорваться к огородам со стороны ельника. Охрана уложила секача и самку, а поросят трогать не стали, распугали и отогнали – пусть растут, если выживут. Радостный Пельмень заставил дежурных нарубить дров и принялся коптить мясо.

В-третьих, и это самое главное, вернулся из Гремячего караван с товаром. Носильщики, пригнавшие всё ту же доверху груженую скрипучую тележку, сообщили, что при переходе были ранены трое, погибших нет. Глюк и Ташкент полностью освоили репликатор, трудятся день и ночь. Рабочие приступили к укреплению больницы, просят прислать ещё народу в помощь, а также передать образцы медикаментов. По физиономии Борова было видно, что он доволен.

В-четвёртых, прибыл с запада добытчик Басурман. Залечивая вывих, поведал, что в районе Лукьяновки слышал редкую стрельбу. Похоже, у бандюков возникли, как и предвидел Старик, определенные неприятности.

В-пятых, Старик наведлся к трубопроводу и обнаружил, что заказанные им вещи доставлены. Он разгрузил оба бака, прочёл письмо профессора Штайермана, в котором выражалась твёрдая надежда на получение от Старика надёжной информации в самое ближайшее время. Хмыкнул, скомкал письмо и тщательно вбил бумажный комок каблуком в грязь. Стараясь не попадаться никому на глаза перетаскал на чердак дома номер четыре полученный груз, рассортировал его там. Некоторые вещи сложил в старый чехол от матраца и, взвалив полосатый мешок на спину, потащил к дому Борова. При этом каждый встречный не преминул назвать его Дедом Морозом и поинтересоваться насчёт подарочков.

Старик отворил скрипучую дверь. Излучающий удовольствие Боров восседал посреди доставленного из Гремячего добра. Оборачиваясь, он раскрыл было рот, чтобы рявкнуть: «Стучаться надо!», но, увидев Старика, сдержался.

– Садись. -буркнул он. -Чего там?

– Побеседовать забрёл. И принёс кое-что. Мелочь всякая: зажигалки, блокноты, ручки, одежда, лекарства, новые модели КПК и цифрового бинокля, детекторов и фонариков. В общем, много чего. Всё в количестве одного экземпляра. Отправляя в Гремячье, пусть парни множат.

– Угу... Вижу, отличный товар. -Боров испытующе глянул на Старика. -Спасибо. Откуда?

– Оттуда. -Старик указал пальцем в сторону КПП.

– И за какие же заслуги? Ты, случаем, не стучишь за стену? -недобро прищурился Боров. -А то, знаешь, что полагается за утечку информации?

– За кого меня принимаешь?

– Хотел бы знать – за кого... -насосно вздохнул Боров. -Врать не буду, Старик, вроде бы за несколько дней от тебя столько пользы «курорту», сколько от другого за сто лет не будет. Одна размножалка в Гремячем чего стоит. Дельные советы Хрычу с Баклажаном подал. Помог настоящие цены на «штуки» установить. Вот сейчас, вижу, отличные вещи припёр. Вроде бы радоваться надо. Только вот радости как раз у меня мало, а тревоги – выше крыши. Как бы это объяснить... Взрывоопасный ты, непредсказуемый. На первый взгляд тебе в Зоне жизни было отведено с гулькин нос, а вот, надо же, из скольких передряг выбрался. Самого Стрелка утrophал.

Ладно-ладно, не кривись. Это так, к слову. В общем, врать не буду: если, как ты обещал, пойдешь путешествовать, у меня на душе будет легче.

– Особенно, если шею сверну, путешествуя?

– Нет. -неожиданно мягко ответил Боров. -Уразумей правильно: никто не собирается гнать Старика с «курорта» и радоваться его исчезновению. Ребята тебя уважают. Просто не здесь твоё место, понимаешь? Может быть, тебе податься к одному из Шаманов? Или отправиться в депо? Подумай.

– Как раз из-за этого я и зашел. Собери, будь добр, сегодня после ужина народ. Волонтеров звать буду.

– Соберу.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Черново, «Курорт новоселов»

20 часов 10 минут 12 августа 2007 г.

– Значит, определились... -подвёл итог Боров. -Что ж, быть по сему, охота пуще неволи... Согласно отправиться со Стариком: Тихоня, Ушастый, Бобёр, Выхухоль, Редька, Кастет, Гоблин, Динамит, Ниндзя, Сопля, Стиляга, Водила, Хоботяра, Мохнатый, Крест. Итого: шестнадцать парней. На моей памяти такие армии ещё не собирались. Много...

– Шестнадцать человек на сундук мертвеца. -ржаво хохотнул Бармалей. -Царство небесное каждому, кому захочется к «антенне».

– Заткнись, добрый человек, чистая душа-ткнул его кулаком в бок Выхухоль. -Не каркай под руку.

– Остаться добровольцам. -распорядился Боров. -Остальные могут отдыхать.

«Курортники», оживлённо обсуждая новости, потянулись к выходу. Участники намечаемой экспедиции собрались за крайним столом. Боров сел поодаль. Пельмень, сгоравший от любопытства, отпустил дежурных и начал лично убираться в столовой, стараясь не пропустить ни одного слова.

Поднялся Тихоня.

– Мужики!. -внушительно произнес он. -Вот вы слушали Старика. Он трижды честно предупредил, что до места могут дойти не все. А обратно, возможно, и никто не вернётся. В четвертый раз хочу это напомнить и спросить: все ли хорошо обдумали его слова? Погодите, не перебивайте. Мне ваши ответы не нужны. Давайте две минуты посидим в полной тишине. Пусть каждый мысленно ответит сам себе, что потеряет в случае неудачи и что надеется найти, если повезёт? Взвесьте все «за» и «против». Время пошло.

Он сел и в столовой воцарилась полная тишина, даже Пельмень перестал отжимать тряпку.

– Ну? -спросил Тихоня.

– Да будет тебе, психолог. -отозвался Выхухоль. -Когда выдвигаемся?

– Послезавтра. -ответил Старик. -В шесть ноль-ноль. Постарайтесь к этому времени уладить все дела.

-9-

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения Черново,

«Курорт новоселов»

6 часов 05 минут 13 августа 2007 г.

Громкоговорители на стене у КПП истошно подвывали голосом популярной новорасеянецкой певички: «Гули-гули, шакала-ладненький мой, сладень-деньки-и-и-й... Чмок-чмок! А-а-а! У-у-у!».

Впрочем, этот звуковой фон здесь был едва слышен и не раздражал, а, скорее, выполнял полезную функцию маяка – помогал приближающимся к Черново ориентироваться на слух.

Старик сидел на завалинке домика номер четыре и старательно наматывал чистые портянки. Он недавно вернулся из душа, где провёл под горячими струями почти полчаса, измылив огромный пук подорожника. Из-за угла вынырнул Тихоня в полном походном снаряжении.

– Ребята подтягиваются к мостику. -сообщил он. -Пора, вроде бы...

Старик кивнул, натянул новые кирзовые сапоги на основе из керамосиликетовой ткани (доставлены в недавнем «подарке» из-за стены лично от майора Махдиева), встал и притопнул. Совка недовольно ухнула, сорвалась с его плеча и влетела в открытый зёв чердака.

– Что ж, пойдём. -согласился он. -Будь другом, подкинь рюкзак. А то шея что-то ноет. Думал, пройдёт, когда под душем прогреюсь, так нет же...

Застёгивая на ходу пряжки рюкзака и забрасывая «драгунку» за плечо, он последовал за Тихоней.

– Вещмешок-то ощутимо тянет. -заметил Старик.

– Понятное дело. -ответил, не оборачиваясь, парень. -У каждого – большие запасы. Продовольствие, вода, патроны. Некоторые взяли гранаты.

– Лишнее. Лучше бы йода с бинтами да лекарств побольше брали.

– Этого тоже хватает. Ничего не забыл? -в сотый раз поинтересовался Тихоня.

– Вместе же собирались.

Вторая половина вчерашнего дня ушла на самые тщательные сборы, проверку и подгонку снаряжения, чистку и смазку оружия. Оставшиеся вещи по настоянию Тихони нарочно оставили в беспорядке на матрацах: убираться перед походом – недобрая примета, можешь не вернуться.

У столовой им приветственно махнул рукой Пельмень, который растапливал печь. Бармалей, возвращавшийся из душа с серым полотенцем на шее, изобразил скорбно-похоронную мину на небритой физиономии, смахнул несуществующую слезу перекрестился и прошёл мимо, демонстративно не поздоровавшись.

– Ой, дурак... -вздыхнул Тихоня.

Боров, Хрыч, Баклажан, Старик, Тихоня, Ушастый Бобёр, Выхухоль, Редька, Кастет, Гоблин, Динамит, Ниндзя, Сопля, Стиляга, Водила, Хоботяра, Мохнатый, Крест

– Плотик у нас маленький, -сказал Баклажан. По нерушимой традиции «курорта» он выстроил уходивших и придирчиво проверил их готовность к рейду. -Поэтому переправляться через Норку будете в два или три приёма.

– КПК есть у каждого. -сумрачно напомнил Боров. Он был непривычно и неумело внимателен к каждому, куда-то делись его напористые хамоватость и угловатость. -Поэтому на связь выходите как можно чаще. Со мной, с Хрычом, с Баклажаном – кто менее противен. Сообщайте всё, что стряслось. Помочь ничем, понятно, не сможем, но хотя бы будем в курсе событий... Себя берегите, в самоубийцы не записывайтесь. Ладно, бывайте. Ни пуха вам, ни пера, мужики!

– К черту! -недружно отозвался строй.

– А, чего там... -Боров вяло махнул рукой в беспалой перчатке и захромал прочь.

– Поддерживаю. -согласился Хрыч. -Пишите письма, звоните. Телеграммы шлите с дороги. На рожон не лезьте. Как только поймёте, что еще шаг – и возврата не будет, тут же вертайтесь назад. Живыми вы как-то лучше смотрите, чем трупарями.

Баклажан в последний раз прошёлся перед строем, дёргая за ремни и пряжки.

– Угу. -одобрил он. -Значится, заводилой и головой у вас – Старик. А голову надо беречь... гм... в первую голову... Поэтому направляющим и замыкающим в колонну его не ставить, даже если сам запросится. От ночных дежурств также старайтесь избавлять. А теперь – рюкзаки надеть! Бобёр, не путай лямки. Хотя, да, нынче ты у нас не Бобёр, а Бабер, простительно... Нале-во! Кастет, поправь нож, сдвинь фляжку. Тихоня, застегнись. Добро, вроде всё осмотрено. С богом, парни!

Старик переправился через речку в последней партии. Когда он ступил на колеблющиеся скользкие бревнышки, Баклажан сунул ему в руку свёрток.

– Сало тут. -буркнул он, глядя в сторону. -С чесноком. Сам коптил.

– Спасибо! -растроганно ответил Старик.

Мысленное досье на Креста

Крепок, силен. Крайне сдержан в эмоциях, тип темперамента определить трудно. Кажется простоватым, что никак не соответствует действительности. О прошлом Креста ничего не известно, но по некоторым деталям поведения можно предположить, что он был как-то связан с армией или контрразведкой. При этом холодно и расчётливо ненавидит зольдатен, охраняющих Зону. Один из лучших охранников «курорта». Около двадцати раз покидал "курорт", охраняя караваны. Не склонен к необоснованному риску. Но с год назад на пари в одиночку побывал в болотах рядом с дачным посёлком – главным гнездилищем мутантов и монстров. Вернулся оттуда с целой кучей трофеев, без единого патрона, оборванный и истощённый. На выигранные в споре средства отдыхал два месяца – ел, спал, играл в домино и карты, изредка посещал «рай». Позже выяснилось, что за время отдыха он также перечитал добрую треть книг из посылки, предназначавшейся Шаману.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Дорога к Лебедевке

6 часов 15 минут 13 августа 2007 г.

Мимо крематорок, развалин Черновского сельсовета, обрушенной кирпичной заводской трубы прошли спокойно. Эти места считались относительно безопасными предместьями «курорта». Тут даже позволялось нарушать одну из заповедей – запрет проходить между двумя близко расположенными большими металлическими предметами. Когда группа длинной цепочкой шла между двумя покосившимися цилиндрическими бензохранилищами, в недрах левого послышался шорох. Старик было насторожился, но Крест успокоил:

– Бродячие добытчики устроились. Не хотят платить Борову за ночлег на «курорте». Можно их понять: экономия и бережливость – прежде всего.

Группа взобралась на железнодорожную насыпь. Заморосило. Пробившаяся кое-где сквозь гальку чахлая жёсткая травка покрылась росой. На насыпи стояла платформа с неразгруженной галькой, истлевшие шпалы под ней покрывали оранжевые потеки ржавчины. Другую платформу какая-то зверская сила своротила с путей.

– Вот продумать бы, как разбирать рельсы, пилить их и доставлять железо в Гремяче. - пропыхтел Ушастый. - Это ж сколько тонн всякого добра можно изготовить-то из железа, мать божья коровка!

Старик флегматично покивал, оглянулся. Черново лежало перед ними, как на ладони. За ним в сизой дымке виднелись КПП и участок бетонной стены с башнями по обе стороны ворот.

– Прямо по сэру Толкиену. -сказал Старик Тихоне. -«Две башни».

– Хорошо бы ещё «Возвращение Короля» состоялось. -глубокомысленно заметил тот.

– Чем чёрт не шутит, пока бог спит.

В виде компенсации переход через вторую железнодорожную ветку оказался куда более хлопотным. Идущий впереди Хоботяра услышал едва различимый металлический звон, замер и предостерегающе помахал над головой указательным пальцем: «Тревога!». Вслед за этим маленькая причудливо разветвлённая молния впилась в рельсы. Громыкнуло. Запахло окалиной и озоном. Хоботяра уставился на часы. Оказалось, что разряды бьют с интервалом приблизительно в минуту и можно в этот промежуток перебежать пути по одному. Что и было сделано.

Впереди виднелась Лебедевка. На привале Тихоня кратко пересказал историю, приключившуюся там с Самоваром.

– Бывал я в Лебедевке. – задумчиво сказал Выхухоль. -Станем проходить мимо – покажу кирпичный заводик, куда нас Носорог водил. Помните такого? Забрались, значит, в один тамошний цех. Устроили, стало быть, осторожный обход. Пошли по этим индустриальным развалинам кругом. Носорог – впереди, мы прикрываем... Что интересно – детекторы у всех полную чушь порют: мол, не то что монстров и аномалий вокруг, а и самих нас в природе нет.

Вокруг пылица, паутины какой-то серебристой, вроде как алюминиевой – вообще под крышу. Вдруг – ляпс! Конструкции там трубчатые, здоровенные такие, железные, под потолком, так одна срысывается – и вниз! Ну, ясный фиг, ржавые они, но не до такой же степени, чтоб ни с того, ни с сего! Как Носорог увернулся, сам не знает, а эта хрень в древний асфальт на полметра врезалась. Прямо в аккурат, где он стоял. Носорог упал, откатился, да и давай так лёжа палить! Остальные тоже перетрусили и пошли себе садить в белый свет, как в копеечку. Тут Гладиатор начал орать что-то про гадину в углу. Гляжу – никакой гадины в упор не вижу. В общем, психушка помешалась, дурдом спятил, концерт самодеятельности шизофреников в разгаре.

Ага, успокоили друг друга. Двигались четверть часа остороженько так, чтоб под конструкциями этими больше не оказаться. И бред, ну бред полный: то одному, то другому чего-то привидится, так сразу давай очередями в пол-магазина хлестать по пустому месту. А Лопуху с Коромыслом вообще не повезло. Один шёл по гладкому полу, вдруг в яму с вонючей грязью по колено провалился, другому дверь на пружине со всего маху по заднице заехала. Ну, тут все вообще рассвирепели – ясно ж ведь, что монстрятина какая-то развлекается! Замерли, дожидаемся, кто появится, пальцы на спусковых крючках затекают. Ждём-ждём...

А монстряга, летучая была, что ли... Пока мы внизу сплочённым коллективом дурака валяли, сидела себе тихонько на потолке и веселилась, стерва! Дошло это до нас поздно, да и то почти случайно. Тварь эта расшатала ещё пару железяк, чуть не полкрыши прямо на нас и навернулось. Все в синяках, кровоподтёках, чудом не легли! Эх, как тут Носорог услышал шебуршание наверху, так, не раздумывая, и дал очередь. Полезнейший, скажу вам, рефлекс! Мы тоже, ясно, подскочили, да как жажнули из всех стволов. Ну, визгу же было, когда её достали! Монстрятина с такими воплями сверху сиганула, что уши закладывало. Ну, тут уж мы душеньки отвели: кто прикладом бил, кто просто ногами прохаживался. Гладиатор, так тот нож достал, чтоб ей побольнее потроха вывалить... Носорог, понятно, всех с трудом, но уgomонил, а то вообще от гадины одно повидло бы осталось.

– Ах! Как романтично! - жеманно прокурлыкал Ушастый.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Южнее Лебедевки

12 часов 05 минут 13 августа 2007 г.

К северу от Лебедевки находится, как убеждены многие, самый гиблый участок Зоны: болота, дачное товарищество «Сибиряк» и уроевские пустоши. Там не бывал, кажется, никто, да особенно к этому и не стремятся.

Легенды «курорта» гласят, что в семидесятые годы некоторые фермеры хотели разведать «Сибиряк» на предмет удачно мутировавших растений, которые можно перенести и выращивать в Черново. Но надежды на ценные источники пищевого сырья, на обилие и разнообразие растительных форм пришлось оставить. Раз на раз не приходится: совершенно одинаковые овощи в «Сибиряке» могут быть то абсолютно безвредными и даже необычайно вкусными, то ядовитыми. Во втором случае гарантировано пищевое отравление, либо (что куда хуже!) временное умопомешательство. Съевшему токсичный, плод начинают мерещиться дичайшие вещи, причём пострадавший становится опасен для окружающих. Для животных-эндогенов с их врождённым чутьём отличить опасную зелень от съедобной или даже целебной – не проблема, а вот фермерам пришлось отказаться от затеи пожить за счёт бывшего садоводства.

«Штук», судя по всему, там тоже не много, зато чудищами и зверьём округа нафарширована под завязку. Почти доказано, что именно там и происходят загадочные процессы, в результате которых нечаянно угодившие туда люди превращаются в умопомрачительных монстров. «Кузница кадров» Зоны, цитируя товарища Сталина... Садоводство «Сибиряк» сейчас представляет собой непроходимые заросли одичавших яблонь, вишен, смородины – идеальная кормовая база для травоядных. А они – прекрасная кормовая база для хищников. Кроме всего, для гнездовий и лежищ монстров и животных не найти лучше мест, чем полуразрушенные дачные домики. В общем, еще те местечки!

Поэтому экспедиция повернула и, от греха подальше, обходила Лебедевку с юга.

На очередной двадцатиминутной остановке Старик порезал на ароматные ломтики и раздал сало, подаренное Баклажаном. Неторопливо жуя, Хоботяра говорил:

– Вот тот самый кирпичный завод, о каком Крест толковал. «Заря» называется. Всё точно, маленький, да мрачный, ребята, заводик. Сколько новичков там полегло – просто слов нет. Тут порой кажется, что обстановка сама собой меняется. Вроде бы час назад тут валялись гнилые доски, а теперь пусто, либо вода течет из старой канализации. А порой кажется, будто забор сам собой подступил ближе. Вот, вроде бы, ты проложил дорожку, прошёл удачно, а дорожка замкнулась сама на себя, либо увела от нужного места, вместо того чтобы привести к нему. А еще метки и вешки твои остаются на месте, пока на них смотришь, но, стоит отвернуться, так сразу исчезают. И кровососы, гады, там оседают, а ночами выползают. А они, как известно, становятся сильнее, когда крови напьются. Но, говорят, что-то важное на этом заводе припрятано, что-то просто жизненно необходимое... Не помню, кто рассказывал, будто сунулись из туда фанатики из Красного, да так все и сгинули. Только вопли и стоны целый день слышались. Нечего ходить туда, пусть они там все сгниют, кровососы эти проклятые.

– Пусть сгниют. – согласился Тихоня. – Мы – мимо, с опаской.

Обогнули гигантскую яблоню-мутанта, крона которой кишела пернатыми, вышли к идеально сохранившейся церквушке. Тихоня хихикнул в нос, заметив, как Водила украдкой перекрестился на купол.

В глиняном карьере семья кабанов, утробно хрюкая, копошилась над ворохом подозрительного тряпья.

– Много мяса. – с сожалением сказал Стиляга. – Эх, Пельмень не видит...

– Мимо, мимо! – повторил Тихоня. – Не на охоте.

Было жарковато. Духота особенно донимала Старика, Тихоню, Ушастого и Бобра в их плотных комбинезонах. Они сняли и откинули назад шлемы с респираторами, Старик поминутно вытирал струйки пота, стекавшие по пятнистой лысине.

– Отдыхаем? – неуверенно спросил Бобёр.

– Полчаса. – разрешил Старик. – К вечеру надо дойти до Блохино. Не ночевать же в открытом поле.

– В Блохино не многим лучше. – проворчал Гоблин. – Бывали раз, видали. Бревенчатые избышки и сарайчики россыпью. Может быть, еще придётся нечисть выкуривать перед ночлегом.

– А куда деваться? – резонно заметил Кастет. – Придётся, так и выкурим, нас много.

– Молодцы, как на подбор. – поддержал Ушастый. – С нами – дядька Черномор.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Восточнее Лебедевки

14 часов 12 минут 13 августа 2007 г.

Метров двести. Не больше. Очень не хотелось проходить эти метры по лесной тропе, но выбора не было. Обходить с севера – прижиматься вплотную к «Сибирияку». А южнее круглой путь был, кажется, раз в пятнадцать длиннее.

– Становимся по двое. – велел Мохнатый. – Один в паре держит ствол влево, другой – направо. Бьём по любому шуму после предупреждения.

Когда колонна преодолела почти половину расстояния по зелёному коридору, стало слышно, как кто-то медленно, но упорно пробивался через густой кустарник. Прошло несколько минут. В лесном сумраке обрисовался слабо светящийся человеческий силуэт.

– Бред! – прошипел Ушастый. – Кому тут шастать в одиночку?

Фигура приближалась, смутно виднеясь на фоне обомшелых стволов крупных вязов.

– Эй! – тихо окликнул Выхухоль, подняв автомат, – А ну, замри, мужик. Кто таков? Откуда?

Похоже, его не слышали. Незнакомый, заплетаясь ногами в ползучих растениях, обвивающих прутья подлеска, неторопливо приближался к ним. Возникло впечатление, что не было коряги, о которую тот не споткнулся бы, промоины, куда не ступил бы. В очередной раз

оступившись, диковинное существо задело колючие ветки цветущего не по сезону шиповника. Ветки колыхнулись, осыпав его кружащимися белыми лепестками, отчего происходящее еще больше стало напоминать кошмарный сон. Всем стала заметна и неестественность его поступи: он несуразно ковылял, покосившись и мелко подскакивая при каждом шаге, словно коленные суставы у него не сгибались. Руки незнакомца болтались плетьюми. Вывернув из-за здорового куста шиповника, диковинное существо оказалось на таком расстоянии, что его можно было разглядеть как следует.

– Матерь божья коровка! -сдавленно прошептал Стиляга.

Создание только издали создавало впечатление человека. Теперь же было очевидно, что перед ними не человек, не мутант и не животное, а, неискусно вылепленная из сырой пористой мякоти карикатура на человека. Но эта карикатура светилась и двигалась!

– Кто? Что? -бормотал Тихоня...

– Гриб. -ответил Старик, поднимая к плечу винтовку. У него в сознании с необычайной ясностью всплыл фрагмент из лекций Штайермана. -Гриб-людоед.

И тут на мерцающем слабом зеленоватым светом губчатым лице жуткого существа распахнулся провал рта. Послышался протяжный глухой голос:

– Не надо... стрелять... помогите...

Тихоня нерешительно повел стволом винтовки и замер, не заставив себя спустить курок. А отвратительное создание внезапно, точно выброшенное катапультой, метнулось в сторону «курортников», в то же время выбрасывая в их направлении пульсирующую тучку белой пыли.

Уже в прыжке тварь встретила с пулей-зудой из «драгунки» Старика. Белое облачко рассеянных незнакомцем преследователем пылинок унесло прочь, а самого монстра с коротким гулким буханьем разнесло в мельчайшие брызги.

– Зачем он подходил к нам? Кто это? -повторил Тихоня.

Старик вытер потную лысину: -Как знать... какой-то бедолага. Пораженный грибом-людоедом. Когда услышал наши шаги, инстинктивно направился наперерез. На самом деле, не сам шёл – то, во что он преобразился, тащило несчастного сюда, чтобы и нас заразить. Так гриб распространяется по лесу.

– Он... соображал что-нибудь?

– То-то и оно! Это и есть самое страшное. -мрачно сказал Старик. -Учёные считают, что мозг поражается в последнюю очередь. Но преобразённый уже не способен отличить чего желает сам, а чего хочется поселившемуся в его теле паразиту. Несчастному-то казалось, что он спешит к нам за помощью. На самом же деле его вёл гриб, которым он стал, – направлял за новой добычей.

– Вот дрянь! -сплюнул Стиляга.

Когда группа покинула лес и, достигнув открытого холмика, с которого хорошо просматривалась округа, решила пообедать, Старик продолжил:

– Кое-что о грибе мне довелось услышать еще до прихода сюда. Вообще-то это жуткий секрет, но я... случайно сподобился. Впервые об этой гадости узнали в Якутской Зоне. Начали было изучать, но гриб, слава богу, погиб при транспортировке, а других экземпляров не обнаружили. В Канаде подобных мутантов вовсе не образовалось. А вот у нас их, похоже, не так уж мало.

– А подробнее можешь? -жадно спросил Тихоня.

– Пожалуйста. -согласился Старик.

Из записной книжки Старика

Грибы, прозванные людоедами – это организмы-гетеротрофы, питаются и живой и мертвой органикой. Но, очевидно, в Усть-Хамской Зоне они напитались чем-то не тем и приобрели свойство светиться. Из погибшего якутского экземпляра всё же удалось выделить ген, кодирующий белок «люцеферин», который под действием фермента «люциферазы» зеленовато мерцает, словно светлячок. Тем самым, кстати, даёт человеку шанс вовремя себя заметить и не приближаться на опасное расстояние.

Гриб-людоед представляет собой огромную многоядерную клетку, огромную цитоплазму покрытую плазматической мембраной. Цитоплазма вмещает значительное количество пищеварительных вакуолей (пузырьков с ферментами), и все остальные органеллы. Собственно

это не подберёзовик или мухомор, а желевидная масса, которая поддерживается внутренним цитоскелетом – сплетением микрофибрил и микротрубочек. Цитоскелет обеспечивает движения.

Жертвами гриба никогда не бывают животные-эндогены. Те же кабаны, соприкоснувшись с ним, отделяются зудом, через пару минут почёсывания о пень или вываливания в песке и думать забывают о неприятности. А вот для человека контакт с грибом смертелен. Гриб, используя ложноножки, проникает в ткани, превращая их в новую цитоплазму. Кроме того, заражённый человек служит не только пищей, но и средством передвижения гриба-людоеда при поисках очередной жертвы. Угодившему в грибные объятия следует тут же ампутировать то, чем он прикоснулся к монстру. Если это возможно. Если хватит времени. Если позволит обстановка.

Совершенно необъяснимы в этой гнусной истории два момента. Во-первых, даже теоретически невозможно существование синкариона столь огромного размера. Окружающая его мембрана просто не сможет быть настолько толстой и прочной, чтобы выдержать вес цитоплазмы такого объёма. Во-вторых, поражённые грибом люди также не должны действовать с большой скоростью. Например, бегать и прыгать.

– Однако мы наглядно убедились, что это не так. -закончил Старик импровизированную лекцию и с удивлением убедился, что его внимательно слушали.

– Где-то я читал, -сказал Редька, прихлёбывая из фляжки, -что авиаконструкторы по всем их формулам доказали, что майский жук летать не может. Но он с их выводами не знаком и потому летает.

– Американский Фонд научных исследований аномальных зон обещал вознаграждение в пять миллионов долларов тому, кто передаст им образцы тканей гриба-людоеда.

– Ну, и на хрена мне здесь их доллары? -удивился Выхухоль.

– Отчего же, они согласны заплатить товаром. -хмыкнул Старик. -Представляешь, переправляют тебе пять вагонов жевательной резинки, поп-корна и кока-колы. Или других общечеловеческих демократических ценностей, каких душа пожелает. Только, думаю, что ни Боров, ни даже Лукьяновские отморозки на такое даже за горы золотые не пойдут. И дело тут ни в риске, что там риск, когда жизнь – копейка. Представить страшно, что америкосы сотворят, если грибок получат.

– Оружие? -быстро спросил Крест. -Во гады, а! А фиг им! Любой у нас в Зоне скорее сам в крематорку прыгнет, чем такое сотворит.

– Так то у нас. -Тихоня с хрустом разгрыз незрелое яблоко и сморщился. -А вот в Канаде в шестьдесят седьмом какой-то орёл-сталкер таки выволок из Зоны банку с ведьминым студнем. Так там потом целый Карригановский институт медным тазом накрылся. Открыли манипуляторами фарфоровый контейнер, а студень хлынул наружу. Всё, с чем он соприкасался, тоже превращалось в студень. Образовалось несколько тонн, эта масса проломила пол и провалилась в подвалы. Людей угробили – без счёта. В общем, развалины лаборатории залили крепчайшим бетоном и облицевали фарфоровой плиткой так, что получился огромный куб. Ну, саркофаг вроде черныбыльского... Повесили бронзовые мемориальные доски с именами павших во имя науки и скорбят каждую годовщину. Молитвы, флаги матрасно-полосатые...

– Говорю же – гады! -подтвердил Крест. -Так и надо проклятым.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Блохино

21 час 05 минут 13 августа 2007 г.

Вопреки ожиданиям крайняя изба в Блохино оказалась в сносном состоянии и даже сохранились засовы на двери. Выгонять из неё также не пришлось никого, кроме непонятно что делавшей там семьи тушканцев. Возмущённо запищавшие грызуны проворно выскочили и унеслись прочь, но матёрый самец успел-таки на прощание дать знатного пинка замешкавшемуся

Тихоне. Парень сгоряча поклялся зажарить обидчика, но того, разумеется, и след простыл под дружный хохот и аплодисменты всех «курортников».

– Теперь ты обещен. -трагическим голосом объявил ему Бобёр. -Такие оскорбления смывают кровью, не иначе. Ищи его и пока не вызовешь на дуэль, не возвращайся.

– Заткнись, Бабер! -огрызнулся Тихоня, делая ударение на первый слог.

– Хватит вам. -оборвал их Выхухоль. -Чтоб не цапались, будете дежурить первыми. А вот зажарить никого, кроме себя, не получится: печь совсем развалилась, такую топить – только избу спалить.

– Значит, без чая. -печально подытожил Водила. -Опять сухомятка...

– Что-то сна ни в одном глазу. -сказал Старик. -Давайте, я первую смену посижу. А Тихоня с Бобром лучше пусть сейчас свяжутся с Хрычом и Боровом и расскажут, как у нас дела. Обещали отчитываться – будем выполнять.

– Баклажан велел тебя не напрягать дежурствами.

– Э, какой там напряг – всего два часа.

– Я посижу со Стариком. -вызвался Гоблин. -До одиннадцати.

– Ну, хорошо... – с сомнением согласился Выхухоль. -Все остальные – быстро закусывайте, выходите тройками и четверками «до ветру», потом размещайтесь дрыхнуть вон там на полу, головами к стене.

– Аминь! -встрял неугомонный Ушастый.

Экспедиция крепко устала и не заставила себя долго уговаривать. Уже через полчаса в тесноватом доме вообще ступить было некуда: все лежали бок о бок, с головами на рюкзаках и автоматами под правой рукой.

– Сапоги бы снять. -сонно помечтал Ниндзя.

– Ага, чтоб мы тут задохнулись. -не менее сонно парировал Ушастый. -Спи давай, ловец наслаждений...

Послышалось хоровое сопение.

Старик и Гоблин сидели у разбитых окон и молча смотрели на темнеющее небо, поросшую мелкими кустиками дорогу, темнеющую стену ельника, в котором произошла встреча с несчастной жертвой гриба.

– Ты здесь недавно, Старик, и, наверное, не замечал, -вдруг тихо сказал Гоблин, -какие красивые места есть в Зоне? Бардзо добже! Вот, кажется, ничего кроме смерти, там нет, а глаз оторвать не можешь... Погляди, какое небо! А вон те кусты сразу за электрой! Да взять хотя бы глиняную пустошь с синей колючкой на подходе к Блохино – ведь это ж чудо, надо только разглядеть.

Мысленное досье на Гоблина

Гоблин – жилистый высокий мужик, скорее выносливый, чем сильный. Тёмное лицо, густые брови. Обладает своеобразным чувством «чёрного юмора», за что и получил прозвище. Иногда вставляет в речь невесть откуда нахватавшиеся польские словечки. Прошлой жизни не скрывает, но и в подробности о ней не вдаётся. Угодил в тюрьму в двадцать два года как «стрелочник» за нарушение начальством правил техники безопасности на стройке, в результате чего кто-то погиб. По какой-то нелепой случайности был отправлен вместе с закоренелыми уголовниками в Зону. Раненым пробился к Лукьяновке, но тамошние порядки ему претили. С первым же караваном ушёл в Черново. Умелый охотник, трудолюбивый и старательный рабочий, но заготовка мяса и колка дров при Пельменевском «ресторане» для него работа, а не призвание.

– Поэт...

– Ну тебя, я ж серьёзно. Вот вспоминаю, что до Зоны было и, не поверишь, ничего доброго в памяти вовсе не возникает... как там по школьной программе, в «Ревизоре»-то... одни рыла, рыла, рыла кругом. Мне вот ровно тридцать. Первые десять лет – вроде ничего, а потом – только дерьмо кругом, по макушку в нём сидишь, захлёбываешься. Одноклассники – малолетние пивные алкоголики, одноклассницы – сопливые шлюшки. телевизор тебе тоже сплошь о дерьме – о банкирах, киллерах, проститутках, президенте. Чистого ничего не осталось. То есть вообще. А вот

тебе «Двенадцатый канал»! А вот тебе реклама! А вот тебе мультики для дебилов! Учительница, идиотка старая, повесила в классе матрас полосатый, ну флажок то есть. Прицепила, когда велели, портрет с крысиной президентской харей. Курицу чернобыльскую, мутанта с двумя головами в рамочке поместила, текст гимна вывесила. И давай патриотизм воспитывать, пся крев. А зачем ей? Сама ведь во всю эту лабуду не верит. И хоть бы из-за денег, так нет – ни хрена ж не платят, сосиски из генетически модифицированной макулатуры жрёт, в китайских пластмассовых лаптях ходит. А вздумаешь ей что сказать, так сразу включается, словно магнитофон и начинает, и начинает... Зудит: такие, как ты, мол, против наконец наступивших порядка и стабильности, тебе, мол, плохо, когда демократической и процветающей родине хорошо... Ну дура и дура! Какая, на фиг у меня родина? Что у меня в этой родине? Всё разворовано, а что украсть нельзя, то обгажено сволочью этой, хозяйчиками жизни...

С ума сойти: стукнуло двадцать, а показалось, что первых десяти детских лет не было вовсе. А что потом было – как в тюремную зону попал, а из неё – в аномальную... Этого даже вспоминать не желаю заостатне... напоследок...

– Что значит «напоследок»? -насторожился Старик.

– Погибать мне скоро. -буднично ответил Гоблин.

– Эй! -опешил Старик. -Эй! Ты чего? Брось себя на такое настраивать.

– Да не настраиваю я. Тут, в Зоне, понимаешь, во мне что-то вроде будильника образовалось.

На циферблате последние деления пошли, скоро зазвонит.

– Типун на язык! -от чистого сердца пожелал Старик. -Несешь черт-те что.

– Замнём. -равнодушно согласился Гоблин. -То вшистка едно, панове... Подымлю-ка лучше...

Они замолчали. Гоблин выпускал в окно синие струи табачного дыма. Когда сигарета была докурена до фильтра, он привстал, щелчком отправил ее в разбитую форточку, да так и замер.

– «Кошачий глаз» рядом? -шёпотом спросил он.

Старик проворно вынул цифровой бинокль ночного видения.

– А ну, глянь вон туда.

С тихим жужжанием бинокль сфокусировался и в зеленом поле чуть левее сухих сосен Старик увидел копошившийся комок.

– Кто там?

– Не разобрать. -ответил Старик. -Ох ты!

И без бинокля было видно, как вспыхнул живой факел. Черный комок на мгновение замер, объятый огнём, затем, растопырив длинные конечности, задёргался и издал самый страшный вопль, который Старик приходилось слышать в жизни. Безысходный, тягучий вой эхом пронёсся над пустошью, завершился диким взвизгом, а рухнувший наземь комок продолжал пылать.

– А? Чего? -Стиляга с закрытыми глазами сел на полу. -Кого?

– Спи-спи, всё в порядке. До смены далеко.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Блохино

06 час 25 минут 14 августа 2007 г.

– Доброго ранку вельможному панству! -пожелал Гоблин.

– И вам того же, пан Гоблин. -ответил за всех Тихоня. -Как после дежурства спалось-почивалось?

– Дзенькую, пан Тихоня, бардзо добже. Однако, пся крев, дворецкий сызнава поутру ужрался шампанским и не выгулял мою любимую борзую...

– В колодец не лезьте. -наставлял Выхухоль. -Бог весть что там, не нравится он мне.

Умываться топайте к канаве, там чистая дождевая вода, проверено. Эй, вы трое, идите оба сюда, я тебе говорю! Автоматы снимите с предохранителей, разгильдяи!

– Фляжки не заполняйте, -предостерёг Старик, с отвращением потирая небритые щёки, - впереди должен быть хороший пруд с ключами на берегу.

– Откуда знаешь? -поразился Водила.

– Наитие у него. -пояснил зевающий Тихоня. -Знаешь, что это такое? Предупреждаю, с интимом не имеет ничего общего.

Через четверть часа в избе появился встревоженный Крест. Он забыл пригнуться, стукнулся теменем о косяк, но даже не заметил этого. Тыкая пальцем в сторону каждого из присутствующих и шевеля губами, пересчитал всех.

– Чего ты? -спросил Выхухоль.

Крест, не отвечая, вышел, за полуоткрытой дверью послышался его озабоченный голос. Потом он вновь протиснулся из сеней, отодвинув замешкавшегося Стилягу.

– Сопля исчез. -объявил он.

– То есть как «исчез»? -спросил Редька.

– Незаметно. Всё время с подъёма толкался то с одними, то с другими. А сейчас нет его.

Выхухоль злобно сплюнул.

– Старик, Редька и Тихоня остаются здесь на связи с включёнными КПК. -рявкнул он. – Я, Ушастый, Гоблин, Стиляга, Хоботяра, Крест – от избы налево и по часовой стрелке. Остальным – направо. Предохранители – в положение стрельба очередями. Ищем Соплю в радиусе ста пятидесяти метров. Не зевать, в аномалии не прыгать.

«Курортники» с топотом выскочили наружу.

– Что могло произойти? -спросил Старик.

– Поди знай... Быть может, умелый мозгоед зацепил? Тогда – каюк... -сказал Тихоня.

– Подождём сообщений от ребят. -оборвал Редька.

Стукнул выстрел. Два выстрела подряд. Вновь одиночный.

– Верно, умница Выхухоль! -одобрил Редька, -Сигналит.

Все трое замерли. Прислушались. Ответа не было.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Блохино

09 час 50 минут 14 августа 2007 г.

Старик сидел за ветхим столом под выцветшим настенным календарём с изображением мудро курящего трубку Сталина. Рядом шумно дышал и облизывал запёкшиеся губы Ушастый.

Больше трёх часов, почти не разговаривая друг с другом, вздрагивая и озираясь на малейший шорох, его группа обыскивала разбросанные беспорядочной россыпью убогие усадьбы Блохино. Без толку – обнаруживали на сырой земле только отпечатки подошв собственных сапог, оставленные ранее. Осторожно, чтобы не привлечь мутантов и монстров, звали Соплю. Тот не отзывался. Тратить патроны на сигнальные выстрелы было непозволительной роскошью. Пару-другую раз «курортникам» чудились зов о помощи или стоны, все устремлялись туда. Но каждый раз оказывалось, что надежды были напрасными. Если бы Сопля погиб при всех, в аномалии или при нападении монстра или зверя, если бы «курортники» обнаружили хотя бы мёртвое тело или останки, было бы легче.

Водила исхитрился с обезьяньей ловкостью взобраться на сгнивший конёк крыши одной из изб, чтобы осмотреть Блохино. Остальные устало стояли внизу. Потом, когда Водила слез, обломив несколько досок, все молча ждали, что он скажет. Чуда не произошло. Водила произнёс лишь: -В лесу, который мы вчера прошли, что-то блестит...

Было жарко, комбинезоны сначала промокли от пота, затем от короткого ливня, который не только никого не освежил, но и превратил Блохино в парную. Когда, поскользнувшись, Стиляга повалился в мокрый куст смородины, а Водила, протянув ему руку и попытавшись поднять, сам рухнул в сырые душистые листья, Ушастый покачал головой и тускло сказал:

– Всё, мужики, назад...

Сейчас он механически вытирал руками мокрый шлем. Старик посмотрел на него и тяжело вздохнул:

– Что будем делать?

– Ты начальник. -сказал Хоботяра. -Решай. Только не забудь, что припасов у нас немного. На лишний день задержки мы не можем рассчитывать.

– Можно напоследок попробовать ещё раз. -нерешительно предложил Тихоня. -Выдвинемся и обогнём Блохино слева. Там мы ещё не были. Вдруг...

– Да. -согласился Старик. – У нас нет времени. Выступаем. Обходим деревню с севера, как ты предложил.

Когда группа пересекала уроевское шоссе, Крест внезапно остановил всех громким восклицанием. Ему удалось разглядеть на сырой глине несколько отчётливых свежих следов.

– Сопля. -мрачно сказал он. -Смотрите, левая подошва с краю чуть повреждена. Это он у костра как-то припалил.

Выхухоль откинул капюшон и тяжело вздохнул: -Всё, ребята... Что бы там ни произошло, из Уроевки не возвращаются. Светлая Сопле память.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Блохино

13 час 30 минут 14 августа 2007 г.

Старик всё время твердит, что в памяти у него – безнадёжно устаревшая карта. Не настолько уж безнадёжно и не такая уж устаревшая. Пруд оказался на месте. Во впадавшем в него ручье вода оказалась кристально чистой и вкусной. Наполнили фляжки, над костром из сухого камыша и собранной под гигантской березой бересты установили котелки. Пообедали и с наслаждением напились настоящего крепко заваренного чая. Вообще местечко тут замечательное, аномалий – мало, все явные, отлично видные. Ни зверя, ни мутанта. Трава – шелковистая, мягкая.

Расслабляться, ясное дело никто не собирался, но всё равно – приятно. Посидеть бы тут подольше, да нельзя, надо навёрстывать отставание. Выхухоль и Крест подняли народ, построили и по стариковой наводке направили на северо-восток. Ночевать надо только в Околице, ни одного мало-мальски подходящего места для ночлега не будет, утверждает Старик. Славно было бы, конечно, влезть в машину времени, да они по Зоне очень редки.

В молодом березняке срезали длинные шесты. Шли теперь, словно македонская фаланга с копьями. Умно это придумал Ушастый, между прочим. Впереди идущие кинут камешек прямо по курсу, поводят жердями, словно таракан усами – значит, десятко шагов отмерить вполне можно. Один раз галька пролетела без сучка-задоринки, а когда Бобёр для перестраховки потыкал шестом, конец палки с треском расщепился и над ним заплясал, шевеля туманными лучами звенящий ёж. Несмертельная, в общем. аномалия, однако оторвёт подмётку и хлебнёшь проблем полной пастью, заглотить не сумеешь... Без обуви ты в Зоне не жилец.

Заметили с полдюжины «штук», так мелочёвка: браслеты, белые вертячки, иголки. Подобрали. Хозяйственный Редька рассудил, что, хотя в Околице за них дадут лишь полцены продовольствием, но еда для нас лишней никак не будет. Кроме того удачно нашли полную пустышку. Она неопасна, если, конечно, не лизать её. Для переноски достаточно замотать её обычными тряпками, что Редька не преминул сделать.

Из записной книжки Старика

Очень дорогие и совершенно бесполезно-безвредные «штуки». По каковой причине очень охотно покупаются богатенькими новорасейцами:

1)Браслеты. Вырожденный случай активности аномалии электра. Видимо, такую замечательную округлую форму можно получить, если забросить в электру алюминий. Аномалия выкинет расплавленный слиток назад. Его надо подобрать, когда остынет, и опять швырнуть в электру и так повторять до тех пор, пока выбрасываемый металл не приобретет форму идеально ровного браслета.

2)Иголки. Рождаются в аномалии трамплин. Такую штуку можно найти в редких участках Зоны. Вкрапления металлических соединений в небольшой продолговатый кристалл дают

красивую игру света. Рассмотрение этой «штуки» лёжа и в свете ночника идеально успокаивает.

3) Белые вертячки. Чистый звон при лёгком ударе и приятный внешний вид делают их интересными для коллекционеров. Происхождение вертячек окутано завесой научной тайны. Понятно, что в их состав входят диэлектрические элементы, но при каких физических условиях они формируются – науке не известно.

А вот полная пустышка – иное дело. Это не украшение, а необычайно полезная «штука». Настолько полезная, что за стену её стараются не продавать. «Штука» представляет собой два параллельных диска из материала, напоминающего медь. Расстояние между ними еще никому не удавалось ни уменьшить, ни увеличить. Пустая пустышка – это всего лишь диски. В полной же пустышке между дисками клубится в форме цилиндра голубоватый струящийся туман. Пустышка – аккумулятор чудовищной мощности, рядом с которым этак – ничтожная безделушка. Сколько именно способна служить пустышка, вырабатывая свой ресурс, никто сказать не может. Высказывалась масса всяческих предположений, объясняющих природу производимого полной пустышкой электричества. Кто-то считал, что «штука» заряжается за счет электромагнитных полей Зоны. Иные туманно рассуждали о какой-то нуль-транспортировке электронов по причине «дырочного» эффекта. А фанатики из Красново нарекли пустышки чудом, дарованным Матерью-Зоной. Вся электросеть центра «курорта», включая мастерскую Рашиля, подпитывалась единственной полной пустышкой, купленной по случаю предшественником Борова лет девять назад. Видимо Борову не давала покоя слава Ленина, он мечтал добыть еще пару полных пустышек и осуществить полную электрификацию Черново.

Солнце жарило вовсю, тучки куда-то делись. Зигзагами прошли по хилому березнячку. Торчали почти безлистные белые прутики в рост человека, между ними щетинилась жёсткая тёмно-зелёная трава. Вышли на выбитую полвека назад грунтовую дорогу от Уроевки. Ей бы пора сплошь зарости, до полного исчезновения, а вот поди ж ты – колеи сохранились, вода в них блестит. Старик глаза прикрыл, помолчал, губами пожевал и объявил, что если верить старой...

Бобёр

...если верить старой карте, то дорога ведёт от Уроевки. И не просто от неё, а от тамошнего кладбища. И не просто от погоста, а от лесного кладбища. Ну, от его слов всем сразу похорошело, а тут еще усталый и злой Мохнатый с его чутьём взволновался не на шутку.

– Ребята, - умолял, - не хуже вашего знаю, что торопиться в Зоне только на тот свет можно. Опять же без проводника топаем по нехоженой земле. Но только давайте отсюда побыстрее двигать. Что-то нехорошее оттуда прёт.

И пальцем в сторону Уроевки тычет.

Ну, никого долго уговаривать не стоило. Мохнатого Зона наградила особым талантом: он, стоя на вышке, тревогу поднимал ещё до того, как кабаны на черновский плетень кидались. Мы подтянулись, двинулись с утроенной оглядкой дальше. Слева раскинулась сухая угрюмая равнина. Земля там была бурая и растрескавшаяся. Никакой травы не было и в помине, только местами торчали редкие обугленные еловые стволы. Вились струйки полупрозрачного серо-голубого дыма, сливались в сизое марево. Ой, совсем нехорошо: ведь это же адская духовка. Так называют место, где буйствует подземный пожар. Тут ненадёжная корочка земли предательски маскирует пустоты, ямы, провалы. Адская духовка аномалия номер один по опасности, сюда даже зомби с их гнилыми мозгами не забредают. Слава богу, нам не туда.

То есть не надо было туда, пока всё не началось. Парни зашевелились, биноклями заблестели, когда Мохнатый вообще благим матом завопил. И настроение наше упало ниже возможного. С северо-запада прямо на нас перла крысучья орда...

Ушастый

...крысучья орда. Причём какая! Сколько там их было? Десятки, сотни тысяч? Левый фланг орды налетел на край аномалии, кажется, это была карусель. Сотни серых тушек, разорванных в ключья швырнуло в разные стороны, а зверьё словно и не заметило ничего. Смотрел я на надвигающийся жуткий серый ковер, а в сознании только одна дурацкая мысль билась: «Обидно,

если выживу, буду рассказывать – никто ж не поверит!». Похоже, все в таком же состоянии были, кроме Гоблина.

– У кого гранаты? -громко, но совершенно спокойно спросил он. -Живо мне!

Мы будто проснулись, ссыпали ему пять «лимонок». Он отдал свой рюкзак Кастету, сунул автомат Водиле, рассовал гранаты по карманам и вразвалочку шагнул навстречу орде.

– Куда, псих?! -заорал Крест. А Гоблин повернулся и с жуткой улыбкой по-прежнему спокойно ответил:

– Идите по краю духовки, туда орда не сунется, а у вас будет шанс. Иначе не одному не выжить. Мой срок сегодня вышел. Прощайте, братишки, не поминайте лихом.

Выхухоль сглотнул, выхватил бухту нейлонового шнура, принялся лихорадочно резать.

– Пойдем тройками в связках. Пропускайте канат под ремни. -говорит. -Первая тройка: я, Ушастый, Старик. Остальным смотреть на нас, делать, как мы.

Связываясь с ним, я краем глаза заметил, как Гоблин широко и словно бы лениво замахнулся. Рвануло, послышался злобный многоголосый визг. Второй взрыв, визг перешел в истерическое завывание.

Травяной покров резко оборвался, будто обрубленный топором. Я ступил на сожженную землю, та рассыпалась в бурую пыль. Выхухоль опасно, с силой втыкая шест в бурую почву, прокладывал дорогу к ближайшей кочке. Молодчага, верно, бугорки – это метки, которыми Зона обозначила единственно безопасное место духовки, где можно полминуты передохнуть. Позади послышались третий и четвертый взрывы. Пятый под упавшим на гранату телом прозвучал глухо. Эх, Гоблин, Гоблин... Если выживем – не забудем!

Бобёр

...не забудем! Вошли в пелену дыма. Первую тройку было плохо видно, темнела только фигура Старика, но следы неплохо просматривались, двигались по ним. Серо-голубые струи гадюками пробирались под комбинезон, опутывали тело, прошмыгивали в легкие. Первый раз в жизни схватило сердце. Никогда раньше не болело. Наверное, то же чувствует деталь, которую Рашпиль у себя в мастерской зажимает в тиски. Солнце жжёт без пощады. По-моему я уже не потею – нечем, всё испарилось. Невыносимо хочется пить. Нервы натянуты, как нейлоновая веревка нашей связки. Еще немного – и разорвутся. Тихоня позади зашёлся в хриплом кашле, сплюнул серый сгусток, но приступ не прошёл. Продвигались от кочки до кочки. Мысленно считали до тридцати, отдых заканчивался и мы шли вновь в бесконечном ожидании, что твердая земля под ногами исчезнет. Шестом ощупывали бурую истрескавшуюся почву и несчётное число раз шест уходил в пустоту. Когда выдергивали его, конец берёзового кола горел. Пришлось попетлять. Нашей тройке довелось провалиться, только чудом успели вымахнуть из полыхающей ямы. Мокрые от пота волосы в шлеме встали дыбом. До заветного края духовки оставалось всего несколько метров. Выхухоль, старик и Ушастый уже валялись в полном изнеможении там, на траве. Пытаются подняться, но ноги не слушаются. Задул горячий ветер. Пыль свилась в тонкие трепещущие вихри. Небо над духовкой потемнело. И тут мы выбрались на милую нашу мутировавшую травушку. Колени сами собой подкосились, мы со стоном рухнули рядом с первой связкой.

Хоботяра

...рухнули рядом с первой связкой. Молодцы, парни дошли! Наверное, от радости за ребят я на миг ослабил внимание. Так бывает, когда до заветного конца смертоносного участка остается совсем немного. Напряжение спадает, инстинкт самосохранения прекращает свою работу. Как бы то ни было, я, ведущий, ошибся: недостаточно тщательно протыкал шестом путь, и повёл тройку на подозрительно прочный с виду пятачок. Спёкшаяся земляная корка рассыпалась мгновенно, без предварительного потрескивания. Уже на лету я почувствовал, что под нами – пустота. Конец! Но нас спасли шесты, лёгшие на края ямы. Тройка повисла на них, словно на шашлычных шампурах. Удушливый голубой дым поднимался завитками вверх. Края ямы неумолимо осыпались, и скоро мы должны были рухнуть в пурпурно пылающие угли. Пальцы судорожно вцепились в березовые стволы. Тело отяжелело, словно штанга. Сколько-то времени мы висели, собираясь с силами. Потом по одному стали сдвигаться к краю, подтягиваться и осторожнейшим образом выползть из

западни. Господи милостивый, неужто целы?! Обернулся на секунду и увидел, как под следующей тройкой разошлась земля. Треск, грохот, ужасный вопль. Динамит, Ниндзя, Стиляга исчезли. Я сбросил рюкзак и крабьим манером, на четвереньках, добрался до провала, настраиваясь на то, что увижу в огненной пропасти. Кашляя и вытирая слезы, выступившие из-за дыма, заглянул в провал и вскрикнул: вцепившись в уступ оплавленной стены, висит Стиляга. Протянул ему шест, а дальше ничего не помню... Сколько тащил эту проклятую палку? Пока над краем провала не возникла лиловая, с черными губами и остекленевшими глазами, физиономия Стиляги. Я выволок его и, уже не связываясь, мы на четвереньках потащились к краю духовки. Всё! Мы споткнулись о кого-то, упали, и тут прямо на нашу группу, истерзанную и обессиленную, обрушился ливень. Адская духовка оторгнула гейзеры шипящего смрадного пара.

-10-

*Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Околица*

19 часов 30 минут 15 августа 2007 г.

Старик сидел, в чём мать родила, косясь на выстиранный и всё ещё сыроватый комбинезон и заканчивая починку уже высохшего белья. «Быстро Зона укатывает сивку. -размышлял он. -После того как Старика отделал гриль, а пуще того, после воскрешения в живой водичке озера амазонок он стал каким-то рыхлым, дряблым. Возраст, конечно, не может не сказываться, к тому же и в юности-то Глеб Ивин не был Геркулесом... Но чтобы за считанные дни так сдать, это, батенька, явный перебор!» Он поймал себя на том, что думает о себе в третьем лице, скривился, проверил бельё на предмет не замеченных прорех, не нашёл таковых и быстро оделся. Вовремя. Тихоня вошёл вместе с лейтенантом Белкой, покосился на тельняшку Старика и длинные в цветочек трусы, невольно ухмыльнулся. Лейтенант же Белка абсолютно безразлично проскрипела:

– Ужин – по расписанию, в двадцать пятнадцать. Потом майор Гром ждёт вас в штабе для беседы.

– Спасибо. -ответил Старик. -Разумеется, буду.

Лейтенант Белка окинула взглядом комнату бытового обслуживания, видимо не нашла никаких отклонений от уставного порядка и удалилась.

– О! -уважительно сказал Тихоня. -Военная косточка, хотя и дама!

...Вчера они, измученные, мокрые от пота и испачканные в золе, только на закате добрались до Околицы. Могли бы поспеть и раньше, но по молчаливому уговору задержались, чтобы повалить топориком Выхухоля две березки. Из одной сделали столб, затем врыли его на краю адской духовки. Из второго деревца соорудили грубо отесанную перекладину и, вырубив на ней: «Гоблин. Динамит. Ниндзя. 14.08.07», прикрепили к столбу.

Над посёлком стояла угольно чёрная туча, а под ней совершенно невообразимыми для Зоны электрическими огнями мигала, обнесенная рвом и валом Околица. Окрик невидимого часового прозвучал для «курортников» райской музыкой.

Околица в позднесталинские и раннехрущёвские годы была стандартной машинно-тракторной станцией. Семь крупных зданий: общежитие, клуб, склад, три мастерские и администрация – вот и все постройки. При освоении целины хрущёвские разорители изрядно ощипали и без того небогатый парк техники, но строения не успели придти в негодность, когда их накрыла Зона.

Обитатели Околицы – военизированная группировка «Звезда», отличающаяся строжайшей дисциплиной, здесь все живут исключительно по уставу. Это не удивительно – сюда стекаются почти все армейцы, по разным причинам оказавшиеся в Зоне.

Всё началось еще в пятьдесят шестом. Брошенные «на борьбу» с Зоной отряды мотострелков и танкистов сгоряча решили прорваться к эпицентру и уничтожить причину появления

смертельных аномалий или хотя бы узнать причину и последствия этих проявлений. Несколько подразделений дошли до МТС «Околица», надеясь соединиться здесь с солдатами кадрированной войсковой части 20222, охранявшими хранилища с вооружением, находившиеся неподалёку. Но оказалось, что соединиться не с кем. Весь состав части, насчитывающий около двухсот солдат, офицеров и техников, полностью погиб. Когда остатки отряда попробовали вернуться, по ним открыли бешеный огонь, загоняя назад в Зону. Разъярённые уцелевшие военные осели в Околице без всякой надежды на возвращение и решили назло всем уцелеть любой ценой. Это оказалось единственно правильным решением. Им удалось переместить в посёлок практически все содержимое складов оружия и боеприпасов, обмундирования и консервов, после чего началось отчаянное укрепление Околицы – ведь здесь не было безопасного «оазиса», подобного Лукьяновке или Черновскому «курорту». Потеряли все бульдозеры и тракторы, но вырыли глубокий ров, тут же заполнившийся светящейся болотной водой. Надрываясь в каторжном труде, соорудили из вынутой земли высокий вал с вкопанными в него через каждые десять метров «тридцатьчетвёрками» и густо заминировали его внешний откос. По гребню вала уложили спираль Бруно, устроили пулемётные гнёзда и долговременные огневые точки.

Полувековые работы по укреплению с тех пор не прекращались ни на день, так что МТС «Околица» превратилась в настоящую цитадель, неприступную ни для зверья, ни для монстров. «Звёздным» удалось раздобыть в Марьино девять полных пустышек, соединить их и создать настоящую электростанцию, обеспечившую посёлок энергией. Все здания были превращены в мини-крепости с окнами-бойницами, способные выдержать почти все известные повреждения, наносимые Зоной, за исключением, быть может, только удара комариной плещи. Каждое помещение оснастили надёжными системами жизнеобеспечения, вентиляции, освещением.

Каждый «звёздный» считает своей главной целью войну с кошмарными порождениями Зоны, в которых видят олицетворение вселенского зла, каковое требуется всемерно истреблять. Уничтожение аномалий оказалось обитателям Околицы не по зубам, а вот с мутантами и хищниками они расправляются весьма круто и успешно. Периодические облавы группировки приводят к массовой «зачистке» целых районов от монстров. За это жители Зоны благодарны «звёздным». Впрочем, благодарность чаще всего изъясняется абстрактно и дистанционно, причём к ней изрядно подмешаны настороженность и опаска. К благодарностям «звёздные» абсолютно равнодушны, они сражаются не за славу и почести, но из внутренней потребности, ставшей смыслом их жизни.

С КПП №3 в Зону периодически вытаскивают «меченых» Зоной военнослужащих, присутствие которых за стеной признаётся опасным. Изгнанники вначале оседают в депо вместе с учёными, но проводники из Околицы регулярно появляются там и предлагают всем желающим присоединиться к «Звезде». Отношение вояк к деповским дипломированным недотёпам несколько напоминает снисходительное покровительство старшего брата младшему. Все живущие в Зоне люди за весьма умеренную цену вполне могут рассчитывать на гостеприимство и помощь «звёздных». Так, за разрешение отдохнуть, привести себя в порядок и подкрепиться горячей пищей «курортники» выложили обнаруженные за Блохино «штуки». А, отдав пустышку, получили сухой паёк в дальнейший путь, несколько комплектов обмундирования и обуви взамен пришедших в негодность в духовке, а также патроны.

С Марьинским Шаманом и амазонками «звёздные» строят отношения на основе подчёркнуто вежливого нейтралитета и невмешательства в дела друг друга, амазонкам даже продают оружие и лекарства. Зато лукьяновских бандюков на дух не переносят и вообще людьми не считают, к слову – взаимно. Груды оружия, запасы провизии и медикаментов, а также обмундирования, которые оказались в распоряжении «звёздных», извечно разжигали неутолимую зависть уголовных обитателей Зоны. В семьдесят пятом блатные попытались было захватить лагерь в Околице. Опрометчивое решение! Привыкшие иметь дело только с охранниками-«вертухаями» из внутренних войск, они явно не ожидали встретить блестяще организованного отпора со стороны профессионалов-военных. Потеряв по дороге почти треть своих боевиков, уголовники добрались до Околицы и обалдели, увидев какие укрепления окружают возжеленные ими сокровища. Но уходить назад не хотелось: во-первых, на обратный путь не хватило бы припасов, во-вторых, в Лукьяновке не ждали возвращения «завоевателей». Бубновым королём повёл на штурм банду из тридцати шести особей. «Звёздные» подпустили их поближе и хладнокровно выжгли огнеметами.

В дальнейшем лукьяновцы предпринимали еще пару попыток овладеть Околицей, также не закончившихся ничем, кроме обугленных трупов уголовников. В конце концов, самые отмороженные головорезы уразумели, что связываться со «звездными» нельзя. Поживы ждать не стоит, а вот схлопотать в брюхо литр-другой пылающей жидкости из огнемёта – это запросто. В настоящее время до массового смертоубийства дело не доходит ввиду огромной (по меркам Зоны, конечно) отдалённости враждующих кланов.

Ближайшими соседями «звёздных» являются фанатики из Красново. Они истово веруют, что Зона – величайшая из загадок мироздания, воплощение сверхъестественной сущности, могущей решить все проблемы, что испокон веков отягощают человечество. Дух Зоны, по их мнению, способен уберечь людей от разложения и гибели, которая непременно должна была наступить вследствие всеобщей испорченности, злобы и невежества. «Звёздные» посмеиваются над красновоцами, любят рассказывать о них анекдоты, считают безобидно помешанными. В свою очередь поклонники Матери-Зоны относятся к военным с сочувственной жалостью как к существам ограниченным и неспособным прикоснуться к божественной благодати. Однако конфликтов между ними никогда не происходило, более того, они похожи тем, что не торгуют уникальными порождениями Зоны с внешним миром.

«Звездные» принципиально не берут иных прозвищ, кроме образованных от фамилий, но в разговорах чаще всего обращаются друг к другу только по званиям. В официальных случаях прибавляют уставное «товарищ». И мужчины и женщины носят полевое обмундирование образца пятидесятых годов и танкистские комбинезоны из бережно сохраняемых огромных складских запасов. К знакам различия – отношение самое серьёзное, хотя погоны зольдатен они не признают, а прикрепляют к петлицам «кубики» и «шпалы», словно красноармейцы тридцатых годов. Из головных уборов наибольшим уважением пользуются летние шлемы танкистов.

Утро в Околице начинается с сигнала «подъём». Затем следуют приборка казармы, завтрак, развод на караул и службы. Через четыре часа – обед, получасовой отдых и еще четыре часа напряжённых работ. Ужин. Личное время. Отбой и сон. Каждый «звёздный» раз в десять дней получает выходной, причём для большей части личного состава дни отдыха никогда не совпадают. Исключениями являются 23 февраля и Новый Год, когда отдыхают все, кроме караульных.

Дисциплине и порядку, царящим в Околице, мучительно позавидовала бы любая армия прошлого и настоящего. Причём держится идеально отлаженная система отнюдь не на принуждении и наказаниях. Гауптвахты у «звёздных» нет. Взысканиями служат (по возрастающей): наряд вне очереди на работы, лишение выходного, понижение в звании с автоматическим уменьшением прав и увеличением обязанностей, изгнание из «Звезды» и Околицы, расстрел. Впрочем, за полвека высшая мера ни разу не применялась.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Околица

20 часов 00 минут 15 августа 2007 г.

Старик заканчивал чистку-смазку своей «драгунки». Рядом присел Крест. Старик загнал на место затвор, заботливо протер приклад, вопросительно глянул на «курортника».

– Надо бы поговорить, знаешь ли... -сказал Крест, пряча глаза. -Только ума не приложу, с чего начать... Я и Мохнатый...

– Хотите остаться? -осведомился Старик, поднимая в улыбке уголки узких губ. -Правильно. Одобряю. Здесь для вас – идеальное место.

– Откуда ты... -изумился Крест. -Хотя... Вообще-то...

– Да всё просто. Вы такими глазами смотрели на здешнюю жизнь, что не мудрено было догадаться.

– Только пойми правильно. -просительно сказал Крест. -Получается, что вроде бы всех бросаем. Скажете: «Испугались!»

– Бред! -фыркнул Старик. -Изначально каждый из нас отправлялся на восток за своим заветным. Нашли его здесь? Замечательно! Вот и оставайтесь в Околице, желаю от всей души удачи. Хочешь, переговорю с Громом?

– Да я уже забрасывал удочку. -сконфуженно признался Крест. -Он не возражает.

– Чудесно. Какое звание обещает?

– А тут все начинают с чистого листа, с рядовых.

– Не смущает?

Крест отрицательно мотнул головой: -Надеюсь, не такой уж я бесперспективный, сержантские петлички уж точно заслужу... Да и Мохнатый не из дураков. Нет, всё-таки на душе беспокойно, давай, с вами дойду до антенны.

– Зачем? -махнул рукой Старик. -Количеством нас и так больше, чем достаточно. Даже после потерь.

– Вот именно – «количеством». -проворчал Крест. -А качество этого количества? Какой, к примеру, из Тихони боец? Чихом надвое перешибить можно.

Старик хмыкнул и с сомнением пожал плечами: -Да он покрепче меня будет.

– Ну, о тебе вообще речи нет. -утешил его Крест. -Доходяга вне конкурса, как ещё жив – удивительно.

– Сердечное спасибо! -признательно сказал Старик. -Ничто так не исцеляет раненую душу, как правда.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Околица

20 часов 45 минут 15 августа 2007 г.

Майор Гром сидел в кресле с высокой спинкой за монументальным канцелярским столом тёмного дерева сталинской постройки. За спиной у него красовалась – два метра на метр – выполненная тушью от руки самодельная карта Зоны. С портрета над картой устало и прозорливо смотрел усатый генералиссимус с неизменной трубкой в руке. Черноклеённый диван, четыре стула, железный сейф, угол уставленный образцами разнообразного оружия, тумбочка с древней ламповой радиолой.

– А зачем приёмник держите? -поинтересовался Старик. -Для красоты?

– Отчего же? -с непонятной интонацией хмыкнул майор. -Работает. Правда, с передачами у нас того... негусто...

Он ловко выхватил из-за спинки кресла самодельные костыли, вскинулся на них и, поскрипывая, быстро проковылял в угол. Старик поперхнулся: ног ниже колен у Грома не было.

– Да, так уж вышло. -не оборачиваясь сказал майор. -Ведьминым студнем плюнуло под Люблино, когда кровососов выкуривали. Обе ступни через минуту стали, словно резиновая губка. Потом выше полезло. Ребята спасли: приволокли меня и – сразу нашему хирургу на стол. Под пилу. Выжил, как видишь. Но без подпорок не хожу.

Он клацнул клавишей радиоприёмника. После короткого шипения послышалось торжественное музыкальное вступление, потом грянул хор: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». Старик разинул рот и растерянно прослушал гимн до конца.

– Сегодня 16 августа 1956 года, четверг, -сообщил отлично поставленный голос диктора. -Московское время – шесть часов четыре минуты. Прослушайте программу передач на сегодня...

– Вот так всякий раз при включении. -сказал Гром, уменьшая громкость до уровня неразборчивого бормотания. -Одно и то же – трансляции того дня, когда образовалась Зона. С шести утра до двадцати четырех ноль-ноль.

– Потрясающе. -пробормотал Старик. -А откуда приём? С Усть-Хамского ретранслятора?

– Безусловно, нет. Неизвестно, какую гадость излучает антенна, но уж точно не «Пионерскую Зорьку» пятидесятилетней давности.

Старик вздохнул.

– Ну, это ещё самое безобидное в наших местах. – утешил Гром, отключая радио. – А по сравнению с тем, что творится на подходах к Усть-Хамску, так вообще... Поэтому очень хотелось бы, чтобы ваша компания отдавала отчёт в безнадежности затеянного. Исключений не бывало: никто и никогда ещё не проникал в Усть-Хамск. Кое-кому повезло и они бесстрашно и дальновидно погибли уже на дальних подступах к антенне. Менее везучие забирались дальше и, как можно предположить, оч-чень завидовали быстро умершим. Самые неудачливые возвращались в таком виде, что лучше бы им не жить.

Майор вновь угнездился в кресле и вопросительно посмотрел на Старика. Тот пожал плечами:

– Кажется, мы еще вчера договорились – за помощь на пути к антенне всем «звёздным» будет предоставлен режим наибольшего благоприятствования при торговле с Кузнецом.

– Да-да. – задумчиво покивал майор. – Я переговорил с Боровым, тот без особой охоты, однако подтвердил. Любопытно, однако, что всё-таки произошло там, в Гремячем? Как вам удалось столкнуться с Кузнецами, а?

Старик дипломатично промолчал.

– Да, договор, конечно, будет выполнен. В проводники дам капитана Мирона. Это один из самых опытных и знающих Зону людей, отличный боец. Ему нужно доставить в депо Хирурга. Так что попутно он доведёт вас приблизительно до Леоново. Дальше, извините, по облучаемому антенной участку придётся двигаться самостоятельно.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Околица

7 часов 05 минут 16 августа 2007 г. –

Может быть, всё же согласишься перебраться в депо? – спросил Хирург. – Там не только тебе, но и Тихоне место нашлось бы. Мы рады каждому человеку с головой.

– Возможно. – задумчиво сказал Старик. – Но не сейчас...

– Сейчас в депо живёт около сорока специалистов. – продолжал Хирург. – Есть даже два иностранца. В смысле – не казахи или украинцы, а настоящие – канадец и японец. Все у нас – отличные специалисты в своей области. Больше всего, естественно, биологов, химиков и физиков. На каждого домой отправлено представление о героической гибели в Зоне, семьям выплачены приличные по меркам Расеянецкой Педерации вознаграждения. Есть даже случаи посмертного присвоения каких-то там геройских регалий, жетонов с трёхцветными бантиками. А мы – здесь.

Хирург злобно фыркнул.

– Хотя работа, надо признать, интереснейшая. Недостатка в инструментах и препаратах у нас не бывает. Чего другого, а уж этого эти сволочи из-за стены дают вволю. Я, к примеру, взялся за изучение нервной системы местного зверья. Ребята из Околицы и добытчики-одиночки приносят подстреленную живность. Замеряю трупы, взвешиваю, препарирую под микроскопом и описываю. Да, еще для души занимаюсь сбором фольклорной информации. Добытчики и разведчики у нас – большие охотники травить байки про Зону и ее обитателей. По их словам все эти существа обладают особыми, присущими только им одним сверхъестественными способностями. А мой коллега-биолог изучает поведение порожденных Зоной существ в среде их привычного обитания. Его интересуют в первую очередь человекоподобные существа: зомби, кровососы, мозгоеды. Работоспособность, доложу вам, у него – феноменальная, число проведенных экспериментов перевалило за полтысячи.

– А что ты слышал о Марьино?

Мысленное досье на Хирурга

Высокий блондин сорока лет. Моложав, коротко стрижен. Интеллигент, военврач по образованию, материалист и атеист. Врач, что называется, божьей милостью, способен простым лезвием безопасной бритвы произвести сложную операцию в самых немыслимых условиях и спасти пациента от верной гибели. В депо и Околице его боготворят. С презрительной

жалостью относится к красновским фанатикам. В обычных ситуациях не выражает эмоций, спокоен, расчётлив, но при сильных впечатлениях – вспыльчив, агрессивен. После окончания военного училища убедил комиссию, что он хочет работать с аномальными мутациями, подал заявку на разработку серьёзного научного проекта. Талантливого лейтенанта направили в лабораторный комплекс при Зоне, где требовался ассистент нейрохирурга. Препарируя мозг мутанта и исследуя его психокинетические способности, порезался, почувствовал себя плохо. Тут же был (на всякий случай, от греха подальше!) выдворен в Зону. Перед выдворением провели серьёзную двухнедельную подготовку, дав Хирургу навык обращения с холодным и огнестрельным оружием.

– Не только слышал, но и дважды видел. Порядком разрушенный поселок за Норкой, к северу отсюда. Темная местность, всегда мрачная и туманная. Дожливо там. Ко всему прочему, аномалий там немеряно! Причём самых разных и подлых. Если углубиться в рощу за Марьино, то выйдешь к мелкому озеру до краёв забитую ржавыми обломками техники. Можно разжиться неплохими «штуками», а можно в два счёта проститься с жизнью. Обязательно встретишь искателей из Лукьяновки, они там на жизнь зарабатывают, вытаскивая редкостные «штуки». Поговаривали о банде Хахаля, но «звёздные» уверяют, что вроде уже всех перестреляли. Желаящие могут поискать вход в расположенную где-то там подземную резиденцию Шамана, только где он прячется, никому как следует не известно. Из незваных гостей Шамана никто не возвращался, потому соваться к нему без доклада не советую. В центре Марьино – здание исполкома поселкового Совета. Мрачное местечко! К сожалению, все сведения об этом строении черпаются из невнятных и довольно противоречивых рассказов, правдивость которых вызывает сомнения. Ходят легенды, что там хранятся документы, открывающие тайны Зоны. Якобы сразу после катастрофы уцелевшие в этом здании марьяновцы записывали всё, что происходит. Потом все вымерли, оставив бесценные дневники. Но, вероятнее всего, никаких дневников нет, просто лежат себе груды документального хлама, целые завалы папок с бумагами в подвальном этаже исполкома.

Ну и конечно там полно самых мрачных хозяев подземелий – мозгоедов и кровососов. Болтают еще о каких-то загадочных стремительно передвигающихся по потолку мутантах, которых почти никто никогда не видел. Что-то вроде настоящего полтергейста: от периодического воя и смеха над головой до появляющихся из ниоткуда мечущихся теней. Будто бы с ними не справиться обычным оружием, пули отскакивают. Ну, и утверждают, что они при помощи странных сил кидают тяжеленные куски бетона и металлическую арматуру. О происхождении потолочников ничего достоверно не известно. Бытует мнение, что это амазонки, мутировавшие под воздействием излучения антенны. Лично я в эту сказку не верю: амазонки на пушечный выстрел не приближаются к излучателю.

– О! -оживился Водила. -Про это и Крест толковал: кирпичный заводик в Лебедевке, помнишь, Старик? От себя добавлю. В самом Марьино, правда, побывать не довелось, а по окраине прошёлся. Вообще-то случайно в тех краях оказался, меня в напарники Барсук брал... Так вот чего я сказать-то хочу: видел, как «звёздные» такого потолочного типа ликвидировали. Точно! Рядом был! Напарник мой отошёл да и задержался где-то. Ну, покостерил я Барсука заочно как следует, а потом дай, думаю, в трёхэтажку загляну на предмет обшаривания, может какие вещички подберу нужные. Там метров пятьдесят идти было, туда-сюда – на час всех делов! Тут вдруг вижу – «звёздные»! Да не просто патруль, а штук десяток! Ну, думаю, облава блин-компот! Как стоял, так в кусты и повалился. «О! – смекаю, – тут мне полная хана. Сначала из автоматов на звук жажнут, измочалят, а уж потом разбираться начнут». Залёг, короче, в ямке, и стараюсь не дышать. И тут ка-ак началось! Чтоб такими очередями крыли, ни разу не слышал, честное слово, Старик! В общем, лежу, в оба уха слушаю. Оно себе трещало-трещало, а потом ещё и гранатомёт ударил. Через минут пять затихло, а я вроде как целый. Ну, набрался наглости, чутка привстал и к биноклю прилип. А вояки быстренько выпрыгивают из трёхэтажки, злые такие, жмурика своего тащат и потолочника на брезенте... точнее ошмётья одни от него остались... Утянулись прочь. Я ещё выждал – вроде никого. Осторожно – внутрь. Ну понятненько, что после «Звезды» хрен чего сыщешь! Но интересно ж! Эт-то, доложу вам, было ещё то зрелище! Стены почти насквозь продырявили. Балки покروшили, кусок шиферной крыши обвалили. Гильз по колено – натуральное

стрельбище. Кровища, лоскуты мохнатые какие-то... Полезного, правда, ничего не нашёл: два этака, да зуду мелкую... А войди я туда раньше на пятнадцать минут, аминь Водиле! Мда-а...

– Эй, чего сидите? – заглянул в комнату бытового обслуживания Выхухоль. – Заболтались? Мирон зовёт.

*Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Околица 7
часов 15 минут 16 августа 2007 г.*

Капитан Мирон был, несомненно, из тех самых, из настоящих. Улыбчивый, невысокий, стриженный наголо, в идеально пригнанном обмундировании образца пятидесятых и выдавшем виды танкистском комбинезоне поверх него, он производил впечатление рыси, сейчас сытой и довольной, а через долю секунды готовой к смертельной схватке. И, похоже, хищная кошка уже выходила победительницей не из одного десятка таких схваток. На левом нагрудном кармане комбинезона краснела нашивка, свидетельствующая о тяжёлом ранении и три жёлтых полосы – значки лёгких ран.

– Значится так, – дружелюбно сказал он «курортникам», – будь моя воля, наладил бы вас в обратный путь: «Кру-гом! Шагом марш!». Но майор Гром приказал довести в целостности-сохранности всю компанию до семафора, а приказы командира не обсуждаются. Семафор – метка для проводников на железной дороге. Это уже территория красноцветов и потому там возможно всякое. Мы с тамошними сектантами особо не ругаемся, но на жизнь смотрим под совершенно другим углом. Во всяком случае, Матушке-Зоне не молимся. Не только аномалии или мутанты встретятся по дороге, но еще и красноцветские патрули, а у тех полным-полно всяких религиозных жучков в мозгах. Кто их там разберёт, какое видение-откровение их озарило. По этой веской причине, а ещё потому, что никто из вас в тех местах не бродил, буду вести колонну, а вы – ведомые. И никак иначе. Все распоряжения ведущего выполняются ведомыми до самого семафора беспрекословно. Ну, а дальше... Вы останетесь одни, действуйте по обстановке и дай вам боже вернуться. Во что я, честно говоря, не верю... Зачем к антенне-то наладились да ещё такой толпой?

Молчание.

– Ага... ну, это и впрямь, не моё дело.

Хирург в изумлении уставился на Старика.

– Вот так-так! Антенна? – спросил он. – Ну-у, знаешь ли... Суицидальные наклонности, клинический случай. Но всё равно, если жив останешься, приходи в депо. Приглашение остаётся в силе.

– Двигаем. – приказал Мирон. Караван направился к выходу.

Выхухоль

Неплохо они живут тут, сильно живут, я бы сказал. Устроились с умом. Даже тяжелые бревенчатые ворота соорудили. Мост подвесной к ним перекинули через ров. Два танка врыли по обе стороны ворот. Я на мосту оглянулся, помахал Кресту и Мохнтому. Они ответно вскинули руки. Парни чувствуют себя не в своей тарелке: мы уходим, а они остаются. Хотя, в чём им себя обвинять? Всё в норме. Я вот, к примеру, тоже толком не знаю, зачем пошёл со Стариком и где встретится то, что заставит меня остановиться. И если бы только... Да возьмите хотя бы Редьку: бросил ухоженную ферму, тоже подался черт-те куда. Забыл, что от добра добра не ищут? Не-е, мужики, что ни говорите, а от всей этой затеи отчетливо несёт какой-то чертовщиной. Хотя и говорят, что умопомешательство не заразно, но, похоже, мы что-то от Старика подцепили, когда он вернулся после лукьяновских приключений лысым, беззубым и с неуёмным сумасшедшим блеском в вечно прищуренных глазах.

Мирон приказал всем включить «ищейки». Правильно, одобряю, аномалий тут полно, американский детектор пропускает три из пяти, но об остальных сорока процентах всё-таки сообщает писком. Потом капитан вытащил две изогнутых уголкообразных алюминиевых спирали, зажал в кулаках. Они тут же завертелись. И опять – молодец! Простенько и эффективно. Рамочки, конечно,

могут обжечь ладони, но укажут на кое-какие ловушки. Ну, и о самом надёжном средстве обнаружения опасностей – камешках – не забыл, вон, полные карманы набиты.

За сорок минут мы преодолели триста метров до древнего деревянного моста через Норку. Трудно было представить, что в спокойной речной воде живут рыба или лягушки, да, что там – хотя бы кувшинки растут. Мирон предостерег: осторожно, тут скользко и во многих местах доски прогнили. Но ничего, перебрались. Когда замыкающий уже был на той стороне, в казавшейся безжизненной воде громко хлопнуло, показалась огромная чешуйчатая башка, распахнула усеянную острейшими зубами пасть размером с чемодан и снова скрылась.

– Чем же такая тварюга питается? -поразился Бобёр.

– Бобрами. -мгновенно и совершенно серьёзно ответил Ушастый.

– Ящерица-выродок? -спросил Тихоня. -Дракон?

– Возможно. -сказал Старик. -Но не забывай об Усть-Хамском зоопарке. Вполне могло уцелеть что-то экзотическое и впоследствии мутировать.

Болото. Сырая, но вполне проходима грунтовая дорога рассекающая его. Утрамбованная пятьдесят лет назад, а сейчас покрытая плотной и короткой синеватого цвета широколистой травой земля напоминает поролоновую губку, щедро пропитанную водой. И если бы не трава, можно было бы заметить, как следы сапог быстро заполняются влагой. Там, где участки болота чуть посуше, растут камыш и жёсткие тёмные кустики, напоминающие карликовые берёзки. С их корявых веток свисают диковинные зелёные перепутанные космы – должно быть, какой-то переродившийся до неузнаваемости мох. А там, где стоит вода, она непривычного изумрудного цвета, словно с добавкой железного купороса, и притом как будто подсвечена снизу. Цвет, конечно, красивый, но, вероятно, именно поэтому вода кажется мёртвой, так что желания заполнить ей фляги не возникает. Ряска и тины в болотной воде, кстати, тоже не видно. Вода стоит совершенно неподвижно, только время от времени из глубины на поверхность вырываются пузыри воздуха – то большие, будто под водой перевернули пустую кастрюлю, погружённую вверх дном, то россыпь мелких, словно из проколотого мяча.

Хоботяра

Останавливаемся перевести дух на сравнительно сухом пяточке, который выглядит вполне безобидным. Сидеть тут, понятно, нельзя, поэтому отдых относителен, но всё-таки десять минут без рюкзаков за спиной доставляют истинное наслаждение. Капитан Мирон пояснил, что чертежа болота составить невозможно: кочки, кусты и течения в нормальном болоте были бы неизблемыми ориентирами там, за стеной, но не здесь. Ручейки способны ни с того, ни с сего направляться, куда им заблагорассудится. Кочки тонут, а посреди глубоких луж вырастают островки. Только дорога остаётся сама собой. В общем, болото ведёт себя подобно живому существу. Поневоле задумаешься, а может красновцы и правы: вдруг вся Зона – один организм?

Прислушиваюсь к разговору за спиной.

– Вот тебе косточка для интеллектуального обглаживания. -говорит Старик, держа ногу на весу и тщательно перематывая портянку. -Живые организмы в Зоне мутировали, мутируют и будут мутировать, так?

Тихоня согласно угукает.

– Чтобы уцелел и оставил потомство кто-то из мутировавших, должны действовать несколько факторов, насколько позволяет предположить моё убогое представление о биологии. Во-первых, для реализации мутаций требуется достаточно большой материал. Десятки миллионов особей. В Зоне же сотни хищников, тысячи травоядных, возможно десятки тысяч грызунов. Далековато до десятков миллионов, а? Одна достаточно глубокая неудачная мутация и – каюк целому виду. Вероятно так и произошло с многими живыми существами, оказавшимися в границах Зоны. Воробьёв, например, тут нет. Лошадей, коров – тоже. Но тогда как объяснить, что другое зверьё уцелело, мутировало в нечто невообразимое и великолепно приспособилось к совершенно ненормальным условиям существования? Их-то уж никак не было больше, чем других животных. Во-вторых, результаты мутаций должны быть тем заметнее, чем больше сменилось поколений. Сотен и тысяч поколений! А сколько поколений в нашей Зоне потребовалось крысам, чтобы они за полвека распались на несколько совершенно новых биологических видов, лишь отдалённо напоминающих своих серых предков? То-то! Однако, есть среди живых существ такие, которые и

по численности и по скорости размножения и по краткости жизни вполне подпадают под наши условия мутации. Насекомые, к примеру. Пиявки и червячки. А ещё те, кого в каждой луже – миллионы...

– Одноклеточные всякие. Амёбы-инфузории. –подхватывает Тихоня. –Бактерии.

– Вот-вот. –Старик с кряхтением натягивает сапог, притопывает, чавкнув грязью. –Здесь такое должно бы твориться, просто жуть. Тонны диковинного гнуса, невообразимого комарья и необычайных мух. Разновидностей одного гриппа – без счёта, дизентерий всяких, коклюшей и тифов разных – выше крыши. Но ничего подобного же нет. На «курорте» часто бывали инфекции?

Тихоня отрицательно мотает головой:

– Бог миловал. На моей памяти во всяком случае ничего подобного не случилось.

– То-то! –поднимает палец Старик. Хирург, слушающий его рассуждения, озадаченно хмурится.

Редька

После передышки наконец-то выбираемся из болота. Капитан Мирон сказал, что предстоит пройти между Андреево и Люблино. Наслышаны о них, как же... Обе деревеньки – местечки довольно жуткие: мутантами так и кишат, одних кровососов без числа. «Звёздные» регулярно вычищают нечисть, но она набивается в развалины снова и снова. Сюда добытчики и разведчики редко суются, чаще норуют обойти десятой дорогой. Можно, конечно, найти немного «штук», но лучше надолго не задерживаться – есть места и побогаче. Между деревушками находится огромное кладбище боевой техники: здесь полегли главные силы тех войск, которые сразу после катастрофы были посланы в Зону. И ещё одно сказание связано с этими местами. Толковали бывалые люди, что где-то тут, якобы, обитает группировка, отделившаяся от красноармейских зонопоклонников. Они переборщили: настолько уверовали в божественную сущность Зоны, что окончательно спятили и превратились в непонятно что. Как-то одновременно все их КПК отключились, с тех пор о них ничего конкретного не слышно. Будто бы называют себя «Чёрными ангелами» одеваются в темные плащ-палатки с сильно надвинутыми капюшонами, так что не видно лиц. Если каким-то чудом откинуть капюшон, то откроется лысая голова с кровавыми глазницами, куда вместо выданных глаз вставлены светящиеся голубым шарообразные «штуки» под названием ртутный шар. Бррр! В самовыврывание глаз, ясно, мало верится, а вот то, что они без предупреждения атакуют любых встреченных – весьма правдоподобно. Желательно бы с ними разминуться...

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Между Андреево и Красным

17 часов 45 минут 16 августа 2007 г.

Мирон

Вёл я их, как полагается, по левому берегу ручья. Тут самое главное для проводника – абсолютное хладнокровие. Помнится, было в Чечне... Хотя, там – это там, а здесь – это здесь. Маршрут хоженный-перехоженный, но больше нравится он мне не стал. Вон там, на той стороне зеленеют остатки скафандра Градусника. Отчаянный был парень, даром что из деповских. Всё ему хотелось выяснить природу карусели. В одиночку отправился выяснять, упокой господи его душу... Поселки эти, заberi их черти! Что Андреево, что Люблино – мутантские гнездовья. Чистим их, чистим, а всё без толку. До чего неуютно меж ними идти: либо справа, либо слева должно быть чисто и безопасно на расстоянии прицельного выстрела. Да деваться некуда, ежели по прямой следовать, то придётся продвигаться аккуратно посередке. Вон они, посёлочки, по обе стороны стоят, пустыми оконными проёмами пялятся, словно прицеливаются. Ага, вот она грунтовая дорога, сейчас за комариной плешью повернём на север... Конечно, лучше всего выбраться бы нам сейчас на дорогу, она пока еще ровная, на ней всё виднее. Только вот серое пятнышко там новое, незнакомое... В обход-то, пожалуй, надёжнее будет. Ну, вот и всё, дальше сухой бугорочек и редколесье, там хорошо, чисто, видимость хорошая: все аномалии как на ладони, а зверьё и

мутанты того места не любят. Так что можно будет посидеть и приговорить по парочке бутербродов, лишь бы дождя не было. Хотя, может там уже торчат красновцы. Вообще-то, они неконфликтные, но жуткие зануды и ритуальщики, придётся долго объясняться.

Хирург со Стариком и этим, как его... Тихоней что ли... похоже, спелись. Во время обеда целую научную дискуссию завели. Сидели, жужжали: «Диссипация, реструктуризация, антагонизмы...»

О-па! А это что такое? Следы?

Старик, Тихоня, Ушастый, Бобёр, Выхухоль, Редька, Кастет, Водила, Хоботьяра, Хирург, Мирон

– Трое прошли. -сказал капитан. -Только что. К железной дороге. И я им не завидую, кем бы они ни были.

– Отчего? -с любопытством спросил Ушастый.

– Оттого, -объяснил Мирон, -что впереди одна за другой движутся две душегубки. Видите? Мы-то остановимся и переждём. А вот тем, кто впереди, придётся туго. Если народ умный и опытный – наденут респираторы и упадут плашмя. Удовольствия хлебнут полной пастью, но хотя бы живы останутся. А вот, если они – сопливые дурачки и попытаются отступить от душегубок к колее, тут-то им и конец.

– Почему?

– Да потому что у разбитых вагонов одна на другой сидит дюжина мясорубок.

Из записной книжки Старика

Слов нет, мясорубки – чрезвычайно опасные аномалии. Однако же, в них погибло никак не больше людей, чем, скажем, в каруселях или на комариных плешах. А уж о ведьмином студне, сгубившем рекордное число душ, вообще речи нет. Между тем, именно о мясорубках сложено огромное количество самых мрачных и злоеющих легенд. Возможно, в немалой степени этому способствовала необычайно талантливая приключенческая повесть братьев Стругацких о Мармонтской Зоне. Природа мясорубки не прояснена до сих пор уже потому, что никто из попавших в неё не уцелел. Высказывают фантастическое предположение, что некие необъяснимые воздействия изменяют тело жертвы на субатомарном уровне. Внешне это выглядит ужасно! Человек, угодивший в аномалию, подбрасывается вверх, его тело быстро скручивается в витой жгут, чернеет и превращается в большую чёрную, смолисто блестящую сосульку. Повисев в воздухе несколько секунд, сосулька тяжело шлёпается на землю и медленно растекается лужей черной вязкой жидкости, необычайно напоминающей расплавленный битум. Рядом с аномалией иногда находят шевелящиеся магниты, но не доказано, что эти «штуки» порождает именно мясорубка.

Ушастый

Мы залегли в низком кустарнике, точнее в стланнике из карликовых берёзок. Мирон извлёк бинокль, другие последовали его примеру. Я заметил, что Старик, Хирург и Тихоня послушно упали в сырую траву, но не стали глядеть туда, куда смотрели все. Прямо перед нами, там, куда уходила дорога, много лет назад разбитая колесами грузовиков и телег, ползли, частично накладываясь друг на друга, две мощных душегубки. Сквозь них смутно виднелась невысокая насыпь. И стояли там вкось, вкривь и вразброс, насколько можно было различить в бинокль, паровоз и несколько пассажирских вагонов. Как и следовало ожидать, возле них чернели большие кляксы и лужи будто разгильдяи-строители разлили из котла расплавленный гудрон. Мясорубки...

Кто-то заметался за завесой струящегося воздуха.

– А, ч-чёрт, не выдержали! -с досадой крикнул Мирон. -Только бы к составу не попёрли...

– Попёрли. -мрачно ответил Выхухоль, крутя кольца настройки бинокля. -Первый...

Второй...

– Третий. -вздыхнул Ушастый. -Кажется, все.

– Душегубки удаляются. -сказал капитан. -Пора идти. Подъём, бойцы.

Всё-таки опыт у Мирона был и немалый. Вёл он нас сноровисто и умело. До места гибели тех троих добрались за десять минут.

– Красновцы. -определил капитан, поддевая носком сапога большой лоскут джинсовой ткани. -Никто, кроме них не носит таких штормовок. М-да, не помогли парням молитвы.

– Кто-нибудь обследовал вагоны? -неожиданно поинтересовался Старик. Он стоял, морщась и держась за правый бок. Что это с ним?

– Зачем? -удивился капитан Мирон. -Там же нет ничего полезного – ни «штук», ни вещей.

– Угу. -Старик ответил скорее собственным мыслям, чем «звёздному». -Сколько времени безопасны «наевшиеся» мясорубки?»

– Ну-у... От двадцати до минут до часа...

– Успею. -решил Старик. Он быстро положил рюкзак на землю, сунул винтовку Выхухолу и двинулся к составу.

– Эй! Куда?! -запоздало окликнул изумлённый капитан. -Мясорубки, они бывают с сюрпризами!

Тихоня в сердцах сплюнул и устремился за Стариком.

Старик, Тихоня

В кабине паровоза, разумеется, никого быть не могло: мясорубки надёжно преграждали путь любому живому существу. Тихоня присвистнул, глядя на скелеты в лохмотьях истлевшего обмундирования.

– Погибли давно и внезапно. -определил Старик. Он наклонился, рассматривая останки. – Эге-ге! Двое рядовых и сержант железнодорожных войск. Видишь, эмблемки? Не страшновато, а?

– Да чего костей-то бояться? -невнимательно ответил Тихоня, заглядывая в топку. -Мёртвые не кусаются.

– Совсем ты у меня нюх потеряла, доченька. -упрекнул Старик. -Что с умершими происходит в Зоне?

– Матерь божья коровка! -Тихоня отпрянул от топки и щелкнул предохранителем автомата. - Они не воскресли! Мертвяками не стали! Почему?

– Дошло. -одобрил Старик. -Ну, наконец-то. Давай-ка поскорее выйдем отсюда и заглянем в вагоны. Пока мясорубки не проснулись.

– Зачем?

– Ну, что с тобой сегодня? -рассердился Старик. -Совершенно перестал соображать! Видишь же, что поезд вели не гражданские машинисты. А это значит, что эшелон сюда отправили уже после возникновения Зоны. Зачем?

– Эвакуировать население. -предположил Тихоня.

– Ага. Несколько тысяч тремя плацкартными вагонами. -безнадёжно вздохнул Старик. -Ногу не подверни на ступеньке, гениальный логик.

В первый и последний вагоны, сползшие с рельсов на чистую сторону насыпи, войти не стали, ограничились осмотром сквозь давным-давно разбитые окна таких же человеческих останков, разбросанных среди дикого погрома. А вот средний вагон, отчего-то съехавший за паровозом в густой ивняк, весьма заинтересовал Старика.

– Вышиби окошко прикладом. -попросил он Тихоню. -Грязью заросло, ничего не видно.

Зазвенели и посыпались осколки. Старик подтянулся на руках, осторожно заглянул внутрь, некоторое время висел так, потом осторожно опустил и кивнул Тихоне:

– А ну-ка, глянь, специалист. Это то, о чём я подумал?

Тихоня проделал то же упражнение и с десятков секунд смотрел на металлический шар, закрепленный посреди вагона в решетчатых опорах, опутанный проводами и мигающий разноцветными глазками-лампочками. Потом Тихоня разжал пальцы и сполз по облупленному вагонному боку.

– По-моему – да. -он облизнул внезапно пересохшие до бумажного шелеста губы. -Оно. Но откуда?!

Старик угрюмо оглянулся.

– Надо побыстрее шлёпать отсюда. -сказал он. -Похоже вот-вот мясорубки проснутся. Чавканье какое-то подозрительное...

На обратном пути Старик строго предупредил Тихоню:

– Не вздумай болтать о том, что видели!

– Само собой! Что думаешь обо всём этом?

– Выходит, хрущёвские вояки всё-таки пытались уничтожить Зону сразу после её зарождения. Отправить самолёт с бомбой было невозможно, пулнить ракетой – тоже. Тогда решили отвезти в центр Зоны атомную мину на поезде и взорвать дистанционно. По счастью не получилось, как видишь.

– За пятьдесят лет заряд должен был протухнуть... -словно убеждая самого себя, сказал Тихоня.

– А вот не протух. Надёжно делали предки. -ответил Старик. -Опять же чудеса Зоны сказываются. Как бы то ни было, лежит себе, свеженькая, словно огурчик.

– Так это что же выходит, -ужаснулся Тихоня, -мы тут живём, словно на пороховой бочке? А ну как грохнет?!

Старик не ответил. Они подошли к поджидавшему их каравану.

– В русскую рулетку играть любим? По мясорубкам прыгаем? -ядовито поинтересовался капитан Мирон. -С возвращением, господа камикадзе. Ну, чем богаты?

– Тем и рады. -мгновенно среагировал Тихоня. -Зря ходили. Можно было предвидеть: там абсолютно пусто.

***Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Красное
21 час 45 минут 16 августа 2007 г.***

Из записной книжки Старика

Красное – небольшой, до изумления хорошо сохранившийся посёлок, нанизанный, словно шашлык на шампур, на параллельно идущие железную дорогу и шоссе. В домах даже окна застеклены! Там проживает около восьмидесяти зонопоклонников и еще пара десятков находится в странствиях по Зоне.

В бывшей церквушке на окраине, превращенной еще до войны в зернохранилище, красновцы устроили нечто среднее между клубом и молельней. Когда мы подошли к посёлку, нас вежливо и даже церемонно задержал патруль. Мужики в синей джинсовой одежде и с благообразными физиономиями отвели к храму и попросили подождать полчаса: «Закончится собрание, тогда и определим вас на ночлег». Капитан Мирон кивнул, безмятежно уселся под деревом и закурил. Время от времени жужжание, доносившееся из молельни, обретало относительно разборчивые формы. Любопытные же пассажи отлавливались при этом:

– ...Братья, позавчера четвёрка бродяг снова пыталась приблизиться к Антенне! Матушка-Зона предупредила, и мы вовремя их обнаружили. Зона милостива! Она позволила нам обойтись без насилия. После нескольких выстрелов в воздух бродяги кинулись наутёк. Трусы. Все безверные – трусливы и лживы. Лишь истинная вера не оставляет места страху и обману! Да, безверные убежали, но Матушка-Зона мудра и всезнающа. Ничто не происходит без смысла и цели. Значит, беглецы для чего-то нужны ей. Быть может, они смогут обратиться к истине и вере?

– ...Братья, мы патрулировали у Леоново и наткнулись там на раненого безверного-одиночку. Он начал обращаться, поэтому мы оказали ему помощь лекарствами и пищей. Однако он ещё не до конца вышел из животного состояния, оттого мы не привели его с собой... Епископ объяснил: Матушка-Зона еще раз показала нам своё величие, строго наказав бродягу за безверие, но милостиво позволив обратиться. И у всех, кто был в этом патруле, ещё более укрепилась вера! Чувствуете, братья? Близится, близится наше торжество над безверными, и тогда Матушка-Зона осуществит все наши заветные мечты! Искренне преданных одарит мудростью, мощью своей! Мы вечно пребудем в сиянии её!

– ...Братья, Матушка-Зона внезапно пробудила меня ночью и говорила со мною. О, как великолепа она была в своём могуществе! Я едва не ослеп, однако сияние её вселило в меня великую духовную силу! Я ведаю, я ощущаю, что мощь Матушки-Зоны постоянно со всеми нами! Она сказала мне, что одолеть зло могут лишь наши неколебимые вера и воля!

– ...Я был в пустошах за Юрьевкой. Там оказалось много безверных. И это странно, до сих пор такого не бывало. Хотя, кто может постигнуть промыслы Матушки-Зоны! Возможно это была проверка нашей верности. И мы её выдержали! Это были не простые безверные, а свирепые скоты. Мы вступили в бой с этими животными. Для меня было уготовлено испытание. Заслуги братьев были велики: скоро Матушка-Зона вобрала их души в себя. Глупые враги Матушки самонадеянно решили, что покончили со всеми слугами Матушки и смеялись над пустыми телами братьев. Я остался один. Патроны закончились. Но тут Матушка-Зона сказала: «Ты веруешь, значит моя сила – твоя. Если будешь по-прежнему твёрд в своей вере, то сокрушишь врагов и я возлюблю тебя!». Тогда я стал невидим и неслышим, прильнул к земле и тенью обошёл безверных сзади и они волей Зоны ничего не заметили. Я увидел их гнусные спины. А потом из моих рук вдруг ударила мощь Матушки. Я убил всех. Я счастлив служить тебе, Всемогущая!

– ...Братья, хочу покаяться! Недавно Матушка испытывала мою веру, а я едва не сошёл с истинного пути. Слаб я, слаб, но выдержал испытание! Хвала Матшке-Зоне! Её испытания призваны закалить нас, сделать сильнее! Мы возвращались от Марьино, и я случайно чуть отстал от братьев. Зло и безверие воспользовались неосторожностью и неожиданно принялось строить козни. И... я внезапно усомнился. Несомненные истины потускнели, зло вкрадчиво нашёптывало, что Матушка-Зона поработила нас. Но скоро я осознал: это испытание веры на прочность, вспомнил о могуществе и чистоте Матушки. Сразу исчезли тёмные сомнения. С тех пор я уже не боюсь никаких испытаний и не знаю колебаний. Спасибо Матушке!

Было от чего обалдеть! До такого, пожалуй, далеко даже православному кликушеству или мусульманскому фанатизму там, за стеной. А стиль речи-то какой! А когда я увидел, что Хоботяра потихоньку приблизился к выходу и слушает всю эту белиберду с горящими глазами и открытым ртом, стало совсем нехорошо.

-11-

Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Леоново

11 часов 20 минут 17 августа 2007 г.

Водилу донесли до Леоново на срубленных жердях. Он умер, не приходя в сознание, через сорок минут после того, как серебряная паутина прилепилась к его левому боку. Ничего невозможно было сделать – природа поражения паутиной до сих пор оставалась неизвестной.

Сразу за крайней леоновской избой бушевали электрические разряды большой мощности. Электру невозможно не заметить издали без всяких детекторов: и днем и ночью в кругу диаметром до четырех метров сверкают и громко трещат минимолнии. Этой аномалии, конечно, далеко до крематорки, но, при необходимости, и здесь можно отправить погибшего в последний путь. В неё накидали чёрных трухлявых досок и бревен от раскатанного для этой цели древнего сарая. Потом, стараясь не угодить под разряд, с невероятными усилиями втолкнули тело Водилы на горящую и чадающую грудку.

– Земля пухом! -искренне, но совершенно некстати пожелал Бобёр.

Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
южнее Усть-Хамска

13 часов 02 минуты 17 августа 2007 г.

Обеденный отдых устроили на заросшем редким чахлым ивняком развилке едва заметных дорог.

Старик запивал крепким холодным чаем несолёное и холодное же картофельное пюре со шкварками из кабаньего сала. Удовольствие от приобретённой в Красново ценой трёх «штук» еды было, мягко говоря, ниже среднего. Народ строил неопишуемые гримасы, но молчал и гулко глотал высококалорийную массу. А что поделаешь, требовалось основательно «заправиться» – верхушка покосившейся Большой Антенны уже была отлично видна над верхушками деревьев.

– Перчику бы... -тоскливо сказал Ушастый. -Чёрненького... Или горчички...

Тихоня, сидевший рядом, мстительно ткнул его локтем в спину.

Зато Епископ и Философ жевали фирменную красноовскую пищу с самым невозмутимым видом. Привычка – вторая натура!

...Сегодня утром, когда все умылись, позавтракали и заканчивали сборы. Кастет и Хоботяра объявили, что собираются пополнить ряды красноовцев. Старику изменила всегдашняя флегма, он с изумлением переводил взгляд с одного на другого. Выхухоль разобрало нервное хихиканье. Тихоня часто моргал.

– Так. -наконец сказал Старик. -Ага. Угу. Ммм! Как понимаю, всю сегодняшнюю ночь вы провели на сектантских бдениях?

– Не надо так. Мы были во Храме. -кратко сказал Хоботяра.

– Заразились! -ужаснулся Тихоня.

– Внимали Слову. -поправил Кастет.

– Бога нет. -неуверенно подал голос Бобёр. Кастет и Хоботяра не удостоили его ответом.

– Ты уж извини, Старик. -с необычной мягкой настойчивостью сказал Кастет. -Остаётся. И пойми правильно. Ведь остались же в Околице Крест с Мохнатым. И никто не возражал. А наше место – здесь. Всё, что болтают о красноовцах, оказалось полной ерундой. Пожалуй, только здесь и живут по разуму и совести. Тут называют друг друга братьями не для красного словца, это правда.

– Ещё раз прости за то, что не помогли тебе до конца. -продолжил Хоботяра. -Вообще говоря, в ту сторону, куда вы собираетесь идти, истинно верующие никого не пропускают, оберегая Матушку-Зону. Но мы о вас не скажем. Пусть это будет нашим последним недостойным поступком. Идите. И от всей души желаю, чтобы вы на полдороге одумались и вернулись целыми и невредимыми.

– Что ж, -вдохнул Выхухоль, -и вам удачи, ребята.

Руководители Красноовской общины приставили к каравану двух провожатых – Философа и Епископа.

– Чтобы не сбились с дороги. -пояснил Инквизитор, один из старейшин. Капитан Мирон только ухмыльнулся. Всем было понятно, что приставленные будут надзирать за тем, чтобы «курортники» не повернули к Антенне. Впрочем, Епископ и Философ держались очень деликатно, притом именно они указали на заросли одичавшего и под завязку набитого витаминами дикого ревеня, каковым сейчас и разнообразили трапезу.

...– А знаешь, я подумал, – рассеянно произнес Тихоня, наблюдая за одиноким грибом-поганкой, суетливо пролезающим сквозь густой пырей, -вдруг красноовцы правы и Зона – не трейлер, о котором ты говорил Шаману. Вдруг она существует как единый организм. Тогда где-то должен быть мозг... и если представить себе...

– Единое – необязательно разумное, – возразил Старик. -Но если даже такой мозг на самом деле имеется, ты, увидев его, просто не поймешь, что перед тобой. Поэтому давай лучше склоняться к более выгодному для нас предположению. -Компьютер в трейлере?

Старик кивнул. Некоторое время они молчали, глядя на шевелящуюся поганку...

Из записной книжки Старика

По убеждению жителей Красново, практически все живые существа восточной части Зоны (около Усть-Хамска) наделены разумом. Красноовцы считают, что животные вполне могут при необходимости объединяться, образуя стайный сверхорганизм, гораздо более разумный, чем каждый зверь в отдельности. Впрочем, о том же говорят и учёные за стеной. Помнится в своих лекциях профессор Штайерман упоминал...

Но зонопоклонники рассказывают, что в Усть-Хамске, куда невозможно попасть из-за заграждающего поля Антенны, мыслит все – от кирпичных стен до шиферных крыши и асфальта на улицах. Записаны сказания о прыгающих фонарных столбах и блуждающих по улицам урнах.

Передают также рассказы о странных существах, которые живут исключительно в защищённой Антенной части Усть-Хамска и которых не видел никто, однако каждый житель Красного в них верит. В акробатов, к примеру...

Акробаты, живущие под Усть-Хамском, судя по всему, некогда были людьми. Впрочем, не просто представить, что за условия могут довести человека до подобного состояния. Акробаты – сумасшедшие создания, ведущие образ жизни, по сути своей слабо отличающийся от поведения хищных монстров Зоны. Перемещаются на четырёх конечностях, время от времени подсакивая. Стопа акробата в отличие от заурядной человеческой обладает большим количеством сухожилий, с потрясающей эластичностью. Этим объясняется способность монстров совершать невероятные прыжки. Они постоянно нюхают землю, чтобы уловить запах жертвы. Охотятся главным образом на людей, осторожно и расчётливо подстерегая жертву подобно кошачьим хищникам. Сверхбыстрые рефлексy и стальные мышцы позволяют акробатам совершать длинные точные прыжки и за несколько секунд разрывать жертву в клочья. На некоторых особях сохранились фрагменты одежды и даже армейской экипировки. Это позволяет предположить в них не дошедших до депо и околицы ссыльных военных.

– Ерунда. -вмешался в разговор Выхухоль. -По-моему, вы всё усложняете, мужики. Усть-Хамск был городом газовиков – его построили ещё вместе с конденсатным комбинатом. Немаленький был городок... Только теперь там уже никто не живёт – кроме, конечно, нечисти всякой вроде мутантов и зомбей. Пройти туда, судя по всему, и вовсе нельзя: антенна закрывает путь. Всё. Точка.

– А зачем ты тогда с нами увязался? -спросил Тихоня.

Выхухоль повернулся к тому всем корпусом и несколько секунд смотрел в глаза.

– Расставим точки. -ровно сказал он. -Я поставил на удачу Старика. Чутьё подсказывает: есть шанс, что мы ухватим удачу за... гм... за нос. Как именно – не знаю, там видно будет. А вот ты-то отчего за Стариком словно пришитый таскаешься.

– Мы с Тамарой ходим парой. -буркнул Старик. -Санитары мы с Тамарой...

– В смысле, вы – подруги? Пусть так. Хотя, стишок, помнится, в детстве уже слышал... - уточнил Выхухоль. -Что ж, с Тихоней ясно. Дальше исповедоваться будем?

– Уууу! Исповеди попёрли. Покаяния. А там и до пророчеств докатимся. Красновским воздухом ребята надышались. -заклучил Ушастый. Он с подозрением покосился на Философа и Епископа. Те сидели разморённые, до невообразимого сонные и разговором, по всей видимости, совершенно не интересовались.

– Бобёр?

– Тошно. -с непривычной серьёзностью ответил тот. -Не представляю, как Зона выделяет мутантов из человеческих тел. Но вот как души людские корёжит и уродует, вижу ясно. Гоблин, Динамит, Ниндзя, Стиляга, Водила. Пять душ на девять километров за двое суток. Мало?! А на каждую душу мы себе позволяем несколько минут скорби: эх, парень, жаль тебя, конечно, не повезло... И – дальше. Если там, за стеной, в той стервозной суете, человечья жизнь – копейка, то у нас-то она почём? Но вдруг всё это можно изменить? Я понимаю, что вероятность – ничтожная, но всё-таки... Вот мы сейчас в шаге от сердца всей этой хрени. А вдруг доберёмся, вдруг что получится? Не знаю... Но так хочется!

– Не то, чтобы очень складно, -заметил Ушастый, -сумбурно, но, в общем, вполне понятно. И главное – полностью совпадает с моими мотивами. -Понимаю, что вероятность – ничтожная, но вдруг получится. Поэтому с удовольствием подписываюсь под сказанным и пропускаю ход. Теперь – Редька.

– Четыре года фермерствовал. -сказал Редька. осторожно доставая из нагрудного кармана сигарету. -Хозяйство наладил. Хорошее, урожайное. «Курорт» кормил. Приспосабливался к Зоне. А кто не приспособливается? Добытки? Разведчики? Ещё как под Матушку подстраиваются. Только вот осточертело под Зону прогибаться. А тут вдруг Старик с его чумной затеей саму Зону прогнуть... Эх!

– Глазки закрывай, баю-бай... -послышался позади тихий ласковый голос Мирона. «Курортники» с несказанным изумлением воззрились на похрапывающих Епископа и Философа, которым Хирург заботливо подкладывал под головы вешмешки.

– Что стряслось? -осведомился Выхухоль.

– О, ерунда. -беззаботно ответил Хирург. -Часок-другой здорового сна никому не повредят. Скорее, наоборот.

– Снотворное?

– Хорошее. Несколько каплей тюльпанового сока. Сбор луковиц с клумб у самого депо. - довольно ответил Хирург. -А чего вы хотели? Заметь эта сладкая парочка, что вы направляетесь к Антенне, тут же вызвала бы подмогу и попыталась задержать группу. А зачем ненужные конфликты?

– Абсолютно незачем. -подтвердил капитан. -Когда красновцы проснутся, я и Хирург скажем, что каравану было некогда ждать и вы подались к депо через карьер. А мы, дескать, остались покараулить их, истинно верующих, богатырский сон. После чего двинемся якобы вам вдогонку.

– Поверят?

– Девять из десяти – нет. -рассмеялся Мирон. -Но пока проверят и убедятся, пока сообщат о подозрениях в Красное, пока приползут дозоры молебщиков, вы окажетесь уже вне сектора прицельного огня.

– Звучит обнадеживающе. -поёжился Выхухоль. -Значит, пора расставаться.

Капитан кивнул: -Притом побыстрее. Успеха!

Шестеро «курортников» без лишней суеты, но быстро надели рюкзаки, построились в колонну.

– Вот тебе информация. -негромко сказал Старику Мирон. -Я к Антенне, само собой не ходил, но слышал, что на подходе есть небольшое озерцо. Легендарное озеро. Черное, маслянистое... красновцы считают, что оно выпивает души. Лишь только подойди к бережку, враз и нет тебя, только оболочка пустая бултых в воду и... в жёлтом тумане, значит, плывет... А зомби стаями кружат: увидят – выть начинают, тащатся за тобой. Красновцы, конечно, мастера рассказывать, но, думаю, не только дыма без огня, но и тумана без воды не бывает.

Хирург согласно покивал: -Полагаю, там есть те, кто подвергся длительному воздействию излучателя. Неосторожно приблизившиеся или пошедшие на прорыв быстро сходят с ума, превращаясь в бродячие полутрупы. Их много бродит по Зоне, некоторые добираются даже до стены. Так или иначе, помочь им уже невозможно: процесс разрушения личности необратим. Мне доводилось исследовать нескольких. Как правило, они очень агрессивны и при значительном скоплении представляют серьёзную угрозу. Зомбированные у самой Антенны ещё могут пользоваться оружием, хотя довольно глупы. При встрече можно услышать, как они бубнят себе под нос обрывки фраз, – которые, впрочем, начисто лишены смысла. Со временем зомбированные окончательно утрачивают все прежние навыки и превращаются в полноценных зомбей. Так что учти...

– Поменяемся. -сказал Старик, протягивая Выхухолу «драгунку». -Дай-ка мне свой автомат.

– Зачем мне твоё чудовище? -удивился тот. -Хоть раз можешь напрячься и в виде исключения что-нибудь нормально объяснить, а?

– Так лучше. Мне теперь ни к чему. Пойду вторым, сразу за тобой. Слушай подсказки, буду ориентировать на местности. А ты станешь чем-то вроде танка. -без тени иронии сказал Старик. - Мужик сильный, опытный. Если что увидишь, бей без промедления.

Он обменялся рукопожатиями с Мироном и Хирургом, занял свое место в строю и легонько похлопал Выхухоля по плечу:

– Вперед по дороге. Направление – на обожженное деревце.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

южнее Усть-Хамска

15 часов 04 минуты 17 августа 2007 г.

Из записной книжки Старика

«Ржавыми волосами» называют особые симбионты. Симбиоз – сосуществование нескольких организмов в трёх формах: мутуализм – польза для обоих, коменсализм – нейтральное

взаимодействие или польза только для одного, и паразитизм, что каждому ясно со школьной скамьи. Так вот, «ржавые волосы» Зоны это сожительство одноклеточных водорослей и грибов. Водоросли вкладывают в общие закрома органику, грибы – неорганические вещества, те и другие счастливы.

«Ржавые волосы» можно обнаружить только на больших металлических поверхностях и только в южном пригороде Усть-Хамска. Растут «волосы» крайне медленно, за пять лет на десяток миллиметров. В других местах Зоны «волосы» (к счастью!) не приживаются. Тем более, они гибнут за стеной к вящему расстройству тех, кто пытался разработать на их основе биологическое оружие, поражающее боевую технику противника.

Для закрепления в субстрате «ржавые волосы» используют кислоты, которые разрушают все, включая камни и металл, превращая их в почву для роста. Одноклеточные водоросли используют солнечную энергию для фотосинтеза. В клетках водоросли присутствуют крохотные неорганические частички. Они обладают направленной ориентацией в магнитном поле. То есть по сути это микробиомагниты (такое отмечено у некоторых магнитобактерий и вне Зоны) Эти частички позволяют «волосам» обнаруживать металл, создающий магнитное поле. «Ржавые волосы» – ауксотрофный организм, не умеющий синтезировать некоторые жизненно необходимые вещества, поэтому ищущий их во внешней среде.

Для размножения «волосы» используют споры, производные гриба, а также может распространяться кусочками таломы. Ограниченность пространства для роста, «волосы» компенсируют огромным количеством спор, что повышает шансы на выживание, и расселение. Каждая спора содержит кислоту, заключенную в вакуоль. Споры находятся в специализированных органах (спорангии) на поверхности. При контакте с «волосами» споры высыплются и кислота начинает разъедать предполагаемый «субстрат». Наблюдателю следует остерегаться ожогов. Процесс внешне необычайно эффектен, сопровождается шипением, дымом, повышением температуры вплоть до возгорания.

– Как дитя, ей богу! -возмущался Ушастый, бинтуя ладонь Бобра. -Зачем было рыжую мохнатую железяку хватать?

– Кто же знал, что эта зараза перчатку прожирает?

– Будет вам. -устало сказал Старик. -Лучше используйте остановку для переговоров. Возможно, дальше ни с кем не удастся связаться. Ни времени не будет, ни возможности.

– Я уже побеседовал с Боровым. -хмыкнул Выхухоль. -Занятное дело, раньше за ним сентиментальности не замечалось... А теперь, вроде как за нас переживает.

– Привет всем также от Ташкента. -продолжил Тихоня с интонациями диктора программы «Время». -Вести из Гремячего: жизнь налаживается ускоренно и крайне успешно. Установили новые двери, вычистили первый этаж. Новости с фабрик и заводов самые бодрые. Вчера вечером наделали кучу мыла, зубной пасты, патронов и сотню банок сгущёнки.

– Предадутся чревоугодным излишествам, -обличительно заметил Ушастый, -погрязнут в пагубной роскоши, морально и нравственно разложатся.

– Завидуешь, однако? -хмыкнул Бобёр.

– Да. -не стал отпираться Ушастый. -Не отказался бы погрязнуть в роскоши. В объеме полулитра сгущёнки.

– Никаких изменений не заметили? -перебил их Старик, болезненно морщась.

– То есть?

– То есть – взгляните, вслушайтесь, внюхайтесь. Всё кругом как обычно?

– Легкий шум в ушах. -сказал Выхухоль.

– Точно. -поддержал Редька. -А еще вроде бы смотрю через очень слабые жёлтые солнцезащитные очки.

Остальные согласно закивали.

– Антенна? -спросил Выхухоль.

– Она.

Тихоня бережно вытащил из-за пазухи заготовленную загодя чёрную спецназовскую маску сшитым в неё лунным орехом, протянул её Старика. Потом ошупал его комбинезон, озабоченно

бормоча: «Колобок тут. Гремучую салфетку не потерял? Нет, на месте. Рачий глаз цел. Ельцинская печёнка – тоже. Ну, вроде всё в порядке...»

Старик натянул маску и облегченно перевёл дух.

– Плохое самочувствие? – встревожился Тихоня.

– Что-то глаза режет...

– Может быть, мутируешь? – спросил Ушастый, с восторженной пытливостью таращась на Старика. – Возможно начинается...

– Не пори чушь! – оборвал его Старик. Мутации там или нет, но чувствовал он себя всё паршивее. Хлебнул из фляги кипяченой воды и встал за Выхухолем.

Караван проследовал между высохшей лесопосадкой – почерневшие деревья с корявыми голыми ветвями выглядели угрюмо и дико – и песчаной пустошью, на которой бушевала мощная карусель. У обочины почти исчезнувшей дороги был врыт столб. На нем красовался обитый неровной жестью деревянный щит. Пляшущими буквами по жести была выполнена надпись: «Дальше никого не пропускаем, любое ваше вмешательство может причинить неприятности Зоне. Будет открыт огонь по любому, кто пройдет дальше, чем на 30 метров».

Массив чёрного сушняка остался позади. Теперь перед ними расстилалось нестерпимо сухое, тоскливое пространство, засыпанное крупнозернистым жёлто-серым песком, слегка прибарханное ветром, промытое дождями и выжженное горячим солнцем, безразлично-мертвое. Детекторы в карманах то и дело потрескивали, сообщая об аномалиях. Отсюда уже была хорошо видна высокая, прочёркнутая колоннами толстых стволов, зеленая стена соснового парка. В центре парка находилась Антенна, её верхние ярусы, окутанные жёлтым свечением, служили отличным ориентиром. Следовало двигаться прямо на неё, понадеявшись на банальное везенье.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

южнее Усть-Хамска

17 часов 11 минут 17 августа 2007 г.

Хлынувший ливень заставил их остановиться. Вода тут же испарялась, но пар отчего-то никуда не девался. Он клубился над песком густым желтым туманом, так что скоро на расстоянии вытянутой руки ничего нельзя было разглядеть. Тихоня поскользнулся на раскисшем комке глины, повалился на идущего впереди Старика, увидел рядом его пятнистое, искажённое, с бешеными глазами лицо. И внезапно на какой-то миг похолодел от ужаса: ему померещилось, что все остальные люди в Зоне исчезли, остались только он и сумасшедший Старик. Но тут же понял, что рядом Ушастый, ткнувшийся ему в спину и Бобёр, возмущённо рывкнувший на Ушастого. Сообразил, что ни в коем случае нельзя идти вон туда, где смутно виднеется коряга, хотя, кроме коряги, ничего не было видно в желтой мгле. Сразу за корягой их ждал трамплин.

Из записной книжки Старика

Трамплин – одна из первых аномалий, зафиксированных сначала в Якутской, потом в Усть-Хамской Зонах. Наносит ударные повреждения меняющим направленность гравитационным полем. На одном месте находится в среднем неделю, в течение «жизни» меняя силу воздействия. Результат встречи с «трамплином» может быть разным – от небольших синяков и ушибов до мгновенной смерти. В дневное время достаточно легко обнаруживается по искажениям воздуха над ней, кружащейся листве, а также характерным пятнам на земле красно-бурого цвета. Определяется любыми видами детекторов, а также с помощью подброшенных в неё различных предметов и зажатых в кулаках проволочных рамок. Образует два вида «штук»: каракатицу и ночную звезду. Каракатица создаёт слабое защитное поле, побочным эффектом которого является легкое раздражение кожи. Состоит из деформированных и спрессованных, причудливо изогнутых сильной гравитацией остатков растений. Каракатиц много и они дешёвы. Вялый интерес к ним проявляют только научные организации. Нашедший ночную звезду может сразу разбогатеть, а может просто лишиться жизни из-за завистливого конкурента – это очень редкая и потому дорогая «штука». Многие зажравшиеся миллионеры-коллекционеры там, за

стеной, готовы раскошелиться ради того, чтобы увидеть при выключенном в гостиной свете зеленоватое сияние ночной звезды.

– Стойте! – хрипнул Тихоня. -Не лезьте туда. Ему показалось, что никто не расслышал, он потянулся к невидимому Выхухолю, поймал его рюкзак и стал разворачивать в сторону, противоположную аномалии. Тот отбрыкнулся и повернул в нужном направлении: видимо, сам заметил опасность. Сверху хлынуло ещё сильнее. «Вот сволочь!» -словно о живой, подумал он о Зоне. Тихоня с отвращением ощущал, что нитки сухой на нём уже не было, вода, кажется, затекала даже в сапоги. Ладно, лишь бы в рюкзак не набралась, хотя они вроде бы у нас герметичные, японские. «Ну, с-сволочь!» - всё повторял он мысленно, мотая гудящей головой и осторожно нащупывая ногами тропку. Стена ливня и клубы тумана оборвались резко, словно отсеченные ножом. «Курортники» выбрались на сухое место, на прогретый солнцем песок, поросший редкой тёмной колючкой. Мокрые и распаренные, покачиваясь и наступая друг другу на пятки, остановились на краю овальной выемки.

И замерли в полном молчании...

***Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
южнее Усть-Хамска
17 часов 15 минут
17 августа 2007 г.***

Золотой шар, собственно не выглядел золотым. Скорее, его материал напоминал медь или латунь, тщательно начищенную мелкой наждачной бумагой. Матово блестящее ядро метрового диаметра, лежащее на песке, казалось, что непривычно для Зоны, таким привлекательным, добрым.

Редька сел, по-татарски поджав ноги. Снизу вверх глянул на всех, неуверенно улыбаясь. Старик сбросил рюкзак, опустился рядом. С него стекали струйки, тут же высохавшие на песке.

– Как здорово, что вы такие умницы, ребята. – сказал он с чувством. -Никто, очертя голову, не бросился вниз с воплями: «Хочу! Дай!»

Выхухоль, отряхивая воду, с наслаждением уселся на горячий песок и, прежде всего, осмотрел винтовку.

– Не сказки, значит... -завершив проверку, задумчиво заметил он. -Шар, выходит... Загадывай, стало быть, желания. Х-хе! Ну и как он – разовый, для одного использования, либо всех ошастливит? Если всех, то оптом или в розницу?

– А вот, допустим, что я, к примеру, и есть этот самый Золотой шар. -внезапно сказал Старик. -Чего бы вы тогда пожелали? Только имейте в виду: по легенде эта «штука» исполняет исключительно заветные желания, такие, ради которых человек саму жизнь отдаст без раздумий.

– Ты сам-то в это веришь?- быстро спросил Бобёр.

– Какая разница, верю или нет. Но, видишь ли, есть у меня предположение, для чего его сюда положили. Ну?

– Если я скажу, что хочу жить, ни в чём не нуждаясь, -с вызовом сказал Редька, -высмеешь за тупость и примитивность?

– Ни в коем разе. -спокойно ответил Старик. -Нормальное человеческое желание. Осуществляю.

Он щёлкнул пальцами перед носом Редьки и продолжал: -Вот ты и стал стопроцентным идиотом. Поел всё равно что, поспал безразлично где – и совершенно счастлив. Тебе ничего не хочется. Ни в чём не нуждаешься. То есть совсем. Ну, как?

Черновский фермер ошарашено замигал.

– Загадываю. -решительно сказал Выхухоль. -Пусть все Зоны на Земле, или хотя бы одна наша – как получится – исчезнут. Словно их и не было вовсе.

– Будет сделано. -Старик сделал плавный жест в направлении Выхухоля. -Ты отныне слеп, глух, потерял осязание и обоняние. Зона для тебя не существует.

– Я совсем не имел в виду инвалидность! -возмутился тот.
– Естественно, нет. Но разве заказ не выполнен?
– Желаю быть хозяином Зоны! -с вызовом заявил Бобёр. -И что?...
– Да запросто. -поморщился Старик. -Фокус-покус! Превращаю в титана. Никто теперь тебе не угрожает, броди, где хочешь, делай, что пожелаешь, только в комариные плечи не лезь. А что мозги в горе мускулов растворились без осадка – так это, извините, побочный эффект, о нём ведь клиент не упоминал.

Ушастый некоторое время думал.

– Хочу, чтобы никто в Зоне не погибал!

– А такое уже есть! -фыркнул Старик. -Ведь похороненные в Зоне через какое-то становятся мертвяками или зомбями, ежели их не кремировать. Пожалуй, только после твоего пожелания посмертная дорога откроется туда всем без исключения.

Тихоня отрицательно, по-собачьи, помотал головой, разбрасывая мелкие брызги.

– Хватит. -сказал он. -Я понял, что хочешь сказать. Обман? Заграждение? Ловушка?

– Ещё какая! Мышеловка с ломтиком свеженького сыра. Пси-установка, коверкающая мозги «счастливицам», которые сумели к ней добраться. Прорвётся отчаянная мышь, вся в поту и крови. Узрит вожака сырный, в смысле – золотой, шарик. Сама, добровольно и без принуждения, прильнет к исполнителю мечты и... И всё... Щёлк! Дальше идти уже некому.

«Курортники» некоторое время с подозрением рассматривали шар.

– А вдруг ты не прав? -вяло спросил Бобёр. -Вдруг, не фальшивка, а действительно, – машина желаний...

– Братьев Стругацких в детстве читался? «Пусть все будут счастливы, притом задаром!» - саркастически осведомился Старик. - Кстати, чем там дело-то закончилось, а? Исполнил шар мечты героя? Очень не хотелось бы, чтобы ты проверял литературные варианты на себе. Но запретить ведь никто не может. Пробуй... Только я на это смотреть не стану.

Бобёр затих.

– Теперь о ближайшем будущем. Трудно вам доведется, ребята. -вдохнул Старик. -Ночевать придётся вон в том сарайчике в выемке. Развалюха, конечно, одна надежда, что дождя не будет. Но до утра уж дотерпите, куда деваться... Головы побаливают, в глазах рябит, знаю. Ежели совсем приспичит – примете лекарства. Надеюсь, соседство с шариком во искушение не введёт? У него исцеления просить не станете, если вдруг начнёт свои услуги рекламировать? Коли какая-то живность полезет, светите фонарями ей в морду и патронов не жалеите. «Драгунка» пусть постоянно будет у дежурных, штука надёжная, как мы убедились, даже титану башку снесёт.

– погоди! -взъярился Тихоня. – Что за дела: «Трудно вам придётся»? Как это: «Ночевать в сарайчике»? Собираешься идти дальше в одиночку?

– Да. -отрезал Старик. -И это не обсуждается.

– Но...

– Не обсуждается.

– Знаешь такое выражение «присесть на дорожку»? – спросил Ушастый. -Мудрый, между прочим, обычай – когда всё уже решено, вещишки собраны, билеты куплены, опустить зад на чемодан и ещё разок подумать, надо ли вообще куда-то подаваться и не разумнее ли остаться дома. Присядем, а?

– Правильно. -поддержал Бобёр. -Подумаем напоследок. Вот хотя бы над чем: что было с теми, кто пытался пробиться в Усть-Хамск? Большинство – кому повезло – сгинули. Единицы невезучих вернулись в таком состоянии, что уж лучше бы погибли. Ответ вразумительно, Старик, на что ты надеешься? Ты умнее всех прочих? Удачливей?

– Представь себе кучу бананов. -морщась, ответил Старик. -Большую кучу. Вокруг нее прокопана кольцом канавка. Рядом с канавкой стоит бочка с краном. Оттуда течёт в канавку бензин и горит. Рядом с огненным кольцом стоят Бобёр и шимпанзе («А как их отличить?» - ввернул Ушастый). Что будет делать обезьяна? Умная попсихует по поводу недостижимости бананов и успокоится. Глупая полезет за фруктом и либо сгорит, либо отделается ожогами. А вот что делает Бобёр?

– Кран на бочке перекрою. -сказал Бобёр, предусмотрительно зажав рот Ушастому.

– О! -кивнул Старик. -Именно! На то ты и хомо сапиенс, людь разумный. Вот и рассуди: обезьянки, что шли в эту сторону, пытались пробиться к бананам, то есть к предполагаемым усть-хамским богатствам. Ну, все эти легенды о диковинных «штуках», грудками валяющихся в домах и на улицах... И гибли в огненном заслоне, создаваемом Антенной.

– Понял. -сказал Редька. -Собираешься, стало быть, отключить Антенну? А откуда знаешь, как это сделать?

– Да не знаю я ничего. -с досадой просипел Старик. -А если узнаю, нет гарантии, что сумею закрутить вентиль. Но шанс-то есть. Попробую использовать. Ну, всё, посидели на дорожку, пора...

Он встал, подхватил автомат Выхухоля, перебросил через плечо, ногой подтолкнул свой рюкзак к Тихоне:

– Оставляю здесь. Чтобы пройти четыреста метров это барахло не потребуется.

Старик обшарил карманы и выложил из них почти всё, за исключением «ищейки» и карманного компьютера.

– Вот так налегке только и ходить. -сказал с он удовлетворением. Все мрачно наблюдали за его приготовлениями.

– Имеются у кого-то шприцы с «Экстра-стимом»? -спросил Старик. -Дайте штук пять.

– В своём уме? -ужаснулся Бобёр. -Здоровяки больше двух не выдерживали! А уж тебе-то...

– Давайте, давайте! -нетерпеливо сказал Старик. Рассовав по нагрудным карманам пластиковые цилиндрики, сильно потёр ладонями лицо.

– Знаешь, Бобёр, -сказал он сквозь пальцы. не опуская рук, -я с тобой не согласен. Ты говорил давеча, что Зона человеческие души калечит, черствит и сушит. А я вот только здесь настоящих людей и увидел. Вот, вас, к примеру. Спасибо, ребята.

Он снял автомат с предохранителя, покосился в сторону Золотого шара, швырнул камешек вперед шагов на сорок и, осторожно ступая, двинулся по склону холмика, поросшего жухлой травой.

– О, господи! -тоскливо сказал Ушастый. -Ну, и на фига ж оно всё?!

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Усть-Хамская радиостанция 1

8 часов 45 минут

17 августа 2007 г.

По правой стороне стояла черно-жёлтая масса соснового парка. Если верить древней карте и словам капитана, впереди должны были появиться два маленьких прудика. Что-то необъяснимое обострило все чувства Старика, он теперь схватывал самые тонкие колебания окружавшей его материи. Ничего хорошего в этом не было – череп готов был лопнуть и расплескать кипящий мозг. Совершенная заурядная сосна справа внезапно замерцала новогодними огнями. Зрелище было неприятным и тревожным: перепархивание с ветки на ветку тускло светящихся бус, казалось, предостерегало: ты случайно забрел туда, где находится не полагается, и теперь должно последовать закономерное возмездие за самонадеянность. В самой середине головы нарастало тонкое и звонкое гудение. Окружающая желтизна оживала, и пространство со всех сторон наполнилось шорохами, дробным перестуком и протяжным подвыванием. – Эдак и спятить недолго. -хрипло произнёс Старик. -Надо разговаривать вслух. Например, читать детские стишки. И слушать себя. И исправлять ошибки. Вот к примеру:

"You are old, Father William, -the young man said,
And your hair has become very white;
And yet you incessantly stand on your head
Do you think, at your age, it is right?"

Его шатнуло. Гудение в голове всплеснулось диким визгом.

– А то ещё другой стишок... "Идет бычок качается, вздыхает на ходу..." Старик прислонился к сосне, вынул из кармана шприц с клеймом «Экстра-стим» и прямо через ткань воткнул в левое бедро. Боль от укола почти не ощущалась.

– Теряешь чувствительность, развалина ветхая? Нехорошо это. То есть совсем плохо.

Стимулятор подействовал почти сразу же, сапоги перестали казаться чугунными, прибавилось сил на несколько десятков шагов. Правда, путь преградили разросшиеся кусты барбариса, пришлось проламываться через них напрямую. Совсем рядом пронёслось что-то крупное.

– Кабан, что ли? Что, эта дрянь на мозги хрюкалам не действует? Или действовать не на что? "Полям зайчик мандрував, Щось на снідання шукав..." Учил наизусть во втором классе, надо же, помню...

Навстречу беззвучно несло что-то прозрачно-белое, напоминавшее молоко, влитое в воду и растворяющееся в ней. Мутноватый белый клуб быстро сворачивался, на лету приобретал всё более чёткие очертания динго. Старик не успел ничего сделать – призрачное животное вполне материально ударило его в живот и едва не повалило, исчезая.

– "Его пример – другим наука..." -просипел Старик, передернув затвор автомата. -Что ж, вот вам, если просите... "Но, боже мой, какая скука..."

Второго призрака (это был колышущийся силуэт зомби) он встретил одиночным выстрелом от пояса и попал. Призрак исчез.

– Вот славно! Туда и дорога... А я словно чукча, -бормотал Старик, -что вижу – о том пою... а что вижу? Сосны одноцветные, вот что. Зрение стало монохромным... И впрямь всё вокруг – как на старинной пожелтевшей фотографии... Тьфу, до чего отвратно... Что там у нас из поэзии на очереди? "Еней був парубок моторний, та хлопець хоч куди козак, удався на всеє зле проворний..."

Вскинув голову, Старик взглянул на исцарапанное серо-жёлтое небо, не увидел солнца, коротко удивился, машинально расстрелял привидение-кабана. Отстегнул от автомата пустой магазин, не глядя отбросил, вставил новый.

После мига абсолютного безмолвия, накатила невыносимый визг, под ногами заколыхалась земля. Верхушка Антенны полыхнула словно исполинская фотовспышка. Неожиданно белый посреди общей желтизны свет озарил сизые кипящие облака над лесопарком, над парой затянутых ряской крохотных прудов.

Старик рухнул навзничь, зажимая кровоточащие глаза и уши, успев в падении понять, что ничего этого нет за пределами облучаемого Антенной участка, что это существует только в его сознании. От понимания легче не стало. Наоборот... Он перевернулся на живот, короткой очередью веером разметал привидений, встал на четвереньки и попытался подняться. Не вышло.

Антенна была теперь совсем рядом, под ней виднелись какие-то строения. А ограждение из колючей проволоки за пятьдесят лет пришло, к счастью, в совершенную негодность. Старик отметил несколько широких брешей. Кажется, на пути к второй слева аномалий не замечалось. Он вытащил шприц, вогнал иглу в предплечье, вдавил поршень. Посидел, считая вслух и стирая кровь с лица. На счёт «двадцать семь» выпрямился и, пока действовал «Экстра-стим», побежал на негнувшихся ногах к решетчатой железной конструкции. То есть это ему казалось, что он бежит. На деле же Старик шёл, шатаясь из стороны в сторону.

«Калашников» казался совсем уж непосильным грузом. Старик снял ремень с плеча, разжал непослушные пальцы. Звук от падения оружия не было слышно. Зато выстрелом слышался каждый удар сердца. Гулкое бухание раздавалось то очередями, то одиночно, с большими интервалами.

– Смешно будет, если я подохну от какого-нибудь инфаркта в двух шагах от вон той хибары? -спросил себя Старик. И тут же ответил: -Не очень... "Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик..."

Ноги подкосились, когда он добрался до угла аппаратной. До входа в неё Старик добирался уже на коленях и ползком.

Полвека назад мощная сила сотрясла антенну Усть-Хамского радиоцентра и служебные постройки у её основания. Всё поднялось на дыбы, взвизгнуло, многоголосый гул и грохот разорвал барабанные перепонки. Еще раз за клубилась поднятая пыль, снова подпрыгнул и посыпался вниз мусор. Через разбитые узкие зарешечённые оконца в аппаратные комнаты

ворвался слепящий яркий свет, запульсировали вспышки молний. Мир потерял все цвета, кроме оттенков жёлтого и серого. Обезумевшие и оглушённые люди выбегали, крича, падали ничком, корчились. Не успевшие выскочить ещё успевали увидеть в полуототкрытый дверной проем аллею сосновой лесопосадки, лежащие на ней трупы. Потом последовал третий, самый сильный и страшный удар. Он сотряс делянку у антенны, обломал ветви молодых сосенок. На мгновение стало непроглядно темно, а потом верхушка Антенны засветилась жёлтым, зазвучал свист. Которого услышать было уже некому.

Обитая ржавым железом дверь с едва читаемыми буквами грозного предупреждения: «Вход только по предъявлению пропуска» была приоткрыта. Старик протиснулся внутрь, поник в беспамятстве на шершавом бетоне...

***Территория бывшего СССР С
ибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Усть-Хамская радиостанция
20 часов 35 минут 17 августа 2007 г.***

...однако буквально тут же пришёл в себя. Наверное, от оглушительной тишины и вернувшегося нормального восприятия цвета. Здесь в разгромленной аппаратной, скупой освещенной, заваленной истлевшим хламом, опрокинутыми ржавыми шкапами и полками всё было не так, как снаружи. Отчего-то излучение Антенны сюда не проникало. Это оказалось таким невообразимым блаженством, что Старик даже застонал.

Он с трудом сел, чувствуя спиной сквозь комбинезон сырой холод кирпичной стены. Мысли теперь были поразительно ясными, чёткими. И самым отчётливым было осознание того, что колотящееся с перебоями сердце скоро остановится.

– Обидно... Скажи кто школьнику Глебу Ивину, где и как он сыграет в ящик – не поверил бы ни за что... "Славно то, что конец нам неведом. Если б с детства мы знали о том, под каким нам подохнуть кустом и каким нам подвергнуться бедам..."

Старик, прищурившись посмотрел в дальний угол аппаратной. Включил фонарик, который, вопреки ожиданиям, работал. Луч метнулся к большому волдырю на полу. Возникало впечатление, что какая-то изумрудно светящаяся масса приподняла бетонное покрытие, искрошила кафель и приостановилась в росте. Образовалось нечто вроде минивулканчика с зелёным кратером высотой по колено или чудовищного фурункула с мерцающим травянистыми оттенками сердечником. И было совершенно очевидно, что следовало идти именно туда.

– Да, Шаман, может статься, ты был прав... Влезла в меня Зона и направляет. Иначе с чего бы мне быть в курсе... А вот знаю, куда тащиться... Надо же...

Старик повел фонарём из стороны в сторону. Подобного безобразия не видел не только он, прошедший в Зоне мизерное время. Такому неприятно поразился бы многоопытный ветеран. Количество аномалий на квадратный метр превышало любые мыслимые показатели. Пряди жгучего пуха на гнилых стойках, космы ржавых волос на останках аппаратуры, электра, два веселых призрака, мясорубка. Но самое главное – трёхметровой ширины лужа ведьминоного студня, напрочь исключавшая любую возможность пройти в угол. «Ищейка» в кармане молчала. Старик достал американский приборчик, злобно ощерился беззубым ртом на безмятежно чистый экран, отрицавший всякую возможность существования опасности. Швырнул «ищейку» в сторону холмика в углу. Аппаратик летел не дальше двух метров, вспыхнул ярким метеором, оставив шлейф едкого серебристого дыма.

– Да и пёс с вами, гады инопланетные... Русский енот везде пройдёт!

Старик попытался встать – бесполезно. Задумчиво взвесил в руке два пластиковых тюбика, потом решительно сорвал колпачки с игл. Укол в левую ногу. В правую. Теперь всё стало определенным. предсказуемым с точностью до секунд. Он сможет встать и под действием стимулятора пройти прямо по студню. Сапоги продержатся не больше двух шагов. Потом студень начнет разъедать ступни, превращая их в рыхлую губчатую массу и – в конечном счёте – в тот же студень. Распад охватит голени, потом колени. На весь кайф уйдет минут двадцать. Потом... Не

будет никакого «потом». Действие «Экстра-стима» уже через пару минут остановит сердце. Так что желеобразную заразу он перехитрит – ей достанется только труп, пусть жрёт...

Старик ухватился за какие-то гнусного вида штыри, подтянулся, не обращая внимания на закапавшую с ладоней кровь. Откинул капюшон и невероятным усилием переставляя свинцовые болванки ног двинулся прямо по хлюпающему ведьминому студню. Вниз он не смотрел. Только вперёд.

– Лишь бы не упасть... не упасть... -твердил он, -лишь бы...

Лужа осталась позади, совершенно безболезненно подогнулись ставшие резиновыми ступни и Старик повалился. Извиваясь, невразумительно мыча, размазывая слёзы и кровь по искажённому лицу, он полз в угол аппаратной и видел, как сердцевина холмика светится всё ярче. Когда пальцы Старика заскребли по подножию холмика, тот зашевелился, сбрасывая с себя кафельную крошку. Изумрудный сердечник раздвинул края кратера и пополз вверх. Над Стариком начал подниматься метрового диаметра столб с неровными боками. Столб состоял из материала, напоминавшего полупрозрачный зелёный мармелад, прохладно светящийся изнутри. Столб вырос до высоты трёх метров, упёрся в потолок. Заскрипело, посыпалась известковая пыль.

Старик приподнялся из последних сил, упёрся в изумрудное вещество. Оно оказалось и на ощупь напоминавшим мармелад, блаженно прохладным, мягким и упругим одновременно. Старик погрузил в слегка колышущийся столб руки по локоть, навалился всем телом. Столб бережно принял в себя человека. Некоторое время в середине ещё была видна тёмная фигура, затем столб помутнел, свечение ослабло. Чуть подрагивающая зелёная масса медленно, почти незаметно начала втягиваться в кратер «вулканчика». Приблизительно через полтора часа в углу аппаратной виднелся только холмик, в точности такой же, как и до этого. Только теперь рядом с ним валялся включенный фонарик.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

южнее Усть-Хамска

00 часов 01 минута 18 августа 2007 г.

Головная боль была не то, чтобы нестерпимой, но какой-то безысходной, переполнявшей тоскливой угрюмостью всего Тихоню – от макушки до пяток. Он справедливо отнес своё омерзительное состояние к воздействию Антенны и изо всех сил заставлял себя сосредоточиться на наблюдении за окрестностями ночлега. Это удавалось ему с трудом, а вот дежурившему с ним на пару Бобру не удавалось вовсе. Бобёр поминутно клевал носом, но будить его не приходилось: тут же, мучимый мгновенно приходящими кошмарами, он вздрагивал и просыпался. Вот и сейчас Бобёр уронил голову на грудь, но на этот раз Тихоня не стал дожидаться, когда тот встрепенётся. Сердце у Тихони глухо стукнуло, он бесшумно поднялся и потряс Бобра за плечо.

– Подъём!

Тот сразу проснулся и недоуменно уставился на Тихоню.

– Ой, как же это я? – растерянно пробормотал он. -Что стряслось?

И тут же, проследив за взглядом Тихони, сказал:

– Так. Придётся будить Выхухоля. Эй, эй, председатель, проснись!

Выхухоль вздрогнул и стянул капюшон с глаз.

– Простите, мужики. -произнес он, виновато моргая. -Чего? Моя смена, да? Сейчас... Тьфу, обидно – похмелье без пьянки... Плохо соображаю, башка раскалывается...

– У всех раскалывается. Пока... -ответил Тихоня. -А ну, глянь! Как, видишь то же, что и мы?

– Мать божья коровка! -поразился Выхухоль. -С какого рожна Антенна-то размигалась?!

– Заметь, -сказал Тихоня, – что с каждым миганием, свечение становится всё слабее.

– Ну, точно! -подхватил Бобёр. -То-то чую – как-то легчает. И желтизны в глазах поменьше.

Они некоторое время смотрели поверх верхушек сосен на окутанную расплывчатым свечением покосившуюся решетчатую конструкцию. Выхухоль торопливо расстёгивал затёртый чехол бинокля.

– Гаснет. -уже уверенно заявил Бобёр. -Выходит, Старик добрался?

– Цыц, не сглазь!

В нагрудном кармане Тихони завибрировало.

– Твой КПК стошнило. -сказал Выхухоль, не отрываясь от бинокля. – Ответь.

– Вот паазиты! Кого там раздирает среди ночи?-обозлился Тихоня. -Да! Слушаю! Шаман? Угу... Когда? Ага... Ждём. Включаем.

Он в полном недоумении вернул портативный компьютер на место и развёл руками: -Это Марьинский Шаман. Требуется, чтобы мы включили маячки на наших «ищейках», и ждали его, не уходя отсюда.

– Подождём. -кисло согласился Выхухоль. -Куда деваться-то? Хотя... Не нравится он мне.

– А найди в Зоне того, кому Шаман нравится. -предложил Ушастый.

– Не спишь?

– Заснёшь тут с вами и с головной болью. Причём, неизвестно, что хуже. Пожалуй, всё-таки вы, потому что боль унимается.

– Оттого, что Антенна тухнет. Зато северное сияние начинается над парком.

– Да ну?! -мигом вскочил Ушастый. -Йаау! Редька, просыпайся! Что творится-то!

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

южнее Усть-Хамска

07 часов 10 минут 18 августа 2007 г.

Выхухоль, Тихоня, Бобёр, Ушастый, Редька

Редька :-«Шаман пришёл уже в половине пятого. То есть, может быть, он объявился и раньше, но в четыре тридцать Редька обнаружил его сидящим на корточках у кучки хрустящей белой пыли на том месте, где находился золотой шар. Он вяло ворошил своей самодельной шпагой пыль и поглядывал на верхушку Антенны, которая уже совершенно не светилась. Спиной он, что ли, видит: в ту же секунду, когда его заметили, Шаман поднялся и легко зашагал к нам.

– Здравствуйте. Нашёл вас по маячкам. -сказал он. -Не все дошли, вижу. Жаль. Знаю: устали, измучились, ночью не отдохнули. Но надо побыстрее уходить. Предполагаю, скоро начнётся очень опасная неразбериха и некоторое время лучше побыть подальше отсюда. Провожу в безопасное место, скорее всего к «звёздным».

– Нет. -решительно отказался Тихоня. -Будем искать Старика.

Он ткнул грязным пальцем в направлении лесопарка.

– Да, конечно, хотелось бы прямо сейчас побывать в городе. -сказал Шаман. -Лично мне не терпится, честно говоря. Теперь Усть-Хамск открыт. Думаю, что там необычайно интересно. Много невиданных диковинок. Но, полагаю, что и опасностей – огромное число: мутанты, знакомые аномалии. Всё есть. Вот Старика только там нет.

– Погиб?

– Нет-нет, он не мёртв. По крайней мере, в привычном смысле этого слова.

– А тебе-то откуда известно? -ощетинился Выхухоль.

– И что значит «в привычном смысле»? -поинтересовался Бобёр.

– Уж разрешите по порядку. -попросил Шаман. -Во первых – откуда известно. Н-ну, чтобы короче и яснее... В общем мне удалось связаться с ним сразу же после того, как он отключил Антенну. Это... ммм... как бы вам... в общем передача информации на расстоянии. Нет, Ушастый, не телепатия, в сотый раз повторяю. Теперь, во-вторых, – что значит «жив в привычном смысле». Вот тут лучше бы вам, ребята сесть и попытаться воспринять всё спокойно и рассудительно».

Бобёр: – «Ни фиги себе «спокойно-рассудительно»! Даже для него, Зоной рожденного, «штуками» воспитанного, аномалиями вскормленного всё это было явно чрез край. Всю жизнь невозмутимо разгуливал с шилом-тросточкой где хотел и как хотел, мертвяков в лакеях держал, титанов да кровососов за ушками почёсывал. Невозмутимый, всезнающий снисходительный. А тут вижу – губу покусывает, зрачки в нитку сузились, пальцами лихорадочно перебирает. Видно, Старик где-то там внутри у Матушки-Зоны скрутил-таки какую-то важную штучку! Ай да Старик!

Но не только Шаман обеспокоен, ребята тоже нервничают. Каждый чувствует: произошли важные события. Знать бы, что дальше делать...

В общем, отказались мы куда-либо двигаться, пока он толком не объяснит, в чём дело. И тут опять – необычайка. Вообще-то Шаман до объяснений никогда не снисходит, а тут его как подменили. Терпеливо и доступно изложил. Вроде похоже на правду.

В общем, по его словам выходит, что Старик оказался прав. Инопланетяне эти самые, не просто на Земле нагадили и смылись. Усть-Хамская Зона – что-то вроде невиданно сложного механизма, брошенного хозяином. И у механизма этого есть центр управления. А Старик совершенно случайно оказался подходящим для подключения к центру. Вроде как разъёмы совпали, гм...

Короче, что там произошло, неизвестно, но сознание Старика перекачалось туда, внутрь и антенна тут же отключилась за ненадобностью. Вот уж действительно: «не погиб в привычном смысле!» Бррр! Мороз по коже!

Шаман уловил какие-то там сигналы. Настроился на них. Они со Стариком пообщались, после чего Шаман и побежал к нам. Побежал! Представляете, даже мертвяков своих медлительных не прихватил. Да-а-а, совсем на него не похоже...»

Тихоня: – «Да ведь это что же получается?! Ведь это же почти бессмертие! Придёт мой черед, но вместо того, чтобы умереть, пропасть, исчезнуть в никуда, обращусь к Старiku, он откроет порт для вхождения и моё «я» тоже перекачается в ячейки памяти «бортового компьютера Зоны»? Шаман говорит, что по приблизительным ощущениям Старика там хватит места для личностей трехсот-четырехсот тысяч человек. При этом обеспечены ближайшие два с половиной миллиона лет безаварийного состояния... Голова кругом идёт... Бобёр совсем обалдел, распахнутый рот забыл закрыть и даже друг Ушастый ему подбородок не прижал. Еще бы – такие перспективы! Пожалуй, только самому Шаману мало что светит. Как он говорит, перекачка сознания возможна только для экзогенов, рожденных вне Зоны.

– Мне суждено почить своей смертью. -слегка кривя рот, усмехнулся он. -Хотя, впрочем и вас ведь никто не принуждает следовать примеру Старика. Долгожительство – дело добровольное.

– Я чего хотел... -Выхухоль прокашлялся. -Кгрхм... Всё это, конечно... А нам теперь со Стариком общаться только через переводчика, в смысле – через тебя?

– Отчего же. -вздыхнул Шаман. Достал из кармана полиэтиленовый пакет с путаницей тонких разноцветных проводков и протянул Выхухолью. -Наушники и микрофоны к КПК. Китайские, но слышимость неплохая. Вставляйте в машинки, сейчас настрою подключение.

Ушастый : – «В маленьком наушничке послышался душераздирающий скрип и шорох. Я невольно выхватил его из уха и возмущенно глянул на Шамана. Выхухоль – тоже.

– Разговаривайте с ним побольше. -чуть раздражённо посоветовал тот. -Не забывайте, что прежнего Старика с его голосовыми связками нет. Ему непросто выучиться модулировать нужные частоты так, чтобы вы слышали человеческий голос. Чем больше он услышит, тем скорее приспособится отвечать. Говорите, он теперь может одновременно беседовать со всеми.

– Здравствуй, Старик... -хрипло сказал Тихоня. -Как ты? Где?

Мне показалось, что в скрипе что-то слегка изменилось. Все загальдели в чёрные пуговицы микрофонов. Минут через пятнадцать беспорядочный шелест и частый треск стали прерывистыми и начали напоминать забитую помехами радиопередачу. А еще через десяток минут я с огромным трудом разобрал:

– ...рат... ас... сышать... эп... рэп... репята... при... приет... вет...

Голос был отвратительным, жестяным, однако становился все более понятным.

– Господи... -пробормотал побледневший Тихоня. -Он меня узнал!

– Зд... равствуй... Уш... Ушастый... -услышал я.

**Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Контрольно-пропускной пункт №1
Блок А, кабинет коменданта Зоны
11 часов 35 минут 1 сентября 2007 г.**

Комендант Усть-Хамской АЗВП генерал-майор Туманян хранил свинцовое молчание, оглядывая присутствующих сначала по часовой стрелке, затем – против её хода. Очевидно, итоги визуального сбора информации его решительно не удовлетворили, потому что он с отвращением дёрнул выбритой до сизого оттенка щекой, и придвинул к себе пульт дистанционного управления видеопроигрывателем:

– Все прибыли? Здравия желаю. Позвольте изложить самые свежие хреновости дня. (-«Я созвал вас с тем, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие...-беззвучно поправил Рувим Соломонович Штайерман) О том, что ничего хорошего сказано не будет, все, наверное, догадались по срочности сбора. Но, уверен, никто даже не догадывается о том, насколько всё плохо.

Коротко докладываю о событиях минувшего дня и прошлой ночи.

В 7.40 («...в семь-сорок он придет – одесский паровоз...») - всё так же беззвучно прокомментировал профессор) на смотровую площадку контрольно-пропускного пункта №1 со стороны посёлка Черново, очевидно при помощи какого-то метательного устройства, была переброшена скатанная в клубок старая куртка. В ней оказалась записка, предлагающая выбросить из КПП катушку с телефонным кабелем длиной не менее двухсот метров, причём с нашей стороны конец провода просили присоединить к армейскому телефону.

– Ого! – не удержался кто-то из учёных...

– Прошу не перебивать! -раздраженно ответил генерал. -А «ого» советую приберечь, как говорится, до полного уяснения всех обстоятельств.

Впервые за все время существования Зоны изнутри собрались передать нам какие-то сведения. Я созвал экстренное совещание с начальниками служб науки, охраны и безопасности. Как все присутствующие понимают, предложение было... гм... принято. Связисты зашвырнули катушку с кабелем, та укатилась за зеркальный пузырь, по шевелению кабеля было видно, что его разматывают.

В 12.11 по линии были приняты первые сигналы. Командир батальона связи?

– Я! -вскочил сухощавый седой капитан. -С 12.11 по 19.29 с небольшими нерегулярными перерывами принимали и записывали исключительно не поддающиеся расшифровке шумы. Компьютерщики и шифровальщики категорически настаивают, что никакой информации в них тогда не содержалось.

– Вольно, можете садиться. И лучше бы потом тоже не содержалось. Потому что... Слушайте!

Генерал-майор агрессивно ткнул пультом в сторону видеопроигрывателя. По экрану побежали полосы, слились в ярко-зелёный фон, на котором цифровые часы невозмутимо отсчитывали секунды. Из динамиков послышались звуки, напоминающие визг пилорамы, когда полотно пилы натывается на гвоздь. Грузный полковник с тёмно-синими петлицами и трёхслойной наградной колодкой сморщился и потёр висок. Белые буквы и цифры собрались в ряд «31 авг. 2007, 19.27.04», визг сменился ровным фоновым шуршанием. На отметке «31 авг. 2007, 19.29.05» щёлкнуло, и почти сразу же послышался лишенный интонаций, мертвый, искусственный голос, отчётливо выговаривающий каждое слово:

– «Приветствую всех слушающих. Прошу извинить, не знаю имён, отчеств и званий уважаемой аудитории, поэтому не сочтите за пренебрежение... (пауза) моё безликое обращение «вы».

(-«Вежливо...-прокомментировал шёпотом себе под нос Рувим Соломонович).

– Со своей стороны – представляюсь для удобства. Когда-то... (пауза) был Глебом Вадимовичем Ивиным. Здесь, в Зоне, меня звали... (пауза) и зовут... Стариком. Любое из... (пауза) имён... вполне приемлемо».

Видеопроектор замолк по мановению генеральского пульта. Штайерман окаменел в неудобной позе.

– В Зоне не может быть даже микроба, проникшего туда иначе, как через наши КПП и с нашего разрешения. – было видно, как генерал Туманян сдерживает себя. – Так что (из чистого любопытства!) хотелось бы знать, чей это «крестник», откуда, когда и кем был командирован.

– Майор Махдиев! – вскочил и вытянулся Ахмет Ильясевич. – Первый контрольно-пропускной пункт. Отправка – 29 июля сего года.

– Личное дело этого типа с собой?

– Так точно.

Майор движением фокусника, выхватывающего кролика из шляпы, выбрал из пачки принесенных им разноцветных тонких пластиковых папочек одну, в красном переплете, подал генерал-майору. Тот бегло полистал её, хмыкая и задирая мохнатые брови.

– Что-о? Сколько ему лет?! Скопируйте анкету и раздайте всем присутствующим, пусть посмотрят, как работает... нет – работал, майор... капитан... нет – младший лейтенант Махдиев!

Адъютант подхватил папку на лету, метнулся к ксероксу. Махдиев с непроницаемо-уставным видом стоял «смирно» и смотрел прямо перед собой.

– Но можно ли уточнить, в чём всё-таки проблема? – вкрадчиво поинтересовался пришедший в себя Штайерман.

– Да уж вам-то сам бог велел уточнять! Догадываетесь, почему здесь сидите? – набросился на него Туманян. – Этот Ивин – ведь ещё и ваш продукт, товарищ профессор? Не так ли? Вот, слушайте!

Генерал свирепо вдавил кнопку в хрустнувший пульт.

– «Надеюсь, что разговариваю с людьми, обладающими достаточными полномочиями для принятия важных решений. А, выслушав меня, принятия решений вам не избежать. Впрочем, не выслушав, – тоже.

– Несомненно, вы уже сообразили, что на поднадзорной и изучаемой территории происходят некие значительные изменения. Разумеется, информировать вас о деталях данных перемен я не собираюсь. Более того, вам придётся примириться с мыслью, что самостоятельное прояснение этих деталей также окажется для вас невозможным.

Впрочем, основы основ произошедших... у нас... перемен не только нет смысла скрывать, но и следует как можно чётче и недвусмысленнее пояснить вам. Она заключается в том, что находящиеся здесь люди... (пауза) и не люди – тоже... перешли на новый уровень отношений с Зоной. А это означает, что с неизбежностью изменятся и... (пауза) наши... отношения Зоны с внешним миром. Можете считать это Декларацией независимости Усть-Хамской Зоны по отношению к планете Земля. Теперь сепаратизм в моде. Можете также признавать или не признавать настоящее заявление имеющим юридическую силу, сколь угодно обсуждать его на государственных и межгосударственных уровнях – для... (пауза) нас это совершенно безразлично.»

Генерал вновь перевел проектор в режим «пауза».

– Вы, майор, что – выпустили в Зону сумасшедшего? – со зловещим любопытством спросил грузный полковник, перебирая листы ксерокопий ивинского дела.

– Никак нет. – деревянно отчеканил Махдиев. – Была проведена вся надлежащая проверка, о чём свидетельствуют просматриваемые вами документы.

– Да! – возмущенно подтвердил Рувим Соломонович.

– «С этого момента. – продолжил видеопроектор, – стена становится не ограждением внешнего мира от жути Зоны, а, наоборот, защитным сооружением Зоны от ужаса... (пауза) вашего мира. Девяносто семь часов назад Зона по всему периметру была укрыта защитным полем, которое извне выглядит зеркальным куполом, а изнутри – совершенно прозрачно. Вы установили радары на четырёх башнях, и, надеюсь, уже убедились в бессмысленности мероприятия. Не нужно тратить впустую бюджетные деньги на средства слежения, всё равно ничего не увидите. Кроме того, хочу сообщить, что соответственно сто семь минут и сорок три минуты назад были сбиты два спутника,

государственная принадлежность которых нам совершенно безразлична. Один из них пытался «прощупать» купол поля лазером, другой готовился к более мощному воздействию. Повторяю – пожалейте своих налогоплательщиков».

– Сожжены. Подтверждаю. -сказал грузный полковник. -Американский и израильский. Ночью сообщили из центра. Товарищ генерал, позвольте Махдиеву сесть.

– Садись, майор. -махнул рукой Туманян.

– «Бравым воякам может прийти в голову мысль разделаться с Зоной так, как уже пытались это сделать в пятьдесят шестом, послав туда поезд с атомным зарядом. Как видите, мы об этом знаем. Более того, вместо одной бомбы (а она не «протухла» по сей день) у нас теперь... (пауза) есть... (пауза) скажем так, достаточное количество её точных копий. Со средствами доставки тоже проблем не будет. Причём против этих средств, прошу поверить на слово, противобалистические ухищрения земных армий бессильны. Так что кнопконажимательный зуд лучше умерить.»

Собравшиеся сдержанно зашумели.

– Не может быть! -уверенно воскликнул начальник КПП №2. -Просто наглый блеф!

– Ну, а если нет? -спросил заведующий лабораторно-исследовательской службой таким тоном, что все сразу замолкли. -Уж кто-кто, а мы-то представляем себе чудеса Зоны: невозможного там нет.

– Естественно, дубликат записи тут же отправлен в Москву, на самый верх. -сказал комендант. -Но вы же прекрасно понимаете, с какой скоростью они там разбираются. Даже руководство госбезопасности и разведуправление пока не отреагировали. Зато там, на верхах, произошла совершенно непонятная мне утечка информации и сегодня с утра к нам вылетела депутатская комиссия.

Последние два слова Туманян выговорил с непередаваемой гадливостью. Впрочем, аудитория единодушно отреагировала с не меньшим омерзением.

– А временем мы не располагаем. -тяжело выговорил комендант Зоны. -То есть вообще. Слушайте самое главное.

– «Граница Зоны сейчас проходит в десяти метрах от стены. Но завтра ровно в 12.00 она придвинется вплотную к внутренней стороне стены. После этого у вас будут ровно сутки на вывод всего личного состава, вещей и оборудования. Затем Зона расширится до внешнего обвода, заняв также пространство внутри стены. Предупредив об этом, мы снимаем с себя всякую ответственность за тех, кто к данному моменту не успеет покинуть данное пространство».

– Блефует. -повторил начальник КПП №2. – Врёт, мерзавец...

Однако в его интонациях уже не было неколебимой уверенности.

– Чего проще: взять и проверить. -шевелил погонами грузный полковник и постучал ногтем по стеклышку дорогих швейцарских часов. -Одиннадцать пятьдесят одна. За девять... отставить, даже за пять минут вполне можно добраться до выходного шлюза. Мой непосредственный подчинённый майор Махдиев отправится на первый контрольно-пропускной пункт, лично проверит, вернётся и доложит.

– Разрешите, товарищ генерал-майор? -вскочил Махдиев. Лицо его выражало всё те же непробиваемо-деревянные уставные готовность и решимость.

– Давай. -махнул рукой Туманян. -А мы пока посмотрим вчерашние сводки и дослушаем запись.

Пока собрание шелестело бумагой, синевшей чернильными грифами «секретно», пока обменивалось вполголоса замечаниями, комендант отошёл с полковником госбезопасности в угол. Они о чём-то сосредоточенно беседовали. Изредка из приглушенного бормотания вырывалось: «...комиссия... Жидоносковский – тепло базарное... ни к чему... звезды полетят, как пить дать... на фига нам...»

Когда секундная стрелка настенного хронометра описывала последний круг, отмеряя допущенное время, сидящие за длинным столом, не сговариваясь, затихли. Хотя всё смотрели на строки и диаграммы сводок, было очевидно: отсчитывали в уме едва слышные щелчки стрелки. Грузный полковник госбезопасности вытирал носовым платком шею. Туманян вертел в пальцах карандаш. С последним щелчком, когда все три стрелки хронометра слились, мягко, словно от падения вдалеке чего-то невообразимо тяжёлого, колыхнулся пол. Комендант уронил обломки карандаша.

– Так... -выдавил он хрип сквозь внезапно пересохшее горло. -Думаю, отчета майора можно не дожидаться. Ничего нового он не сообщит.

Штайерман закрыл лицо ладонями и с силой помассировал его...

– Девяносто девять из ста – не сообщит. -угрюмо согласился заведующий лабораторно-исследовательской службой. -Товарищ генерал, у вас же есть полномочия, объявляйте чрезвычайное положение.

Туманян опустил в кресло и некоторое время сосредоточенно размышлял.

– Да, само собой. -сказал он. -В смысле – нет. То есть объявить его, безусловно, придётся. Но не сию минуту. Всё-таки дождемся донесений с КПП и от наблюдателей, слушаем Махдиева. Тогда и...

– Разрешите узнать, что там еще на плёнке? -спросил начальник КПП №3. Генерал-майор включил проигрыватель.

– «В знак доброй воли, -заскрипело в динамиках, -прошу передать вашему руководству еще один полезный совет – не пытайтесь построить новое кольцо стен вокруг старого. Не уподобляйтесь китайским царям. Эти бессмысленные огромные расходы приведут лишь к одному возможному результату: мы подождем, пока стена не будет окончательно воздвигнута и расширим Зону до созданных вами же новых пределов... И так будет постоянно. Впрочем, успокойтесь – это единственная причина, по которой мы будем вынуждены раздвигать границы Зоны. Не провоцируйте нас – и ничего... (пауза) плохого... (пауза) не произойдет».

Туманян нажал кнопку «пауза» на пульте и мрачным взглядом обвел собравшихся. Он собирался что-то сказать, но в этот момент из селектора зазвенел надтреснутый голос адъютанта: - Товарищ генерал, экстренное сообщение с первого КПП. Лично прибыл заместитель дежурного.

– Сюда!

Распахнулась дверь и адъютант пропустил иссиня-бледного замдежурного.

– Ну? -рявкнул комендант.

– Прапорщик Жантысов. Разрешите доложить, товарищ генерал-майор, на КПП два происшествия: Зона придвинулась вплотную к внутренней стене и скрылся майор Махдиев.

– Что? Как это – «скрылся»? Куда?!

– Майор прибыл на КПП и сказал, что получил лично от вас приказ пронаблюдать за изменениями, которые произойдут в Зоне.

– Была такая команда, подтверждаю. Дальше.

– Майор прошёл в хранилище и надел панцирный сютелун из металлосиликета. Потом по его распоряжению отперли оружейную комнату, где он вооружился автоматической винтовкой МХ-300. После чего, опять же по его указанию мы открыли шлюзовую камеру. Потом произошло то, чего мы никак не ожидали. Как только майор встал там с оружием, произошёл какой-то подземный толчок и блестящая поверхность купола поступила к самому входу. Мы хотели тут же закрыть дверь и крикнули майору, чтобы он отступил с порога внутрь шлюза. Вместо этого он прыгнул вперёд и скрылся за зеркальной завесой. Дежурный по КПП старший лейтенант Бухеев был вынужден задвинуть дверные створки и отправил меня с докладом непосредственно к вам.

– Что ж, действовали правильно. Всё по инструкции Свободен, прапорщик. – проворчал комендант. -Ну, что будем теперь делать? Вот это сюрприз, а?

– А Махдиева-то следовало прямо здесь арестовать. - с досадой заметил полковник госбезопасности. -Чёрт, теряю хватку. Он помешался, или... тьфу, идиотство какое... шпион Зоны?

– Давайте согласимся с версией «рехнулся». -предложил комендант. -Впрочем, не о спятившем майоре следует сейчас думать.

– Само собой. -согласился заведующий лабораторно-исследовательской службой. -Сколько времени оставляют в нашем распоряжении? Ну, до тех пор, пока Зона не накроет пространство внутри стены...

– Сутки.

– Будем рассуждать логически. Первый вариант: жители Зоны каким-то чудом узнали, что она сегодня в полдень расширится, упёршись с подножие ограждения с точностью до сантиметра. И решили разыграть эту карту, чтобы заставить нас убраться. Москва молчит и думает, перекладывая на нас тем самым всю ответственность за принятие решения. Что делать? Мы либо верим им и эвакуируемся, либо не верим и остаёмся. Если мы уйдём, а ничего не произойдёт,

тогда, как минимум, нас, ответственных за организацию эвакуации ожидают суды и трибуналы со всеми вытекающими жуткими для нас последствиями. Если мы не уйдём, а ничего не случится, тогда хвалить и награждать нас будет не за что, сохранится статус кво. Насколько это вероятно?

– Ни насколько. -безнадёжно ответил Туманян. -Предугадать развитие событий там, внутри, не удавалось никому и никогда. Да вы это знаете лучше меня. Впрочем, послушайте дальше.

– «Теперь несколько слов для наиболее трезвомыслящей части моей возможной аудитории. - продолжал Старик. -Имею в виду учёных. Зона отнюдь не отказывается от сотрудничества, которое может принести пользу... (пауза) вам... (пауза) людям. Мы можем по вашей просьбе производить в уникальных условиях Зоны научные эксперименты, предоставлять для изучения различные материалы и объекты, образовавшиеся здесь. Направлений сотрудничества может быть много: медицина и фармакология, экология и бионика, промышленные технологии – всё, кроме того, что может быть использовано против... (пауза) нашего мира Зоны.

Есть смысл продекларировать основы, так сказать, внешней политики Зоны. В обмен на оказываемые вам научные услуги и поставляемые материалы мы хотели бы получать от вас металлы в слитках и образцы лучших изделий легкой, пищевой и строительной индустрии. Что именно понадобится – уточним в ходе возможных дальнейших переговоров.

Как исключительно враждебный по отношению к Зоне шаг мы расценим установление блокады. Вы разрешите всем желающим без ограничения просить нас о переселении в Зону. Однако теперь... (пауза) нами будут впущены лишь единицы. А именно: те, кто после... (пауза) собеседования... (пауза), будут сочтены наиболее подходящими для этого кандидатами. Так что отныне ворота для иммигрантов открываются изнутри. Впрочем, полагаю, конкретную процедуру можно также обсудить в будущем».

– Мгм... -сказал заведующий лабораторно-исследовательской службой. -Похоже остаётся только второй вариант. Неким способом наши опекаемые, или часть их, к которой принадлежит этот... ммм... дедушка Ивин, да?... взяла под контроль какую-то часть свойств Зоны и научилась ими пользоваться.

– Лично я по долгу и характеру службы обязан рассматривать именно худшие варианты. - сказал грузный полковник. -Разрешите курить, товарищ генерал? Итак, они не блефуют. Тогда мы можем не верить им, героически остаться на постах и оказаться завтра в двенадцать ноль-ноль в Зоне.

– Вместе с приехавшей депутатской комиссией. -заметил начальник КПП №3. -Правда, что Жидоносковский тоже едет? Забавно было бы посмотреть на Вальдемар Вольфрамыча в окружении аномалий и монстров. На Ефросинью Хухудаму – тоже. Хотя, как раз в ихней Думе мутантов-то побольше будет...

– Отставить дебилские шуточки! -рыкнул Туманян.

– Кто видит смысл в подобном героизме? -продолжал полковник госбезопасности. -Ну, разве что встретимся с Махдиевым и выясним причины его внезапного помешательства... В том случае, если они не блефуют, наша эвакуация будет единственным разумным шагом. А принятое нами решение и его организованное осуществление будет не только не наказано, но соответственно поощрено.

– Орден Ельцина равноапостольного с алюминиевыми мечами, бантиками и водочными пробками на унитазных цепях. -уныло пробормотал под нос Штайерман. -Присвоение внеочередного звания старшего адмирал-ефрейтора. Жемчужные лампасы с намагниченной бахромой на жёлтые галифе. Ежедневные похороны в кремлёвской стене под эфиопское танго.

– Знаете ли, -задумчиво сказал заведующий лабораторно-исследовательской службой, - пришла тут в голову мыслишка. Предлагаю, во-первых, решительно затребовать от Москвы директив. Пусть приказывают и тем самым берут всю ответственность на себя, а мы будем лишь исполнителями. Во-вторых, попробуем связаться с так называемым стариком Ивиным, пусть чем-нибудь подтвердит свои намерения. В-третьих, следует немедленно отдать приказ о подготовке эвакуации, ведь отменить-то его можно всегда, а вот внезапно покинуть место расположения с не уложенными вещичками – куда сложнее.

– Отлично. -с облегчением вздохнул комендант. -Уже что-то определённое. Командир батальона связи?

– Я!

– Обратная связь с этим... как его... диктатором... возможна?

– Думаю, да.

– Вот и подключите его сию минуту напрямую ко мне.

– Есть! -седой капитан выскочил из кабинета. Комендант барабанил пальцами по столу.

Воцарилось общее молчание посреди которого треск генеральского телефона показался громом. Перебросив рычажок переключателя в положение «громкоговоритель», генерал схватил трубку: -
Слушает комендант Зоны генерал-майор Туманян.

– Приятно познакомиться. Глеб Вадимович Ивин. Он же – Старик. -сообщил из динамиков под потолком безжизненный, ненатуральный, скрипучий голос робота. -Внесём небольшую поправку. У Зоны нет коменданта. Вы – комендант не Зоны, а гарнизона, временно занимающего некоторое пространство по периметру Зоны.

Туманян побагровел. Полковник госбезопасности делал ему энергичные жесты.

– Пусть так. -с трудом сдерживаясь, сказал генерал. -Мы прослушали ваше сообщение.

– Что-то хотите сказать по этому поводу?

– Оно слишком серьёзно, для того, чтобы воспринимать его просто так, на веру.

– Понимаю. Желаете доказательств того, что... (пауза) мы... действительно способны занять стену? Что расширение Зоны – дело наших... (пауза) рук. а не простая случайность?

– Совершенно верно.

– Что ж, весьма разумно. Приятно иметь дело со здравомыслящими... (пауза) людьми. Только что купол защитного поля был придвинут вплотную к внутренней стене. Убедились? Теперь возвращаем его на прежнее место.

Пол и стены мягко содрогнулись. Пальцы генерала на телефонной трубке побелели.

– Вновь прижимаем к стене.

Очередное лёгкое колыхание кабинета.

– Нужны ещё доказательства? Взорвать бомбу? Вряд ли это разумно, однако – как пожелаете.

Укажите, под каким контрольно-пропускным пунктом.

– Спасибо, не нужно. -выдавил Туманян. -Достаточно. Будем думать.

– На здоровье. В вашем полном распоряжении двадцать три часа две минуты. Не тратьте их впустую. По прошествии указанного времени место, где вы находитесь, станет Зоной. Да, кстати, поздравляю с началом учебного года.

Ровное шипение.

Собравшиеся безмолвно смотрели на генерала.

– Объявляю чрезвычайное положение. -медленно сказал тот, отключая громкоговорящую связь. -Приказываю: всем службам отменить плановые мероприятия. Приказываю: вывести личный состав – и военнослужащих, и гражданских лиц – на экстренные эвакуационные работы. Приказываю: всё мыслимое и немыслимое в течение двадцати часов вывезти и вынести на расстояние не менее километра от контрольно-пропускных пунктов. Причин эвакуации не объяснять.

– Но как это возможно?! – возразил начальник КПП №3. -Ладно, людей эвакуируем. Проблем с личными вещами и всякой там мебелью тоже не будет, в конце концов, можно будет просто бросить, что не успеем собрать. Тяжелое вооружение и оборудование, полагаю, тоже не станет непоправимой потерей. А вот выволакивать под дождь дорогую лабораторную технику, компьютеры, документацию...

– Зачем под дождь? -возразил грузный полковник. -Для чего же военные городки войск охраны? Километра полтора отсюда – рукой подать... Вызовем оттуда по тревоге машины и бронетранспортёры, снимем свободных от караульной службы солдат. Ну и мобилизуем наши возможности. Справимся.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Контрольно-пропускной пункт №1

Блок Б

23 часов 55 минут 1 сентября 2007 г.

Зольдатен валились с ног. Старший сержант Бармотуллин зверствовал, нещадно гоня личный состав. Его отделению удалось перекусить наскоро и всухомятку, а о заветной команде «отбой» даже не помышляли. Таскали запаянные в полиэтилен связки папок и коробки с кассетами, ящики и контейнеры из биологических, химических и прочих физических лабораторий. Бармотуллин проявил невиданное личное служебное рвение, близкое к героизму. Гимнастерка покрылась тёмными сырыми потовыми пятнами. Старсер старался не за страх, однако, отнюдь и не за совесть. В суматохе ему удалось тщательно упаковать и пристроить в личный дембельский чемодан два новеньких ноутбука, диктофон, цифровую фотокамеру, электронную записную книжку и какой-то непонятный очень научного вида приборчик.

У распахнутых ворот, ведущих в коридор внутри стены на пандусе стояли генерал-майор Туманян и заведующий лабораторно-исследовательской службой. Бармотуллин, притворяясь завязывающим шнурки на кирзовом ботинке, присел рядом и насторожил уши.

– Посмотрите, это любопытно. -заведующий подсовывал коменданту еще тёплые после распечатки на принтере листы третьего формата с мудрёными цветными графиками.

– Ну? – с раздражением спросил генерал.

– Наблюдатели с шестой башни заметили, что в тот момент, когда Зона подступила к стене, изменилась и высота зеркального купола, которым она теперь накрыта. Это очень важно!

– Правда? -ядовито осведомился Туманян. -Ужасно интересно! И что же?

– Ну, как же... -заведующий лабораторно-исследовательской службой с искренним недоумением воззрился на коменданта. -Если объем Зоны может изменяться, то следовало бы ожидать, что с расширением её площади, возрастёт в определенной пропорции и высота купола. И это было бы очень плохо, поскольку предел роста Зоны остался бы для нас неизвестным – вплоть до охвата всей планеты. Но мы заметили совершенно обратное: Зона расширилась, а высота купола едва заметно упала. А это означает, что объём Зоны – величина постоянная.

– И что же? -повторил генерал.

– Да то, что Зона не может неограниченно расползаться! Наступит момент, когда снижение высоты зеркального купола просто не позволит продвинуть его ни на миллиметр вширь!

– Утешили. -вздыхнул генерал. -То есть можно отменять эвакуацию? Зря паникуем – Зона не сможет занять внутреннего пространства стены?

– Пожалуй, сможет. Но в перспективе...

– Тогда на кой фиг нам ваше открытие? -еще тяжелее вздохнул Туманян. -Делом бы лучше занялись. «В перспективе...» У нас одна перспектива – никакой перспективы.

Он круто повернулся и, оставив заведующего с открытым ртом, удалился. Бармотуллин, так ничего и не понявший из разговора, перестал крутить шнурки и вновь зарычал на подчинённых.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Контрольно-пропускной пункт №1

Блок А

02 часа 15 минут 2 сентября 2007 г.

Полковник госбезопасности включил телевизор. Едва на экране появилось изображение, как с обычной для дикторов расеянецкого телевидения невнятной скороговоркой затарахтела костлявая девица: «...ной катастрофы. Очевидцы сообщают, что радиоактивные облака накрыли огромную территорию. Эпицентр взрыва находится внутри Зоны. Предположительно, весь научный персонал и гарнизон погиб в первые мгновения. Невероятное количество пропавших без вести людей, мертвые животные, почерневшие постройки, искореженные леса – вот что вы видите у меня за спиной.»

Телекамера продемонстрировала апокалипсическую картину горящей пригородной свалки, обнаруженной каналом «Рашэн Нэйшнл Баттокс ТВ» где-то в районе ближнего Подмосковья. Девица кокетливо поправила изящно висящий на шее новенький респиратор и затараторила дальше:

– «Зона резко увеличилась, поглотив пятьдесят квадратных километров окрестностей. Зона растёт и сейчас, много гражданского населения ежеминутно попадает в район поражения. Жителей окрестных сел и городов в спешке эвакуировать не удалось. Началась паника. Организовать спасательные операции не представляется возможным, в Зоне действуют странные энергетические возмущения, представляющие смертельную опасность. Триста километров оцеплены отрядами спецназа, ученые не могут дать объяснений случившемуся. Повсюду обнаруживаются различные аномалии, попадание в которые приводит к смерти, невидимая сила разрывает на части людей, наносит страшные раны, из которых фонтаном бьёт кровь. Из Зоны вырываются мутированные животные. Катастрофа, мутанты, заражение все является следствием чудовищного взрыва непонятной природы.

Над миром повисла опасность, величину которой можно только предполагать».

Полковник выдал длиннейшую тираду в которой цензурными были только предлоги «в» и «на».

– Пр-роститутки! -задушевно констатировал он. -Журналюги! Эх, Йосифа бы нам Виссарионыча да с Лаврентием Палычем!

Он рванул кабель несчастного телевизора из розетки, отшвырнул в угол. Распахнулась дверь. Чумазый ефрейтор, тяжело дыша, спросил:

– Триц плкник, разрешите вытаскивать?

– Валяйте. Укладывать в грузовик номер два – сорок семь. Ясно?

– Так точно!

– Не перепутайте, тараканы: номер два – сорок семь!

Солдаты вцепились в перетянутые ремнями тюки и поволокли из кабинета. Полковник обошел пыхтящих служивых и направился в лабораторное крыло. Там тоже суетились и копошились, упаковывали, вытаскивали и грузили. Полковник добрался до биологического отдела, толкнул приоткрытую металлическую дверь с большими белыми цифрами «07», вошел.

Штайерман, сгорбившись, с руками на коленях сидел на винтовом табурете. Полковник окинул брезгливым взглядом кавардак, царивший в разворошенной лаборатории, прошёл к металлическому столу, смахнул на пол пробирки и шприцы и уселся на скрипнувшую под ним эмалированную столешницу.

– Собрались? -равнодушно поинтересовался он.

– Да-да-да... -мелко покивал Рувим Соломонович. -Всё, знаете ли, не так получается... Очень уж нехорошо как-то... Впервые в жизни – по-настоящему боюсь... Что будет дальше?

– Вам-то чего опасаться, профессор? -искренне удивился полковник, расстёгивая кобуру. -Все ваши неприятности – существительное прошедшего времени.

Штайерман дёрнулся и рухнул на битое стекло. Из маленького черного отверстия в выпуклом профессорском лбу багровая струйка потекла на задравшийся рукав халата и кафельный пол.

– А вот мои проблемы только начинаются.-сокрушённо вздохнул гэбэшник. Он жалостливо посмотрел на труп, пожал плечами. Бросил рядом с телом Рувима Соломоновича папку с личным делом Глеба Ивина. Аккуратно закрыв дверь и закодировав замок, покинул лабораторию. Мимо него, топоча и матерясь, солдаты волокли что-то громоздкое и тяжёлое, укутанное в чёрную плёнку.

– На кой ляд вывозить компьютеры? -втолковывал лаборантам какой-то завлаб у распахнутой двери напротив. -Жёсткие диски вытаскивайте, этого достаточно. Скорее всего, через некоторое время вернёмся, установим их на место и продолжим работу.

– Гмм? -с чудовищным скепсисом проворчал под нос полковник. – Ну-ну!.

Территория бывшего СССР
Сибирь Усть-Хамский район Хамской области
Аномальная Зона внеземного происхождения
Контрольно-пропускной пункт №1
Блок Б

06 часов 45 минут 2 сентября 2007 г.

– А ну-ка, сынок, притормози!

Прапорщик Жантысов ловко ухватил за воротник старшего сержанта Бармотуллина, пробежавшего мимо него утомленной рысцой.

– Ты, дорогой, – джигит не промах, как погляжу. Прибарахляешься под шумок? Компьютеров импортных – два, портсигаров серебряных – два... Гляди, дорогой, допрыгаешься, собака с милицией придёт! Чего выпучился, это из фильма, есть такая комедия про царя Ивана Грозного... А, ну хорошо, что смотрел, значит – умный. Ладно-ладно, волком не зыркай. Мне, в общем-то, дела нет до того, чем ты там по мелочам разжился. Посерьёзнее разговор имеется. А ну, сдвинься в сторонку.

В боксе номер двадцать шесть (знаешь, где это?) сейчас трое в белых халатах готовят к вывозу «штуки», которые доставили из Зоны. На самом деле никакие они не ученые, и бумажки лаборантские у них – липовые. Спекули это реальные, понял? И там, в двадцать шестом, «штуку» этих – не считано! А каждая стоит раз в двести дороже, чем оба ноутбука, какие ты спёр! Так вот, если в суматохе эти три хмыря куда-нибудь подеваются, то никто их не хватится. Ни-кто! Усекаешь, к чему гну? Ну, ты и тормоз, сынок! У твоей мамки, какая квартира? Частный дом, говоришь? А в каком году построенный? У-у-у, как всё запущено... Хочешь, чтобы она жила в четырёхкомнатной, благоустроенной? А чтобы ты молодую жену-красавицу на «Мерседесе» возил в собственный коттедж?

Яхши! Вижу, что допёр. Хорошо. Прогуляться до двадцать шестого не желаешь? Вот и славно, дорогой. Держи «стечкина» с глушителем. Обойма – полная, плюс ещё патрон – в стволе, так что не стесняйся. Я у двери постою на шухере, потом войду, быстро разложим добро по тем упаковкам, что я приготовил. Оттащим к бронетранспортёру, а дальше – моя забота. Через пару недель, когда вся заваруха уляжется, толкнём добычу, тогда и получишь свою долю.

– Какую долю?

– Десятую, сынок, десятую. Отставить! Рыло! Рыло не морщи, сержант, тебе и всей твоей родне хватит выше крыши. Потопали...

Москва

Кремль

Центр правительственной связи

07 часов 05 минут

2 сентября 2007 г.

«Президенту РФ

Утину В.В.

Строго конфиденциально

Господин президент!

Мы ознакомились с Вашим сообщением и одобряем оперативность, с которой Вы информировали нас о событиях в Западно-Сибирской аномальной зоне внеземного происхождения. Совещание соответствующих структур Агентства Национальной Безопасности Соединённых Штатов уже состоялось. Выводы сделаны, предназначенная к исполнению Вами часть принятых засекреченных решений уже направлена в Москву по обычным каналам. Все незасекреченные инструкции по Вашим дальнейшим действиям будут переданы через посла США в самое ближайшее время. Возможно, Вам придётся экстренно подготовить общественное мнение к необходимости разместить вокруг зоны части военного контингента стран НАТО. Выражаем уверенность в том, что и в дальнейшем Вы будете столь же неукоснительно и аккуратно поддерживать интересы Соединённых Штатов в данном регионе и в данном аспекте.

Заместитель секретаря

шестого отделения АНБ США

Презесоня Лефт

Вашингтон, ф.о.Колумбия».

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Наблюдательный пункт башины №7 Южного сектора

07 часов 30 минут 2 сентября 2007 г.

– Слышь, сержант, долго ещё торчать тут?
– Это ты у меня, что ли, спрашиваешь, боец? Сбегай к коменданту, узнай...
– А чего там вообще случилось? На обычный учебный сбор совсем не похоже. Что-то настоящее?

– Кажется, да... Ничего не ясно, начальство только мычит, да шмотки пакует.
– Может, про нас вообще забыли? Вот бросят тут...
– Не трясись. Не бросят. Заберут.
– О, сержант, а откуда фляжка?
– Места знать надо.
– Плесни и мне напёрсточек, а...
– Вот халявщик! Когда перестанешь побираться? Держи...
– Во, спасибо! За твоё здоровье, сержант, и за неминуемый дембель! У, хор-рошо!

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Контрольно-пропускной пункт №1

Блок А

09 часов 45 минут 2 сентября 2007 г.

Полковник госбезопасности брезгливо рассматривал прапорщика Жантысова.

– Посмотрел я тут кое-какие видеозаписи внутреннего наблюдения. -объявил он. -Совсем свеженькие. Ну, естественно, вопросы появились.

Прапорщик посерел и мгновенно вспотел.

– Так это... чего же – записи... -перехвачено забормотал он. -Если просмотрели... свеженькие... Тогда вы всё знаете... это не я, это всё – старший сержант Бармотуллин...

– Что за бред? Какой еще сержант? -повысил голос грузный полковник. -Ты был замдежурного на выходе, когда дезертировал майор Махдиев?

Жантысов с огромным облегчением выдохнул, его лицо стало приобретать обычный оливковый оттенок.

– А, ну да... Так точно!

– Видеокамера внутреннего слежения зафиксировала, что всё действительно происходило так, как ты докладывал. Но помимо того, в руке майора я заметил алюминиевый кейс.

Гэбэшник стеклянно постучал авторучкой об экран монитора.

– Почему рапорт о происшествии был не полным? Отчего не упомянул, что майор ушел не только с оружием, но и с грузом?

– Виноват, товарищ полковник!

– «Виноват»... Это уж точно.

– Так ведь это... как его... товарищ же майор действовал по прямым указаниям коменданта. Мы с дежурным командиром решили, что он будет делать какие-то замеры. Учёные часто с такими ящичками колдовали в тамбуре. У них там приборы всякие. Да и ваши подчинённые тоже иногда...

– Не приборы там были, -буркнул полковник, -а ноутбук и компакт-диски с полным архивом его отдела, так-то вот...

Жантысов невольно присвистнул и тут же, спохватившись, вытянулся.

– Добро, можешь быть свободен, прапорщик.

– Что ж ты задумал, Махдиев, а? -задумчиво проворчал полковник после ухода Жантысова. -
Ведь не псих же в самом деле! Тогда зачем?

Москва

Кремль

Центр правительственной связи

09 часов 55 минут 2 сентября 2007 г .

«Секретно.

*Коменданту Усть-Хамской аномальной зоны внеземного происхождения
генерал-майору Туманяну А.Х.*

*Объявление вами чрезвычайного положения подтверждается. Уже отдан приказ
периферийным войсковым частям и подразделениям Министерства по чрезвычайным ситуациям
выдвинуться по направлению к Усть-Хамской Зоне. В ближайшие часы ждите подкреплений.
Возможна высадка контингента международных сил по поддержанию порядка и безопасности.*

*При этом категорически запрещаем эвакуацию личного состава и материальной части. За
нарушение данного распоряжения виновные понесут самое строгое наказание. От всего научного
персонала и, тем более, от военнослужащих требуем неукоснительного выполнения
должностных обязанностей. Не должно быть даже малейших проявлений паники.
Правительство контролирует ситуацию.*

Председатель администрации президента

Российской Федерации

Ц.Б.Ведьмедкинд»

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

Контрольно-пропускной пункт №1

Блок А, кабинет коменданта Зоны

10 часов 20 минут 2 сентября 2007 г.

В кабинете коменданта воняло жженой бумагой. Вентиляция не справлялась, смрад ел глаза.

– «Правительство контролирует ситуацию!» -комендант хохотал до слёз и не мог
остановиться. -Вот дебилы-то, вот кретины!

Полковник госбезопасности терпеливо ждал. Туманян резко оборвал хохот, помрачнел, вытер
глаза.

– Дожился на старости до смеховой истерики. – сморщился он. -Что думаешь, дзержинец –
холодная голова, горячее сердце?

– По поводу?

– Да вот этой писульки! «Контролируют ситуацию», надо же... Кстати, что за тип этот
Ведьмедкинд? Да ещё – Ц.Б. Не сынок ли того, самого?...

– Не сынок. -ответил гэбэшник. – Криптократию надо знать поименно. Циля Борисовна
Ведьмедкинд – его дочурка.

– Яблочко от яблони... проворчал комендант.

– А хрен – редьки... -в тон продолжил грузный полковник. -Но меня больше заботит не эта
шелуха, а главное. Наиглавнейшее.

– ?

Полковник поставил на стол нечто, напоминающее китайскую магнитолу, клацнул клавишей.

– Глушитель. -пояснил он. -Теперь, Арам Христофорович, можно поговорить спокойно, все
микрофоны и камеры в вашем кабинете оглохли и ослепли. Гарантия – сто процентов.

– А то я не знал, что меня даже в сортире снимаете! -презрительно фыркнул Туманян.

– Нет. -серьёзно ответил полковник. -Там – не снимаем. Неэстетично. Должна же работа доставлять удовольствие. Но давайте ближе к упомянутому наиглавнейшему. Полагаю, у нас именно тот единственный шанс, когда можно протянуть руку и схватить жар-птицу за хвост. Поясняю. Бессонная ночь не прошла даром, я кое-что перечитал, кое с кем... гм... потолковал. Мы всё делаем правильно. Ведьмедкиндский циркуляр, естественно выполнять не надо. Лучше всего ответить что-нибудь невразумительное, пусть они там ещё полтора часа телятся, всё равно ничего не успеют придумать – нечем им думать. Эвакуация практически завершена, сейчас вы, как и полагается капитану, последним эффектно сойдёте с мостика. А затем Зона накроет то место, где мы пока что сидим. Нет-нет, Арам Христофорович, я практически стопроцентно уверен – накроет. Кем вы тогда будете? Героем, который спас людей и всё, что возможно из ценных материальных и научных объектов. Руководителем и организатором, который не допустил бедлама, вроде того, что имел место в пятьдесят шестом году. А я – незаменимым заместителем героя. Но мы оба прекрасно знаем, как правители относятся к героям. Это сегодня ты – герой, а завтра – бомж.

– Что да, то да. -кивнул генерал-майор. Он слушал очень внимательно, даже перестал вытирать платком слезящиеся глаза.

– По каковой причине наиглавнейшее для нас – всеми силами сохранить теперешний статус. Думаю, что даже если десятая доля того, что сулил этот Старик, сбудется, Зона станет золотым дном. Клондайком. Здесь можно будет не только организовать звездопад на погоны, но и существенно упрочить своё материальное положение. Знаете, как-то не хочется втискиваться в размеры будущей пенсии, которая, вдобавок, удаляется от меня с такой же скоростью, с какой я к ней приближаюсь.

Туманян наклонил голову, не отрывая пристального взгляда от гэбэшника.

– Уже думал об этом. -медленно сказал он. -Рад, что наши мнения полностью совпадают. Так с чего же предлагаешь начать, чекист?

Полковник положил перед ним исписанный листок блокнота. Туманян прочёл, задумчиво поскрёб небритый подбородок.

– Разумно. -согласился он. -Одобряю. Будем считать это секретным планом общих действий.

Щёлкнув зажигалкой, полковник поджёг лист и бросил его на уже густо усеянный пеплом пол.

– Кто бы сомневался, -сказал он, -что вы, Арам Христофорович, – умный человек. Кстати, вот ещё список. Здесь – потери при эвакуации. Героически погибли восемь человек. Пожертвовали жизнями для спасения товарищей и бесценных научных данных.

– А без этого нельзя обойтись?

– Никак нет. -строго сказал полковник. -Всё делается в рамках только что заключенного нами соглашения. Прочтите поимённо.

– Да, в самом деле, для нас они... И что – действительно погибли?

– Безусловно. Только пока еще не все из них об этом знают. Но я сейчас лично проконтролирую. -успокоил гэбэшник. -Полагаю, следует представить героев к правительственным наградам посмертно.

– Непременно. Одно удовольствие работать с тобой, полковник.

– Взаимно, товарищ генерал-лейтенант.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области

Аномальная Зона внеземного происхождения

В 800 метрах от КПП №1

11 часов 55 минут 2 сентября 2007 г.

День выдался солнечный и тёплый. По спине Бармотулина, оцепенело уставившегося на серую полосу стены и родной КПП №1 «Юг», текли солёные струйки. Но он и другие зольдатен, столбевшие в оцеплении с автоматами наперевес, немилосердно потели не столько от жары, сколько от страха. Тревога передавалась овчаркам, те нервно зевали и поскуливали.

Комендант Усть-Хамской АЗВП генерал-майор Туманян величественно возвышался над всеми. Он стоял на башенке бронетранспортёра в наброшенной на плечи плащ-палатке – вылитый

маршал Жуков – и стеклами мощного бинокля полководчески сверкал в сторону серой бетонной стены, окружавшей Зону. Вальдемар Вольфрамович Жидоносковский тоже попытался было взгромоздиться на башенку, но генерал пресёк поползновения легендарного депутата и тому оставалось только отбивать злобную чечётку по кабинке механика-водителя рядом с присевшим на броню флегматичным полковником госбезопасности. Прочие же члены депутатской комиссии предусмотрительно стояли за кормой машины.

– Осталось пять минут. -едва слышно произнёс полковник. Ощипывая чахлую осеннюю ромашку. Но Туманян услышал, опустил бинокль, и впервые в его начальственных очах появилось человеческое выражение.

– А вдруг всё обойдётся? -спросил он непонятно у кого.

Территория бывшего СССР

Сибирь Усть-Хамский район Хамской области А

номальная Зона внеземного происхождения

В 800 метрах от КПП № 1

12 часов 00 минут 2 сентября 2007 г.

Все электронные книги серии «STALKER», фанфики, первые главы, анонсы: <http://stalker-book.com>